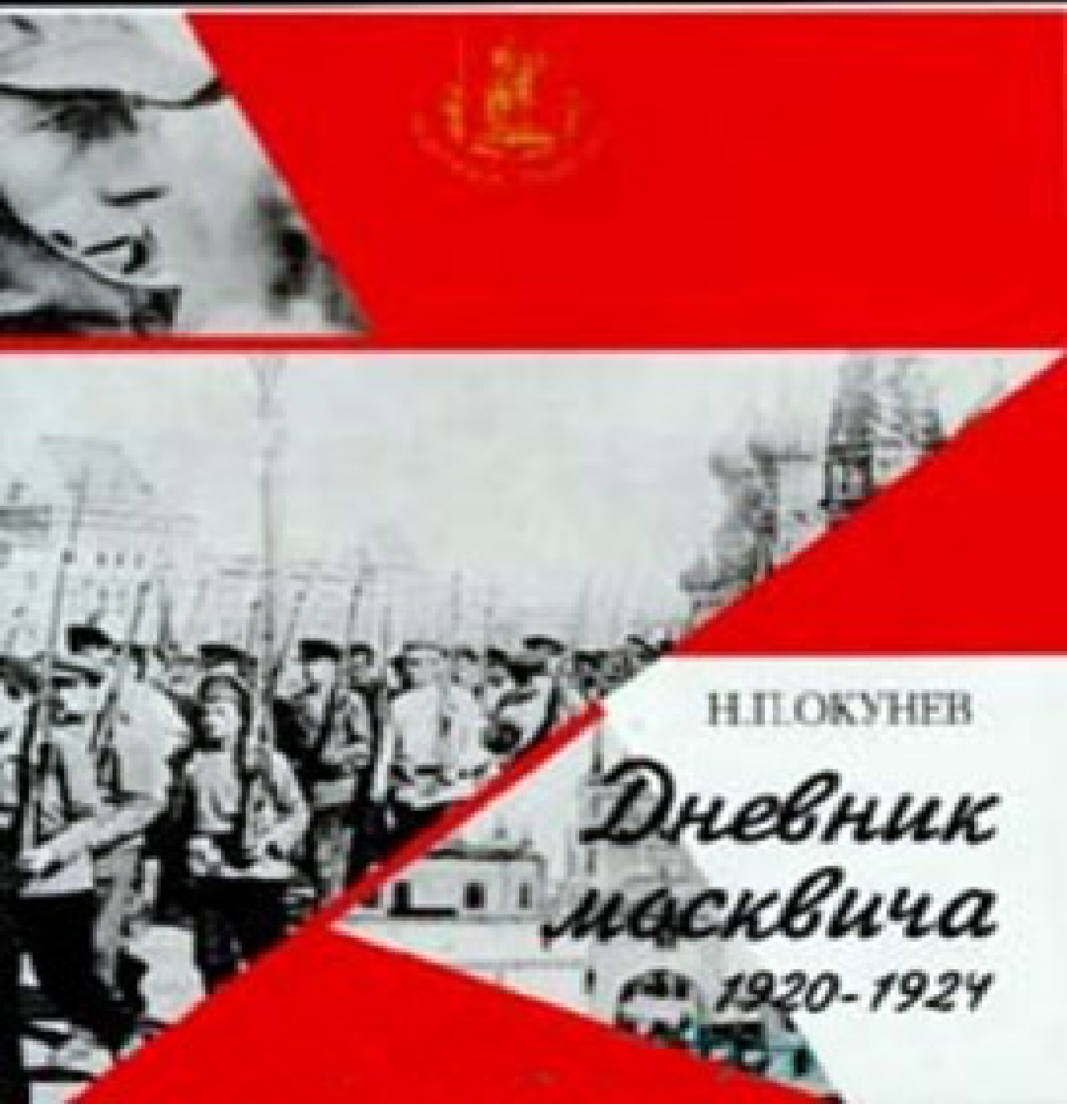
КАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИ
ИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДК
АЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИ



Н.П.ОКУНЕВ

Дневник москвича

1920-1924

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своих мемуарах автор воспроизводит картину московской жизни в дни двух революций 1917 года, гражданской войны, новой экономической политики советской власти. Он показывает, как разрушались устои Российского государства: экономика, культура, религия, мораль, быт. «Утомительным однообразием безобразий» считает Окунев то «новое», что входило в русскую жизнь…

Воспоминания автора иллюстрируются фотографиями прежней Москвы и ее обитателей.

- Николай Окунев
  - Двадцатый год
  - Двадцать первый год
  - Двадцать второй год
  - Двадцать третий год
  - Двадцать четвертый год
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2

Николай Окунев
Дневник москвича. 1920–1924
Книга 2

Двадцатый год

Еще я верю, что минет
Година горьких испытаний,
И снова солнышко взойдет
И сгонит с сердца мглу страданий!
Что нужды, если срок уйдет,
Жизнь на закате рассветлеет:
Нас в полдень солнце очень жжет,
А под вечер отрадно греет.

А. В. Кольцов

1/14 января. С первой минуты нового года первая мысль — о сыне, и первая молитва за него. Где же он, что с ним? Спаси его, Господи! Скоро исполнится 5 месяцев, как о нем ничего не слышно. А впрочем, сколько отцов, матерей, жен и детей столько же знают теперь о своих сыновьях, мужьях и отцах, сколько я о своем… (Опять зазвонил «со своей колокольни»! Больше не буду, и постараюсь впредь не останавливаться на своих личных переживаниях, и касаться их лишь постольку, поскольку они отражают в себе что-либо общественное, т. е. записывать только то, что послужит некоторым материалом для изучения нашей эпохи.)

2/15 января. Сегодня напечатан «манифест» Дзержинского, председателя ВЧК, что вследствие разгрома Колчака и Деникина признается возможным отменить «высшую меру наказания», т. е. расстрел, но при этом заявляется, что в случае новых выступлений контрреволюционеров «красный террор» возобновится незамедлительно. Так что смертная казнь в советской республике не то что отменяется на веки вечные, а лишь приостанавливается как бы на пробу, и если, мол, придется опять ввести ее, то по милости Антанты, ненавистницы большевизма.

5/18 января. Морозы 6–8 градусов.

В Германии что-то происходит: не то спартаковцы зашевелились, не то монархисты. Военный министр Носке объявлен диктатором страны. В наших газетах об истинном положении вещей в Германии определенно не пишут. Так и

думается: что-то творится там такое, о чем писать неудобно.

Третья армия красноармейцев наименована «Первой революционной армией труда», и ей предписано бороться «с хозяйственной разрухой», т. е. планомерно собрать все избытки хлеба, мяса, жиров, фуража, сосредоточить их к заводам и жел.-дор. станциям, погрузить в вагоны и отправить «голодающим рабочим Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Урала и всех других промышленных центров». Также поручено этой армии рубить и распиливать леса, для нужд тех же рабочих.

Проходит «неделя фронта», т. е. митинги, сборы пожертвований, отчисление однодневного (и больше) заработка, и т. д. в пользу красноармейцев. Опять переливание из пустого в порожнее, если не сказать некоей сальности, более подходящей к институту «недель»… А коммунистические субботники?! Они уже захватили и другие дни недели, так что весь год скоро превратится в сплошные «субботы» и каждая «неделя» будет отведена под какой-нибудь побор.

После пятидневного разбирательства в Московском Губернском трибунале дела бывшего обер-прокурора Синода А. Д. Самарина, бывшего профессора духовной академии Н. Д. Кузнецова и др. лиц, причастных к современному управлению Православной церкви и подозреваемых в контрреволюционной деятельности, первые двое после обвинительной речи неутомимого Крыленко — приговорены к расстрелу, но в силу ноябрьской амнистии этот приговор был заменен заключением их в концентрационный лагерь с принудительными работами «вплоть до окончания гражданской войны».

6/19 января. Совет союзных держав, ввиду тяжелого положения народов России, разрешил ввоз к нам медикаментов, машин, земледельческих орудий и прочих необходимых предметов в обмен на наши «злаки и лен», якобы в излишестве у нас имеющиеся. Одним словом, блокада снята, и советские газеты горделиво заявляют, что к этому вынудила Антанту мощь красной армии. Однако сообщение о снятии блокады оканчивается примечанием, что она не есть еще перемена курса в отношении вопроса о признании или непризнании советской республики.

Французским президентом республики избран Поль Дешанель. Я помню фельетон Дорошевича, напечатанный в предвыборный период времени, закончившийся избранием Пуанкаре, где Дорошевич картинно описывал щегольскую наружность Дешанеля, его лоск, равный английскому лорду, его какой-то особенный пробор и т. д., и фельетон оканчивался

предсказанием, что Дешанель хочет быть президентом и рано или поздно будет им. Так и случилось, вопреки всеобщим ожиданиям, что в президенты попадет Клемансо.

8/21 января. Сегодня исполнилось ровно 2.000 дней с начала русско-германской войны и всех других безобразий. Так как наша жизнь за это время ухудшалась с каждым днем, то, следовательно, в нынешний день мы живем хуже, чем 19 июля 1914 года, — в 2.000 раз, но все еще так и не видим конца-краю нашим испытаниям!

13/26 января. 10/23, 11/24 и 12/25 мороз 23°. Сегодня помягче — только 14.

Сообщают, что японских войск в Сибири находится теперь до 85.000 и они уже по эту сторону Байкала.

Поляки ведут бой около Режицы.

Колчак и некоторые его министры сидят в Иркутской тюрьме. В Иркутске образован Ревком, который и властвует там.

Клемансо вышел в отставку, и его в качестве премьер-министра франции сменил Мильеран.

16/29 января. Морозы от 15 до 18°, и притом — ветрено. Ужасно зябнет бедная Москва!

Ллойд Джордж обмолвился уже такими словами про Россию: «Положение не представляет никакого среднего выхода, возможен либо мир, либо война.»

Ленин сказал в одной из своих последних речей: «Раньше говорили: каждый за себя, а Бог за всех; а я говорю: каждый за всех, а без Бога мы как-нибудь обойдемся…» (Немножко почтенный оратор перепутал, или передернул, упраздняемую им старую поговорку, она гласит: не каждый за себя, а «друг за друга, Бог за всех».)

Ленин же на этих днях выступил на Третьем съезде Совнархозов, и по вопросу управления хозяйственным аппаратом страны высказался за единоличное управление, так как коллегиальное управление уже изживает себя. Там же Рыков сообщил собравшимся на съезде, что в довоенное время было в работе 20.000 паровозов, а теперь их действует в Советской России только 4.600.

К. Радека «обменяли» на заложника Польши Архиепископа барона Рооп, и он на днях прибыл уже в Москву.

Дорошевич, по известиям Роста, все читает в «Белой России» свою лекцию о Великой французской революции, и основная мысль этой лекции: «В революции три составных элемента:

мыслители ее задумывают, палачи ее делают, ничтожества ею пользуются.»

Дзержинский награжден орденом «Красного знамени», как сказано в «Рескрипте» ВЦИК: «за крупные организаторские способности, неутомимую энергию, хладнокровие и выдержку».

Красными войсками взяты Елизаветград, Сергиополь и Симферополь.

19 янв./1 февраля. 20-градусные морозы продолжаются. Ген. Юденич арестован в Эстонии своими же (северо-западными армейцами), и арестован будто бы уличенным в отсылке войсковых денег в Англию, что дало повод советским газетам известия о его аресте озаглавить так: «арест вора», или «арест жулика».

На Западном фронте красные отступают и находятся уже в 45 верстах восточнее Режиц. В Канском направлении ими занят Нижнеудинск, в направлении к Одессе — г. Вознесенск.

Во Владивостоке высадился японский десант в составе 15 тысяч человек.

21 янв./3 февраля. Правительство республики Грузии (Гегечкори) отказалось участвовать с Советской Россией в борьбе против Деникина, и по сему случаю Чичерин строчит свои гневные ноты к Гегечкори.

А с Эстонией подписан мир. Тут Чичерин, кажется, победил уступками и насчет территории, и насчет железных дорог, и насчет контрибуции. Эстония получает с Советской России 15 млн. золотом и не участвует в долгах царской России.

Николаев занят красными войсками, а Симферополь лишь красными повстанцами.

Мороз «отступает»: сегодня утром только 11°, а к вечеру всего лишь 5°. Какие были чудесные дни и ночи! Блеск и грение солнца днем, мат(овость) и мление луны ночью, сегодня облачно и ветрено.

Понемножку лишаемся всяких культурных приспособлений для здоровой жизни: лишились трамвая, центрального отопления, частично электрического освещения и водопровода (иногда по суткам огня и воды не дают), а сегодня что-то неладное случилось и с канализацией, так что уборные (по крайней мере, в нашем шестиэтажном доме) закрыты для всяческого пользования. Для городского жителя это что-то ужасное. Там Грузия, Эстония и все прочее такое, а в наших обывательских головах — низменные заботы, где бы в такой холодище по глубокому снегу найти укромный уголок, который заменил бы нам *нужник*. (Я «без

страха и упрека» выписываю это не совсем цензурное слово, ибо познал, что оно доподлинно выражает собой то, чем называется. Удивительно короткое и ясное слово, не в пример английскому!)

22 янв./4 февраля. Один градус тепла. Красные войска заняли Херсон и Очаков.

23 янв./5 февраля. Один градус мороза.

Эстонцы сумели заключить для себя выгоднейший мир. Кроме 15 млн. золота они получили концессию на 1 млн. десятин лесных богатств России на севере и право на постройку своей дороги до Москвы.

Сегодня я принес из судоходной лавки паек на себя и жену, т. е. 3, 5 ф. сахару, 5 коробок спичек, 2 ф. соли, 0,5 ф. махорки, 0,5 ф. мыла простого, 0,5 ф. кофе 3-го сорта (это на месяц) и 14 ф. ржаной муки (на 10 дней); за это взыскали с меня 89 р. 35 к. Оно ничего как будто, но ведь этого всего мало! Столько приходится покупать по «вольным» ценам, и вот если бы эту получку купить на Сухаревке, то надо бы заплатить там 10.500 р. Теперь приведу третью сумму — стоимости этих продуктов, существовавшей до войны: всего только 1 р. 68 к. Какие «огромные дистанции»: 1 р. 68 к. — 89 р. 35 к. — 10.500 р.!!!

25 янв./7 февраля. 6 градусов мороза и новый снегопад.

Как я уже записал однажды: у Мясницких ворот сооружен памятник Бакунину. Материал добрый — не тот, из которого сооружены другие революционные памятники, которые уже на второй год своего существования развалились, но то, что создано резцом скульптора-футуриста, ни к черту не годится — в самой статуе не только Бакунина не узнаешь, но и вообще никакого подобия человеческого не найдешь. Летом его хотели открыть, но не решились и стыдливо прикрыли это произведение тесом. Наступила зима, и «прикрытие» мало-помалу редело, ибо тес растаскивался на топку, и вот сегодня я видел, что памятник окончательно «открыт». Как известно, на постаменте памятника высечено: «Дух разрушающий есть созидающий дух»… Стало быть, сбылось реченное!

Какие все-таки гонорары стали получать голосистые дьякона. Есть в церкви Никиты Мученика на Басманной протодьякон Холмогоров, специализировавшийся по пению чесноковской Ектении, так вот, он получает за участие где-либо, не в своем приходском храме, за три службы храмовому празднику, т. е. за вечерню, всенощную и обедню, — 7.000 р. и… 15 ф. муки, да кроме того выговаривает себе бесплатный ночлег, обед, чай и

ужин у какого-нибудь прилично живущего прихожанина (под тем предлогом, чтобы не взыскать еще с церкви за извозчика по переезду между службами из церкви на квартиру и обратно).

Купили сегодня фунт сливочного масла за 2.200 р., 3 фунта перловой крупы по 350 р. за ф.; бутылка спирта, говорят, дошла ценой до 12.000 р.

Пора бы получать нам, «советским» служащим, по миллиону рублей в месяц. Тогда бы и водочки можно бы выпить, и на извозчике проехать, и в театр сходить, обо всем этом мы и думать-то забыли.

27 янв./9 февраля. Вчера Лацис пишет в «Известиях» «правду о красном терроре». По не совсем еще полученным сведениям оказывается, что ЧК за 2 года своей деятельности арестовали 128.010 чел., из коих 24.250 чел. освобождены, 9.559 держатся как «заложники», 9.641 расстреляны, а остальные несут те или другие наказания. Лацис считает как будто, что это сущие пустяки. Но это, конечно, далеко не пустяки, и это еще не все. «Статистика» у нас во всем неполна…

Красные войска взяли Одессу и Красноводск.

Мороза 10 градусов.

29 янв./11 февраля. 2-я красная армия объявлена рабочей по транспорту, а 7-я по топливу.

Мороза утром 17 градусов.

30 янв./12 февраля. В силу декрета о всеобщей трудовой повинности, обязательной для мужчин от 18 до 50-летнего возраста и для женщин от 18 до 45-летнего возраста, сегодня в 8 ч. утра жена и дочь отправились в комиссариат. Первая скоро вернулась домой, так дочери можно бы и не ходить на повинность, как не достигшей 18 лет, но между ними состоялась «сделка», т. е. одна была заменена другой. В конечном результате дочка наша пришла домой около 8 ч. вечера, порядочно измученная этой барщиной. Работа была по очистке железнодорожного пути на Сортировочной станции. За труд выдали по 42 р. и по 1 ф. черного хлеба на человека. С хождением в комиссариат, потом на работу и с работы — труда было 12 часов. И такая повинность обязательна для «всех» не менее 1 раза в месяц, а для частных торговцев и их служащих не менее двух раз в неделю. Вот вам и Маркс, и кодексы разные, и свобода!

Хлеб дошел до 240 р. за ф., пшено ф. 380 р., соль до 600 р., белая мука до 700 р. за фунт.

4/17 февраля. Мороз 7 градусов.

Взят г. Тирасполь, а еще выдающихся военных новостей нет.

Председателем Французской палаты избран Рауль Пере.

Ллойд Джордж договорится до дружбы с Лениным. Последнее его заявление: придется, дескать, заключить мир с Советской Россией, но… под условием, чтобы она согласилась стать на путь уважения «принципов цивилизации»…

Несколько дней по утрам трещат 17-градусные морозы.

† Вчера похоронил своего двоюродного брата и крестного Гали — Ивана Иовлевича Сидорова. Он болел очень долго, но и жил бы еще очень долго, хотя ему было уже 64 года и болезнь его имела туберкулезное начало. Он имел возможность ничего не делать и жить то в имении, то в теплых краях, но революция лишила его миллионного состояния, большого транспортного дела и прекрасного благоустроенного подмосковного имения. Последнее его и его семьи существование зиждилось, как у всех таковых «буржуев», на продаже обстановки, шуб, платьев, книг, посуды и предметов роскоши, случайно не упрятанных в сейфы… Надо, впрочем, сказать, что первая треть его жизни протекла в крестьянской нужде и на службе в «прикащиках». Богатеть он стал медленно, пожалуй, только с 30-летнего возраста, но в течение последних тридцати лет он потрудился довольно много и то, что скопил, пожалуй, было ему по заслугам (с «капиталистической» точки зрения), а умирал и умер в такой обстановке, которая привычна ему была лишь в начале его карьеры. Занимая большую квартиру в 6 комнат, последний год он ютился с женой и сыном уже в одной комнате, отапливаемой дымящей и коптящей железной печкой. Другие комнаты были частью заняты «вселенными», а частью не могли быть жилыми, за неимением топлива.

Похороны были, конечно, очень скромные, но обошлись они вдове около 50.000 р. Один гроб (сосновый, обитый чем-то дешевеньким, беленьким) стоил 10.000, переноска гроба из квартиры в церковь, из церкви к могиле — 6.000 или 7.000, рытье могилы 3.000 р. и т. д. Между прочим: хоронили его в «бывшем» Андрониевском монастыре, а теперь правильнее сказать «на тюремном дворе». В монастыре церковных служб нет, «братия» разогнана, и здания церковные переполнены арестованными и военнопленными. Больших хлопот стоило похоронить его именно там. И могилу даже рыли «наместники» монахов — пленные английские солдаты (а может быть и офицеры: уж очень на вид щеголеваты и красивы).

Покойному очень хотелось лечь на смертный покой в выстроенной его иждивением церкви на родине в с. Маркове,

Покровского уезда Владимирской губ., но надо было заплатить за одну только перевозку (на лошади, верст 90 от Москвы, а железкой и совсем недоступно) — 60.000 р., да за дубовый гроб 40.000 р. и т. д.

Вот наша жизнь и кончина! Как то и другое теперь недоступно по средствам. Умрет вот такой пожилой человек и никто не пожалеет, не всплакнет о нем, а скажет только: «Хорошо сделал, что убрался от такой разнесчастной жизни. Царство ему небесное!»

11/24 февраля. После здоровых морозов, наконец, с сегодняшнего числа потеплело: утром было мороза только 1 градус.

Архангельск оставлен англичанами и он занят красными. Сегодня в передовице «Правды», которую, говорит, пишет сам Ленин, затрубили о «новых веяниях» в международном отношении к Советской России. Ллойд Джордж будто бы заявил Польше, что «не может быть и речи» о поддержке англичанами поляков в их наступательных намерениях против большевиков. Допускается вероятность официальных переговоров Англии с советским правительством. Германия официально признала В. Коппа представителем Советской России и начинает с ним переговоры о военнопленных. Румынский премьер склонен вести «торговые переговоры» с Советской Россией. Латвия готовится последовать примеру Эстонии. Словом, — пишется в этой анонимной передовице, — Антанта «обмякла» и г. Ллойд Джорджу остается утешить себя надеждой на то, что империализму удастся задушить Советскую республику «экономическими средствами». Статья кончается, однако, признанием: «чтобы добиться мира, армия рабочих и крестьян должна сбросить в море армию барона Врангеля»…

Этот Врангель, главнокомандующий деникинскими войсками, или «остатками деникинских банд», совершенно неожиданно оказался под Ростовом и Новочеркасском. И даже Ростов и Нахичевань были в его руках, но по последним известиям красные войска выбили его из этих городов; все-таки в официальной сводке за вчерашнее число сказано, что «под Ростовом и Нахичеванью продолжаются упорные бои».

С 15-го февраля часовая стрелка переведена на один час вперед.

Сегодня проходил по Солянке и видел, как раз у здания Социального Обеспечения Московского Совдепа, толпу бедняков, просящих милостыню. Как не сказать тут, что «старый-то способ лучше!..»

Получил из Симбирска от племянника письмо. «Поражает» нас «страшной дороговизной», царящей в их городе, а именно: хлеб 25 р. ф. (а у нас в Москве уже 260 р. ф.), картошка 400 р. мешок (а у нас 95 р. ф.), мясо 150 р. ф. (а у нас хорошая конина 300 р.), мука ржаная 700 р. п. (а у нас 10.000 р.), пшеничная 2.200 р. (а у нас от 15 до 20 тысяч), соль 18.000 р. пуд (а у нас 30.000 р.). О, святая провинциальная простота!

14/27 февраля. Умер Народный Комиссар почт и телеграфов В. Н. Подбельский. Похоронят, конечно, на Красной площади, ради чего сегодня работает там по очистке ее от снега и мусора тысячная толпа граждан, призванных к очередной трудовой повинности.

Опять сделаны мирные предложения Америке, Японии и Румынии.

Антанта разослала меморандум, из которого видно, что она не советует государствам, образовавшимся на окраинах Советской России, воевать с большевиками и что союзники тогда только вступят в дипломатические сношения с Советским правительством, когда увидят, «что большевистские ужасы пришли к концу и что московское правительство готово сообразовать свои методы и дипломатическую линию поведения соответственно методам и линии поведения всех цивилизованных государств».

1-го марта начинается «неделя санитарной очистки», ибо, как объявляется в газетах, — «в Москве скопилось около полумиллиона возов мусора и нечистот».

20 февр./4 марта. Погода чаще теплая, чем морозная. Снеготаяние пошло «вовсю», были на днях солнечные дни с теплым ветерком, были и небольшие дожди. Санный путь портится с каждым днем.

Сегодня 2 гр. тепла и пронзительный ветер.

† Скончался в Новороссийске от сыпняка кн. Евгений Николаевич Трубецкой.

В «Известиях» под заголовком «Дело налаживается» сообщено, что в Саратове (или в губернии?) отремонтировано 13 винокуренных заводов, на них к 1-му февраля доставлено 200.000 пудов картофеля и выкурено уж 2 млн. градусов спирта. (Зри запись 11/24 февраля о цене московской картошки…)

15/28 февраля проводил своего брата, его жену, дочь Веру и сына Игоря в Харьков. Там предполагают пожить недели три, а затем переехать куда-нибудь южнее, например, в Екатеринослав, в Киев и т. п. Ищут дешевых харчей. Дай Бог благополучия, но

грустно, что братец мой «не выдержал» и пятился в такие поиски, имея на плечах почти 60 лет и оставив в Москве дом, имущество и много, много другого, более ценного, чем имущество (я говорю о родстве, дружбе, привязанностях, привычках). Но что делать! Теперь многие «не выдерживают», а о таких упрямых героях, как я, например, говорят, что он дурак или спекулянт. Значит, пока что, я «дурак», ибо как раз сегодня утром услышал от собственной семьи упреки, что я не мог сделаться «спекулянтом», и при этом мне называли разных жуликов, ставя их в пример такому нерачительному семьянину, как я.

Что это? Островский вернулся, что ли, с его «темным царством»? Я было и забыл его, а мне зудят: не будь Жадовым, а учись у Белогубова.

Только что закончены выборы в Московский совет. Из 1.528 депутатов насчитывается 1.288 коммунистов, 49 сочувствующих им и только 46 меньшевиков, да и беспартийных 136.

Красные войска заняли Азов, Тихорецкую, Онегу, Красноводск, Ставрополь, Хиву.

23 февр./7 марта. Вчера вечером мне принесли заказное письмо из Новых-Сенжар, Полтавской губ. Пишет лично мне неизвестная Мария Александровна Гамалей. Пишет об Леле. После Полтавы он был под Киевом и там заболел сыпным тифом, а потому остался в лазарете «добровольцев», которые отнеслись к нему «бесцеремонно, как к красному», и он через полтора месяца бежал в Полтаву, именно к Гамалей. Затем его увезли поправляться куда-то в деревню, где он пробыл около двух месяцев, после чего уехал в Одессу, а что дальше с ним — Мария Александровна не знает, сообщает лишь, что «до ноября Леля был жив и здоров». При письме приложена и его собственноручная записка, вероятно написанная перед отъездом в Одессу… Это уж что-то вроде завещания. Просит «ничего не предпринимать по розыскам его трупа», Галю просит «не выходить замуж за буржуя», у Ант. Лавр, просит «прощения за причиненные ей без умысла неприятности», и еще просит послать М. А. Гамалей его карточку, ибо она «очень дорогой для него человек».

Так вот, после семимесячного ожидания я получил вести об сыне, но не знаю, как их принять: радостно или горестно? Что-то должно быть с ноября месяца, а что именно — пока только одному Богу известно. И буду только надеяться на милость Его!

25 февр./9 марта. Так редко, так плохо пишу из-за «чернильного голода». Нет чернил, наконец сегодня достал, заплатив за пузырек 125 р., но не знаю, чернила ли это?

Погода мокрая, теплая. Грязь непролазная, зловоние на улицах ужасное. Пекин, а не Москва, или Москва 100 лет тому назад. Из недели очистки пока что ничего не вышло, и ее продолжили до 15 марта, но, как видится, не две недели, а несколько месяцев потребуется для генеральной очистки нашей Москвы.

Интересное явление на Чистых прудах: там есть четырехэтажный каменный дом, занимавшийся женской гимназией Винкера, и кто-то из разных добытчиков топлива ухитрился подпиливать на дрова стропила, ну и понятно, что случилось: рухнула крыша, слуховые окна исковерканы, карниз свалился на улицу, окна во всех этажах побились, и очень прочное каменное здание теперь испорчено для обитания в нем.

Проходил еще по Кузнецкому мосту и увидел на парикмахерской Т-ва, считавшейся в буржуазное время самой шикарной в Москве, вывеску, гласящую, что эта парикмахерская только для сотрудников ВЧК и МЧК и что сюда «посторонним вход запрещается». А было время, когда в заведения поставщиков самого Двора и мы, недостойные, были вхожи.

† Занят красными войсками Иркутск, и оказалось, что пред их вступлением временный революционный комитет расстрелял Колчака. Бедный Колчак! Так и не удалось ему быть русским Наполеоном, да и видно теперь, что Наполеоны могли быть только в наполеоновские времена. Вечная ему память!

Председателем Московского Совета опять избран Каменев.

† Узнал случайно, что умерли бывшие московские иерархи: Митрополит Макарий и Архиепископ Иосаф, управлявший последнее время Московской Епархией с саном Архиепископа Крутицкого. Говорят, он сидел в Бутырках и был на принудительных работах. Я видал его за службами и слышал его речи, он был популярный и симпатичный старичок. Царство им Небесное!

Был в лечебнице Бакунина, чтобы навестить тяжко больного зятя и друга моего милейшего Владимира Алексеевича Каширина. Бедняге делали в кишечнике какую-то мудреную операцию, взяв за нее 10.000 р., а на днях к нему пригласили знаменитого хирурга Минца, который взял за осмотр больного 3.000 р. И это — на третьем году коммунистической жизни! Знаменитости помогают, как и встарь, только тем, кто может заплатить им громадный гонорар. Впрочем, и Шаляпина слушают теперь только такие счастливцы, которые могут заплатить за театральное место 500 – 1.000 р. в один вечер.

Поляки говорят, что они будут мириться с Советской Россией, если им дадут от России территорию, бывшую до 1772 г. под

короной Польши. И идут вперед: сегодня в сводках сказано, что Мозырь и Овруч оставлены нами.

Поговорить бы мне теперь со своим приятелем П. А. Олениным насчет «пересмотра» Маркса. Идеально ли его учение для достижения счастья народного? Следуя его заветам, вышло так, что труд стал как бы упраздняться, например, не стало дворников, кухарок, ассенизаторов, дровоколов, плотников, каменотесов и вообще профессионалов тяжелого труда, а в это время техника, изобретательность куда-то на грех спрятались, ибо и им «без рук» нет расцвета. Не лучше ли было труд только облегчить, а не упразднить? Не лучше ли было ждать усовершенствования жизни от Эдисона, а не от Маркса? Опять скажу: перекладывание тяжелого труда на малосильных, легкого на сильных — привело к «расстройству транспорта и всех видов производственных изобретений последнего времени». Ведь все это теперь испорчено: и канализации, и водопроводы, и клозеты, и пылесосы, и снеготаялки, и лесопилки, и тракторы, и подъемные краны. Испорчено до такой степени, что все дни теперь, как видите, превращены в разные повинности: и снеговые, и санитарные, и транспортные, а такие природные приспособления, облегчавшие труд человеческий, как лошади, например, почти все съедены нашими конеедами.

В конце концов не только мы с Олениным, но, может быть, и сами коммунисты сознают, что не худо поискать спасения в технике. Ведь нельзя же сказать, что старый строй глушил завоевательное шествие машин; нельзя говорить, что машины самое крупное дело делали у Круппа, по заказам Вильгельма; старый строй был хозяин строгий, но дельный; «приспешники» его, т. е. короли, министры, банкиры, правда, получали громадное жалование, но ведь и стоило его платить. Новый строй оказался еще строже, «приспешники» его получают (по «требовательным ведомостям») только чуть больше рядовых работников, но толку от этого пока что никакого не вышло. Раньше было так, что «и волки сыты, и овцы целы», а теперь те и другие голодны.

Калоши теперь стоят 8.000 р., ботинки 20.000 р., ситец до 400 р. за аршин, мыло 700 р. ф., катушка ниток 300 р., сукно или трико до 6.000 р. за аршин, каракулевые дамские пальто продают по 60 – 100 тысяч, часы карманные, какие-нибудь никелевые, и те — 3–5 тыс. р. Одним словом, цены день ото дня поднимаются в неимоверной прогрессии.

27 февр./11 марта. Температура опять понизилась, по утрам морозы 3–5 градусов, но санный путь испорчен без возврата.

Прощай, саночки! А с ними жилось легче. Тот, кто не имел их, был несчастнейшим человеком. Да и мало было таких людей, разве только комиссары да «правительствующие» коммунисты не нуждались в них. Не говоря уже о дровах, картошке, хлебе, муке, домашнем скарбе, печках, мясе и т. п., сплошь да рядом возили на них вручную и гробы, да не пустые, а с прахом лиц всякого «бывшего» звания. Нас трогала, бывало, картина Перова «Деревенские похороны», которая изображала, как крестьянка везет на дровнях, запряженных одной лошадкой, тесовый гроб своего мужа, а теперь мы видим, как бывшая миллионерша или генеральша надрывает свои невеликие силы, таща за собой на кладбище сани с гробом своего мужа, брата или отца.

Я слышал несколько лет тому назад в приятельской компании рассказ артиста М. М. Климова о том, как еврей рекламировал похоронное бюро. По «четвертому разряду» программа была такая: «погода шкверная, катафалк в одну лошадь, покойник сам правит». А это какой разряд, когда и лошади нет, и покойник не правит, а лежит и бултыхается в своем легоньком гробу на каждом ухабе и при переезде через трамвайные траншеи.

Девятого марта Чичерин получил известие, что японские военные суда подходят к северной части Сахалина с десантом, и послал, конечно, протест, как Японии, так и Антанте.

3/16 марта. Новая сенсация: 13 н/ст. утром в Берлине произошел монархический военный переворот. Войска Морской бригады Эбергарда и Левенфельда двинулись из лагеря в Даберице в Берлин. Восставшие войска заняли правительственные здания. Выпущена прокламация о смене правительства, о роспуске Учредительного собрания, причем адмирал фон-Тирпиц принял звание Имперского Канцлера, а генерал фон-Люттвиц — Главнокомандующего армией. Со своей стороны, Эберт и Носке от имени сверженного правительства выпустили манифест, в котором предлагают трудящимся ответить на государственный переворот — всеобщей забастовкой. Советские газеты не сомневаются, что «Тирпиц будет опрокинут силами пролетариата», а также и в том, что «возвращение к Шейдеману также невозможно».

Красными войсками занят Мурман.

Видел целый воз древесных углей. Спросил цену куля. 1.000 р.

В прошлом году я радовался, что продал свой сюртучный костюм за 1.600 р., а теперь цена за костюм дошла до 75.000 р., портные за одно шитво костюма или пальто берут от 8.000 до

20.000 р. Ботинки поднялись в цене до 20–40 тыс. р. (смотря по качеству). Нам выдают из судоходной лавки понемногу конины, худой как скелет, и дуют за нее 60 р. за фунт. Есть учреждения, раздающие и гусей, по «твердой» цене — 300 р. ф. Видите, как растут даже «казенные» цены!? Стоит тоже записать твердые цены наших дней на мануфактуру: полотно морозовское 18 р. 50 к. аршин, ластик 35 р. 65 к., коленкор 7 р., нансук 12 р. 45 к., бумазея 58 р. 45 к., сукно полушерстяное 136 р. аршин и т. д. Сухаревские цены, конечно, дороже в 20 раз, а то и более.

Из Харькова пишут с восхищением, что там белая булка стоит только 50 р.; я и этим не восхищаюсь, все равно и там, выходит, нельзя просуществовать своей службой.

5/18 марта. Красные войска уже на Кавказе. Армавир, Мин. Воды и Пятигорск заняты ими.

О немецкой «корниловщине» известия очень сбивчивые. Не поймешь еще, что там делается. Последние телеграммы говорят и о том, что «генералы и социалисты столковались», т. е. будто бы старое и новое правительства заключили какое-то соглашение.

Проходил сегодня Тверской, Кузнецким мостом и другими лучшими московскими улицами, и нашел, что они сейчас выглядят хуже, грязнее и безобразнее худших улиц. И две санитарные недели не подчистили их. Около самых шикарных когда-то магазинов горы грязного снега, с которых мальчуганы катаются на салазках, а мы, старички, можем свободно остановиться тут и сделать такое дельце, в предведении которого на заборных углах, бывало, писали: «Здесь останавливаться воспрещается». А под воротами — что там наделано! И это, я повторяю, не где-нибудь, а даже на Петровке, на Кузнецком мосту, при домах союзов и советов, при театрах. И странно: остановишься около таких «распрекрасных» и благовонных мест почитать наклеенную на стене газету (теперь почти невозможно достать газету в свою собственность; их выходит, наверное, очень малое количество экземпляров, а потому они в киосках и у газетчиков расходятся в полчаса, так что я, например, давно уже не успеваю достать газету за деньги и поневоле ищу ее на заборе), читаешь, что говорит Ленин и его ближайшие сотрудники, что «постановляется правительством», Совдепом, что делается коммунистами какие выносятся резолюции, и мог бы уже написать в свои скрижали, что началась жизнь трудовая, мирная и приятная, но зрелище и аромат улицы говорит как раз противоположное.

Столько благих начинаний, столько красивых призывных слов. Кажется, для прекрасной, похожей на Христову, жизни

составлена уже чудесная, идеальная пропись: води потихоньку рукой, старайся, не напрягая мозгов, ставить такие же палочки и закругления, как в прописи, и будешь каллиграфом новой жизни, но — нет! большинство из нас мажет только, ставит кляксы, царапает какие-то каракули, и если не весь класс Ленина, то 99 % на третьем году своего образования выше двойки балла не заслуживают. Едва ли товарищ Ленин доволен своей аудиторией, и я думаю, что он наедине с собою или в кругу своих друзей нет-нет да и ругнется, что, дескать, за сволочь наш русский народ!

6/19 марта. На открытии третьего всеросс. съезда работников водного транспорта выступил Ленин и произнес речь, в которой рекомендовал коллегиальное управление транспорта заменять единоличным. Из речи не мешает кое-что записать: «Страна так разорена, бедствия достигли теперь такой громадной силы, — голод, холод и общая нужда, — что так дальше продолжаться не может… Такой зимы, какой была эта зима, вынести больше население не сможет… Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев — вы знаете это, но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них красной армии не было бы. И вы знаете, когда без них мы пробовали создать два года назад красную армию, то получилась партизанщина, разброд, получилось то, что мы имели 10–12 млн. штыков, но ни одной дивизии, ни одной годной к войне дивизии не было, и мы не способны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых. Этот опыт дался нам кровавым путем, и этот опыт надо перенести в промышленность… Давайте сознаемся откровенно в нашем громадном неумении вести дела, быть организаторами и администраторами.»

Стало теплее, и, конечно, еще грязнее.

Ничего не разберешь в известиях из Берлина. Ревель телеграфирует, что Вильгельм уехал из Голландии и пробирается в свою бывшую столицу, а американский корреспондент передает по радио, что несколько берлинских вокзалов взяты спартаковцами; есть и такие телеграммы из Берлина, что там все спокойно, как будто и не совершилось никакого переворота.

† Только на этих днях узнал о внезапной кончине своего большущего приятеля, Василия Владимировича Волкова, моего ровесника, собутыльника и природного комика. Уроженец «муромских лесов», то купеческий сынок, то коммивояжер, то комиссионер, то торговец дровами, — на всех поприщах он был шустер, ловок и энергичен. Вероятно, и в спекуляции был не

дурак (недаром перед кончиной посидел некоторое время в Бутырках, о чем я узнал тоже только теперь, несмотря на то что и сидение, и роковой конец Василия Владимировича были еще в январе месяце. Вот как трудно в настоящее время скоро узнать о ком-нибудь, даже живя с ним в одном городе!).

Припоминается, что он жаловался на склероз сердца, значит, и не суждено было ему дожить до глубокой старости, а жаль, от всей души жаль! Это был такой живой, кипучий, занятный и милый парень! Царство ему небесное и вечный покой!

8/21 марта. С этого дня часовая стрелка переведена еще на один час вперед. Утром было 3 гр. мороза, днем — солнце, красными взят Екатеринодар. Белая мука 900 р. ф.

11/24 марта. Сегодня весь день сияло солнце, теплынь была чисто весенняя, и так нагрело в квартире, что мы даже не топили свою железную печку. Значит, первый день отдыха от пилки, колки, топки и дыма, продолжавшихся изо дня в день целых полгода.

Я стал уже *в ужас* приходить от возрастания цен, или от обесценивания «советских» денег. Плохонькая лошадь или корова стоит теперь 200.000 р., а мало-мальски получше и все полмиллиона.

За «Петра», т. е. пятирублевку царского выпуска с изображением Петра Великого, один мой знакомый взял сегодня 7.500 «советских» рублей.

Участвовал в споре двух своих приятелей, коммуниста и «середняка» (называющего себя «шейдемановцем»). Был момент, что вот, коммунист забьет своей логикой середняка, когда он задал ему вопрос: «Во сколько часов вставал на работу ломовой извозчик при царском строе?», но услышал в ответ: «Позднее, чем теперь часа на два», а на недоуменный вопрос — почему? — получил пояснение, что раньше ломовой вставал, чтобы сразу чай пить, а теперь ему нужно *лошадь поднимать* часа два. И это тоже знамение времени, лошади до того истощены, что сами от простого окрика не поднимаются, и их теперь так трудно поднять даже артельными усилиями, что ломовые уже приспособились и сделали для подъема лошадей какие-то блоки. Кстати, насчет лошадей. В эту зиму трупы их уже не валялись по Москве по неделе-другой. Теперь, как только каждая скотинка подохнет, ее моментально обдирают и… преподносят голодной Москве в качестве «парного мяса». Действительно, «человек не свинья — все съест».

А вот автомобили, так те не только по неделе, а и по целому

месяцу застаивались на московских улицах где ни попало, и в ожидании починки или уборки их превращались в *уборные*… факт! А деревянные части их подрубались, подпиливались и растаскивались на топливо дошлыми добытчиками дров. Знаю также, что в некоторых квартирах шли на топку и внутренние двери, и паркет.

Вот видишь такую жизнь и все думаешь, что будет дальше? Нет в этой жизни теперь сторожей и остались одни только воры. До революции всякий человек был обязательно сторожем чего-нибудь своего или чужого, малого или большого, а теперь нет ни одного человека, который не воровал бы чего-нибудь. Ведь обстоятельства заставили воровать русского человека не только чужое, но и свое собственное. К этой характеристике можно добавить еще одно «нововведение». Бывало взятки давали частные лица казенным чиновникам, а теперь дают взятки и частным лицам, и казенным сами советские чиновники от имени своего учреждения. И это — факт.

Да мало ли чего надо бы записать, но, к сожалению, «писатель»-то я неумелый, нудный, тяжелый, а в особенности этим годом; так трудно справиться с передачей своих наблюдений на бумагу, что многое совсем не записываешь, ибо чувствуешь, что не справишься с такой задачей; голова не работает и сердце не вдохновляет, тут и там анемия, истощен как лошадь, а блока приспособить к поднятию умственных сил не могу… Не умудрил Господь!

А как-то обмолвился тут, что, мол, дам на этих страницах не только картину жизни с июля 14-го года, но и свои «воспоминания» по театральной части. Теперь откровенно говорю: извини, читатель, — такой «премии» ты не получишь, ибо оскудел я за последнее время и телом, и духом, и разумом я стал «скорбен».

А все-таки жаль, что я не могу совладеть с такой темой. Ведь что другое, а «театральное» мне отчетливо помнится более чем *за сорок лет.* Я видел С. В. Шумского, И. В. Самарина, М. А. Решимова, Н. И. Музиля, С. П. Акимову, В. А. Макшеева, А. П. Ленского, Ф. П. Горева, Г. Н. Федотову, О. А. Правдина, М. Н. Ермолову, Е. К. Лешковскую, Н. А. Никулину, М. П. Садовского, О. О. Садовскую, Н. Е. Вильде, Н. М. Медведева, А. И. Южина, К. Н. Рыбакова, А. П. Щепкину, В. Н. Андреева-Бурлака, Уманец-Райскую, П. М. Свободина, М. И. Писарева, Г. И. Мартынова, Красовскую, М. Т. Иванова-Козельского, П. Ф. Солонина, Н. П. Рощина-Инсарова, Ф. П. Волгину, А. Я. Гламу-Мещерскую, Н. М. Радина, Н. Д. Рыбчинскую, И. П. Киселевского, В. Н. Давыдова, С.В. и А. А. Яблочкиных,

В. П. Далматова, Л. И. Градова-Соколова, М. В. Лентовского, М. И. Писарева, Е. Н. Гореву, М. Г. Савину, Бравича, О. В. Гзовскую, Ю. М. Юрьева, В. Ф. Комиссаржевскую, Н. М. Подарина, Б. С. Борисова, К. С. Станиславского, И. М. Москвина, Вишневского, В. И. Качалова, О. Л. Книппер, Лужского, Н. Н. Соловцова, М. П. Лилину, А. А. Санина, А. И. Мозжухина, К. А. Варламова, К. Яковлева, Уралова, братьев Адельгейм, В. В. Чарского, Н. В. Светлова, Яворскую, Мичурину, Н. Васильеву, Потоцкую, Германову, В. И. Неронова, Нелидова, В. И. Лихачева, А. А. Суворину, А-А. Федотова, А. А. Стаховича, А. А. Остужева, М. И. Петипа, Максимова. Слышал Д. А. Усатова, П. А. Хохлова, Б. Б. Корсова, Димитреско, Клементьева, Ф. И. Шаляпина, Смирнова, Л. В. Собинова, С. Власова, Кошица, Н. А. Преображенского, Коровину, Донского, Додонова, Форстремм, А. В. Неждановy, Сбруеву, Дейта-Сионицкую, Хренникову, Южину-Ермоленко, Ю. Ф. Закржевского, А. Д. Давыдова, А. Я. Чернова, Лодия, С. А. Вельскую, В. И. Родона, А. Мазини, Клямжинскую, Прянишникова, Михайлова-Стоян, Батистини, Катоньи, Антоновского, Блюменталь-Тамарина, Раисову, А. Д. Вяльцеву, М. П. Никитину, В. В. Ковецкую, Троцкую, Н. Н. Фигнера, А. В. Секар-Рожанского, Т. Любатовича, Яковлева, Н. В. Плевицкую, Л. Мессаль, Феону, Лукина в «Вампукке», Друзьянину, Петрову-Званцеву, Цветкову, Розову в «Прекрасной Елене» в постановке «Свободного театра». Бывал в концертах и операх под управлением П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, И. К. Альтани, Купера, Сука, Авранека, Направника. Восхищался в балетах Л. Н. Гейтен, Рославлевой, Гельцер, отцом и дочерью; Фокиными, Балашевой, Г. Н. Самойловой, Жуковым, Тихомировым, Джюри, Торнаги. Смеялся в цирке от острот Таити, Дуровых, Бим-Бомов, видел знаменитых цирковых директоров Гинне, Чинизелли, Никитиных и Саламонских. Был на всевозможных премьерах и на своего рода «исторических» спектаклях, например, в Большом театре при дневных выходах Шаляпина и Собинова; участвовал и сам на сцене… Да, да! и однажды (в 1890 году) даже в Большом театре в опере «Борис Годунов»… статистом, за 30 коп. гонорара, а в 1897 году был чуть не директором любительского театра в Измайлове, причем работал и за суфлера, и кроме того сыграл три роли: в «Соколах и воронах» — Зеленова, в «Гастролерше» — Мецената (кажется, эти две довольно скверно), и в «В штатском» — Полковника (очень удачно, со стяжанием громких аплодисментов). Немало было и театральных личных знакомств (В. К. Ильков, Туманский, И. П. Арканов, П. С. Оленин, П. А. Оленин-Волгарь, А. А. Суворина, В. А. Максимов, Вайнер-

Виннер, М. М. Климов, Васенкова, Б. А. Фердинандов, Л. А. Фердинандов а, М. И. Доронин, Веков, Л. Г. Рындина, Парамонов, А. В. Леонтовская-Кожина, В. А. Зиринг, Н. К. Яковлев, Ф. А. Корш, А. А. Славин и др.). А затем, я много видал разных знаменитостей в ресторанах, на балах, на гулянках, в вагонах, про многих знаю кое-что интимное, интересное, и т. д., и т. д. Всего не то что не запомнишь, а разве что не в силах описать, — то и не стоит память напрягать. Будем пробавляться настоящим, не отвлекаясь ни назад, ни по сторонам.

12/25 марта. Кисловодск и Кизляр заняты красными войсками.

Так до сего времени и не знаем досконально, что делается в Германии. Одно только ясно, что выступление Люттвица и Тирпица ликвидировано, а всеобщая забастовка не состоялась. Власть, должно быть, опять перешла к Эберту.

Вчера мне не все, конечно, вспомнились знаменитые или отличные лицедеи, которых я перевидал за свою жизнь, а потому позволю себе упомянуть еще о выдающихся артистах: в оперетке Долин, Н. Ф. Монархов, Н. И. Вавич; в фарсе Грановская, Сабуров, Чинаров, Бураковская; в комедии Южный, В. С. Аренцваре (знакомая мне и до ее сценической карьеры), Б. Э. Кошева, Греков, Апоркова, Рыжова (Музиль), Рыжов, Васенин, Н. Васильев. Да мало ли еще кто вспомнится, и если я запишу их в свое «поминание», то недаром. Об заурядных артистах и певцах совсем умолчу.

Сегодня у нас опять торжество. Получил из Симбирска от племянника Коли 20 фунтов ржаных сухарей. Ждали такой великой радости со 2-го января. Другими словами, посылка ползла из Симбирска в Москву 83 дня. Давно-давно я видел у Лентовского постановочную пьесу («Путешествие вокруг света в 80 дней»), ну да ведь это во времена Лентовского, а теперь времена Луначарского!

14/27 марта. Театральные пропуски: замечательная театральная артистка П. А. Стрепетова и дирижирование композитора М. М. Ипполитова-Иванова. Еще мне очень памятен последний спектакль в Большом театре с участием Н. А. Преображенского в «Трубадуре», и его выступление в летних Сокольничьих концертах. Сборы и овации были вроде шаляпинских. Преображенский был плохой артист, но обладал таким чарующим тенором, которого я ни до него, ни после него не слыхивал.

Красные войска взяли Грозный и Майкоп. За отъездом

Красина в Эстонию, Наркомпутем (комиссариат путей сообщения) управляет сам Троцкий.

Нам выдали из судоходной лавки конины по 135 р. за ф. Вот так «твердая» цена! Она, кажется, скоро догонит сухаревскую.

15/28 марта. 30 марта начинается «банная неделя», и по сему поводу Моск. Чрезв. Санит. комиссия предлагает всем москвичам бесплатно помыться в бане, где каждому будет выдан кусок мыла. То-то будет хвост! Я вот на днях ходил не бесплатно в баню и заплатил за вход 125 р., да банщику 120 р., а мыло, конечно, было свое. Теперь вообще гигиена тоже кусается. Последняя «стрижка и брижка» в плохонькой парикмахерской стала мне в 135 р., причем от всякой парфюмерии пришлось отказаться, а то бы насчитали рублей 300. Впрочем, удивлю ли я такими ценами на все-про все своих читателей? Может быть, наши внуки будут находить и эти цены крохотными, как мы, читая что-нибудь о старине, подсмеиваемся над ропотом своих дедов, что в их временах пуд муки вздорожал копейки на 2. Вот если бы вакханалию наших цен пришлось узнать отцам нашим, отошедшим к праотцам каких-нибудь 3–5 лет тому назад, так тут эффект появился бы совсем иной!

В маленькой газете «Коммунистический труд» (цена которой уже 2 р. за номер) сегодня сообщается, что «за последние дни в Москве кое-где вспыхивали изредка забастовки, связанные с тяжелым продовольственным положением рабочих». Если дело так пойдет, то, несмотря на разные недели, забастовки будут вспыхивать не «кое-где» и не «изредка», а везде и ежедневно.

Латвийское правительство уведомило Чичерина, что оно готово начать мирные переговоры в начале апреля, и предлагают местом переговоров Москву. Польское правительство также согласно вступить в мирные переговоры 10 апреля. Местом переговоров предлагают г. Борисов, причем обещают прекратить военные действия за 24 часа до прибытия русских уполномоченных.

Красными войсками заняты Анапа и Новороссийск.

18/31 марта. Небо чистое днем и ночью, хотя утренники продолжают — днем как бы в мае, вода на Москве-реке стала прибывать. Скоро ледоход. Не столько недели «очистки», сколько неделя «солнца» — делает Москву чуть-чуть поприличнее. А то уж бедная доведена была до полного свинства. Так и хотелось сказать что-нибудь язвительное про нее, да и вообще про всю нашу неумытую родину. Вот, мол, еще немного, и ватерклозет бы достроили, а тут воцарились большевики, и не только не кончили

той «культурной» постройки, а даже нужник сломали, и стала вся Русь непотребным местом.

Кстати, про некоторые уличные здания «отхожего» типа. Вот где свобода печати, вот где игра политических страстей! «Бей жидов!»… «Бей контрреволюционеров!» «Бей Ленина!» «Бей попов!» Раньше этого что-то там не замечалось, ибо, как там же отмечалось, что «здесь такое здание, … и до свидания!» А теперь, стало быть, задерживаются и политиканствуют.

Красные повстанцы заняли Петровск (на Каспийском море) и Владикавказ.

29 марта в Москве открылся 9 съезд Компартии. Конечно, выступили и Ленин, и Троцкий. Оба защищают «единоличие» и, конечно, уговорят «товарищей», но тем, видно, все же страшно не хотелось бы расстаться с «коллегиальностью». В общем, они, а также Рыков, Каменев и др., говорят на этот раз горделиво, победно и уверенно. Вера в красную армию у них такова, что, кажется, если бы Антанта выступила бы против Советской России настоящей войной, они бы не сробели и приняли вызов.

И при всем этом никакого облегчения в обывательской жизни, никакого! Все дорожает по-прежнему. Фунт белой муки стоит 900 р., яйца 250 р. шт., соль 800 р. ф., сметана 500 р. ф., сахар 2.000 р. ф., 25 папирос (15-копеечных) 350 р. и т. д., и т. п.

Значит, после двух недель очистки была неделя контроля, затем объявлена банная неделя, а дальше неделя стрижки и бритья; т. е. целую неделю в парикмахерской должны стричь и брить бесплатно. Но кто удостоится в действительности такой благодати? Разве только делегаты, съехавшиеся на коммунистический съезд. Стригунов-то очень мало в парикмахерских.

25 марта/7 апреля. Три дня тому назад на Москве-реке начался ледоход. Тогда же я прочел на стене в «Ком. труде» ужасное, безжалостное к верующим постановление Московского губ. Исполкома о немедленном закрытии Троице-Сергиевской лавры, причем добавляется, что богослужения в Лавре воспрещены, а мощи будут перевезены *«в московский музей»* Но, может быть, высшие инстанции отменят такое поругание древней российской святыни. Вот я видел на вербной неделе пол-Москвы с вербой в руках, а при заразе атеизма, охватившего массы, такая картина не должна бы наблюдаться, и попечительное советское правительство должно бы бороться с появлением вербы, но, видимо, оно махнуло на этот «буржуазный пережиток» рукой, как бы желая сказать, что «чем бы дитя ни тешилось, только бы не плакало». Так почему бы и в отношении Троицкой лавры и мощей

Преподобного Сергия не применить такого же благодушного отношения со стороны профессора атеизма Луначарского и друзей его? Ведь если верба «игрушка», то и «Троица» (да прости мне великий молитвенник земли Российской кощунственное сравнение) — тоже «игрушка», но какая хорошая, старая, добрая, благоухающая! Святой Апостол Павел в своем послании к Римлянам (Гл.8, ст. 35–39) говорит: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание» (Пс. 43, 23). Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.» Эта страница открылась мне, когда я в истинной скорби от писания какого-то «губисполкома» прибегнул к Священному Писанию.

Поступили мирные предложения и от Литвы и от Финляндии. Но с Польшей что-то не ладится, наши не хотят ехать в Борисов, а поляки не хотят приехать ни в Москву, ни в Петербург, и даже не желают вести переговоры на нейтральной почве, т. е. в Эстонии, вместе с тем не думают приостанавливать военных действий.

Погода теплая, немного переменчивая; день ясный, день туманный, а сегодня в Благовещенье с полудня погода роскошная: солнце греет на 20° с лишним.

Прирейнская область оккупирована войсками Антанты. Вероятно, это продлится до эвакуации германскими войсками Рурской области, где они собрались в противовес рабочим выступлениям.

За церковными службами слышу моление за «Митрополита Крутицкого Евсевия», стало быть, это приемник покойного Архиепископа Иосафа. Вероятно, было избрание, о котором, конечно, в наших теперешних газетах не пишут.

Палочка ванили продается по 500 р. за шт., творог 750 р. ф.

27 марта/10 апреля. Что бы там ни было в Германии, пускай в Гамбурге французские войска, но она живет, торгует. В феврале она вывезла в одну Америку своих товаров на 8.900.000 долларов и ввезла оттуда на 18 млн. 600 тыс. долларов, а у нас посмотришь на «трудовую сводку» и видишь, что «строение» все еще не налаживается, а разорение все продолжается. Вот, например, московский завод, бывший Гужона: там 1.180 чел. рабочих, из коих за неделю 22–28 марта не явилось 42 %, а изготовлено там за эту неделю всего только 127 п. гвоздей, 18 п. шпилек, 120 п.

каната и 69 пил.

Сегодня Страстная Суббота. Вчера и сегодня был в церквях, и везде молящихся масса. Отрадно! Не с жалобой, конечно, но ради «статистики» отмечаю, что самая дешевая свечка (прежде 1 к. или 2 к.) теперь стоит 60 р., чуть побольше — 90 р., а там идут 200, 300, 500 р. и т. д. Нельзя сказать, чтобы свечей у икон бесчисленное количество, но все-таки ставят, и грешным делом думается: «Должно быть, в церкви ходят только спекулянты!» Впрочем, сухаревская торговля многих подкармливает. И я не избег ее помощи. Жена и дочь взяли по корзиночке перцу, горчицы, лаврового листа, краски для яиц, ванили и т. п. «ненормировочного товара» и продали вчера на 105.000, и сегодня — на столько же. Значит, и мы будем с Пасхой, с куличом и с мясным продовольствием. А иначе как бы жить? Картошка дошла до 150 р. ф., сало до 2.500 р. ф., масло русское и сливочное до 2.200 р. ф., творог 800 р. ф., яйца 250 р. штука, перец 1.600 р. ф., горчица 2.400 р. ф., сметана от 900 до 1.200 р. фунт, пара кусков пиленого сахара 150 р., песок сахарный до 1.800 р. ф., хлеб черный 280 р. ф., белая мука 1.200 р. ф., конина 500 р. ф., телятина 900 р. ф., селедка от 500 до 1.500 р. за шт., папиросы «Зефир» за 25 шт. 500 р., махорка 225 р. восьмушка, спички 75 р. кор., соль 900 р. ф., а о чем-нибудь «носильном» или «обстановочном» и писать не стоит — цены прямо недоступные, и каждый день повышаются, да не планомерно, а крупными, какими-то безумными скачками. Фуражка или картуз, стоивший у самого Лемерсье 3 р., теперь стоят 3.000 р., так что же тут говорить о более крупном. Да и кого удивлять: те, которые не дожили до таких цен, этих строк не прочтут, а которые переживут нас, тем, может быть, эти цены покажутся микроскопическими.

Погода стоит прекрасная. Ледоход окончился. Половодье невысокое.

29 марта/11 апреля. Христос Воскрес!

Сегодня день Светлого Христова Воскресенья. Погода солнечная, но с ветром и небольшими облачками. Заутреню во всех церквях совершали «по-старому», т. е. в 12 ч. по солнечному времени, или по казенным часам в 2-й ч. ночи.

† Но какой этот день для меня и для моих родных вышел печальный! Я никого к себе не ждал; сына к светлому дню так и не дождался; брат на Украине; зять тяжело болен; и пошел я, скудно разговевшись, в Алексеевский монастырь на родительские могилы, а оттуда в лечебницу к больному, но увы! — в живых его уже не застал! Сказали, что он скончался в Страстную Пятницу, 27 мар./9 апр. в 6 час. вечера, о чем мне его дети не могли

сообщить за неисправностью телефонов и дальностью их жилья от моего. Итак, не стало милейшего человека Владимира Алексеевича Каширина, мужа моей сестры. Скончался он от рака, после двухмесячных страданий, скончался 47 лет, скончался в тот день и час, в которые наш Спаситель после земных страданий испустил Свой Дух. И в этом есть высшее благоволение к нашему страдальцу. Верю, что он сегодня в Царствии Небесном, ибо вся его жизнь полна была труда и любви к людям. Однако так горько расставаться с ним. Это был, при всех житейских выпавших на его долю невзгодах, жизнерадостный человек, с сильным духом и крепким сердцем, обещавшим ему жизнь долгую. На нашу связь были набиты лет 27 тому назад два обруча родства и дружбы. И надо сказать, что лет 5 тому назад первый обруч дал трещину, но зато второй обруч стал еще надежнее, крепче; и для меня покойный был первейшим другом. Я искренне плачу об этой нежданной утрате и молюсь об упокоении светлой души новопреставленного раба Божия Владимира! В его семье этому горю пределов нет. Его единственный сын сейчас в Кунгу ре, и он узнает о кончине отца, может быть, не ранее, как через две недели. Вот одна из особенностей нашей современной жизни, сделавшейся схожей в некоторых своих сторонах с восемнадцатым столетием.

Сегодня продавали специальную, против Святого праздника газету под названием «Коммунистический субботник», составленную, набранную и напечатанную правоверными коммунистами в великие страстные часы. В ней есть статьи Ленина, Зиновьева, Бухарина, К. Тимирязева, К. Радека, Коллонтай, Каменева и других «знаменитостей». Начинается она «присказкой»: «сегодня старая, дряхлая, древняя пасха. Рабочий класс переживает еще свою страстную, время тяжелой борьбы, напряженной работы. Этим трудом он завоюет свою пасху, когда из обломков войны и мук революции воскреснет новое коммунистическое человечество. Да здравствует грядущая пролетарская пасха! Да здравствует ее творец — Коммунистический труд.»

И все статьи призывают к труду, но труд обещается не свободным, а подневольным. Его милитаризируют. Кажется, за это дело взялся сам Троцкий. Испытанный мастер Аракчеевского свойства. На Красной Армии он показал свою страшную силу, годную для легендарных вождей, завоевавших целые царства и не щадивших народы. Рабство было, есть и будет! И если «пролетарская пасха» грядет и придет, то это все-таки будет не по Троцкому, а по Христову учению.

Воистину Христос Воскрес и Воскреснет!

Красными взят на Черноморском побережье Туапсе, на Каспийском море форт Александровский.

В «Субботнике» есть и фельетон Л. Сосновского. Описывается «Вечер у Буденного», прославившегося конными набегами на Деникина. Вечер был в вагоне Буденного. Гостями были: Клим Ворошилов — рабочий, комиссар конной армии, Демьян Бедный — правительственный поэт, К. Радек и… Федор Иванович Шаляпин, видимо, из-за хорошего пайка сменивший звание Солиста Его Величества на звание Солиста их величеств Буденных и разных забубенных товарищей.

6/19 апреля. Всю пасхальную неделю простояла великолепная погода. Друга Володю схоронили в Пасхальную среду на Семеновском кладбище. Там похоронены двое моих детей, Галя и Миша, умершие в 1898 и 1904 гг. Могилки их были огорожены деревянной решеткой с прочными столбиками, и увы! — нет уже этой загородки: в эту зиму и ее растащили на дрова, таковой же участи подвергнулись на кладбище всякие такие загородки. Крест на их могилке пока пощажен.

На Пасхе можно было видеть нарядных людей. Некоторые даже воздели на себя «котелки». И ничего. Словом, «поправение» идет ходом. Много развелось частных магазинчиков, где продают «без карточек» все что угодно. Вывески гласят, что это торговля «кустарными произведениями». Смешно даже видеть под таким наименованием несомненно фабричные, заграничные и художественные произведения. Стало быть, кустарю можно торговать, ну вот, бывшие фабриканты, полковники или коммивояжеры и заделались теперь «кустарями». Поправел сам Ленин, но такие коммунисты, как природные дураки и жулики, находятся к нему в оппозиции. Невыгодно им «в поте лица своего» добывать хлеб насущный.

Япония взяла Владивосток и бомбардирует Николаевск. Наступление на Сибирь повела широким фронтом.

Страшно дорожает мясо: конина уже 650 р. за ф. Спички дошли до 120 р. за коробку. Видел одного приятеля в новых «скороходовских» башмаках; он заплатил за них *только* 24.000 р.

Красными взят Дербент.

Английский министр ин. дел лорд Керзон обратился к Чичерину с нотой: просит «во имя гуманности» прекратить войну против крымских берегов, где остались еще деникинцы. Брешь пробита; Антанта, как будто бы, начинает уже мало-помалу признавать советскую власть.

На днях получил от М. А. Гамалей еще два письма. Леля писал ей в декабре из Одессы с канонерской лодки «Грозный».

Там есть матрос Константин Александрович Мартинович, сын священника, род. в 1892 г. Вот с ним бы повидаться и расспросить о нашем скитальце.

В пятницу на Пасхе совсем закутили. Были в театре Незлобина, смотрели знаменитую пьесу покойного Вел. Князя Константина Константиновича «Царь Иудейский». Странно даже, что эта пьеса, ставившаяся для Царской Фамилии в Эрмитаже (в Дворцовом), в которой играл Иосифа Аримафейского сам Князь и участвовали в других ролях его дети и приятели, — имеет в наше время такой шумный успех среди новой театральной публики. Конец сезона, пьеса шла сотню раз, обстановка и исполнение средние, а театр битком набит. Что же Луначарский смотрит! Признаться, при всем моем сердечном трепете к священному содержанию пьесы, она не произвела на меня волнующего или захватывающего впечатления. Я ждал чего-то большего. Что же касается музыки к ней, сочиненной А. К. Глазуновым, так она совсем не по сюжету. И она средняя. Выше среднего стихи К.Р., но их лучше читать, чем слышать в передаче Чергонина (Пилата), Волоховой (Прокуллы), Нелидова (Иосифа), Маликова (Никодима) и др. В антрактах наблюдал за публикой. Правда, больше всего молодежь, но какая серенькая по нарядам, по манерам, по говору. Не радует старческие взоры! Что-то угловатое, неизящное, мелкое, непредставительное. Бывало, в театрах смотр красоты, да не какой-нибудь, а московской золотой молодежи, где же «роскошные бюсты», пред которыми, по выражению Щедрина, «каждый прохожий в умилении останавливается». Все жидко, скучно, нездорово! А ведь денег сколько угодно. Мы сидели в третьем ряду бельэтажа и платили за место по 80 р. (Первые ряды кресел расцениваются от 150 до 200 р., ложи от 400 до 1.200 р.) Полбутылки лимонной воды в театре — 75 р., открытка с изображением артиста — 50 р., программа спектакля 25 р.

12/25 апреля. Прошедшая «Фомина» неделя была вся прохладной, но дождей не было, а очень бы надо, и для всходов зелени, и для «промывки» московских улиц, дворов и бульваров. Много еще куч с нерастаявшим грязным снегом, еще больше неубранного мусора, который сжигается там же, где копился, и от этих «жертвенников» несет такой удушающий смрад, что дышать боишься, а самый воздух по времени такой теперь чудесный. Наливались почки, зеленела травка, а сегодня, благодаря потеплению, деревья развернули крохотные молодые листики. Только бы и быть на воздухе, дышать им, но где уж! «Жертвенники» мешают.

Вот еще новая «сухаревка»: принесли счет за электрическое освещение в январе и феврале… на 799 р. 68 к., т. е. по 1 р. 36 к. за гектоваттчас. А бывало-то! За 588 часов, считая по 2,5 копейки, взяли бы только 14 р. 70 к. А стирка белья? Ведь это что-то ужасное! Моей бедной, превеликой труженице супруге пришлось посвятить этому делу целую неделю. Дело осложнялось тем, что вода до нашего этажа не доходит и ее приходится таскать снизу. А когда я было удивился ненужной скупости, т. е. чего бы, мол, не отдать накопившееся белье в прачечную, она назвала меня сумасшедшим дураком и была права, потому что за это удовольствие не хватило бы моего полугодового жалования, ибо тариф в прачечных будто бы такой: за рубашку 150 р., за носовой платок 100. Подумайте! Не за приобретение платка в собственность, а только за стирку его 100 р.!

Выходит, что чистота теперь предмет роскоши, а не необходимости. Значит, надо жить как можно погрязнее!

23-го апреля Ленину исполнилось 50 лет, и по этому случаю газеты переполнены восторженными, верноподданническими и хвалебными статьями, посвященными его жизни и деятельности. Бухарин называет его «величайшим вождем масс», «гениальным тактиком» и «революционным стратегом». Не менее высоко ставят Ленина в своих статьях Троцкий, М. Н. Покровский и все прочие советские писатели. В зале московского комитета на Дмитровке в этот день состоялся особый вечер, на котором самые видные коммунисты еще более славили юбиляра. Был и Максим Горький, который, между прочим, сказал: «Есть люди, о которых трудно говорить, которые, словно гигантские рычаги, поворачивают историю. Таков Христофор Колумб, условно таков Петр Великий. И вот, черты такого типа есть в тов. Ленине. Великий ум его работает не только для нас, но и для всего человечества, да и для всей нашей планеты.» (Вона куда хватил!) А далее: «Образ его внушает мне чувство некоей жути. Много я видел великих людей, видел Толстого… но образ т. Ленина заслоняет их», и т. д. Сам Ленин явился на вечер после юбилейных речей. Что было дальше, мы не знаем, т. е. были ли после «излияний» «возлияния»… Я думаю, что были. Ведь «под луной нового ничего нет»… Наша планета и наш брат русский, что бы там ни делал Ленин, что бы там ни говорил Горький, — не переделаются во веки вечные!

16/29 апреля. Продолжает стоять теплая, сухая, ясная погода.

На северном польском фронте обстреливается г. Полоцк. На южном — от Овруча до Жмеринки-Проскуров — энергичное наступление поляков. Они что-то затеяли в компании с Петлюрой

(«жив Курилка!») не шуточное. Хотят прибрать к своим рукам Подольскую, Волынскую и Киевскую губ.; одним словом, восстановить Польшу 1772 г. Сегодня сводка уже сообщает, что ими заняты Коростень, Винница, Бердичев, Житомир, Могилев-Подольский, и сам Киев находится под угрозой.

† Скончался в Крыму Федор Адамович Корш, создатель «театра Корша». Милейшая была личность, и для него, должно быть, все были милы. Недаром он не иначе называл всех, как «голубой». Много радости пережил я в его театре. В моей юности и молодости этот театр был после Малого самым моим любимейшим. Собственно, первый «коршевский» театр был еще в том здании, где сейчас Художественный. И там я бывал, и там-то, собственно, из меня вырабатывался заядлый театрал. В 1917 году Федор Адамович был в нашей «Самолетской конторе», и я имел удовольствие с ним познакомиться и беседовать, и конечно, слышал «голубу». Царство ему небесное!

Из Баку получена от группы местных революционеров телеграмма, что они свергли бывшее там правительство и в союзе с нашим, советским, учреждают Азербайджанскую советскую республику. Нам бы нефти-то!

† Вчера в Москве скончался профессор Климентий Аркадьевич Тимирязев, ученый-дарвинист, глубокий старец, к концу своей жизни примкнувший к большевикам и даже попавший на последних выборах в члены Московского совета РКД. По последней причине — в газетах пышные статьи о его «великоучености» и извещение, что похороны будут на казенный счет, с красной помпой, приличествующей крупному революционному деятелю. Не дело бы ученому старцу заниматься политикой, но тем реальнее можно сказать ему в напутствие на Ваганьковское кладбище: «Вечная тебе память!»

Дзержинский добрался до главных деятелей Кооперации и объявляет, что главные члены правления Центрсоюза Коробов, Лавру хин и Кузнецов арестованы, а Беркенгейм, Зельгейм, Сахаров, Прусс, Сергеев, Ленская, Вахмистров и Михайлов отстранены от дел и над всеми ними идет следствие. Они подозреваются в контрреволюционной деятельности, каковую проявили своей кооперативной политикой, стремившейся к восстановлению свободной торговли, денационализации банков, другими словами — «к свержению советской власти экономическим путем».

Вчера опять были в театре. В Камерном. Сидели во втором ряду амфитеатра. Цена местам 150 р. Шла драма Скриба «Адриенна Лекуврер». В последний раз я видел ее в Петербурге в Суворинском театре с А. С. Суворинской в главной роли. Там была

богатейшая обстановка, дорогие костюмы, изящная, красивая и трогательная Адриенна-Суворина. Здесь какая-то футуристическая обстановка, но чрезвычайно оригинальные — не роскошные, а такие яркие костюмы, все это по рисункам не кого иного, как мужа моей племянницы Мани, Бориса Алексеевича Фердинандова. Молодо, смело и для глаз, на первый раз, занимательно. Браво, Борис Алексеевич! И за игру браво (принц Бульонский). Я бы сказал, что за игру-то громче браво, но в газетах давным давно названо, что Фердинандов — второй Бакст и т. д. В Суворинском театре актер, игравший принца Бульонского, мне менее нравился, зато здесь мне Адриенна-Коонен не понравилась. Пускай газеты ее тоже превозносили, как Фердинандова-художника. Пускай то, что мне не понравилось в Коонен — ее какая-то балаганность (у всех исполнителей она была), предписана ей самим Александром Таировым, ставившим пьесу, — но все-таки эта роль не для нее; мелка Коонен. Тут, что там ни придумывай Таировы, нужны Федотовы, Ермоловы, Комиссаржевские, Гзовские, Суворины. Старый сюжет, старая пьеса, и актеры должны быть «старого леса». Из других лучше всех Юдин в роли аббата и Соколов в роли Мимонне. Но, как ни как, пьесу посмотрели с интересом, и в общем осталось отличное впечатление. И публика здесь не как у Незлобина. Я там скучал, видя ее «мелкоту», а тут и «бюсты» даже были.

Надо бы вот походить по всем театрам, понаблюсти новые театральные нравы и течения, да не по средствам оказывается. А жаль! Не проследишь и не запишешь интереснейших метаморфоз театрального мира и быта.

19 апр./3 мая. На днях у нас был сверх-Лукулловский обед: купили за 1.000 р. двухфунтового налима и, конечно, втроем справились с ним в 5 минут. А один мой сослуживец выменял где-то в Смоленской деревне на полтора фунта соли — гуся, привез его в Москву, но нашелся покупатель за 10.000 р. и приятелю самому полакомиться гуськом не пришлось.

1-е мая не праздновали. Коммунисты постановили превратить его в «Первомайский всероссийский субботник», и, таким образом, разные советские учреждения, так сказать, «неотложного порядка», а в том числе и наш Водный Транспорт, были открыты на обычные 6 часов, а учреждения другого, «неспешного», порядка посылали своих сотрудников или рабочих на общественные работы. Предвиделись (и может быть частью исполнены) закладки памятников, зданий, уборка строительного и уличного мусора, чистка бульваров, древонасаждения, прокладки узкоколейных дорог, ремонты паровозов, машин,

пароходов, и проч.

В 9 ч. утра грохнул пушечный выстрел, что знаменовало начать всякие работы, в 3 ч. дня другой выстрел; значит, кончай и получай каждый подарок от попечительного правительства: 1/2 ф. хлеба, 1/8 ф. масла и 2 конфетки, а впридачу бумажный «жетон», дающий право получить из советской столовой бесплатный обед и посетить какой-нибудь театр — тоже бесплатно. Хлеб, сало и конфеты мы с дочерью получили, а все прочее получить было трудно, надо было для получения обеда простоять в очереди часа три, а право на театральное удовольствие выиграть или купить.

По поводу этого субботника написано видимо-невидимо хвалебных статей и будут еще долго писать все в том же роде. Такая штука в социальном деле спорная. По крайней мере, меньшевики считают работу 1-го мая изменой Интернационалу.

А дальше, вот с сегодняшнего дня, началась «неделя труда». Такой же распорядок, как и 1-го мая: ж.д., водный и гужевой транспорты, водопровод, хлебопекарни производят после 4-х часов добавочно и безвозмездно 3 часа работ по своей обычной программе, но не имеющие срочных работ идут с 4-х до 7 ч. на общественные работы. Следовательно, с 3-го по 10-е включительно работают везде с 10 ч. дня до 7 ч. вечера.

Вот видите: сначала «дни», теперь пошли «недели», а потом дождемся «месяцев», «годов». Словом, потихоньку да полегоньку вернемся к старым кабалам. Впрочем, любителям старины и теперь уже можно радоваться, что жизнь пошла по старинке. Железные дороги, пароходства и трамваи почти исчезают, телефоны стали работать хуже, чем в первые времена их введения в обиход, почта медленней «воловьей», да чего тут! И телеграф не лучше почты. Клозеты, как уже давно подмечено, заменены в лучшем случае «нужниками», водопровод и канализация тоже как будто замирают, и вводятся различные барщины, вроде субботников, «недель», и возобновляется институт «разбойников». Сегодня я читал в «Известиях», что под Москвой действует разбойничья шайка под фирмой «Черный орел». Зарегистрировано с десяток подвигов этой шайки. Благородство прямо средневековое. «Если вас в дороге встретят другие наши молодцы, то скажите им, что вы уже ограблены «Черным орлом», и тогда они вас не тронут», — говорят они своим ограбленным клиентам.

За эти дни перепадали дождички. Сделалось прохладнее.

19 апр./4 мая. А сегодня опять потеплело и лист на деревьях распушился, выглядывает молодым щеголем, и так стало в

природе весело, а в грязной Москве приглядно. Большевики говорят, что последнее достигнуто дружным трудом, а мы, маленькие старые люди, будем стоять на своем — солнышко это сделало!

Получил письмо от брата из Полтавы от 24-го апреля. По нынешнему времени это быстрота!

И в сегодняшних газетах все о первомайском субботнике. Так же умилительно пишут об участии в физических работах самого Ленина, тащившего на плече в компании с семью товарищами толстое бревно, как в свое время писали о десятиверстном походе Царя Николая Второго в солдатском походном снаряжении.

1-го мая произошли с речами Ленина закладки памятников «освобожденному труду» на пьедестал сверженного памятника Александру Третьему, и Карлу Марксу. На открытии первого говорил и Луначарский, причем напомнил просвещаемому им пролетариату, что «когда на Русь надвигалось Христианство, низвергались кумиры Перунов, а сейчас мы разбиваем кумиры обветшавшей религии и старого правительства».

Читатель, вспомнивший, что он где-то на этих листках читал уже не только об закладке, но и об открытии памятника Марксу, упрекнет меня во вранье. Нет, я тогда и теперь пишу только правду, но дело в том, что «открытый» памятник Марксу куда-то исчез, как и многие другие памятники, расставленные по Москве «сгоряча». Некоторые развалились сами, некоторые разбиты, попорчены или уничтожены не то хулиганами, не то «контрреволюционерами». Подобная участь постигла и памятник «Марксу и Энгельсу».

Много сегодня пишут и с польском продвижении на Украину. А особенно Троцкий. Он напечатал несколько обращений к *«Гражданам* Советской земли» (чувствуете: к гражданам!), к железнодорожникам, к воинам и т. д. Первое обращение озаглавлено словами «Вор в доме!»… «В нашем доме, — говорит он, — вор. Он ворвался в передние комнаты нашего советского здания… Теперь польское правительство врывается в украинские покои советского дома… Опьянев от поддержки мировых грабителей и потеряв рассудок, вороватые шляхтичи хотят в нашем советском доме помыкать трудящимися русскими людьми как рабами, как вьючными скотами. Но не бывать! Эй, трудящийся русский люд! Честные граждане! В нашем советском доме вор, громила! Беритесь за дубье! Гоните вора!» и т. д.

Поляки взяли уже близ Киева узловую станцию Фастово. Правительство Польши признало независимость Украинского государства под управлением «атамана-генерала» Симона Петлюры. Петлюра выпустил манифест, призывающий

украинский народ совместно с польской армией освободить Украину от советской власти. Красные войска взяли Сочи и Шемаху. Идет будто бы в нашей стране энергичная подготовка к электрификации. Например, работа по электрификации Валдайских озер будет уже к лету 1921 года закончена.

Вчера исключительно торжественно отпраздновали 50-летний юбилей артистической деятельности Марии Николаевны Ермоловой. В полдень от Большого театра на Тверской бульвар к квартире Ермоловой направилась огромная толпа артистов и почитателей ее таланта со знаменами и флагами. На одном было написано: «Светочу русской сцены», на другом: «Великая, живи!» (Последний плакат напоминает что-то не то щедринское, не то чеховское.) Юбилярша вышла на балкон, кланялась процессии *«и зарыдала»*. (Тоже что-то старое, юмористическое, «поклонилась и зарыдала».) Вечером был торжественный спектакль в Малом театре. Я слышал, что за места платили по нескольку тысяч рублей. Поставлен был третий акт «Горя от ума» и акт из «Марии Стюарт», произнесено много речей и прочитана масса приветствий. Совнарком «пожаловал» Ермолову званием «Народной артистки», а московский Совдеп огласил, что он постановил предоставить в пожизненное распоряжение юбилярше занимаемый ею дом № 11 по Тверскому бульвару. То есть дом ее супруга Николая Петровича Шубинского, члена Думы, юдофоба, старого московского адвоката, одним словом, человека с такими «качествами», граждан с которыми не так давно ставили «к стенке» или запирали в лагерях и в Бутырках.

Все еще не пойму, кто кому изменяет: «солисты» старым богам или новые боги пролетариату?

Карл Радек пишет, что борьба с Польшей будет труднее, чем та, которую приходилось вести с Деникиным и Колчаком.

Иосиф Пилсудский называет себя в прокламации «Ко всем жителям Украины» — «Верховным вождем польской армии», которой он дал приказ «двинуться вперед». Значит, с Польшей форменная война.

23 апр./6 мая. Напечатан приказ «революционного военного совета республики», за подписями Троцкого, Каменева и Курского, что советская Россия «вынуждена ныне силою оружия сломить злобную и хищную волю польского правительства» и в этих целях «образовать при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики высокоавторитетное по своему составу Особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции», причем председательствование в этом Особом совещании возложено на

А. А. Брусилова, а членами назначены А. А. Поливанов, В. Н. Клембовский, П. С. Балуев, А. Е. Гутор, А. А. Цуриков, А. М. Зайончковский, М. В. Акимов, Д. П. Парский, А. И. Верховский, И. И. Скворцов, Л. П. Серебряков, А. Н. Александров, К. Х. Данишевский.

Вчера еще состоялось в Большом театре пленарное заседание совета союзов и комитетов, посвященное событиям на Польском фронте. С речами выступили Каменев, Ленин, Троцкий и даже Марков. Все в один голос — разбить польских помещиков и капиталистов и помочь трудящимся массам самой Польши создать свою советскую республику. В этом смысле составлена и принята единогласно резолюция.

Между прочим, Троцкий поведал собравшимся в заседании, что Брусилов обратился с письмом, в котором высказался, что советское правительство поступает в польском вопросе вполне правильно, а потому и предлагает созвать совещание из опытных работников военной школы для разработки дела снабжения, пополнения кадров и улучшения ж.д. Вот таким-то манером эта бывшая знаменитость и попала в новые знаменитости (говорят, будет получать 600.000 в месяц). Вчера же состоялся на Театральной площади парад войскам Московского гарнизона по случаю отправления некоторых частей на Польский фронт. Там тоже говорили речи и Ленин, и Троцкий. А сегодня по городу развешаны плакаты с призывом идти «в бой» или «на борьбу с польской шляхтой» (так оглавляются эти призывные прокламации).

С Японией во Владивостоке заключено перемирие, из коего видно, что русские войска из зоны в 30 км. вокруг Владивостока выводятся, а с Финляндией переговоры о перемирии временно прекращены вследствие «серьезных разногласий по вопросу об установлении нейтральной зоны и фарватера в Финском заливе», а также «крайней неуступчивости в переговорах со стороны финской делегации».

С Кавказского фронта сообщают сводки, что в районе южнее Сочи сдались остатки Деникина и Кубанской Рады в количестве 60.000 чел. с генералами Букретовым и Морозовым во главе и что в Баку захвачено (?) 300 тыс. п. бензина, 25 млн. п. керосина, 2 млн. п. газолина, 1,25 млн. смазочных масел, 115 млн. мазута и 80 млн. сырой нефти. Но когда это богатство дойдет до дела?!

Появились в продаже свежие огурцы. Одна штучка 130 р.

Купили дочери кожаные туфли, или полуботинки («скороходовские») и заплатили 20.000 р. Половину этих денег она нажила торговлей конфетками около электрических театров. Безобразие! т. е. и цена безобразна, и нужда добывать деньги

таким способом тоже безобразна.

24 апр./7 мая. Турецкий султан выслан из Константинополя в Бруссу. Процедура эта была выполнена британцами.

Наша канцелярская «трудовая неделя» ограничилась только двумя первыми днями, но она продолжается для лиц, занятых или привлеченных по физической работе. За сверхурочные «труды» (по совести сказать, ничего не делали) мы получили за 2 дня 1 ф. хлеба.

25 апр./8 мая. В Киевском районе с ночи на 6-е мая были упорные бои с поляками, а на другой день они заняли Киев, красные же войска отошли на левый берег Днепра. Итак, в Киеве 16-е междуцарствие! Бедные киевляне! Вот кого ударили не раз, не два, а до бесчувствия!

Сегодня получил письмо от брата из Полтавы от 29 апреля н. ст. Там тоже все дорожает: молоко 120 р. кружка, мясо 250 р., свинина 300 р., масло 900 р., белый хлеб 140 р., ржаная мука 4.000 р., а пшеничная 6.000 р.

Сегодня же впервые я получил «премиальную» плату за свои служебные (очень маленькие) труды, по расчету 3.500 р. в месяц, за вычетом в союз двух процентов, т. е. выходит, теперь за службу я получаю деньгами всего 6.860 р. в месяц.

27 апр./10 мая. Вчера было воскресенье, но никуда из дома не выходил, как и предшествующие праздники (кроме Пасхальных). Не выхожу потому, что дома дел по горло: надо напилить дров, наколоть и нащипать щепок для самовара (углей уж, должно быть, ни за какие деньги не достанешь), а потом натаскать из подвального этажа себе на четвертый воды, — все это с расчетом на целую неделю; кроме того, чищу тоже на неделю свое одеяние и обувь. Так день и пройдет в домашних трудах до 6 ч. вечера, а там пообедаешь и ляжешь с книжечкой отдохнуть. Вот таким манером и вчера завалился, да вдруг как трахнет что-то, аж стекла задребезжали! Не го выстрел, не то взрыв, не то гром, и так «трахало» весь вечер, всю ночь, и даже сегодня утром часов до 11. Кроме меня, все выбежали на улицу, в доме поднялась суматоха. Ясно стало, что это не гром, а какие-то взрывы, подчас достигавшие необыкновенной, неслыханной (даже в октябре 17-го года) силы. Не только стекла дребезжали, кажется, сам дом вздрагивал. По странной случайности, из всех 48 окон нашего шестиэтажного дома из одного только окна выскочили все стекла, зато, как говорили, поближе к месту взрывов перебитым стеклам и счету нет. Лопались даже

зеркальные магазинные огромные и толстые стекла. В промежутках между взрывами непрестанно слышался густой зловещий гул, как будто под землей клокотала какая-то нескончаемая буря.

Через час после первого грохота, т. е. около 8 ч., уже пошли рассказы о том, что и где делается. Говорили сначала, что это выкорчевывают в Тюфелевой роще пни, о чем даже было в газетах 8 мая предупреждение, что, дескать, не пугайтесь, граждане, — от 4 до 5 часов будут слышны выстрелы — это будут подрываться взрывчатым веществом «секретином» пни, для очистки подмосковных рощ под разведение насаждений высокой культуры. Но этой версии глупо было верить по ужасу взрывов, и вернее были последующие «эстафеты», что где-то на Ходынке или на Александровской дороге взорвались пороховые или снарядные склады и что оттуда по Тверской везут массу раненых.

А сегодня, в понедельник, когда газеты вообще не выходят, расклеены объявления, что взрыв и пожар произошли около с. Хорошово, и что жертв мало, и что взрывались только какие-то оболочки, и что производится строжайшее следствие, причем отмечено, что, вероятно, злоумышление имеет связь с началом польской войны. Завтра прочтем подробности бедствия. Дай Бог, чтобы оно было не так велико, как говорили сегодня: одни насчитали 6.000, другие 3.000 жертв, но по впечатлению от грохота канонады, продолжавшейся часов 16, невозможно верить официальному сообщению, что ничего особенного не случилось.

Между Россией и Грузией заключен договор, в силу которого к Грузии переходит Тифлисская, Кутаисская и Батумская губернии и области со всеми «уездами и округами, входящими в эти губернии и области, а также округа Закатальский и Сухумский. В договоре есть один такой пункт, из которого видно, что Грузия обязана передать все организации и группы, враждебные советской власти, находящиеся на грузинской территории, России. Значит, «белогвардейцы», спрятавшиеся там, будут выданы Грузией большевикам. Но есть и примечание, что «Россия обещается сохранить жизнь всем передаваемым ей в силу настоящей статьи лицам».

29 апр./12 мая. За два последних дня газеты так нам и не рассказали бедовой правды про пожар и взрывы на артиллерийских складах при с. Хорошово. Дескать, выгорели только такие склады, в которых находились старые снаряды, в большинстве не снаряженные, а некоторые — совершенно негодные для войны. Пострадавших же, пишут, «отмечено всего несколько случаев увечья; неизвестна судьба охраны: вероятно,

часть из них погибла». Но все-таки газета не утаивает от любопытствующих читателей, что «сотрясение от взрыва снарядов было так велико, что не только в селе Хорошове и окружающих его ближайших дачных местностях и деревнях, но и в самой Москве пострадали стекла домов на Первой Брестской ул., на Грузинских ул., на Сенной площади, в Дорогомилове, на Никитской ул., на Никольской, на Мясницкой, на Арбате и др.»

Да, впрочем, газетам не до того. За последние дни они пестрят разными статьями, обращениями, приказами, воззваниями, просьбами, резолюциями — все на тему «в бой со шляхтой». Приглашают «спасать свое отечество» и «стереть коварного и беспощадного врага с лица земли». А Троцкий уже на Западном фронте и кипит там своими звонкими «уговариваниями». «Тесней сомкните ряды, тверже сжимайте винтовку в руке. Вперед!» и т. п. Поляки наступают на Гомель.

Сегодня один мой сослуживец заплатил легковому извозчику с Маросейки к Краснохолмскому мосту ни много ни мало 3.000 р. Диво бы пьяный, а то ведь трезвый, и днем, не ночью! Как это ни тяжело для него, но без извозчика он не мог обойтись: вез больную жену.

Вчера был первый гром, сопровождавшийся небольшим дождем. «Люблю грозу в начале мая» («по новому стилю» — приходится добавлять прозой).

1/14 мая. Почти вся Россия объявлена на военном положении.

Военный обозреватель «Известий» пишет, что польский фронт имеет протяжения 870 верст, а польских бойцов только, будто бы, 100 тысяч человек.

Чичерин обратился к финляндскому правительству с предложением начать мирные переговоры, а в парижских газетах пишут, что относительно России Польша заключила с Финляндией соглашение о взаимной поддержке.

В Питер прибыла делегация английских тред-юнионов для ознакомления с советскими порядками. По этому поводу Ленин выразил уверенность, что тред-юнионы, мало сочувствующие большевикам, «по возвращении домой будут лучшими агитаторами в нашу пользу».

Ходил в баню. Вход 125 р., охрана одежды 25 р., стрижка ногтей на ногах 50 р., а «парильщик» 200 р. Последнее не прошло — не по карману. Прежде чем попасть в это блаженное место, пришлось простоять у входа полтора часа «в хвосту». Теснота и грязь (в бане-то!) нестерпимые.

Понадобилось поправить у ботинок стоптанные каблуки.

Гони, — говорят, — «косую»! Вообще, тысяча рублей играет теперь самую жалкую роль. Кусок старой подошвы, и тот теперь — значительнее и солиднее новенькой тысячи. А впрочем, то ли еще будет!

4/17 мая. Сегодня я получил с оказией через Владимира Сергеевича Юдина (которого самого, к сожалению, не видал) письмо от Лели из Екатеринослава, помеченное 24-м апреля с.г. Пишет, что «со всеми возможными перипетиями» он «убежал из белогвардейского плена» и что едет по новому назначению в Новороссийск. Теперь можно сказать уже начистоту — М. А. Гамалей писала мне, что на Черном море, на «Грозном», он числился под чужим именем — какого-то поповича. Несомненно, что приключений было много, и, вероятно, страшно рискованных. Юдин, как его друг, мог бы рассказать мне все подробности, но так случилось, что я не видел его (по крайней мере, сегодня).

Господь еще милостив ко мне грешному! Сын мой жив, но еще многое, должно быть, придется пережить нам, прежде чем окончится эта несчастная шестилетняя эпопея. А потому мой долг неустанно просить у Бога мира всему миру и сил перенести бесчисленные тяготы нашего подневольного существования.

Погода стоит жаркая. Зелень и земля сохнут от страстного ожидания дождей. Если так потянется, то на нивах, огородах и в садах образуется неурожайное бедствие.

Сегодня в Москву приехали делегаты английских рабочих. На Николаевском вокзале им устроена торжественная встреча.

8/21 мая. Нестерпимая и зловредная жара и духота.

Советская Москва по горло занята английской делегацией рабочих. Угощают ее бесчисленными речами, банкетами, торжественными заседаниями, обедами, спектаклями, катаньями и парадами войск. И когда только они найдут время сделать то, зачем приехали, т. е. рассмотреть, оценить, раскусить, понять, что теперь у нас происходит: разрушение или созидание. Громадная порция революционных краснобайств, песен, музыки, салютов — заглушит, пожалуй, тот стон русского человека, который теперь раздается не только на Волге глубокой, но и на Москве-реке, и на Яузе, и во всех уголках России! По тем ответным речам, которые произносят сами англичане, как будто выяснилось, что у нас наступил уже социалистический рай. Со стороны-то, конечно, видней! А с другой стороны «хитрый Альбион» от радушия советских деятелей ведь не размякнет и будет все-таки «себе на уме», так что нам долго не придется узнать, каковы в действительности впечатления заморских гостей. Они говорят,

что представляют собой депутацию от 6,5 млн. рабочих, а злоязычники говорят, что они сами себя представляют только.

На Западном фронте как будто бы начинается отпор польскому нашествию. В Полоцко-Лепельском районе прорван фронт противника на 75 верст; занят красными город Десна. Около Лепеля и Борисова советские войска перешли р. Березину.

Вчера, т. е. 7/20 мая, в праздник Вознесения Господня, явился нежданно-негаданно под кров своего родителя мой горе-герой. Значит, письмо его о назначении в Новороссийск, так сказать, «аннулируется», ибо он командирован на западный фронт, собственно в Смоленск, что и дало ему возможность заехать домой. Ехал он в вагоне 5 суток, с вокзала принес на себе пуд муки, 10 ф. сала и 1 ф. махорки, насыпанной попросту в карман пальто. Что касается «вещей», то их у него, кроме того, что было на нем самом, оказалась только одна пара белья, а счет «капиталов» всего только 500 р., и вот все, что «стяжал» себе этот неисправимый коммунист.

В первый момент его появления было незабываемо трогательно. Уж очень его внешность, одеяние и багаж были печальны. Пришел он в Москву «из Керчи», т. е. из тех же мест, откуда заявился к своим родным Геннадий Демьянович Несчастливцев, и был ужасно бы похож на него, если бы он был вдвое постарше. Так же как и у того, у Лели на лице обнаружились «следы беспокойной и невоздержанной жизни», «на нем длинное широкое парусинное пальто», очень поношенная фуражка и т. д. На ногах огромные, тяжелые, неуклюжие, грубой кожи опорки австрийского образца, а где же сапоги? — Они проданы в Ростове-на-Дону, и там на вырученные от них деньги куплены для нас мука и сало. Ну, разве это не похоже на благородство Несчастливцева? («Признаться, не грех бы бедняге Несчастливцеву и покутить на эти деньги», и т. д. «Лес», 5 действие, 9 явление). Убогий багаж, запыленное бедное одеяние были бы только смешными, раз он явился в Москву, где как-никак у него найдется материальная поддержка, но очень трогает его исхудалость, сильное переутомление и постаревшее лицо, и глаза такие печальные. Сразу видно, что пережито ой-ей-ей сколько! Рассказов хватило на целый день, и если бы все описать, то получилась бы длинная и занимательная история. Я чувствую, я переживаю его чувствования и переживания, но у меня нет таланта воспроизвести их в психологическом и живописном строе, а потому могу только записать здесь о его похождениях периода времени последних десяти месяцев в «протокольном виде».

После своего политкомиссарства он был «комбригом», т. е.

командовал разными бригадами, с которыми слонялся около Миргорода, в Лубнах, в Ровнах, в Александрии, у ст. Користовки. Было у него в команде и два бронепоезда, командовал он и «боевыми участками», наступал и отступал (последнее чаще). При отступлении, а может быть и при бегстве на Знаменку, — попал с остатками своей части из 14-й армии в 12-ю. Сталкивался с «разложением» красноармейцев, т. е. с неисполнением своих боевых приказов. Пред Фундуклеевкой был, что называется, «разбит», и тут он целых 11 суток не спал, и свалился, будучи сменен свежей силой. Затем заболел сыпным тифом и положен был в Киеве в Клинический городок, в заразно-сыпное отделение. Киев стал эвакуироваться, но его оставили там тяжко больным. В ожидании «белых» сестра милосердия, добрая, стало быть, душа, Анна Владимировна Шахмина уничтожила его документы из опасения, что его как «красного» расстреляют. Но нашелся белый офицер, по долгу своей службы хотевший выдать Лелю, ибо он узнал его по старой войне. Тогда та же сестра перетащила его, еще больного, на какое-то кладбище под охрану кладбищенского сторожа. Но он побоялся дать ему приют в сторожке, а потому чуть живой — Леля должен был две ночи провести на могильной плите. Затем сестра нашла для него паспорт железнодорожника Антония Никодимовича Кролюк, поляка, — по наружности совершенно на Лелю непохожего (паспорт был снабжен фотографической карточкой), и этот добрый человек усадил его в поезд, идущий в Полтаву, куда Леля и прибыл в конце сентября месяца «без сантима денег», прибыл с определенной целью найти помощь от М. А. Гамалей. А та уже справлялась о его судьбе в Полтавской контрразведке, где ей сказали, что он расстрелян, так что она служила по нем панихиды.

Дальше она повезла его в село Новые Сенжары, где у ней отец — священник Александр Осипович Мартинович. Под его покровом он прожил там до середины ноября и от великолепного кормления совсем поправился. Но начались обыски — искали, конечно, как и у нас в такие времена, — дезертиров и «красных». Пришлось опять бежать, на этот раз в Николаев, а оттуда морем в Одессу. Вместе с Марией Александровной они сфабриковали паспорт на имя ее брата Константина Александровича, и даже сам Леля ухитрился на паспорте начертить печать. На север он не поехал «за неимением средств и теплой одежды». В Одессе встретил наших знакомых — артистку Л. А. Фердинандову (по мужу Ценину) и ее сестру А. А. Лукину. Те немного помогли ему деньгами и трехдневной кормежкой, но побоялись тоже обысков и проч., и ему пришлось спуститься «на дно», т. е. жить в каких-то «углах», записаться на бирже труда «швейцаром», но такого места

он не получил, ибо нужна была рекомендация «с прежнего места работы». Чтобы не сдохнуть с голода, он занялся то расклеиванием афиш, то грузовыми работами в порту. Тут объявляется мобилизация. Идти в набор было для его инкогнито безусловно опасным, но подошел случай попасть на канонерскую лодку «Грозный» — сначала матросом 2-й статьи, а потом сигнальщиком. В последний день пребывания в Одессе его узнал случайно офицер старой армии Роменский и выдал. Но, чтобы не подвести Мартиновича, он съел удостоверение на имя матроса Мартиновича и назвался Ивановым, и городил какую-то чушь, какой не поверили, и «авансом» всыпали ему «10 шомполов». Но ночью, при переотправлении куда-то, сопровождавший его конвоир узнал в нем своего бывшего начальника и по старой преданности дал ему возможность убежать. Фамилия этого поистине его спасителя Наталуха. Дай Бог ему здоровья!

За суточное отсутствие с канонерки его, как бы за пьянство, посадили в канатный ящик. Через два часа лодка вышла в открытое море. Плавали несколько месяцев, а затем прибыли в Севастополь, куда он высадился в полной английской морской форме и с чувствами «настоящего моряка». Перед отбытием «Грозного» в Азовское море Леля сбежал с него и устроился в Морской прожекторной партии, которую отправили на Перекопский перешеек. Но, простояв неделю в Джанкое, они отправились в Керчь. Там он, если не врет, спаивал (в партийных интересах) офицеров, что тем очень нравилось. На эту «удочку» попался и наш москвич Юдин Владимир Сергеевич. В его компании он вместе с несколькими керченскими большевиками испортил прожектора и переехал через Керченский пролив по направлению на Темрюк, что было в ночь с 15 на 16 апреля, причем их экспедиция чуть-чуть не наткнулась на английский истребитель. Затем они добрались до Екатеринодара, где было его назначили на нестроевую должность в Новороссийск, но таковая оказалась занятой другим, так что он вернулся обратно, а потом его потянуло сильно в Москву, и он стал просить об отправке его на Западный фронт, что для него и сделали.

Все это, в сущности, похоже на авантюру и не похоже на его душевно кроткую, мирную натуру, но что поделаешь — зане он юн — «и жить торопится, и чувствовать спешит!»

С месяц тому назад на одном из наших рупводских общих собраний была оглашена некоторая «петиция», подписанная большинством сотрудников нашего управления, в ней говорилось, что «в программах общих собраний сотрудников Рупвода? всегда есть какой-нибудь пункт, намечающий усиление служебной дисциплины и требующий напряжения труда, но не бывает такого

пункта, который свидетельствовал бы о том, что кто-то заботится о продовольственных и о других материальных нуждах сотрудников. Когда же на собраниях об этом раздались робкие, единичные голоса, то тут же получились и «отписки», а дело снабжения нас питанием, бельем, одеждой, обувью и дровами не только не улучшается, но и ухудшается с каждым месяцем.» Далее в 11-ти пунктах перечислялись наши жалобы, причем один пункт гласил, что фуражки, ботинки и калоши получают только те, которые имеют время и смелость «найти в продаже *особую протекцию»*. Заканчивалось заявление несколько иронически и даже «аллегорически». «Если у нас в нашем союзе не оказывается защитников нашему праву *есть*, как трудящимся, то союз не найдет в нашем составе и защитников дисциплины, или «подъемщиков» труда. Таким образом, наряду с отделом охраны труда должен быть отдел охраны продовольствия.» (Вот она, аллегория-то.) А «те же товарищи, которые сполна или частью удовлетворены по выше изложенным 11-ти пунктам, вероятно, конфузливо смолчат в этом вопросе, то тогда пускай они знают, что мы сочтем их пользующимися таковыми исключениями за счет наших недополучек».

Еще до оглашения этой бумаги была уже положена резолюция председателей Рупвода и продколлегии «передать ее для разбора участковой Транспортной Чрезвычайной комиссии», а по оглашении выступил член коллегии Суворкин и сказал на манер Сквозник-Дмухановского: «А подать сюда этого бумагомараку». Тут выступаю я и заявляю, что эту бумагу, подписанную сотней грамотных людей, составил я и подписал первым тоже я. Надо же кому-нибудь писать и подписывать первым. Затем получился форменный скандал. Владыка продотдела, хамоватый тов. Фанталов назвал меня «смутьяном», «человеком, потерявшим голову», а председатель коллегии Козлов, недавно только сделавшийся «партийным», объяснил собранию, что это не простая жалоба, а «декларация, с которой обыкновенно выступают меньшевики» (тут меня подмывало крикнуть «держи правее»), но меня почему-то в такую, собственно трагическую для меня, минуту осенило юмористическое настроение, и я сказал, что вы тут, товарищи, побеседуйте на эту тему, а я пойду готовиться домой к обыску и в Бутырки. Меня проводили громом аплодисментов, а через неделю на следующем общем собрании в числе 141 человека избрали *единогласно* членом товарищеского дисциплинарного суда. Другие 4 кандидата, более желательные райкомводом и коллегиями, блистательно провалились. С этого дня я сделался популярнейшим лицом у своих сотрудников, а у Козлова,

Суворкина, Фанталова и К° — заклятым врагом. Не так Чрезвычайки боялся, как их собственной физической молодой силы. Изобьют, мол, дьяволы! Но вдруг — телеграмма из областного управления за подписью Российского в Главводе с представлением меня в управляющие Рупводом (или, по-новому, Транспортной конторой), и началось дефилирование передо мной вчерашних врагов. Ну как тут не вспомнить незабвенного Михаила Евграфовича: «У нас нет середины, либо в рыло, либо ручку пожалуйте.»

Затем зовут меня в Главвод. Не спеша, но предварительно побрившись, иду туда. Привели к Гр. Вас. Кожевникову. Спрашивает меня, как я отношусь к предстоящему назначению. Указав ему на возможность «палок» со стороны «бывших», на бессильность управляющего улучшить продовольствие для всех сотрудников в одинаковой степени, на «дежурность» работы (управляющего) — будут ломаться пароходы, тонуть гусяны, рушиться постройки, начинаться забастовки (с голода), и т. д. — а мне в эти моменты надо дрова колоть или воду носить, ибо этот высокий пост не дает мне ни лакея, ни денщика, ни кухарки. Обрисовав ему, кроме того, мой добродушный, жалостливый и нерешительный характер и напомнив, что в старых приемах управления были и гнев и милость, я уговорил Григория Васильевича, чтобы он заменил меня другим «спецом». Я и вам повторяю все это убежденно, ибо учитывая «единоличие», считаю его известным этапом по направлению к истинному делу, но предвижу, что мы еще дождемся и такого «этапа», когда фанталовы и суворкины сами запросят пардона и скажут «батюшка, ослобони!», а сейчас им еще уходить очень не хочется. Что они потом и доказали, о чем речь пойдет сейчас же.

Тогда Кожевников говорит: «А если вы в управляющие не идете, то мы вас берем в Главвод.» Когда же я полюбопытствовал, на какую должность, он обидчиво заметил, что не может мне предложить «на выбор» 15 должностей. И закончил беседу со мной выдачей мне бумаги, в которой Рупводу предписывается откомандировать меня немедленно в Главвод. Так и не сказал, ни на словах, ни на бумаге, на какую должность. В этот же день он сказал по телефону Российскому, чтобы он представил в управляющие не кого иного, как моего старого друга Андрея Устиновича Розанова, но и этот старый дурень отказался. На следующий день наша коллегия отправилась в Главвод, и не знаю, что сказала про меня, но про Устиныча кое-что грязненькое, что он и «пьянчужка», и что он бывший «взяточник». И вот, пока что, наши назначения отменены, и Козлов с Суворкиным подняли свои носы опять кверху. Тут во всю эту историю вмешался и

другой мой приятель Петр Федорович Матвеев, которому, представьте себе, хотелось попасть в управляющие. Не будь дураком, он, учтя момент выбора областным управлением кандидата в управляющие, шлет к этому моменту о себе напоминание в виде просьбы его «по домашним обстоятельствам» перевести *«на какую-нибудь должность»* в московский Рупвод, и его перевели… на ту должность, которую я занимал, т. е. заведующего коммерческой частью Рупвода, а меня назначили на его должность (несколько переорганизованную и по другому называющуюся: заведующим Подотделом буксирного пароходства эксплуатационного отдела Главводо). Итак, как будто бы «порок наказан и добродетель торжествует». Но ведь это меня нисколько не радует — Матвеев орел, а я курица, и, как сказал Крылов: «Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться!» А впрочем, я и вы должны порадоваться, если Матвеев все-таки взлетит до «облаков», т. е. до управляющего, и в этом направлении я исподволь, немного погодя, поведу в Главводе с Кожевниковым разговор, что необходимо даже сделать, ибо Кожевников, видно, Матвеева не совсем хорошо знает, когда не признал его «спецом». И очень неприятно, что к сплетне о Розанове он и Россинский, как видно, прислушиваются.

17/30 мая. Троицын день по погоде чудесный, ясный, не очень жаркий. В последние дни вообще свежевато, а дождей все-таки так и не бывало. Из деревень известия безотрадные: гибнут озимые, трава не растет, масса червя и т. д. И это, должно быть, не только около Москвы, но и на Волге и на Юге.

Перед этим листом я положил копию письма к своим приятелям, в котором описываю им и свои «авантюры». Итак, я чуть было не сделался единоличным управляющим Рупвода, а теперь вот, тоже не по своему желанию, и с великим опасением за ответственность в новой должности, хожу на службу в Главное Управление Водным Транспортом («Главводо»), на Кузнецкую улицу, в Замоскворечье.

На Сухаревку ежедневные гонения, а от того и ежедневные вздорожания. Хлеб уже 400 р., пшено 500 р., сахар-рафинад 4.000 р. Мне думается, что если бы на нее смотрели «сквозь пальцы» (лишь бы не дозволять торговать на ней малолеткам), то неминуемо завелась бы конкуренция, а она, конечно, если не понизила, то держала бы цены устойчивее. Теперь сухаревский купец должен «накидывать» на себестоимость не менее 30 – 100 %, ибо он считается с риском отобрания его товаров или «отобрания» его самого в милицию и ЧК, а без этой угрозы

появилось бы больше торговцев, и бойкие из них, что называется «оборотистые», удовлетворились бы на 5 – 10 % пользы.

Советские войска взяли Борисов. Тот самый, в который поляки звали Чичерина для мирных переговоров.

Брусилов, Поливанов и К° напечатали воззвание ко всем русским офицерам — «где бы они ни находились». Приглашают идти в Красную армию, бороться с поляками и тем самым спасать «матушку-Россию». Да-да! Так и написали «матушку». Выходит смесь коммунистического со славянофильским.

Обнародован декрет об образовании автономной *Татарской* советской республики. Территория республики не обнимает целого края, а лишь некоторые уезды Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерний. Чего же бердичевские евреи зевают?

Английские делегаты окончательно поссорили большевиков с меньшевиками. Последние сумели очень внушительно выступить на собрании «печатников». От лица их Чернов, Мартов, Дан — нарисовали английским властям московскую жизнь как она есть — со всеми ее бедствиями, зловонием, распущенностью и бездельем. Получился огромный скандал. Гостей не туда возили, куда бы нужно, и не то показывали, что им нужно видеть. После такого «пассажа» что-то уж нет приторно-восторженных отзывов англичан о виденном ими. Может быть, стали ходить по Москве пешком, а не в автомобилях кататься, и питаться по нашим карточкам. Вот так-то правильнее!

ВЧК опять взяла на себя прежнюю беспредельную власть вплоть до «высшей меры наказания». Причины — война и подозрения, что взрывы, поджоги, ограбления военных складов и запасов совершаются агентами Польши и Антанты при содействии «поднявших головы» контрреволюционеров.

Нужда заставила обзавестись медным никелированным чайником стаканов на 10. Заплатили 9.500 р. А до войны все наше имущество, заключавшееся в пяти комнатах, страховалось нами в 6.000 р., причем все оценивалось «на всякий случай» дороже, чем стоило в действительности.

Вышел декрет, воспрещающий правительственным учреждениям платить за лошадей дороже 265.000 р. Цена на них возросла до такого баснословия, что не редкость было слышать, что вот за эту лошадь платили у того-то 2 млн. р.

† Где-то на юге скончались от сыпняка Мариус Мариусович Петипа, изящный артист драмы и комедии, и Владимир Митрофанович Пуришкевич, ярый, красноречивый, остроумный и шумливый монархист, не дававший покоя кадетам и евреям и, кажется, не любивший их больше, нежели большевиков. Оба

крупные и неувядавшие таланты. Первый до 60-летнего своего возраста казался на сцене молодым человеком («гувернер», «испанский дворянин» и др. подобные роли), а второй и в наши последние годы, когда престиж тронов вдребезги разлетелся, думал, говорил и действовал все так же, как 5—10 лет тому назад. Во всяком случае, люди незаурядные, и о них еще поговорят и попишут. Вечная им память!

Ага! Вот и у Золя я нашел поддержку себе в критике злоупотреблений. В «Труде» Жордан говорит: «Властелин будущего — это ученый: он освещает толпу светом своего знания. Бороться с несправедливостью можно только посредством науки.» И еще: «Самое небольшое научное открытие дает гораздо больший толчок прогрессу, чем 50 лет ожесточенной социальной борьбы.»

Итак, Христос и «эдисоны», но не Маркс и «ленины» сотворят райское житие на многострадальной земле. И сколько бы я ни прожил на ней, чего бы ни наслушался, ни навидался, ни начитался, но никогда не признаю и не оправдаю насилия, в каком бы виде оно ни выражалось, а также не поклонюсь до земли апостолам насилия, дирижирующим сейчас миллионными хорами, распевающими о «последнем решительном бое».

23 мая/6 июня. Всю предшествующую неделю шли дожди. Наконец-то! А то уж чего-чего не говорили — дескать, и в природе революция, и даже упорно продолжают говорить, *что пропал Марс*. Ну да! Был, мерцал; астрономы измерили его, сфотографировали, чуть ли не знали, что там делается, и вдруг его не стало видно. Только, говорят, какая-то «туманность», а не звезда небесная.

По донесению командира армии, оперирующей около Борисова, этот город разрушен орудийным огнем поляков. Будто бы пострадали тысячи мирных жителей… Вспомнишь Ярославль и т. п. дела и невольно хочется сказать: «врачу, исцелися сам!»

Патриарх и члены высшего церковного совета дали подписку Советской власти, что они прекращают бракоразводные дела в консисторском порядке, и теперь, значит, этим делом будут заниматься народные судьи.

Стеклов вопиет гласом великим: «Убейте бешеного зверя! Бейте последнюю карту капитала! Рубите голову хищному польскому орлу!» В сводке за 4-е июня говорится, что наши части в районе Полоцк-Молодечно отводятся «на новые позиции», а военный обозреватель говорит, что майские бои на польском фронте — только начало кампании, и считает необходимым «серьезнейшее напряжение всех наших сил».

Красин наконец-то в Лондоне. Пытается быть принятым Ллойд Джорджем. Никакой публичной встречи английским правительством не разрешено делать.

И моряки старые (Е. А. Беренс и Н. И. Игнатьев) на манер Брусилова призывают своего брата соединиться с ними «*для спасения русского народа и его земли*».

Один из верных сотрудников Суворинского «Нового времени», поэт, любивший старинку, писавший даже почерком екатерининских времен, Александр Рославлев, подставляет ножку Демьяну Бедному. Пишет в «Известиях»:

> «В крови рабочих крашенное знамя
> Вокруг чела победно повязав,
> Она докажет вам без разговоров с вами,
> Кто прав и кто не прав.»

Это, то есть «свобода», — докажет полякам.

> «Мы будем бить по европейской карте
> Железом и огнем» и т. д.

В английском парламенте глава консерваторов лорд Сесил заявил, что: «Никогда в истории Европы положение не было более опасным. Миллионы населения обречены на голод и болезни. Вся экономическая жизнь расстроена. Денежная система является теперь чистым фарсом. Промышленность остановлена.» Сесил спросил одного польского аристократа, что произойдет, если поляки победят, и тот ответил: «Без сомнения — полная анархия. В России некому занять место большевиков. Если же поляки будут разбиты, тогда Польша будет экономически до конца разрушена, а Варшава окажется в руках большевиков.»

Леле, к моему большому удовольствию, дали на три месяца «передышку», до 4-го сентября может на фронт не ехать, и он уже, к величайшему моему изумлению, назначен управляющим делами наркомата по делам национальностей («Наркомнац»). Должность мирная, — в моем вкусе. Но ведь это в своем роде министерство, и кто же призван управлять «делами оного»? — Мальчик 23-х лет, никакими гениальностями не отмеченный, и который при прежнем режиме теперь был бы еще студентом, или, самое большое, — землемером, чертежником, конторщиком, а тут — пожалуйста, прямо в штатские генералы. Фамусов, Каренин…

27 мая/10 июня. Появилась и ягода, но — Боже мой! —

какая недоступная — фунт клубники 1.000 р. За один ф. чая платят уже 16.000, за 1 папиросу 1-го сорта 25 р.

Дожди перепадают почти каждодневно.

Наш квартирант — новоженец, купил спальню, стоившую до войны 800 – 1.000 р., за 220.000 р., и то — «по случаю».

В ночь на 5-е июня в Персидской Реште образовалось временное революционное правительство Персии под председательством Кучук-хана.

28 мая/11 июня. На Сухаревке продают живых поросят по 30.000. Есть же ведь такие свиньи, которые могут жрать и таких драгоценных хрюшек!

Одно из сегодняшних оглавлений в «Правде»: «Войска польской шляхты продвигаются к Полоцку. Барон Врангель выступил на поддержку пану Пилсудскому и намерен захватить Донецкий угольный район.» Подсчеты новых выборов в Германский Рейхстаг дали такие результаты: выбрано 460 депутатов, из них 110 социалистов большинства, 80 независимых, 67 партии центра, 65 немецких националистов, 61 германской народной партии, 45 демократов, 21 христианских федералистов и 10 коммунистов. По настроению партий выходит, что за советскую диктатуру высказалось 5 млн. немцев, а за парламентскую систему 17 млн.

Красин добрался, наконец, до английского правительства и ведет с ним разные «экономические» переговоры. Ллойд Джордж свиделся с ним и на запрос в Парламент по русскому вопросу объяснил, что решение вступить в торговые сношения с Россией принято в Париже всеми союзниками, совместно с Клемансо, что «явилось следствием неудачи политики интервенций». При этом Ллойд Джордж объявил, что он берет на себя всю ответственность за такую политику, и говорит: «Россия необходима для всего мира, и потому, что мы сознаем опасность, знаем, что всему миру грозит голод, что необходимо возобновить сношения со страной, которая до войны производила четвертую часть всего продовольствия, ввозимого европейскими государствами.» Ллойд Джорджу известно, что у нас большие запасы зерна, масла, льна и леса. Вот почему Красин и попивает теперь чаек с «хитрым альбионом». А насчет того, что такой аристократке, как Англия, неловко как-то торговать *«со страной, правительство которой внушает отвращение»*, находчивый премьер припоминает, что Англия торговала и с Турцией Абдул-Гамида, который по отношению к армянам был более жесток, чем большевики, и что Англия не гнушалась иметь дела с Русским Царским правительством, славившимся «взяточничеством,

злоупотреблениями, погромами и десятками тысяч невинно казненных». Да что тут толковать, когда мы, мол, торговали и «с самыми ужасными людоедами в мире». «Конечно, — говорит Ллойд Джордж, — было бы очень приятно, если бы можно было торговать только с такими людьми, как мы, имеющими разумное правительство, обладающими государственной мудростью и здравым смыслом, но мы не можем позволить себе такой роскоши.» Далее: «Страшно подумать о том, что может случиться, если мир с Россией не будет восстановлен», и еще: «Мы потеряли сотни тысяч жизней, и над нами тяготеет бремя государственного долга в 8 млрд. фунтов.» И вот англичане не желают жертвовать еще несколькими сотнями тысяч жизней и увеличить свой долг на 3–4 млрд. Между прочим, Ллойд Джордж заметил, что, по его мнению, поляки совершили большую ошибку, и он опасается, что события оправдают его точку зрения на создавшееся положение. И вот отныне Англия — за торговлю с Советской Россией. Может быть, недалеко уже то время, когда там будут кормить нашим сахаром свиней, как это было до войны, ну а сами мы привыкли жить без сахара. (Нам из судоходной лавки с этого месяца, вместо прежних 2 ф. сахара, стали выдавать только по $1^1/_2$ ф. песку на месяц.)

29 мая/12 июня. Последние дни обошлись без дождя.

В приказе Троцкого по Наркомпути (№ 1089) сказано, между прочим, что одно учреждение прислало в несколько управлений и учреждений, а также и отдельным лицам, значит, много раз повторенную, — шифрованную телеграмму, «настолько пространную, что заняла $2^1/_2$ аршина бумаги в длину», так что Троцкий заметил: «Нельзя не ужаснуться такого рода убийственной канцелярщине. Да и телеграмма оказалась неважной и не требующей шифра.»

Ю. Ларин сообщает в «Правде», что уже начали прибывать в Россию через Эстонию (Ревель — Нарва) и через Петроград заграничные товары. Например, до 1-го июня прибыло и прибывает локомобилей — 52, кос австрийских 428.000 шт., и много других земледельческих мелких орудий (жаток, грабель, культиваторов и сепараторов), а также сверл, напильников и пил. С 1-го июля, будто бы, из Ревеля будет отправляться ежедневно по 40 вагонов с привозными в Россию товарами. Кроме того, привезено из Эстонии и из Дании 1 млн. пудов семенного картофеля и большого количества огородных семян.

Замечательного проповедника сегодня слышал. Это — митрофорный протоиерей Храма Христа Спасителя А. А. Хотовицкий. Сравнительно молодой человек, но, как

видится, много потрудившийся для православной церкви. Говорят, был миссионером в Америке — вероятно, человек европейски образованный. Речь его была чрезвычайно цветиста, логична, злободневна и сильна. Он говорил о Российских святых, память которых (в общем) празднуется завтра. По его мысли, Христос приходил на русскую землю и бросил в нее семена, породившие чудный сад, и этот сад собственно сонм наших святых. Много веков он благоухал; процветал, расширялся, но вот в последнее время он запущен, опоганен, разорен… И даже лучший уголок его — Троицкая Лавра — не пощажен жестокими, бессовестными людьми. На вратах ее печать Советской власти, и ее охраняет не стотысячное войско, а один какой-нибудь дежурный солдатик, который тоже, может быть, про себя плачет о таковом поношении святыни. И кто же виноват в этом? Новая власть? — нет, не она, не этот десяток людей, а весь *так называемый православный стомиллионный народ* (выделенные слова самого оратора). Что он сделал против такого несчастья для святой церкви? Ничего, — разве только *пошипел немного, идя на Сухаревку спекульнуть воском*, а он мог бы объединиться в своем горе и одним массовым словесным или письменным протестом уговорить, упросить власть не делать кощунства. Утрата эта настолько громадна и незаменима, что не стыдно бы *со слезами* просить возвращения ее… Я очень жалею, что не могу воспроизвести его речь своими словами. Это — настоящее литературное произведение, притом прочитанное настоящим декламатором (не был ли о. Хотовицкий на театральных курсах?). Точно монолог какой читал. Начал сладким покойным голосом, а потом дошел до такого пафоса, что жутко стало, — истерики начнутся (но увы! так мало было слушателей) или милиция придет и сдаст смелого златоуста в чрезвычайку. При всем этом — жест самый привольный, к митре, к ризе как будто и не подходящий. Но зато как оригинально, как ново! И откуда явились эти Хотовицкие, Смарагды, Варфоломеи, Илларионы (тоже замечательные проповедники)? Надо полагать, что они всегда были у нас, да приходилось тогда благовествовать и служить по консисторской указке, а не по своему вдохновению. Как-никак, революция и тут сказалась.

Прошел домой мимо Сретенского монастыря, не закрытого еще в полном объеме, но оставшегося с одной только церковкой и «братией» человек в 5. Но от былого остались музыкально подобранный звон и сам звонарь, какой-то удивительный человек — я вижу его, он «штатский», тощий, болезненный, типа старых сухаревских мелких торговцев. Еще бы чуть-чуть попотрепаннее одеяние, ну и подавай ему Христа ради копеечку. Такова

наружность, а кто его знает, может, он богатый человек, любитель позвонить. (Позднейшая вставка в рукописи: «Это Гедике, сын и брат больших профессоров консерватории».) В нем нет профессионального звонаря, он несомненно дилетант, но зато какой в своей сфере гениальный! Я, по крайней мере, нигде не слышал такого замечательного звона. Когда он звонит, на углу Сретенки и Сретенского переулка всегда собирается толпа и смотрит на его переборы по веревочкам. Голова без шапки, закинута вверх, — точно смотрит в небо и аккомпанирует ангелам, поющим гимн Богу. Так играют вдохновенные пианисты, смотрящие не на клавиши, а куда-то ввысь. В старое время я все собирался забраться на колокольню и дать звонарю «пятерочку», а сегодня, послушавши его с особенным удовольствием (он был «в ударе»), пожалел, что не занимаюсь спекуляцией и лишен возможности дать ему ту пятерку, умноженную советским временем в 1.000 раз.

А у Сретенских ворот другая толпа читает свежий плакат, написанный наскоро от руки: «Киев взят нашими доблестными войсками. Польская шляхта при отступлении в бессильной злобе сожгла товарный вокзал и электрическую станцию, испортила водопровод и разрушила до основания Владимирский собор.»

Придя же домой, вижу такую картину: управляющий делами Наркомнаца стоит на кухне перед корытом и собственноручно стирает свое белье. «Управляется» недурно. Ничего, Леля, не унывай! «Оттерпится — и мы люди будем, за терпение Бог даст спасение.» Так говорил св. блаженный Максим, московский юродивый и чудотворец, жизнеописание которого мне дали сегодня за Всенощной.

2/15 июня. В «Правде» под заголовком сразу неистовые вопли: «Динамитом Ллойд Джорджа и Мильерана польская белая гвардия взорвала Киев, лишив его света, воды, жел. дорог и мостов, памятников его культуры и источников жизни.» И далее в разных статьях: «Киев разрушен», «Киев изувечен», «Эти наемники Антанты уничтожили все вокзалы, товарные и пассажирские, эти разбойники с большой дороги взорвали водопровод, электрическую станцию, Владимирский собор», «Они обрекли город на смерть. Они обрекли его население на неслыханные мучения, на голод, на болезни, на неизбежное вымирание», «Картин Васнецова и Нестерова (во Влад, соборе) больше не существует».

Да правда ли это? Не переборщили ли писатели «правды»?

Что это у нас Ленин «заговариваться» стал. На совещании по работе в деревне он произнес большую речь. В одном месте он

сказал: «Слава *Богу*», в другом: «Если *Бог* захочет наказать кого (конечно, если Он существует), то лишит тех разума».

До взятия Киева красными войсками взят Житомир.

Сложность советской терминологии учреждений с каждым днем «осложняется». Сегодня я видел на своей службе бумагу со штампом «реввоенжелдортрибунал».

7/20 июня. Не то что нечего записывать, а уж очень надоело однообразие текущего момента. Это какое-то разнообразие однообразия, или однообразие разнообразий (и безобразий). Вот почему и не пишу каждый день.

Погода стоит хорошая, дождей нет, нет и жары.

На днях в Москву приехала делегация итальянских рабочих. «Те же встречи, те же речи», как и по случаю приезда англичан.

Того и гляди, вместо махорки папиросы курить буду. На неделе получил сверх жалования за участие в дисциплинарном товарищеском суде 133 р., и за поездку на заседание в «НКПС» (т. е. в народный комиссариат путей сообщения) 4.500 р. Якобы на извозчика, но ходил туда пешком. Впрочем, к извозчику приценился: просил в один конец (с Кузнецкой улицы к Красным воротам) 3.500 р. Значит, можно бы получить за оба конца 7.000, но как-то совестно, а потому получил от товарищей по Главводу «дурака». Некоторые из них ухитряются таким манером «подработать» за месяц до 50.000 р. Да это еще что! Есть дельцы, то и дело шмыгающие по заседаниям и совещаниям, так те «проезжают» на извозчиках по 300–400 тыс. р. в месяц. Вот кто балык-то жрет!

Шатаясь теперь по разным учреждениям, я вижу, что есть молодые люди, коммунисты, образовательной или специальной подготовки не имеющие, но так ловко схватывающие суть дела и разбирающиеся в самых сложных вопросах, что прямо хочется сказать: молодчина! Итак, не только война, но и революция родит героев.

Все-таки, «зарабатывая 4.500 р.», надорвал подошву, еще один-другой такой поход, ну тогда ищи себе новую. Значит, нельзя сказать, что «номер 11» (как говорят о пешем хождении в насмешку над трамваем, многие номера которого до сих пор бездействуют) — сообщение дешевое: тоже стоит денег!

После Житомира и Киева в сводках ничего особенного. Впрочем, оживленно около Мелитополя. Там Врангель лезет на Днепр, в тыл красных, действующих против польских войск.

Неуклонно спрашиваю, почем клубника? — и слышу, что она «дешевеет», так что можно купить фунтик за 450–500–600 р. Проходя мимо лавочки, наполненной разными ягодами, поймал

себя на «завистливости». В лавочке было немало покупателей; брали по нескольку фунтов, не торговались, отваливали пачки косых и т. д., а я смотрю и ворчу про себя: вот, мол, есть же люди, могут шутя купить такое дорогое удовольствие. А ведь сам-то я в недавнее время, когда покупал себе что-нибудь чревоугодное и не торговавшись расплачивался, разве не был я объектом чьего-либо завистливого наблюдения через окно магазина? Итак, для меня с каждым днем яснее, что все осталось по-старому.

10/23 июня. Из подслушанных уличных ропотов: «Была жизнь, а теперь жистянка.»

Из наших «департаментских» курьезов: в мой подотдел поступила телеграмма с какой-то пристани следующего содержания: «12.000 ГРОЗА 14 ОСАДКА 10», и вот барышни — одна записывает сведения о горизонте воды, другая — о грузообороте — записывают эту телеграмму в своих журналах; одна — понимая ее так, что там была гроза и столько-то выпало осадков; а другая, что пришел пароход «Гроза» с такой-то осадкой и с таким-то количеством груза. Пускай их записывают, — все равно та и другая запись ни к чему дельному не повлечет!

В «Известиях» под заголовком «Изменники за работой» сообщается, что братья Гучковы — в Берлине, Сазонов и Милюков — в Париже, Чайковский, Савинков и Родичев — в Варшаве.

Красными войсками взяты за последние дни Бердичев, Винница, Новоград-Волынск, Жмеринка, Коростень, Василевичи, Овруч.

Бывший видный кадет, профессор Гредескул, читает теперь лекцию на тему «Интеллигенция на переломе». Гредескула удивляет, почему «когда все эти огромные жертвы уже принесены (т. е. эпоха февральской революции, упорная жестокость гражданской войны и т. п.), интеллигенция стоит в стороне и не находит в себе достаточной силы, чтобы помочь рабочему классу в его великой созидательной работе? Почему?…» И он считает, что она, призывавшая еще до Ленина народ к равенству и братству, — просто растерялась теперь, ибо нельзя понять, почему она своими «безответственными поступками *предает* народ».

Просто интеллигенты в борьбе с холодом и голодом сами сделались рабочими. А Гредескул тут заставляет ее «проснуться от спячки», подивиться «гениальному прогнозу Ленина» и т. д. Не до этого ей, да и Гредескул-то заговорил так не от сытости.

11/24 июня, † В ночь с 11 на 12 июня (по н. ст.) при ст. Плеханово Моск. - Курск, ж.д., близ Тулы, — произошло ужасное по своим последствиям крушение поезда. Пострадало по

официальным известиям 256 человек, из коих 109 убитых и 157 ранены, которые тоже останутся неизлечимыми, ибо их обожгло серной кислотой. При этом вдребезги разбито 22 вагона, и среди них 7 цистерн. Разлилось 3 цистерны серной кислоты, стоимость которой при современной разрухе неисчислима. Кроме того, погибла масса другого «важного» груза, так что убытки невозможно перевести на деньги. Причина крушения, будто бы, — только халатная небрежность жел. дор. служащих.

12/25 июня. Сегодня заработал «11 номером» еще 4.500 р., да «премиальных» получил за время с 16 мая по 1 июня 2.058 р., однако эти взносы в домашнюю казну никакого впечатления не производят. Там у меня со стороны жены и дочери к моему заработку установилось полнейшее презрение. Они хотели бы, чтоб я занялся какой-нибудь спекуляцией, как, будто бы, делают теперь «все умные люди». А чтобы доказать, что я не прав, они во все тяжкие торгуют на Сухаревке. Торгуют не Бог весть чем, там какими-нибудь сладостями, весь их магазин в ручных корзинках, но результаты, конечно, несоразмеримо с моим заработком различны. Что я зарабатываю в месяц, они иногда добудут в один, в два дня. Оно все-таки нелегко. Надо куда-то с утра бежать «за товаром», а потом стоять часами под палящими лучами солнца или под дождем на Сухаревской площади, при этом подвергаясь риску быть «забранными» в Чрезвычайку (жена уже одну ночку провела там). Вообще, положение некрасивое для обеих сторон. И обе стороны как будто правы. Может быть, я-то виноватее их, но что же я поделаю?! Когда говоришь, что мне не нужно того или другого, они говорят, что это им нужно и что я, как муж и отец, должен доставлять средства к существованию семьи, и ставят сотни примеров, где мужья и отцы не допускают своих близких да такого «падения». Да по их мнению это и не «падение», а труд настоящего мужчины. В особенности тверда на этой позиции дочка. И она так увлеклась такой торговлей, что взяла да и бросила свою службу, не боясь звания и бесправия человека без определенных занятий. Что же в конце концов выходит? А то именно, что у меня всего только двое детей, из них одно «дитя» — коммунист, а другое — спекулянтка… Не знаю, что из всего этого выйдет, но пока что чувствую себя несчастным и презренным человеком, имеющим семью, живущую, действующую и мыслящую в разброде. Вспомнишь крыловскую басню «Лебедь, Щука и Рак»:

«Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,

И выйдет из него не дело — только мука.»
Истинно, что только мука!..

Появилась малина: 900 р. фунт, клубнику можно купить за 400 р., землянику за 500 р., смородину за 300.

13/26 июня. Врангель взял Бердянск.

У Красина с Ллойд Джорджем переговоры что-то замялись. Похоже, что кроме «злаков» англичане хотели бы с нас взять и «злата», под предлогом удовлетворения убытков, понесенных в Советской России британскими подданными за время революции.

Сегодня к вечеру дождь, но без грозы. Погода, вообще, приятная.

23 июня/6 июля. Стоит нестерпимая жара; дожди падают изредка, но очень короткие — не освежающие.

Массу денег получил, и премиальные, и сверхурочные по норме 4.200 р., и в конце концов с 16 мая вместо прежних 3.500 р. жалования в месяц уже — 12.000 рублей, как «специалисту» (или «спецу», как принято говорить на современном сокращенном языке).

«Специалисты слишком уж тонки: сразу и не поймешь, дело ли они делают или надувают», — говорил Щедрин. Да и я не пойму, «дело ли я делаю». Но чтобы сказать «надуваю», — нет, не могу; выходит, что ни то, ни другое: ни дела не делаю, ни надуваю. Для моей специальности нет теперь специальных дел, а с такими, которые поручены все-таки мне, — не справится даже такой «спец», который умеет «надувать». Бестолковщина, сумбур, хаос! Поглубже вникнуть в наш институт, придешь к выводу: а на кой черт он существует?! Сегодня я спрашивал в другом нашем отделе путейского инженера, «спеца» с ног до головы, какая глубина затона во Владимировке, а он меня спрашивает, а что такое Владимировка: «речка, что ли, какая?» Это инженер-то про одну из важнейших пристаней на Волге спрашивает — не река ли она!

29-го июня красные войска взяли ст. Мозырь.

† В ревельских газетах пишут, что недавно в Лондоне состоялся судебный приговор передать оставшееся в Англии имущество царя Николая Романова его сестре Ксении, «являющейся *за смертью жены и детей Николая Второго* его единственной наследницей». Итак, что же узнаем мы таким путем? Что не только сам Николай Второй, но и Александра Федоровна, и его юный сынок Алексей, и его четыре дочки

барышни — все погибли, только не знаем, рт чего: от нужды ли большой, болезней ли, или от жестокого насилия. Но одинаково тяжело узнать про это. По-человечески, по-христиански разбирая, — свершилось все-таки что-то ужасное, бесчеловечное. Прими, Господи, дух их с миром!

В воскресенье 21/4 ходил с женой в Сокольники, и это был первый воскресный отдых для нас обоих и первое за лето любование природой, дышание лесными и луговыми ароматами. Всю первую половину погожего лета дышали городскою пылью, сыростью дровяных сарайчиков: не загорали, а чернели от прелестей советского уклада жизни; растили себе горбы, мозоли и, наконец, хоть три-четыре часа за три месяца вздохнули полной грудью и по-человечески, а не по-скотски провели время под ласковое колыхание сосен и под стрекотание птичьего лесного царства.

Московский совдеп постановил возложить на московское население заготовку своими силами 75.000 куб. дров в районе 30-верстной полосы. Она должна быть выполнена к 15 октября сего года. Каждый обыватель, выполнивший свой урок, получает не позднее 1-го октября из московских складов безвозмездно 1 сажень дров для отопления своего жилища.

Бердянск опять перешел к красным.

Закончена постройка жел. дор. Казань — Екатеринбург.

Приценялся к вишне: 600 р. ф., фунт сливочного масла — 3.000 р., кружка молока — 210 р., аршин ситца — 1.000 р.

Жарко! Не пишется. Кваску бы или смородинки.

24 июня/7 июля. Поляки выбиты красными из Ровно с большими потерями для них. И все Ворошилов да Буденный. Лихие, должно быть, вояки!

После нестерпимой жары сегодня вдруг сделалось очень прохладно.

23 июня/9 июля. Красными войсками взяты города Летичев, Могилев-Подольский и Старо-Константинов.

Торговые советские делегаты в Англии Красин и Ногин приехали в Москву за ответом советского правительства на предложения английского. Англия предлагает, как условия для начала торговых сношений, отказ обеих сторон от враждебных действий и от официальной пропаганды против государственных учреждений обеих сторон. Затем англичане требуют принципиального признания Россией долгов частных лиц. Они не требуют уплаты сейчас и отдаляют это до заключения мирных переговоров. Если эти предложения будут приняты советским

правительством, то английское соглашается на приезд официальной политической миссии в Лондон. Советское правительство приняло эти предложения как базу для дальнейших переговоров, а потому Красин через несколько дней отправится опять в Лондон.

27 июня/12 июля. По случаю жары так и хочется попить содовой или какой другой водички, и, бывало, пьешь ее в такое время у каждого киоска. Еще бы задуматься над этим расходом, когда на рубль давали полдюжины бутылок, а теперь стакан простой воды стоит 10 р. (да-да! простой водой торгуют теперь так же, как квасом), а полбутылки ситро стоит 250 р. И пьют, и много пьют. Я поймал себя опять в зависти к счастливцам, отсыпающим за утоление уличной жажды по 500 р., но и опять вспомнил, почему же я, тратя рублевку на то же удовольствие, не оглядывался; ведь без сомнения было и тогда много жаждущих, коим также не по карману было заплатить за прохладительную бутылочку какой-нибудь двугривенный.

Вишню продают по 500 р. за ф., другие ягоды дешевле. Масло сливочное от 3.600 р. до 4.000 р., сахар 4.200-4.500 р., молоко 260–300 р. кружка, картофель 200 р. ф., махорка 375 р. восьмушка, спички 140 р. коробка, яйца 2.200 р. дес., мясо коровье от 1.000 р. ф. до 1.400, белый хлеб 1.000 р. ф., черный от 450 до 500 р. Сегодняшнее бритье (только бритье) стоило мне уже 175 р., но я опять «подработал на 11 номере» — получил на извозчика 7.000 р., да кроме того мне выдали из социального обеспечения 5.250 р. за лечение прошлогодней болезни.

В Москве находится знаменитый норвежский путешественник к Северному полюсу Фритьоф Нансен, который является посредником держав по обмену пленных, и был на заседании московского совдепа, где ему сделали торжественный прием. В этом же заседании выступали со своими докладами Красин и Ногин. И они стяжали овации. Ногин рассказал там, как живут теперь в Швеции, Дании и Англии — «как будто мы вернулись назад, как будто мы окунулись в ту обстановку, которая была в прошлом, как будто мы встретили умерших людей, и нам дико (!) было видеть те прекрасные кушанья, то обилие всяких продуктов, которые имеются в буржуазных ресторанах и богатых семьях, и тот голод (!), который царит среди рабочего класса».

А это не дико, что у нас опять каждый день расстрелы?

На Польском фронте успехи продолжаются. Взяты города Старо-Константинов, Дубна, Новая Ушица; красные наступают на поляков широким фронтом, те отходят, как видится, с поспешностью, похожей на паническое бегство. Врангель тоже

что-то опешил.

Господи! Скоро ли все это кончится? Теперь уж, кажется, никто не верит в победимость красной армии. Так к чему же воевать с ней?

1/14 июля. Красные войска подпирают поляков со всех сторон. Берут много пленных, много трофеев. Заняты города Вилейка, Игумен, Бобруйск, Проскуров, Свенцяны, Молодечно и, наконец, Минск.

К этому военное ведомство сообщает, что командующим западными армиями состоит тов. Тухачевский, бывший поручик, 27 лет, коммунист, а юго-западными — тов. Егоров, бывший подполковник и тоже с 1919 г. коммунист. Начальником штаба главнокомандующего С. С. Каменева состоит П. П. Лебедев.

Тарифный пояс гор. Москвы с 30-верстным радиусом в окружности, установленный в 100 %, с первого июля повышается до 150 %, и, следовательно, ставки московским рабочим и служащим с того времени повышаются на 50 %. Молочницы знали это раньше декрета, а потому давно уже повысили свою «ставку» на свои «кружки». В общем, всякое повышение встречается населением нерадостно, оно всегда запаздывает и взвинчивает дороговизну несоразмеримо с получаемой надбавкой.

3/16 июля. Во вчерашней передовице «Правды» называют английское правительство «компанией совершенно низкопробных мелких жуликов», в отдельности Ллойд Джорджа «уличенным жалким лгуном и плутом», и передовица кончается так: «зарубите себе это на своих джентльменских носах, господа лорд-жулики».

Эти комплименты джентльменам сыплются из «Правды» на том основании, что газета имеет улики, что даже после заявления англичан об их непричастности к авантюре Врангеля они продолжают оказывать ему помощь военным снаряжением и продовольствием. Им, де, необходимо сохранить за Врангелем Крым и весь район Черного моря для того, чтобы заставить Советскую Россию выполнять все требования Антанты.

Красные войска заняли Каменец-Подольск и ст. Сарны и наступают на Вильну. Но, несмотря на это, поляки еще не пасуют, так что польский сейм на этих днях отклонил внесенное в сейм предложение о вступлении с Россией в переговоры о перемирии.

12-го июля в Москве подписан мирный договор с Литвой. Кроме «всего прочего» Литва выговорила себе рубку леса в ближайших к ней советских местностях на площади 100.000 десятин в течение 20-ти лет и кроме того 2 млн. р. золотом.

Сегодня в «Известиях» помещена «сводка» расстрелов. С 22 мая по 22 июня расстреляно всего 600 человек, в том числе 271 за дезертирство и саморанение и 13 за буйство и пьянство.

Продолжают отмечать героев войны с поляками. Конным корпусом командует коммунист Гай, и его в «Известиях» расхваливают как замечательного полководца.

Изнываем от бездождья. Приходил попить чайку племянник Коля и принес гостинец — фунт вишни, за который заплатил 600 р. (спекульнул, должно быть, каналья!). В виде компенсации очень просил его пить чай внакладку, но не упросил — пил вприкуску. Каково! А давно ли: пришел кто к чаю, давай к нему сливок, лимона, печенья, варенья, ягод, а часто и коньяку. И все это считалось пустяшным угощением. А я, грешный, любил бывало угостить, и у меня была мания отпустить гостя с каким-нибудь угощением на дом, а теперь попробовал бы взять с собой хоть огрызочек сахара, как бы нас стало бы грызть от такого ущерба!

7/20 июля. Третьего дня опять ходили в Сокольники. Взяли с собой 5 пирогов, 8 яиц и 2,5 кружки молока. Значит, там, на травке, и позавтракали, и пообедали, а когда побрели домой, вздумали сосчитать, во что нам обошлось это удовольствие, и расстроились: оказалось — в 7.750 р., т. е. по 3.875 р. Пускай я «специалист», а жена чуть не «спекулянтка», все-таки начетисто так кутить. Лучше по праздникам опять дрова колоть. Специфическое средство от буржуазных замашек…

У поляков взяты Слуцк, Дубно и Вильно. В советской печати появились выдержки из мемуаров последнего канцлера Германской империи, принца Макса Баденского. Оказывается, что Вильгельм не сам отрекся от престола, а его «отрекли». Правда, когда началось в Берлине восстание, его убеждали отречься, но Вильгельм тянул. Макс Баденский получил из придворных кругов телефонограмму, что «Его Величество пришел уже к определенному решению, которое сейчас обрекается в письменную форму, и что канцлер должен иметь терпение подождать с полчаса, пока это заявление будет в его руках»… Но Макс Баденский из опасения, что свержение Кайзера могло быть провозглашено *«революцией»* решил для облегчения положения Кайзера и династии показать, что «отречение предшествовало требованию об отречении, а не следовало за ним», и отправил в телеграфное бюро Вольфа сообщение, что Кайзер отрекся от престола, чего в самом деле так и не было, а если и было формально, то — позднее, когда уже этот документ особого значения не имел.

Англия предложила Советской России свое посредничество по заключению с Польшей перемирия. По поводу этого Керзон и Чичерин обменялись нотами, и дело пошло на лад. 18-го выехала в Лондон особая делегация в составе председателя ее Л. Каменева (председателя моссовдепа), членов Красина и Милютина. Делегация направилась в Ревель, где ее поджидает английский миноносец.

Если дело пойдет и дальше так, то немудрено, что в недалеком будущем советская Россия окажется самой сильной державой на земном шаре.

По известиям из Ревеля, польское верховное собрание получило от Грабского предложение принять меры к немедленному началу переговоров о перемирии. А что же Сейм-то кобенился?

Керзон обещает заставить Польшу отступить на линию, намеченную в прошлом году мирной конференцией, а Чичерин говорит, что советское правительство готово предложить для польского народа даже более выгодную территориальную границу, чем та, которую наметил Верховный совет. Вот какие мы великодушные. Чувствуй, Антанта!

Вчера открылся в Петербурге Второй конгресс Третьего Интернационала. На открытии присутствовали и Ленин, и Калинин. Речи еще не напечатаны.

12/25 июля. Дела служебные: еще заработал «11 номером» 4.500, но зато заплаты на ботинках трещат по всем швам; к тому же эти заседания требуют кое-какого доклада, и вот, берешь на дом «материал» и роешься в нем до 2–3 часов ночи.

Дочке, слава Богу, Сухаревка уже надоела, и по протекции своего братца она поступила конторщицей в Наркомиссариат внутренних дел, помещающийся как раз в том доме, где я служил по пароходным делам, частным и национализированным, подряд 9 лет.

Взяты у поляков Лид, Слоним, Барановичи и Гродно.

Из речи Ленина на открытии Второго конгресса Третьего Интернационала видно, что от войны нажилась одна только Америка, которая получила актив в 19 млрд. и стала всемирным кредитором. Англия тоже имеет солидный актив, но в него входит и 9 млрд. долга России. Ленин, ссылаясь на английского экономиста Кейнса, который научно доказывает, что долги, вызванные войной, должны быть аннулированы во всех странах, говорит, что Советская Россия сделала это самое еще до решения вопросов научным путем, т. е. давно уже решила не платить никаких долгов. Ленин считает, что война работала за

коммунизм, и работала в его пользу. Вот и все самое существенное, что сказал «Ильич» на этом заседании.

Конгресс выпустил несколько торжественных воззваний: «Красной армии», «Рабочим красного Питера», «Пролетариям всех стран», — и везде «торжественно» обзывает буржуев «капиталистической сволочью». «Сволочь» — какое-то придворное слово большевиков. В № 159 (1006) «Известий» интересна статья Мих. Левидова о духовном умирании буржуазной Европы под заглавием «Гиппократово лицо». Там правильно отмечено, что человечество сейчас духовно разобщено; духовные связи, соединявшие народы, порвались, интернационал мысли, искусства, творчества перестал существовать. В довоенное время всякое значительное достижение становилось моментально, совершенно естественно, чисто механически достоянием всего мира. Из статьи видно, что теперь везде нет производства духовных ценностей, а то, что производится, — бедно, болезненно. Так, например, сейчас в Англии самая ходкая книга — «Краткое руководство по науке о том, как живым сообщаться со своими умершими родственниками». Немецкий книжный рынок переполнен книгами по оккультизму, по теософии, во Франции — волна бергсонианства и спиритизма. Освальд Шпенглер (немец) написал книгу «Гибель запада», имеющую невероятный успех. Там ярко доказывается, что все культурное человечество находится сейчас в полосе краха, небывалой катастрофы и накануне гибели. Масса ищет опоры в грубом мистицизме и… *в фокстроте.* Это значит «лисий шаг», так называется модный танец, явившийся из Америки. Это наследник танго. В танго, — говорит, — была утонченность порока, а в фокстроте только грубость разврата. Недавно в Париже был конкурс красоты. Во всех кинематографах, а их там около 2.000, на экранах проходили перед зрителями 49 красавиц, выбранных специальным жюри из тысяч фотографий, присланных со всей Франции, и зрители тайной баллотировкой избирали королеву красоты. В баллотировке участвовало 600.000 человек. А в Лондоне приготовляются конкурсы пианистов. Но получит первый приз не тот, кто лучше играет, а кто будет играть дольше других! Весь Лондон ходит смотреть «любимицу всего мира», американскую кинематографическую актрису Мэри Пикфорд. Когда она приехала в Лондон, то у ее отеля стояла двухсоттысячная толпа и приветствовала ее небывалыми овациями.

Левидов видит во всем этом духовное одичание и радуется предстоящей гибели буржуазной культуры, только удивляется, как это она приходит при живом участии газетного репортера: сами себя погребают и на погребении зарабатывают.

В дополнение ленинской речи: в Англии и Франции долги составляют 50 % всего национального имущества. В Италии 60–70 %, а в России - 90.

21-го и 22-го члены Второго конгресса Третьего Интернационала переехали из Петрограда в Москву. Улицы убраны по распоряжению милиции флагами, высокие гости встречены на вокзале властями совдепа и почетным военным караулом. 23-го состоялось московское заседание конгресса в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца.

Хлеб черный 550 р. ф., молоко 330 р. кружка, масло 4.500 р., мясо 1.600 р.

Погода немножко капризничает: то ясно, то облачно, то жарища неимовернейшая, то повеет прохладой. Почти каждый день дожди, но очень небольшие. Видел любопытную бумагу нар. комиссариата внутренних дел (19 июля 1920 г., № 12748): деревни Бородецкой волости, Балахнинского уезда Нижегородской губ. Дристуново, Гологузово, Ссакино, Погулянки и Пердуново переименовываются в Докторовку, Черново, Сытово, Саполово и Богданово. Ведь могли же существовать такие названия, и кто их дал в свое время?

15/28 июля. Красными войсками заняты Кременец, Волковыск, Пинск, Збараж, Волочиск и Гусятин-Австрийский, а в Крымском районе Врангель взял Орехов.

На конгрессе Интернационала Ленин и Троцкий говорят по-немецки и тут же переводят по-французски. Так по крайней мере пишут в «Гудке» (орган железнодорожников).

В «Известиях» за 25 июля маленькая, едва заметная, но ошеломительная заметочка: «Вчера прибыл в Москву председатель Московского совета тов. Л. Б. Каменев. Изменившиеся политические условия вынудили российскую делегацию отложить поездку в Лондон, вследствие чего тов. Каменев вернулся в Москву, а тов. Красин проехал в Стокгольм.»

Напечатано дополнение к декрету о. реквизициях и конфискациях. Подлежат сему, независимо от количества, платиновые, золотые и серебряные монеты, золото и платина в слитках; процентные и дивидендные бумаги, наличные кредитки (последние только в случае признания факта приобретения их для спекулятивных целей).

Допускается хранить для себя: золотые и платиновые изделия не более 18 золотников в общей сложности на одно лицо; серебра не более 3 ф., бриллиантов не более 3-х каратов, жемчуга не свыше 5 золотников. Наличными можно иметь у себя дома не более двадцатикратной минимальной тарифной ставки на одно

лицо, что свыше, то принудительно вносится на текущие счета владельцев.

Будто бы французы отправили через Чехословакию два корпуса в помощь полякам.

Вчерашний день объявлен праздником. Занятий нигде не производилось. Но всем рабочим и советским служащим («а также *и прочему населению* Москвы») предложено было принять участие в манифестации на Красную площадь, для приветствия гостей-делегатов, съехавшихся на Второй конгресс Третьего Интернационала. Лично я в процессии своего союза не участвовал, так как был дежурным в Главводе. Но любопытно было бы пройтись. Погода чудесная, веселая; народу тьма-тьмущая (действительно любопытно, а также боязливость — во всех учреждениях комитеты заканчивали повестки словами: «присутствие обязательно, кто не с нами, тот враг революции»); на Красной площади какие-то постройки, неожиданно выросшие за 5–6 дней. Масса зелени, красной материи, разрисованных плакатов. «Василий Блаженный» превращен в какой-то ангар. Кругом него воздушные шары различных форм. Два из них я видел реющими на привязи над Красной площадью. Мы не видывали их в Москве до сего времени, а говорят, что на войне таких шаров очень много. Это не цеппелины, конечно, а все-таки форма их напоминает цеппелин. Не то колбаса, не то лягушка с поджатыми лапками. С них разбрасывалась, конечно, агит. литература. Я шел на дежурство с 9 до 10 ч., обратно с 3 до 4. Мне то и дело встречались процессии. Выучились все ходить стройными рядами; вперемежку со «штатскими» проходили войсковые части, некоторые одетые уже в однообразную новую форму, с суконными касками, имеющими сверху какой-то шпиль. Беспрестанно гремела музыка, пелся неизменный интернационал (тоже насобачились — теперь поют его твердо и не так уныло, как прежде); грохотали грузовые автомобили, украшенные зеленью и красной материей, а в них ребятишки, которые то и дело кричат и пищат «ура». Вообще, очень оживленно, шумно и грандиозно. Не знаю только, в унисон ли с конгрессом, а праздничного настроения хоть отбавляй. Самый большой процент манифестантов — дети и молодежь. Чего же им унывать: ведь лето, не работа, не служба, не ученье, а гулянье. Кому же и погулять, как не им.

Вечером (или ночью) взошла полнолицая луна, показались лучи прожекторов, кое-где вспыхивали фейерверки, — это мы видели только из своих окон, и вот все мои личные впечатления от этого праздника. Завтра выйдут газеты, тогда узнаем все подробно и преподнесем читателю все, что найдем интересным.

16/29 июля. Красной конницей взят Тарнополь. Орехов опять отбит от Врангеля.

День 27-го июля газеты называют «в полном смысле историческим». В течение шести часов сплошной колонной проходили «рабочие, работницы, солдаты, матросы, молодежь, старики, дети, — радостные, верующие, воодушевленные, спокойно самоуверенные и твердые как гранит». Не знаю, какая часть радовалась, верила, и какая угрюмая, неверящая и подневольная, но только были налицо именно такие два элемента. Многих погнала на улицу боязнь политического наблюдения, и многих — перспектива получения 0,5 фунта хлеба и одной шт. селедки. Но, как-никак, участников манифестации насчитали около 400–500 тыс.

Сегодня днем и ночью страшная духота. Ранним утром и дождь был обильным, а прохлады после себя не оставил.

Получил за время с 16 мая по 1 июня «разницу» премиального и сверхурочного вознаграждения 8.663 р. Теперь выходит, что с 16-го мая я получаю в месяц три раза по 12 т. рублей, т. е. 36 тыс. р., и несмотря на это, все не в состоянии купить папирос. Смешно повторять, но это — непреложная истина: получаю такое жалование, которого и на табак не хватает. А ну-ка мне такое жалование в 17-м году, каких бы я штук наделал! (В особняке бы жил, объедался бы, опивался, автомобиль и моторную лодку завел, курил бы только Гавану, всей семьей бы страшно франтили и, конечно, ни черта бы не делали, ибо завели бы барский штат прислуги. Ко всему этому завелось бы у меня что-нибудь вроде подагры или астмы, и стали бы лечить меня знаменитости, а потом — венки, поминки с икрой, стерляжей ухой и мадерою, и мраморный мавзолей…)

19 июля/1 августа. Юбилейный день: пошел седьмой год смертоубийственных войн. Сколько жертв, сколько мучений, сколько скорби! Вечная память погибшим, какой бы нации, каких бы убеждений они ни были! Все они боролись и гибли только потому, что судьбе угодно было, чтобы они существовали на грешной земле именно в эти роковые годы. «Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откр. 7, 16–17).

Красными войсками взяты Осозец, Пружаны, Белосток, и они подходят уже к Брест-Литовску, а там и до Варшавы недалеко.

На Крымском фронте упорные бои с Врангелем. Орехов

переходит из рук в руки. Значит, «достанется ему на орехи», этому Орехову.

Шаляпин и Гельцер сделались поистине «солистами» их современных величеств. 28-го июля дан был в честь членов 2-го конгресса Третьего Коминтерна банкет-концерт, ну и не обошлось без участия этих солистов.

Между японцами и Дальневосточной республикой заключено перемирие.

Профессор Бехтерев производит опыты внушения на расстоянии. Должно быть, по заказу Ленина.

Л. Каменев опять выехал в Лондон вместе с тов. Милютиным.

Румыния отправила на Днестр свои войска.

Еще «сводка» о приговоренных к расстрелу за время с 23 июня по 22 июля. Всего 898 человек, из коих «за дезертирство и саморанение» 517 человек.

В особой сессии Московского совета нар. суда судили иеромонаха Донского монастыря Досифея и игуменью Гжатского монастыря Серафиму, обвиненных «в религиозных шантажах и в монархической агитации», и осудили их: монаха — на 5 лет, к принудительным работам, а монахиню — как преклонную годами — в распоряжение социального обеспечения. Но не в этом дело: я хочу записать, что на суд притащили свидетелем самого Патриарха, и достаточно поглумились над стариком, как в суде, так и в печати. Вот что пишет о нем И.А.Ш. в «Известиях»: «За один только 1919 год от одной только продажи свечей в одной только Иверской часовне Патриарх Тихон получил на свой торговый пай около 600.000 р., не считая полученных им около 0,5 млн. р. от молебнов. Сам Патриарх Тихон, вызванный в суд в качестве свидетеля, пытался на все вопросы оправдаться шуточками. Его показания подчас возбуждали смех почти всей аудитории.»

В постановлении суда тоже досталось Патриарху. Про него там упомянуто, что это «умудренный опытом жизни, лицемерный и хитрый монах», что он признал на суде, что за все время своей церковной деятельности он «не видел чудес и знает, что чудес и не может быть, ибо для этого он достаточно образованный человек». Постановление заканчивается предложением Наркомюсту (нар. комисс. юстиции) расследовать деятельность «Патриарха» Тихона (кавычки авторов постановления) по продаже свечей, что является, дескать, спекуляцией. Этого еще не хватало! Все время терзают главу Православной церкви, как контрреволюционера, а теперь будут измываться над ним, как над спекулянтом. И все мой сосед Галкин-Горев хлопочет. Он был на том суде «общественным обвинителем».

Продолжается нестерпимая жара. Она превращается уже в стихийное бедствие; много хлебов погибло от засухи, на Волге и ее притоках — давно небывалое мелководье; начались лесные пожары: вот сегодня вся Москва окутана каким-то дымом, очень пахнет гарью. Говорят, громадный пожар около мытищенских лесов. Весьма возможно и очень жутко. Весь день свирепствует сильный ветер. Поди тут и потуши! Сейчас дров не найдешь дешевле 40.000 р. за погонную сажень; сколько же они будут стоить осенью?! Молоко — 350 р. кружка.

26 июля/8 августа. Взяты: Брест-Литовск, Ломжа, Ковель, Луцк, Остров и Мышинец (это близ германской границы). Теперь дело за Варшавой и Львовом, а пока что образовались на польской территории и на галицкой — временные революционные комитеты (ревкомы). В польском председательствует Юлиан Мархлевский, и, кроме того, в состав комитета входит «спец» по учреждению чрезвычалок, наш Феликс Дзержинский.

Комитеты выпустили манифесты, объявившие уже национализацию промышленности, земель, лесов и учреждение советов, и все прочее, приличествующее коммунистическим заповедям.

Польша официально просила перемирия, но ей предложено вступить прямо к мирным переговорам, на что поляки не согласились, так что делегированные ими Врублевский и др. выехали из Барановичей ни с чем.

Председателем Галицийского ревкома является тов. Затонский.

Стоит неимоверная жара, духота. По вечерам по заходе солнца реомюр показывает не менее 28°. С утра почти до вечера солнца не видно: все окутано дымом, пробирающимся в Москву с лесных и торфяных пожаров. Пожары свирепствуют во всех равнинах «счастливой советской страны». Кроме лесов и болот большущие пожары в деревнях, селах и городах. Сгорело в Муроме 30 домов, выгорело 3 квартала в Лосиноостровской, в Сергиевском посаде сгорели ряды, банк, исполком, а «пожар в Лавре ликвидирован» (так загадочно извещают «Известия»). Горят Ижевские громадные леса в Вятской губернии.

Красин и Каменев приехать-то приехали в Лондон, но их там не приняли (впредь до заключения перемирия с Польшей).

† В Саратове сгорело 36 кварталов, что составляет 1/10 площади всего города. Пострадало более 25.000 чел. Человеческих жертв более ста. Был огромный пожар и в Симбирске. Подробности неизвестны. Леса и болота горят кругом

всей Москвы. Горят и в Рязанской губернии, и в окрестностях Серпухова, в Калужской губ., в Саратовской. От пожаров гибнут громадные ценности (теперь): строевые леса, дрова, торф, сено и строения. Для потушения мобилизуют население целых деревень, войска, пассажиров поездов и «безработных».

На конгрессе Интернационала не все гладко. В числе членов его оказались неугодные Ленину и К°, с ними идут споры, некоторых изгоняют с конгресса, а некоторых и вовсе из России (напр., Лафона и его жену, о чем напечатан особый «приказ» Троцкого, ибо в действиях Лафона усмотрено что-то вроде шпионства в пользу Польши).

† Кроме того, случилось несчастье: одна «интернационалка» Августилия Осен (шведка) так «приземлилась» с аэроплана, что ее вчера предали земле. Конечно, были торжественные гражданские похороны с речами, музыкой и красными флагами, конечно, на Красной площади.

Чичериным сделано мирное предложение Румынии.

Насчитано, что только в одной Московской губернии произошло 69 лесных пожаров.

Вчера был в Сретенском монастыре, где дьякон в ектенье упоминал о *«заключенных* епископах Феодоре и Гурии». Дьякон такой «тощий, голодный на вид», — видно, сам мечтает «заключиться» на казенные хлеба. Вот как бы и мне не угодить туда же, в соседство со «владыками», ибо мои «владыки», комиссар и начальник управления, — требуют от меня ежедневно такой работы, которую нужно делать не в сутолоке текущих дел, а в кабинете, в полном одиночестве и сосредоточении, да и то не сделать так, как им хочется. Пробовал брать «материал» на дом, сидел над ним с 10 ч. вечера до 3,5 ночи, и все-таки ничего не вышло. Я все время говорю о ненужности такой работы, а им кажется, что я или саботажничаю, или не умею ее сделать. Положение такое, в каком никогда не бывал. Мальчишеское, можно сказать, школьное: проваливаюсь. Требуют все «в срочном порядке» составления планов таких перевозок, которых или не будет, или которых возить-то не на чем. Некоторые мои товарищи ловко выходят из такого дурацкого положения: «им про Фому, а они про Ерему», врут в своих «докладах» напропалую, и ничего, сходит. Вообще, во всех учреждениях — мания начальственных требований (непременно «в срочном порядке» докладов, табелей, ведомостей, донесений, планов, сводок). От этого текущая работа в загоне, везде канцелярские пробки. Аннулировать высылку этих требований нельзя, и нам, ответственным «техникам», приходится этими глупыми докладами, — которые делу нисколько не помогают, а только образуют завал в портфелях и столах

современных сановников, — отрываться от своей обыденной повседневной работы, в которой, в сущности, и есть творчество. А когда «творчество» не творится, так о чем же докладывать? Дали извозчику воз, ему бы везти его на место, а ему говорят: нет, погоди, пиши доклад, сколько ты везешь, на чем, куда, как привезешь, что дальше будешь делать. Вот и пишут доклады, — «а воз и ныне там». Глупо и постыло!

Дочь купила вязаную шерстяную куртку до колен, цена коих в разумные времена — 10 р., а теперь заплатила за нее 40.000 р.

За последние дни отважился побывать в театрах. 2 раза был в саду «Эрмитаж» (Каретный ряд). В первый раз был в так называемом «Летнем театре», где шли разные миниатюры, прославляющие деяния коммунистов, и в заключение — одноактная оперетка Лекока «Рыцарь без страха и упрека», очень живо разыгранная студией Художественного театра. Артисты молодые, со звонкими голосами, а в миниатюрах отличался коршевский актер Бахметьев, по всем данным очень талантливый. Сидели в этом театре в первом ряду, каковое место стоит 600 р. Я, конечно, не решился бы заплатить столько денег за сравнительно малое удовольствие, но мой бесшабашный сынок только что, должно быть, получил жалование, ну и отсыпал такую махину денег (места подешевле все уже были проданы; кажется, самое дешевое место и то стоит 200 р.). Во второй раз пошли в «Закрытый театр», где смотрели комедию Скриба «Стакан воды», разыгранную артистами Малого театра. Великолепно играли А. И. Южин, Е. К. Лешковская и А. А. Яблочкина. Но, Боже мой, — какие они все стали старые, а давно ли, кажется (лет 35 тому назад), они были такими красавцами, такими свежими, юными. Впрочем, они и сейчас еще милы и бодры, но зачем эти предательские морщины, испортившиеся фигуры, надтреснутые голоса? Ни грим, ни костюмы, ни высококлассная артистическая техника, — ничто не укрыло от меня того, что им всем уже под 60, и что мне самому уже не 20, не 30, не 40, а много больше. Сегодня уже мы пошли в электрический театр, где тоже, я, по крайней мере, очень давно не был. Об этом сеансе нечего и писать. Картина русская, давнишняя, никаких знаменитостей на экране не прошло. Места теперь в электричке тоже кусаются: одиночное место 50 или 70 р., ложа 450 р.

На «Стакан воды» удалось достать «дешевые» места в 20-м ряду партера по 350 р. за место.

В этот же день в Зеркальном театре «Эрмитажа» выступал в «Севильском цирюльнике» сам Шаляпин. Громаднейшие деньги платят за слушание его, или за погляденье. Мы слышали около входа такой торг покупателя с продавцом: «Сколько стоит такой

билет?» (Вероятно, в кассе не купленный, а полученный какой-нибудь организацией.) — «7.000 р.» — «Да ведь в кассе он стоит только 2.000 р.» (Примечайте, до чего возросли даже «твердые» цены.) — «Ни копейки меньше — 7.000.» Так и не уступил, да и не следовало. Покупатели нашлись другие и 7.000 р. заплатили не поморщась.

«Наши за границей», т. е. Красин и Каменев, представлялись Ллойд Джорджу и услыхали от него, что без заключения перемирия с поляками никаких разговоров Англия с Каменевым и Красиным вести не будет, и мало того, Антанта возобновляет блокаду России и пропускает через Данциг снаряжение и амуницию для польской армии. Об этом вышло в свет сообщение самого Чичерина, как будто во лжи еще не уличенного. Сообщение заканчивается признанием, что настоящее положение не радует наше иностранное ведомство, что оно очень опасно для Советской России. Не последняя ли это угроза нашим правящим большевикам? Подействует ли она на них? Чего доброго, они рассорятся с Антантой, что называется «вдребезги», и пугнут ее самое бряцаньем своего красного оружия. Впрочем, поживем — увидим!

2/15 августа. Погода несколько изменилась: сделалось прохладнее, выпадают дожди. Но что-то нет гроз; за все лето я слышал не более 5-10-ти громовых раскатов очень небольшой силы.

Хлеб черный был на этой неделе 550 р., и вообще все дорожает и дорожает с упрямостью осла, быка, черта! Как-то вздумали мы купить мясца и сосчитали, что тарелка супа с куском мяса, с картошкой и некоторыми приправами обошлась 1.200 р., и это дома, в хозяйственном приготовлении, без помощи прислуги (которой нет), и за такую порцию, которая в былое время в ресторане подавалась за 50 коп.

Опять попал в «Эрмитаж». На этот раз — в оперу. Сидели в 34-м ряду партера, цена 170 р. Шла «Кармен» с Лучезарской и с Лабинским (Дон Хозе), и с Болотиным (Тореадор). Спектакль прошел скучно. В исполнении не было блеска, звучности, захвата, и обстановка — посредственная. Публика все та же: новая публика — молодая, непородистая, мелкая, сероватая и невосприимчивая. Почти не реагирует на исполнение: ни аплодисментов, ни шиканья, и, между прочим, опять во всех четырех театрах «Эрмитажа» битком набито. И притом — страшное барышничество: за билеты, стоящие 1.000, платят по 7.000 рублей. Вот и дико как-то: откуда эта молодежь «непородистая», мелкая, «сероватая» достает громадные деньги?

Ведь если он заработал или украл крупно, то не для театра только, а для существования главным образом, и если он за коротенькое удовольствие платит несколько тысяч рублей, то сколько же нужно ему на прочее, на главное? Я полагаю, что не тысячи, не десятки, а сотни тысяч, и, стало быть, надо быть миллионером, чтобы ходить в наше время в театры и, стало быть, ими хоть пруд пруди, когда театры переполнены. В это же время встречаешь всюду рваных, грязных и тощих людей; проходишь мимо подвалов, старых домов, казарм и видишь через раскрытые окна ту же бедность, грязь, убожество, — чувствуешь смрад, вонь, и слышишь нескладный говор, матерные слова, и не понимаешь в конце концов теперешней жизни. Или она действительно еще не наладилась, или она как была, такой и осталась, и не изменится во веки вечные. То есть суммы радости и горя остались в той же пропорции, только распределение их изменилось и будет меняться и впредь, как менялось и раньше.

С 11-го августа переведен в Главвод на другую должность: помощника управляющего делами водной секции центрального комитета перевозок. Тут потише, и дел поменьше. Материально ничего не меняется. Начальство по поводу перевода сказало мне, что я очень нервничал и их нервировал. Но мне много раньше сказал Иван Сергеевич Тургенев: «идите вперед, пока можете, а подкосятся ноги — сядьте близ дороги да глядите на прохожих без досады и зависти: ведь и они недалеко уйдут». И вот сижу теперь в своем це-ка-пе, и поглядываю на свое прыткое начальство, и жду: скоро ли и они «сядут» близ дороги?!

Вчера узнал, что прихожане церкви Спаса на Спасской приглашали Для торжественного служения в Преображение Господне Патриарха, но тому этого не разрешила советская власть. Тогда подали прошение в ЧК с подписями более 1.000 человек, и та не разрешила. Вот вам и веруй как хочешь, и молись как умеешь!

Поляков вдребезги колотят. Взяты: Владимир-Волынск, Остроленка, Цеханов, Володарка, Радин, Млава, Седлец, Луков, Венгров и др. города и местечки.

Второй конгресс третьего Интернационала закончил свою сессию, но красный флаг на Кремлевском дворце все еще развевается.

Пожары продолжаются в Вятской, Архангельской, Ярославской, Вологодской, Костромской и Московской губерниях. Президиум ВЦИК выпустил воззвания по поводу этих ужасных пожаров. «Пожары, — говорится там, — со стихийной силою уничтожают леса, торфяные болота, запасы топлива, строительный материал. Огонь подбирается к складам, мостам,

погибает неубранный хлеб, сгорают целые селения.»

Наркомиссариат по иностр. делам объявил, что имеется в виду предъявить полякам предварительные условия мира, согласно которым Польша должна оставить в своей армии не больше 50.000 чел., *вооружить своих рабочих,* предоставить амнистию польским гражданам, служившим в рядах советской России и Украины, причем военнопленные польские офицеры отвечают своей жизнью за безопасность арестованных польскими властями польских коммунистов.

Советские газеты называют положение Антанты «драматическим». Предполагается, что она склоняется к героическому решению «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас», и будет воевать с Советской Россией, или открыто и всячески помогать в этом Польше. В Россию приехал бывший председатель Венгерской советской республики Бела Кун. В Петрограде и Москве ему устроены торжественные встречи. В отношении других десяти комиссаров-сподвижников Бела Куна Чичерин послал настоящему венгерскому правительству предупреждение, что от участи их зависит участь десятков высших венгерских офицеров, находящихся в России в качестве военнопленных.

Подписан мирный договор с Латвией. Политическое могущество Советской России растет.

Сгорел склад бутафории при Большом театре. Убытки громаднейшие.

Вчера случайно видел, как в газетном киоске покупаются книги. «Сколько за Никитина?.. — 2.000» Покупатель не торгуется, вынимает из кармана две косых, берет Никитина (однотомное издание) и уходит.

Я, кажется, дурака валяю. Мне бы не в це-ка-пе, а на тумбе сидеть день-деньской со своими книгами. По такой цене мог бы прокормиться с семьею, книгами, года три.

13-го августа заключено перемирие с Финляндией.

Напечатан приказ Троцкого к войскам, сражающимся с «белогвардейской» Польшей. Там громко и коротко говорится: «Герои — на Варшаву!», и «герои» уже овладели городом Ново-Минск, находящимся в 20 верстах северо-восточнее и в 30 в. юго-восточнее Варшавы.

В Москве организуется «общество атеистов».

В связи с бумажным кризисом с первого сентября прекращается розничная продажа и прием подписки на газеты. Все светлее делается… Старый строй, старые предрассудки изгнаны, — новое настроение, новое безрассудство все крепче и крепче охватывает нашу жизнь, и мы уже не имеем сил

протестовать, стонать, брыкаться, и только пищим.

12/25 августа. 17-го августа в Минске открылась мирная конференция. Российской и Украинской (?) делегацией председательствует Данишевский, польской — Домбский, но ее занятия происходили дня два, а потом как будто приостановились (по крайней мере, об ней не пишут уже дней пять). И возможно, за эту неделю в военных делах свершился крупный переворот. В начале ее победа за победой, чуть-чуть — и мы в Варшаве, во Львове, а в конце, как образно пишут сегодня в «Правде», «нас бьют, и довольно крепко бьют». 17-го писали о взятии красными войсками Страсбурга (около Млавы) и Грубешова; 18-го — Влоцлавска, Бужска и Золочева, а 22-го уже пишут, что красные войска, действовавшие в районе Страсбург-Плоцк, отводятся к востоку на новые позиции; что и в районе Цеханов-Маков такая же штука и что оставлен Седлец. Тогда же сообщено, что в районе Темрюка, в 12-ти верстах южнее Анапы, высажен противником десант и что в Туркестанском и Хивинском районе идет бой с шайкой Джанауд-Хана.

24-го августа сообщается, что в Белостокском районе красные части под давлением противника отошли в район Брянска; после упорных боев оставили Брест-Литовск и Грубешов, а 25-го августа в сводке говорится опять о Белостокском районе, что из него войска отводятся на новые позиции, и что подо Львовом и под Галичем идут упорные бои «с переменным успехом». В общем, рисуется картина отступления красных на всех фронтах («обыватели» уже поговаривают о разгроме нескольких армий, о паническом бегстве, но автор сей летописи словесных «корреспонденций» с театра войны никогда сюда не заносил и впредь будет придерживаться такого же правила).

На днях Троцкий разрешился новой крылатой (под Евангелие) фразой: «Если Франция на полях Польши подставила нам левую щеку, получила по этой щеке удар Красной армии и расписалась в получении, то на врангельском фронте, следуя евангельскому завету, она после этого подставляет нам свою правую щеку, и мы должны сказать рабочему классу: *размахнись покрепче, и дай урок!»* Конечно, «бурные аплодисменты покрывают последние слова т. Троцкого», а на деле кто кого бьет — смотри на предыдущей странице.

Верховный революционный трибунал разобрал дело так называемого «Тактического центра», объединявшего «контрреволюционные» организации («Совет общественных деятелей», «Национальный центр», «Союз возрождения», «Торгово-промышленный комитет», «Кусковский клуб», «Союз русской

молодежи» и «ЦК кадетской партии»). Ничего такого «Тактический центр» не сделал, что бы могло свергнуть советскую власть, но деятелей его Д. М. Щепкина, С. Е. Трубецкого, С. П. Мельгунова, В. Н. Муравьева, Г. Ф. Филатьева, Н. М. Кишкина, Д. Д. Протопопова, В. И. Стемпковского, С. А. Котляревского и еще некоторых — постановлено расстрелять и только в силу первомайской амнистии — заменить расстрелы тюремным заключением на разные сроки. Кроме них обвинялись и еще «бывшие» известные лица. С. А. Морозов, А. Л. Толстая, Н. С. Пучков, проф. Н. К. Кольцов, С. Д. Урусов, и др., — тех в концентрационный лагерь. Обвинял, конечно, Крыленко, и некоторым, по его требованию, быть бы как бычкам «на веревочке», да неожиданно выступил на суде Троцкий и высказался за смягчение участи подсудимым, так как некоторые из них (например, В. Н. Муравьев), состоят уже на службе у советской власти и, безусловно, ей преданы. В уважение сего, слава Богу, этот суд оказался, против обыкновения, милостивым.

С января по август заболело сыпным тифом в России 1.926.135 человек, на Украине 316.670 чел., в Сибири 78.325 чел.; возвратным тифом в России — 444.838 чел., на Украине — 101.803 чел., в Сибири — 47.415 чел. Холерой во всей республике — 7.249 заболеваний, дезинтерией 31.739 чел., цынгой 37.536 чел. В Москве сейчас постоянное население составляет цифру 1.093.600 чел. (со включением гарнизона), а к 1-му февраля 1917 года его было 2.043.400 чел. В Петербурге сейчас не более 800.000 жителей, а было тоже свыше 2 млн.

Петроград шлет на фронт 1.500 «лучших, мужественнейших членов питерской организации», с кличем «Варшава должна быть взята во что бы то ни стало. Польские паны должны погибнуть раз и навсегда.» Москва тоже посылает 650 коммунистов. Дело пойдет!

31-го августа постановлено перевести часовую стрелку назад на 1 час, и 30-го сентября — еще на один час.

Вчера на пленуме московского совдепа выступил Милютин, ездивший в Англию вместе с Красиным и Каменевым. Переговоры с ними прекращены впредь до исхода «мирных переговоров» с Польшей. На этом же пленуме заместитель Цурюпы по наркомпроду Брюханов объявил, что отовсюду идут неутешительные вести о постигшем Россию неурожае. Предстоит тяжелый продовольственный кризис. Но наркомпрод надеется, если Врангель не отрежет от нас кубанский хлеб, дать стране 380 млн. пудов хлеба, 60 млн. пудов картофеля.

Франция потратила на войну, т. е. за все 6 лет, 233 млрд. и 300 млн. франков. Так поведал свету во французском сенате Поль

Думер.

Погода стоит переменная, с небольшим охлаждением и некрупными дождями.

Молоко (наша главная и, пожалуй, единственная утеха) дошло до 400 р. за кружку. Капуста и та (в августе-то месяце) 200 р за ф. За починку двух пар. ботинок заплатил уже 6.000 р., и то — своему брату сослуживцу, а сапожник содрал бы вдвое больше.

Получаются письма от «сродников», от знакомых, с юга, из Сибири, — везде дороговизна растет в ужасающей степени. Уже не пришлют теперь сухариков ниоткуда. Скажут — сами голодаем. И правильно. Не одной же Москве отдуваться голодовкой.

23 авг./5 сентября. Стоят сухие теплые дни. Иногда они заволакиваются дымной мглой: горят леса, болота. На днях сильно горело в Измайловском лесу, под самой Москвой.

Вчера был за всенощной у Сергия в Пушкарях. Все новшества: служивший там протодиакон Остроумов (получивший «гонорара» за участие во всенощной и за обедней 30.000) сбрил себе не только бороду, но и усы, остриг себе на голове волосы, как сотрудник чрезвычалки, и, послуживши до пения ирмосов, снял свои священнослужительские облачения, надел английское щегольское пальто, взял в руки шляпу-панаму и вышел из церкви. Но при всем этом служил очень истово; читал и пел «с чувством», так что и не поймешь, что это — от чистого сердца или актерство своего рода!?

Очень дорожает сено; оно теперь дороже яблоков: сено 400 р. п., яблоки 250–500 р. п. Оттого и мясо подешевело: стало от 700 до 900 р. Крестьяне усиленно режут коров. Другого выхода нет.

Москву очень подкузьмило в сенном отношении нынешнее исключительное мелководье и убогость Москво-Окского «флота». В прежние годы под сено ставили на Оку от 80 до 100 гусян, новых или надежных, а в этом году с открытием навигации оказалось, что все гусяны водотечны. Надо было их «пробивать», а пакли и гвоздей нигде не найдут: хоть иди на Сухаревку и покупай их там по фунтам. Вот уже осталось и работать-то не более полутора месяцев, а из ремонта под сено вышло что-то около 20-ти гусян. Значит, привезут они в Москву сена самое больше 400.000 пудов, вместо прежних 3–4,5 млн. (в 1904 году привезено по Москве-реке 4.383.288 пуд.).

Вообще с водным транспортом очень невесело. Грузовые работы из рук вон плохи. Приведу тут некоторые выписки из донесения нашему Главводу: «За недостатком рабочих на Каме некоторые баржи остаются к 1-му июля неразгруженными с мая

месяца… В мае выгрузки в Нижнем было по 86.190 п. в день при 936 грузчиках, а в июне 140.943 при 1.692 грузчиках. Средняя выгрузка на одного грузчика в мае 92 п. в день, в июне 83 п. в день… Как будто устанавливается абсурдное положение: чем больше людей, тем меньше результат их работы… На Сибирской пристани одна баржа не разгружается с 15 мая, две баржи с 23 мая, а три баржи разгружаются с 23 тоже мая, и т. д На Молитовской пристани (в Нижнем же), несмотря на повсеместный соляной голод, не приступлено к выгрузке 12 соляных барж, причем одна стоит с 1919 г. … В Астрахани артель грузчиков из 40–50 чел., работая с 9 ч. утра до 3 ч. дня, подает к пристани на пароход не более 3.000 п., или 60 п. с человека, т. е. менее четвертой части средней узаконенной нормальной выработки (275 п.), и благодаря этому пассажирские пароходы простаивают там по 6 суток…» В сведениях о тоннаже у нас есть более 10 судов, которые «неизвестно где находятся». Кое-кому известно, конечно, что очень много судов под водой, но оттуда их, должно быть, не скоро вытащишь; по крайней мере, из тех же источников сообщают: «На Каме суда, сгоревшие и затонувшие в навигацию 1919 года в Левшинском и Заозерском затоне, из воды пока не вынимаются, так что некоторые суда заносятся песком, и вообще их положение в воде мешает движению судов и подходам их к пристаням.»

31-го августа сообщено об оставлении Соколки и взятии ст. Жабинки и гор. Бела; 1-го сентября, что «в Белостокском районе противник потеснил наши части»; 2-го сентября, что «во Львовском районе наши части под давлением противника несколько отошли на реку Буг»; 3-го сентября, что «нами занят город Замостье».

В «Известиях» есть статейки, из которых видно, что в истекшую зиму в советских хозяйствах погибло 50 % скота от бескормицы, а в коллективах около 20 %, у крестьян же, — говорится там, — «погибло сравнительно меньше, так как у них был почти повсюду хоть некоторый запас сена и соломы». Так ли это, не «частная ли собственность» играет тут такую спасительную для скота роль?!

Мирные переговоры с Польшей перенесены из Минска в Ригу.

Троцкий издает приказы по фронту, ведущему дело с Врангелем, что его десанты разбиваются красными повсеместно, где бы они ни появились, и это дает ему «полное право рассчитывать на то, что мы с Врангелем скоро покончим».

По заграничным сообщениям видно, что у Врангеля 140.000 человек, «из которых 50.000 хорошо вооружены».

† В Томске скончался известный русский путешественник

Потанин.

В «Известиях» напечатано радио из Вены в Христианию, будто бы венгерское правительство сообщило Франции, что венгры и румыны могли бы совместно наступать на Москву. Возможность этой комбинации подтверждается широким масштабом мобилизации, проводящейся за последнее время в Румынии.

«Поворот от ворот». После любезностей с Красиным и Каменевым, коль скоро мы под Варшавой сконфузились, Англия заговорила с Чичериным другим языком. В лондонских газетах 24-го августа было напечатано официальное сообщение британского правительства, что Ллойд Джордж обсудил с итальянским премьер-министром события в Восточной Европе, и по следствиям этого обсуждения британское и итальянское правительства отныне по русским вопросам решили действовать заодно. Сообщение подчеркивает, что, «несмотря на поражение, которое советское правительство потерпело в своем нападении на поляков, оно все еще отказывается взять обратно свое преступное и роковое предложение и продолжает вести войну на польской территории, с целью принуждения польского народа принять его условия. Ни одно свободное правительство на может ни признать советскую олигархию, ни иметь с ней дело.» Текст сообщения препровожден Бальфуром Каменеву при письме, в котором спрашивает: «Намеревается ли правительство советской России настаивать на предъявленных Польше условиях о мире. Будущая политика британского правительства будет зависеть от ответа на эти вопросы, и ввиду того, что этот вопрос без всякого сомнения носит крайне срочный характер, было бы желательно получить ответ не позднее вечера 3-го сентября.» После этой переписки Чичерин, огрызнувшись за «олигархию» (что, мол, вы сами «подлинная олигархия»), поспешил снять свои требования об разоружении польских войск до численного состава 50.000 чел., и о вооружении 200.000 чел. их рабочих. Эта новая нота Чичерина нашла уже отклик в лондонских газетах. В «Дейли Экспресс» сказано, что в ноте больше всего «большевистской пропаганды — очень умно составленной и очень дерзко изложенной. Однако старания Чичерина в этом направлении напрасны. Британский народ будет судить о большевизме не по его словам, а по его деяниям.» А наша «Правда» не замедлила откликнуться на «миролюбие» господина Ллойд Джорджа. (Так буквально озаглавлена передовая статья «Правды» за 3-е сентября.) Английское сообщение обзывается «бессовестным, наглым, циничным», также обзывается и «кровожадная английская буржуазия, этот тиран наших дней», Ллойд Джордж — «лицемером из лицемеров», «сверхнахалом».

Из Ташкента телеграфируют, что в Бухаре восторжествовал революционный переворот и что там провозглашена советская республика.

Деникин опубликовал в лондонском «Таймсе», что он действовал самостоятельно, лорд Керзон на него никакого влияния не имел, и сложил он обязанности главнокомандующего по обстоятельствам, к политике Керзона непричастным, и что он, (т. е. Деникин) считает борьбу с большевиками неизбежной и совершенно необходимой до полного их поражения, «в противном случае не только Россия, но и вся Европа будет разрушена».

26 авг./8 сентября. Два дня стояло ненастье, а сегодня опять сделалось теплее и суше.

† Во вторник 31-го августа в Петрограде в финском рабочем клубе несколько вооруженных финнов перестреляли 8 ответственных работников коммунистической финляндской партии (в т. ч. — убит Иван Рахья) и десятерых ранили. Созданная для расследования комиссия под председательством Дзержинского (везде Фигаро!) напала тут на какой-то «хитро обдуманный план и тонко сплетенную нить финских белогвардейцев».

Не наше дело, Иван Парамонович! Кушайте чай!

В «Правде» пишут сегодня, что в Латвии белый хлеб продается по 4–5 р. за ф., «и притом продается совершенно свободно», — ну, а дальше утешают нас, что этот хлеб там для рабочих недоступен. А наш, шестисотрублевый хлеб, разве доступен рабочим?

В Сокольском направлении, в Волковысском и в Брест-Литовском красные отступают. Во Владимиро-Волынском, Львовском, Галичском, Рогатинском, Гродненском и Крымском идут упорные бои.

Бальфур ответил уже через Каменева на последнюю чичеринскую ноту. Во-первых, он выразил «свое удовольствие по поводу того, что советское правительство отказывается от требования создания рабочей милиции в Польше», во-вторых, он проводит свой взгляд, что «вооруженная сила, навербованная из одного класса населения, с исключением всех прочих, была бы навязана полякам приказом иноземной державы, под ее покровительством и согласно ее плану; такая структура ее несовместима ни с национальной независимостью, ни даже с прочным поддержанием гражданского порядка». А затем Бальфур острит по поводу сравнений Чичерина между условиями, в которых находится трудящееся население советской России и Великобритании: «Сравнения эти, — говорит Бальфур, — по-

видимому, основаны на том, что в Великобритании существует неравенство в распределении богатств, *которых в России уже нельзя встретить.*» Лично от себя Бальфур «позволил бы заметить, что он никогда, ни на минуту не сомневался в безусловной действительности советских приемов превращения богачей в бедняков; неуспеха приходится опасаться лишь в более трудной и, на взгляд Бальфура, более важной задаче — превращения бедных людей в богатых». Чичерин не замедлил ответить Бальфуру, тоже через Каменева, причем особенно пространно отвечает на последнюю часть произведения Бальфура. Это, мол, «экономическое окружение России» лишает русский народ большого благосостояния. И даже хуже бы было, если бы в России существовала бы другая форма правления. Тогда бы народ не вынес последствий «отсутствия топлива, южного зерна, иностранного сырья, сельскохозяйственных орудий и всяких других машин, которые Россия всегда получала из-за границы». Заканчивает он картиной «советского рая». «Богатства высших классов России сделались достоянием народа. Шедевры искусства, украшавшие дворцы, теперь доступны обозрению всего народа и сделались источником наслаждения для широких масс, которым раньше были чужды высшие радости жизни. Пышные жилища аристократии превратились в народные клубы, где трудовая масса наслаждается жизнью… Дома богачей отданы беднякам; и те, кто раньше погибал в трущобах, теперь пользуются всеми удобствами (!!) благоустроенных (!!!) жилищ. Электричество появилось даже в таких деревнях, где раньше царили совершенно первобытные условия.»

Но увольте от переписки дальнейшего. Не могу. Уж очень заливает товарищ Чичерин насчет «высших радостей» современной российской жизни. (А впрочем, я видел сегодня на заседании в своем «цекапе», как один представитель наркомпрода бутерброд жрал из белого хлеба с паюсной икрой. Но ведь это не кто иной, как наш старый приятель А. Е. Шевченко, бывший управляющий московской конторой Восточного Общества.)

Теперь работы Чичерину хоть отбавляй. Министр иностр. дел США передал итальянскому послу в Вашингтоне ноту, в которой излагает точку зрения американского правительства на военное давление, производимое советской Россией на Польшу, а также и на другие факты, не отделимые от русского вопроса. Америка сочувствует Польше, и она ей поможет в сохранении политической независимости и территориальной целостности. Она и Россию любит и много для нее сделала до последней революции. За позорную капитуляцию в Брест-Литовске русский народ не ответственен. «Он победит нынешнюю анархию,

страдания и бедность.» Но Америка «относится враждебно ко всякого рода переговорам и отношениям с советским режимом». «Что современные властители России правят ею против воли и согласия значительной части русского народа — это неоспоримый факт. Большевики силой и хитростью захватили власть и правительственный механизм и продолжают держать их в своих руках, употребляя дикое насилие для поддержания своей собственной власти. Правительство Соединенных Штатов надеется, что русский народ сам найдет путь к установлению правительства, соответствующего его воле и желанию.» И вот, когда придет это время, тогда, мол, мы и окажем ей практическую помощь в деле возрождения России. «Правительство Америки не может принять правителей России как правительство, с которым могут быть поддерживаемы дружественные отношения.» Режим в России «покоится на отрицании принципов чести, добропорядочности и всех соглашений, на которых основана вся система международного права», и т. д., с заключением, что русский народ должен же противопоставить свое национальное чувство «унижающей его социально-философской доктрине и угнетающей его тирании».

3/16 сентября. В № 202 «Известий» напечатано «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», подписанное Калининым, Лениным, Троцким, Каменевым и… *А. Брусиловым.* Воззвание приглашает офицеров отказаться «от постыдной роли» быть на службе «польских панов и французских ростовщиков», сложить оружие и перейти на сторону советской власти, за что обещается полная амнистия.

Ленин получил от берлинского корреспондента лондонской газеты «Дейли Ньюс» Сегрю радиотелеграмму, в которой сообщается, что отчеты французских и германских социалистических депутаций, которые возвратились недавно из России, наносят больший вред большевизму, «чем вся антибольшевистская пропаганда за последние годы». В отчетах указания «на суровые преследования всех противников советской системы управления… Рабочие недисциплинированы, а крестьян не удалось привести к признанию нового режима». Они указывают также «на тиранию», которая проводится под управлением Ленина; в докладе Дитмана говорится, что рабочих, отказывающихся в России работать, — расстреливают. Он указывает, что 75 % всего населения России — крестьяне, и что они «не социалисты и не коммунисты»… «В России правит милитаризм, дезертиров расстреливают, а рабочим не позволяют бастовать… в русских городах нет ни социализма, ни

коммунизма, и вместо диктатуры пролетариата существует только диктатура над пролетариатом». Это сообщение Сегрю оканчивает просьбою ответить, какие меры приняло советское правительство против убийц «царского семейства».

Ленин тотчас ответил Сегрю, что отзывы о России рабочих делегатов из-за границы его не удивляют. Они «подобны нашим меньшевикам» и «в решительной борьбе между пролетариатом и буржуазией оказываются нередко на стороне последней». А чтобы показать, что он не боится таких делегаций, он предлагает посылать делегатов «из всех стран» с тем, чтобы они прожили в России месяца по два, причем три четверти расхода по их содержанию примет на себя советское правительство («потому что мы в России богаты и сильны»), а одну четверть только — международная буржуазия (потому что она «во всех странах мира крайне слаба и бедна»).

В Стокгольме арестован шведами Шляпников и после обыска заключен в одиночную тюрьму.

Приглашенный в Новгород Шаляпин потребовал за два концерта 600.000 р., один пуд сахарного песку, один пуд рафинаду, один пуд сливочного масла, один пуд подсолнечного, три пуда варенья, три пуда соли и десять аршин шерстяной материи. «Хоть мы в России богаты и сильны», а все-таки местный исполком отказался от таких концертов. На польском фронте оставлены Беловеж, Кобрин, Ковель; на Врангельском — гор. Бердянск. Но в это же время Троцкий пишет в газетах, что «мы сильнее, чем были!» И говорит, что способны нанести полякам второй удар, более могущественный, чем первый… Поживем — увидим.

Выдача хлеба из судоходной лавки в последнее время стала задерживаться на 2–3 недели. Прошло уже с 1-го числа 16 дней, а о хлебе или муке и слуха нет, а она на «вольных» рынках от 24.000 р. до 30.000 р. пуд. Зато расщедрились — угостили яблоками (полугнилыми), дали 5 ф. на работника по 40 р. фунт (на рынке цена яблок от 300 до 700 р. за фунт). Выдали еще мяса 2 фунта (по 40 р. за фунт). Купил сегодня 1 фунт махорки за 1.200 р. Должно быть, краденая, — уж очень дешева.

Погода переменная. По утрам густые туманы. Итак, лето прошло. Поразительно мало было гроз. Я не запомню такого лета по малодождью. Зато и мелководье же на реках! На Волге, даже у Богородска, где в нее впадает Кама, — не более 7 четвертей. Благодаря этому там многомиллионная «пробка». Не хватает паузков, землечерпалок. Положение катастрофическое. Итак, на службе слышишь только неприятные для народного благополучия известия, а лично для себя получаешь уколы со стороны ретивого

начальства, которое опостылело мне до невероятности. Нахожусь в среде, где нет ни подлинного дела, ни подлинной уверенности в завтрашнем дне. Вся наша деятельность, как говорил Щедрин, «заключается в непрерывном маятном движении — от одного предмета к другому, без плана, без очереди, по мере того, как они сами выплывают из бездны случайности».

Меня мутит, нервирует нелепость тех заданий, которые преподаются нам свыше, и коробят собственные указания и творения, которые я по служебному долгу совершаю. Пишем мудреные речи о простых вещах, т. е. диаметрально противоположное прежнему деловому подходу писать, как Погодин, «простые речи о мудреных вещах». Да, я писал, бывало, и о новых водных путях, и о новых судоходных линиях, и о шлюзовых устройствах, писал просто, но настолько убедительно, что благодаря этому писанию учреждались новые линии, перестраивались искусственные сооружения рек и т. д., а теперь пишу о таких пустяках, как конопатка барок, перевозка сена и т. п., и это так трудно, что ни на кого не угодишь. Чувствую, что нахожусь в опале, и жду уже не повышений каких-нибудь, что шло неукоснительно в течение 20 лет подряд, а понижений.

Между прочим, нас, «спецов» погладили было сгоряча по головке, а потом на попятный двор: премиальные стали выдавать не с персонального оклада, а с тарифного, т. е. 3.150 р. — в месяц. Таким образом, нужно считать, что я получаю теперь в общем не 54.000 р. в месяц, а только 27.450 р. Да и то, поговаривают, не надежно, чтобы «персональный» оклад остался незыблемым. Их вообще пересматривают, и мне, как «опальному», наверняка его убавят.

Впрочем, «шилом моря не нагреешь». Все равно не проживешь ни на 27 тыс., ни на 54 тыс. Что-то нужно предпринимать, а что именно — и сам не знаю. Во всяком случае, положение мое не лучше «губернаторского», и какое-то «енотовое», как я слыхал от своего бывшего начальника Н. Н. Бухольц…

Слышал, что Н. М. Данилин со своим хором получает за участие во всенощной и обедне 150.000 р. Это меня очень радует. Теперь на устроение торжественных богослужений прихожане храмов московских собирают «промеж себя» по полмиллиону рублей. И это очень приятно.

5/18 сентября. Поляки взяли г. Луцк.

† Умер ученый Венгеров. Похоронен в Петербурге.

7-го сентября в Баку закончился Съезд «революционных народов Востока». Собралось на съезд 1.890 человек. Все разговоры «съехавшихся» свелись к заявлению, что «война

международных империалистов против Советской России есть в то же время война против угнетенных народов Востока и наоборот».

Все это так, но из Турции, Персии и Индии представители «народов Востока» не были пропущены кольцом военного флота и пограничных кордонов. Зато присутствовали на съезде Зиновьев и Радек. И все было разыграно как по нотам (как на пианоле…).

И в Крыму съезд. Туда съезжаются по приглашению Врангеля Маклаков, Рябушинские, Коковцев, Коновалов, Барк, Третьяков, Вышнеградский, Крестовников, Давыдов, Нобель, Гессен, Бобринский и другие «бывшие люди» на совещание по экономической политике, проводящейся на территории южно-русской армии Врангеля.

6/19 сентября. Бакинская «пианола» играла на очень высоких нотах. Когда Зиновьев объявил, что против империалистов-угнетателей надо идти священной войной, а в первую голову против Англии, — восточники пришли в настоящую, восточную ярость, залопотали каждый на своем языке, вытащили свои ятаганы, кинжалы, ножи, браунинги и маузеры, залязгали ими и зарычали со всею злобою своего воинствующего темперамента, выкликивая имена Ллойд Джорджа, Керзона и всяких других «угнетателей», и давали клятвы «ризать их», «секим башка» и проч. Все это «священное» воодушевление разжигалось, конечно, игрой и пением интернационала.

Погода теплая, еще летняя. Сегодня воскресенье. Домашних работ случайно не было. Пошел на Сухаревку и проболтался там три часа в страшной толкотне, дивуясь на расцвет своей знаменитой соседки. Я там давно не был и каждый день слышу разговоры, что Сухаревку разогнали или разгоняют. Но «ничего подобного» (как чаще всего говорят там же). Она распухла до невероятности и своими оборотами превосходит теперь блаженной памяти Нижегородскую ярмарку. Хотя бы в тех аналогичных «рядах», которые есть на ней. Сооружений собственно мало, каких-нибудь сотня палаток, зато сколько шеренг стоячих или сидящих торговцев со своими товарами в корзинах, ящиках, на тележках, на столах, на табуретках и просто на руках. Как-то сами собой устанавливаются определенные пункты для торговли тем и другим. И таким образом, побывавши там, можно уже сказать, что тут вот «Кузнецкий Мост» (предметы роскоши), тут скобяной ряд, тут мануфактурный, иконный, мебельный, дорожный, книжный, галантерейный, парфюмерный, посудный, граммофонный, сапожный, одежный, мучной,

овощной, мясной, зеленый, съестной (поистине «обжорный») и т. д.

И все галдит, шумит, гогочет, спорит, шутит и, конечно, ругается. Слова с буквы «червь» в особенном распространении. «Черт» и «чрезвычайка» следуют одно за другим беспрерывно. Первое как характеристика продающей или покупающей личности, второе как угроза ей же со стороны обманутого или ошеломленного «запросом». Но паче всего слышишь родную, расейскую «матушку». Она, матушка, не только не переводится, но исходит теперь из уст чуть ли не младенческих, и из прекрасных уст «бывших» барынь… В эту какофонию звуков, ярмарочного гула врезываются граммофонные хрипы и писки, визги поросят, а также и за душу щемящий, унылый хор слепых, видно предпочитающих тянуть своего древнего Лазаря, чем отведать социального обеспечения…

Картина сухаревской жизни примечательная и требующая новых художников слова и кисти, с талантом Золя, Островского, Перова…

Кое к чему приценился. Самовар (поменьше нашего, т. е. стаканов на 15) 60.000 р. Арбуз (фунта на два) 3.000 р., кусок глицеринового мыла (в 20 коп.) 3.500 р., карточка для стереоскопа 100 р., граммофонные пластинки от 1.000 до 5.000 р. за штуку, колун, без топорища, 1.000 рублей. (Расходятся ходко, несмотря на откровенное объявление продавца, что он тридцать лет продавал такие колуны по 1 р. 10 к.)

Зажигалка среднего качества 5.000 р., браслетка золотая, не массивная, тоненькая, простой работы — без украшений — 20.000 р., шапка каракулевая 35.000 р., махорка 350 р. восьмушка, но почему-то в запросных суммах доминирует цифра 17.000 рублей. За эту цену предлагали и четырехтомное издание Белинского (бывшее за 4 р.), и икону в медной ризе, размера вершков 6х4 (покупатель думал, что риза серебряная, но продавец обругал его за это простодушное предположение: «На серебряную-то у тебя, дурака, сапог и одежи не хватит!»); за 17.000 можно было купить и старые, но чиненые женские открытые ботинки, и колечки с бирюзой, и таз для варки варенья, и много других вещей (не за все в сложности, а за каждую — 17).

«Золотое руно», издававшееся Рябушинским, целый 1917-й год, в переплете, — 12.000 р. Год «Синего журнала» — 4.000 р. Год «Нивы» — 5.000 р. «Любая книга на выбор» (бывало 10–20 коп.) — 100 р. Гитара (вероятно, десятирублевая) — 50.000 р.

Еще 17-тысячная вещь: женское короткое, простого покроя, пальто, в котором, бывало, кухарки на речку ездили, но только оно имело уже дыру, на что было обращено внимание продавца в

видах получения уступки, но того это не тронуло, он даже наставительно заметил покупательнице: зашьешь, мол, сама — невелика барыня!

Все-таки во всей громаде и разнообразии сухаревских товаров нет уже действительно дорогих, богатых, красивых и отменных вещей и продуктов, все они или уже разместились по квартирам новой буржуазии, или износились, или продаются непосредственно из квартир, при посредстве, может быть, комиссионеров, которых теперь в новой жизни русской больше, чем было при частной свободной торговле. Однако какой-то, видимо, провинциал, умилился зрелищем и настоящего богатства Сухаревки и вслух провозгласил, ни к кому не обращаясь: «Ну и счастливая же Москва!» — «Типун тебе на язык!» — промолвил какой-то полинявший буржуй и стал себе приторговывать за 17.000 небольшой обеденный дубовый столик.

И я купил кое-что. За 150 р. камешек для зажигалки и за 100 р. небольшое яблоко. И пошел домой «с душой унылой», размышляя, с каких книг начать мне распродажу своей милой библиотечки, собиравшейся не менее 40 лет. (Мои ресурсы в юности позволяли мне тратить на это благое дело не более 25 р. в год, а позднее — по 100, по 200, по 500 р., и в самые последние годы — не более 1.000 р.)

10/23 сентября. В «Экономической жизни» расставили советским губерниям «баллы» за урожай хлебов и трав. Пятерок удостоилась только Одесская губерния, и то — за овес и картофель; за хлеба ей поставлены тройки. Четверки получили 9 губерний; тройки: за озимые — 14 губерний, за пшеницу — 10 губ., за ячмень — 14 губ., за овес — 12 губ., за картофель 33 губ., за травы 8 губ.; двойки: за озимые — 24 губ., за пшеницу 21 губ., за ячмень 23 губ., за овес 32 губ., за картошку 5, за травы 30; а единицы: за хлеба — 10, за пшеницу — 10, за ячмень 4, за овес 3, за травы 4. Стоит посмотреть на эту сводку, как сразу видишь, что особенно плохо в тех губерниях, которые кормили, бывало, не только матушку-Россию, но и заграницу. Это: Брянская, Витебская, Воронежская, Вятская, Енисейская, Калужская, Казанская, Костромская, Курская, Нижегородская, Олонецкая, Оренбургская (5 единиц), Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Саратовская (3 единицы), Семипалатинская (тоже 3 кола), Смоленская, Ставропольская (3 единицы), Тамбовская, Терская, Тобольская, Тульская, Уральская (4 кола), Уфимская (5 двоек), Челябинская.

Оставлены Ровно и Пружаны. В галицийском участке красные войска отходят на новые позиции; в Гродненском районе поляки

перешли большими силами в наступление на фронте протяжением 50 верст. Врангель наступает конницей на г. Александровск.

Вернулся в Москву Каменев. Ему, как о том сообщает Чичерин, предложено было Ллойд Джорджем оставить Лондон в 24 часа, а если бы он этого не исполнил, то ему бы *предложено было уехать на следующий день.* Ллойд Джордж заявил при этом, что политические переговоры между Советской Россией и Англией прерываются. Каменеву предъявлены обвинения в продаже царских бриллиантов и в субсидировании социалистической газеты «Дейли Геральд». Каменев сообщил РОСТА, что, как только политические переговоры прекратились, английский банк сейчас же стал оплачивать чеки барона Врангеля и что прямая война с Россией в Англии очень популярна, но рабочий класс требует мира с Россией.

Отмечается революционное движение в Италии. В Триесте и Триенте будто бы провозглашена советская республика.

11/24 сентября. Утром ясно, а тепла только 5°; к вечеру дождь чисто осеннего свойства.

22 числа открылась в Москве всероссийская конференция ком. партии.

21-го в Риге состоялось первое заседание мирной русско-польской конференции. Русской делегацией председательствует Иоффе, польской — Домбский.

Идут бои у города Волочиска и около Гусятина. Врангель пробрался неожиданно к г. Екатеринославу и к ст. Синельниково. Около них идут упорные бои.

Обозреватель «Известий» пишет, что поляки повели «общее наступление» и что они уже «принудили нас к почти полному очищению Галиции».

Красин остался в Лондоне во главе «торговой русской делегации», которой, стало быть, не воспрещена купля английских товаров.

12/25 сентября. Врангель взял г. Александровск около Екатеринослава.

Французский президент республики Дешанель отрекся от президентства. Или я проглядел, или о поводах к «отречению» ничего не писали, да и сегодня ничего не пишут, кроме того, что в парламенте «был прочтен акт отречения Дешанеля».

Шляпникова выпустили из шведской тюрьмы, и он вернулся в Петербург, как пишут в «Известиях», «совершенно разбитый и больной». Кандидатами на пост президента Франц. республики

заявлены Мильеран — 528 голосами, Рауль Пере — 157 и Леон Буржуа — 113 голосами.

(Тысячная страница рукописи.)

13/26 сентября. «Коммунистический труд» пишет, что Врангельский фронт вырос в значительную угрозу и уже простирает «свои лапы к украинскому хлебу, донецкому углю и бакинской нефти», и называет Врангеля «крымским ханом, мечтающим о романовской короне».

Красные войска оставили ст. Валковск и г. Изяславль. Идут бои в 30-и верстах от Каменец-Подольска.

Если верить советским газетам, то в Крыму «почище московского»: хлеб доходит до 4.000 р., обед в ресторане от 15 до 20.000 р., комната в Ялте доходит до 2 млн. в месяц, лодочнику за коротенькую поездку платят 40.000 р.

Президентом Французской республики избран Александр Мильеран (695-ю голосами из 892-х). Правый социалист Делори, выставленный левыми парламентариями, получил только 69 голосов.

ВЦИК отправил Польше заявление — «последний призыв», в котором предлагает заключить немедленно соглашение об основных принципах мира. Первое: советское правительство снимает свое требование о разоружении польской армии, о вооружении польских рабочих и о переходе в собственность России железной дороги Волковыск-Граево. Второе: готово признать границу между Польшей и Россией линией, проходящей значительно восточнее той, которая намечена Антантой, с тем, что Восточная Галиция останется на запад от этой границы. Кроме того, советское правительство соглашается на плебисцит по вопросу об установлении в Восточной Галиции формы правления, плебисцит не по принципу советскому, а по обычному «буржуазно-демократическому». Это предложение имеет силу в течение 10 дней. По истечении этого срока, т. е. 5 октября, Совнарком, в случае отвержения данного предложения Польшей, вправе изменить предложенные условия, так что пропуск срока, как говорится в заявлении, «предрешает фактически вопрос о зимней кампании».

Третьего дня в Большом театре было очередное «торжественное» заседание советов под председательством Каменева-лондонского. На нем была, говорила и лавры стяжала немецкая гастролерша Клара Цеткин.

Накануне этого заседания во всероссийской конференции РКП дебатировалось заявление ВЦИКа (вышеприведенное), и оно принято было двумя третями голосов. Следовательно, из 240 чел.

80 были против правительственной политики, а в частности — против нот Чичерина, по словам Бухарина, «лебезящих» пред империалистами.

Каменев рассказывал, как и за что его выпроводили из Англии, и, конечно, лягнул при этом случае «империалистов». В Англии будто бы нет уже единовластия буржуазного парламента, и там существуют теперь две власти: с одной стороны — парламент, с другой — рабочий совет действия. Вся политика Ллойд Джорджа, по словам Каменева, сводится к стремлению втянуть нас в новую зимнюю кампанию.

Сегодня чудный безоблачный день, — солнцем и безветренностью подчеркивающий прелесть золотой осени. Ходил в Покровский монастырь (кстати: трамваи уже нигде не ходят, а занимаются перевозкой дров; вероятно, не будут ходить до весны или до нового лета). И вот там, случайно, услыхал опять интересного проповедника. Не узнал, как его звать, но по облачению вижу, что это монах-дьякон. После архиереев и священников проповедь дьякона — это очень оригинально. Я думал, он вышел пригласить прихожан к какой-нибудь денежной жертве. (Не было ни аналоя, ни тетрадки — этих атрибутов духовных ораторов.) Говорил просто, без лишней аффектации, спокойно стоя на амвоне, мало Жестикулируя. Но в самом голосе слышалась искренность и убедительность. Фразы складывались легко, красиво и бойко. Аудитория внимала ему без покашливания и зевания, видно, что он уже популярен; на вид ему не более 30 лет. Речь была короткая и бесхитростная. По его мнению, и он приглашал к этому, — все будет хорошо, если мы займемся «самоукорением». Послушав его, в мою память ехидной змейкой забрался другой рецепт, чтобы все было хорошо, чеховский: «прыгать с крыш». (Говорю об этом не в насмешку над симпатичным проповедником, а в доказательство, что его доброе слово сразу научило меня самоукоряться.)

Третьего дня с меня сдули в грязненькой парикмахерской за стрижку и бритье, произведенные неопрятным и неумелым еще мальчиком, ни много ни мало 500 р. Без одеколона, без пудры. Тоже ставлю себе в укор: спроси прежде, по карману ли тебе такие операции, а потом садись пред зеркалом.

15/28 сентября. Чего ждал, то и случилось: нашему комиссару в компании с подыгрывающим ему начальником эксплуатац. управления Летуновским, бывшим корнетом, директором пароходных и ломбардных обществ, вообще «бывшим человеком», заблагорассудилось написать куда следует, что т. Окунев «за неимением достаточных данных» мог бы быть

переведен с персонального оклада на обыкновенный — на тарифный. Может быть, и правда, что я уже не имею «достаточных данных» (вон у меня не так давно передний зуб уже выпал), но ведь у меня *были* эти «достаточные данные», собственно, я и попал-то на персональный оклад за свой стаж, — но мне стало нестерпимо, что меня лишают его, но оставляют с персональными окладами таких деятелей, у которых ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем никаких данных нет, не было и не будет. Хотел просить о переводе меня опять в Рупвод, но тут на сцену выступил мой старый доброжелатель Григорий Васильевич, и по его настояниям меня с 1-го октября отчисляют от службы в Главводе в его распоряжение как Уполномоченного по продвижению водою в Москву древесного топлива для Полевого штаба.

Красными войсками оставлен Проскуров.

В заседании ВЦИК Брюханов сообщил, что в 1917–1918 г. через продовольственный аппарат прошло всего 30 млн. пудов хлеба, а в 1919–1920 г. уже 222,5 млн. пуд., в нынешнем же 1920–1921 г. Наркомпрод установил общую цифру хлебной разверстки в 454 млн. пуд. Вообще Брюханов считает, что нынешний продовольственный год проведется не хуже истекшего года.

16/29 сентября. Вчера я был именинником, а напился пьян не у себя на именинах, а у другого именинника — католика Вацлава Людвиговича Овсяного, нашего большого приятеля, милого и любезного. По нынешнему времени он оказал мне и моему сынку такое гостеприимство, которое «по сухаревским ценам» стоит сотни тысяч. Нечего сказать: попили, поели! Не помню, как и кончился этот веселый денек. Даже и сегодня бродил целый день как пьяный. Вот как с голодовки по спирту укомплектовался — одним вечером на несколько дней. Да еще как шикарно съездили туда (дело было за городом — на бывш. заводе Зиллер). Сынку подали с вечера автомобиль Наркомнаца, домчались на нем в 20 минут, а утром автомобиль опять приехал за нами и развез нас по местам службы. Но я плохо в этот день «служил» и все лишь рассказывал приятелям свои ночные похождения…

При быстром отступлении из-под Варшавы от войск Западного фронта оторвалось значительное крыло, и оно было затем интернировано в Германии. Сообщает об этом Троцкий. Поляки заняли Пинск и Сарну.

17/30 сентября. Поляки заняли Староконстантинов.

Из Копенгагена была отправлена первая воздушная почта в

Германию и Англию. До Берлина она летела 6 часов, до Гамбурга 7 часов, до Лондона 19 часов.

20 сент./3 октября. Красные войска оставили Слоним, Славгород, Лиду, Мариуполь, Новогрудок, Новоград-Волынский.

21 сент./4 октября. Сегодня проводили нашего Лелю опять на фронт (по направлению к Харькову). Как бы ни была ответственна его должность в Наркомнаце, все-таки он, к великому моему огорчению, не мог остаться на мирном положении, и его, как коммуниста да еще командного состава, все-таки вот и направили на фронт. В какой это раз? Я сбился со счету. Но да будет воля Господня! Добрый час и благополучного возвращения!..

22 сент./5 октября. А сегодня я и сам уезжаю в Рязань и дальше «для продвижения дров водным путем в Москву для нужд Полевого штаба», как говорится в моих «мандатах».

3/16 октября. Сегодня вернулся в Москву на пароходе «Марчуги» в 12 ч. дня. Пробыл в дороге и в городах Рязани и Муроме одиннадцать суток и все одиннадцать ночей не раздевался. Ехал при благоприятной погоде, и в особенности она хороша была 7-го, 8-го и 9-го в пути от Рязани до Мурома (на пароходе «Луначарский» — в царские времена называвшемся «Царем-Освободителем», а во времена Керенского просто «Освободителем»). Но по порядку. До Рязани ехал на основании удостоверения, выданного мне Центральным Управлением Военных Сообщений (или «Цупвосо»), в так называемом «штабном» вагоне. Правда, там для меня было целое место, но этот вагон не более не менее как старый третьеклассный. Ночью вагон не освещается. Ну, мне было недалеко ехать (каких-нибудь семь часов), а каково дальним пассажирам сидеть несколько ночей без света. Так как я в дальних поездах не был с царских времен, то это обстоятельство меня застигло врасплох. На дорогу взял было книгу — почитаю, мол. Черта с два — почитал!

В Рязань приехал в 2 ч. ночи. На вокзале не только лечь или сесть, но и стать негде, до такой степени все переполнено спящим людом, ожидающим своих поездов. Пришлось подумать о ночлеге в городе. Подрядил извозчика с условием, если он меня за глубокой ночью нигде не пристроит, то чтобы привез обратно на вокзал. Цена 3.000 рублей. Пристроил: в каком-то общежитии, «на койке № 48». Койка не что иное, как деревянные доски на козлах. На досках дерюжный матрасик, набитый соломой, и таковая же подушка. И такое благо только потому, что у меня «мандат», а то ночуй хоть на улице.

Утром отправился в комендантское управление, где получил ордер в другое общежитие, в чисто военное, ибо я командировку-то имею по военным делам (зри выше мое касательство к полевому штабу). Тут почище, посветлее (там помещение старого-престарого трактира, вероятно служившего «извозчикам», там форменная ночлежка, тут же что-то вроде приличных казарм). Днем у меня были дела в местном Рупводе до 4-х часов дня. Вышел оттуда с целью зайти в столовую или чайную пообедать и чайку попить. Исходил все центральные улицы и нигде таковых благ не нашел. Попитался домашней сухомяткой да яблоками (они здесь вдвое дешевле московских), а вечером пошел в городской советский театр и там отвел душеньку. Выпил в буфете 4 или 5 стаканов кофе с молоком и крупинками сахара по 45 р. за стакан и все удивлялся такой дешевизне. Театр очень мил. Небольшой, но не очень загрязненный. Шло «Горе от ума». Декорации приличные, обстановка прекрасная. Подлинная барская мебель. Из особняка какого-нибудь. В общем, игра была очень недурна. В особенности Фамусов — И. А. Панормов-Сокольский, Софья — П. В. Пальмина, Платон Михайлович — А. М. Добролюбов и Репетилов — П. В. Чинаров. Зато плох Чацкий — В. В. Андреев-Бурлак, а он-то меня больше всех интересовал. Во-первых, как видно из афиши, он в этом театре главный режиссер; во-вторых, по своему имени (Василий Васильевич) он должен бы быть сыном знаменитого Василия Николаевича Андреева-Бурлака и, так сказать, унаследовать от папаши хоть частичку его дивного таланта, столько памятного моей юности. Но нет! Он или самозванец, или не на своем амплуа; это был не Чацкий, а какой-то коммивояжер Чацкин (как раз был у меня и такой знакомый).

Из театра — прямо в казармы, то бишь в общежитие комендантского управления, а утром на пристань, и 7-го октября в 9 ч. утра «Луначарский» повез нас в Муром. Ока от Рязани до Мурома не очень красовита. Берега невысоки, не лесисты и мало населены. Самое красивое — поистине красивое — плес Касимовский, и то — не более как на 20 верст. Не доезжая Касимова, на правом высоком берегу Оки — бывшее имение моего приятеля Петра Алексеевича Оленина-Истомина, своего рода «монрепо». Можно было жить там не без приятности. А от самого города Касимова я прямо в восторге: типичное русское захолустье, а ведь какое изящное, как посмотришь на него с реки. По берегу, т. е. на возвышенностях его, выстроились 7 или 8 церквей одна другой красивее. Древности как будто нет, но далеко не новы они, и — что-нибудь одно: либо всех их строил один высокодаровитый архитектор, показывая благочестивым

христианам: смотри-ка, мол, какой я мастер — вот тебе семь церквей, и все одна другой краше, и ни одна на другую не похожа. Или строило их 7 архитекторов, стараясь перещеголять друг друга и ни на минуту не забывая образцов своих коллег, то и дело посматривая на них и чего-нибудь похищая и разнообразя по своему разумению. Есть какой-то особый стиль в общем. И нет такого, что бы я видел, скажем, в Москве, на Волге или на той же Оке. В особенности хороши колоколенки. Грандиозных нет, но при всей своей несложности они так и рвутся к небу. Уж не из минаретов ли их перестроили? Когда-то столица татарского царства, да и теперь еще город татар, — но почему же там мало мечетей? Я видел с парохода только одну. Кроме церквей и колоколен с берега видно несколько великолепных зданий и особнячков столетней давности — и все кутается в зелень. Да! Тут могли родиться и художники, и артисты, и писатели, и музыканты. (Слышишь ли, Петруха, гимн свой родине?)

В Муром приехали рано утром 9-го октября (26 сент.). Был там в Соборе, в Женском монастыре, на базаре, в советской столовой, в конторе водного транспорта и у райуполсплава (не пугайтесь, читатель, это не зверь какой-нибудь, а хороший человек И. И. Поляков, районный уполномоченный по сплаву леса. То ли еще есть на «советском языке». Например, «Начхозупрштаокр» — это есть Начальник хозяйственного управления Штаба Округа; есть еще «Упрбронесиларм», есть «Завинженснабдив», есть и «Начполитупреввоенсоветарес» — все это не допотопные, а наши современные управляющие, заведующие или начальники чего-нибудь. Но, с другой стороны, есть и такие коротышки: «Пс», «Ох», «Цап», «Зрак» и т. д. Знаю я теперь всю эту литературу. Иногда запалю такую деловую речь с упоминанием этих диких слов, что после до самого утра язык болит.)

«Райуполсплав» меня не утешил. Я приехал «продвигать» дрова по воде, а они еще в лесу. Приходится ехать обратно в Рязань, к другому «Райуполсплаву», не найдется ли в его районе нужных нам дров.

Выехал из Мурома 27 сент. (10 окт.) в 12,5 дня на пароходе «Ерахтур» (назван в честь той деревни, в которой родились Качковы, бывшие пароходчики). Не столько стар пароход, сколько изношен и загрязнен. А впрочем, где и что теперь в порядке и в чистоте?! Затем, на обратном пути, погода была невеселая. 10-го и 11-го с утра морозцы, днем слякоть. На пристанях — не как в первом пути — ни молока (от 150 до 200 р. за бутылку), ни яиц (по 100 р. штука), ни яблок (от 30 до 100 р. за шт.). Пришлось довольствоваться хлебом, полученным в Муромской и

Касимовской судоходке, и обедами из буфета (небольшая тарелка щей с кусочком мяса за 450 р. — без хлеба). В Кочемарах (по реке 570 верст от Москвы) все-таки удалось купить при содействии пристанщика у местного милиционера 1 пуд картошки за 3.000 р., а в Москве она теперь 6.500 р. за пуд. Это мой дебют и главный подвиг «по мешочничеству», — затем все покупки — картошки, лука, моркови и масла — производились вдробь, т. е. по фунту, по два и т. д. Всего набралось с рязанскими покупками пуда два с половиной.

В Рязань приехали 29 сент. (12 окт.) в 8,5 ч. вечера, и я ночевал на том же пароходе. На другой день был в Рупводе и у райуполсплава. И этот не утешил. Зашел с горя в советскую парикмахерскую, где по-советски, но без совести слупили с меня за стрижку и бритье 600 р.

Вечером был за всенощной в Соборе и в церкви, стоящей около Собора. Хотел было зайти в Монастырь, но туда не пустил красноармеец. «Какой гут монастырь!» — сердито сказал он. Я уж не решился спросить его о том, не театр ли тут теперь, и отправился опять в городской театр, где шла пьеса Н. Лернера «Минувшие дни», или «Нина Трауцкая». Пьеса оказалась нового революционного репертуара, порочившая дореволюционное время, закончившаяся виселицами и пением интернационала. Впечатление вдвойне тягостное и от того, что было, и от того, что все, что было, то и теперь есть и, кажется, в более ужасающих размерах… Участвовал и Андреев-Бурлак, на этот раз в роли какого-то провокатора, что было у него удачнее, ибо изображаемый им субъект был, по-видимому, сроднее *Чацкину*. Хорош был опять Добролюбов в роли жандармского генерала, а в особенности великолепно Н. Г. Липкин играл сторожа тюрьмы Падалку.

Ночевал опять в комендантском общежитии. На другой день, 1/14 октября, зашел в Семинарскую церковь, а потом на базар. Купил немного муки по цене 5.000 р. за меру, мыла простого (и, вероятно, очень плохого) по 1.700 р. за ф. и масла сливочного от 3.500 до 3.800 р. за ф.

В 4 ч. дня выехал на пароходе «Марчуги» по р.р. Оке и Москве прямо в Москву. Этот пароход хоть и меньше «Ерахтура», но немного почище, да и ходит он лучше, чем тот. Выше Рязани по Оке тоже не очень красиво. Зато по Москве-реке (там я езжал и раньше) есть великолепные берега, барские и купеческие поместья (бывшие, а теперь либо детские колонии, либо какие-нибудь санатории).

В Москве пришлось с пристани на квартиру совершить в день приезда два «рейса» — в один раз не мог дотащить своего добра,

а если бы нанять извозчика или тележку, то пришлось бы проститься с той разницей, которая получилась между провинциальными и московскими ценами на картошку, лук и масло. Во время путешествия по рекам встречались караваны с сеном и с дровами. Других грузов — ничтожество. Не один раз стояли понемногу на мели. Воды от 5 до 7 четвертей; в воде 5, а потом — 4 гр. тепла. Одни говорят, что навигация закончится на днях, другие пророчествуют, что она продлится «до Казанской», т. е. до 22 окт. ст. ст.

Забыл отметить странное совпадение. Я был в Рязани в 1904 году, в августе месяце, и там купил свежую телеграмму об разбитии нас под Ляояном японцами. В эту поездку я совершенно неожиданно в этой же Рязани прочел о том, что Домбский и Иоффе подписали соглашение о перемирии с 18-го октября. То и другое сведения касаются войн, и притом — самых крупных эпизодов этих войн.

В Рязани же я вычитал в настенной газете, что в Москве, в Рыбном переулке, на автомобиль, везший из банка 257 млн. р., напал другой автомобиль и экспроприировал их. А еще за всю дорогу ничего не читал и не слыхал, что делается на белом свете.

Проехал, значит, по жел. дор. 180 верст, по воде от Рязани до Мурома 474 версты и от Мурома до Москвы 796 верст, всего 1.450 верст, и везде слышал только охи, вздохи, сетования, ропот и ругань. А народ, серый, сермяжный, — он, может быть, и сыт теперь, но зато какой рваный, какой грязный, какой злой, — не дай Бог!

8/21 октября. Приехав, все только хожу по Москве по Руповодам, главводам, главтопам, москватопам, цупвосам и полевым штабам. Продолжаю «продвигать дрова», теперь уже не реальным, а бумажным путем. Если будет успех, то получу дров на зиму и для себя, а больше мне за этот труд ничего и не надо.

Третьего дня ночью арестовали начальника морского управления Главвода Н. И. Игнатьева, его некоторых помощников, начальника Цусвода (главводское снабжение) Г. Я. Седова и многих других морских бывших офицеров. Что делается в Москве — доподлинно неизвестно, но появилось правительственное сообщение, наводящее на предположение, что где-то не совсем спокойно. Объявлено военное положение (уличная жизнь позднее 12 ч. ночи воспрещена), и Дзержинский назначен председателем совета обороны.

Перемирие должно бы уже начаться, однако, в сегодняшней сводке все еще говорится о боях. Минск был взят поляками, а теперь опять перешел в советские руки.

Врангель взял Орешки, но сегодня есть статейки, которые предвещают скорый разгром его.

Вчера и третьего дня были морозы от 2 до 4 градусов со снегом, к вчерашнему вечеру усилившимся и крутившимся, как в зимнюю вьюгу. Но сегодня теплее и шел уже дождь.

От сына известий никаких нет. Зато я имею удовольствие получить в эти дни письма, которые я сам послал жене из Мурома и из Рязани. А еще отчетливее действует телеграф: я послал Кожевникову 9-го октября телеграмму из Мурома военным порядком, т. е. «по литеру», и несмотря на это (а может быть, только поэтому), она до сего дня не пожаловала еще в Москву. Вот так «продвижение»!

9/22 октября. В сводке за вчерашний день говорится, что на Западном фронте военные действия прекращаются, красные войска отходят на 25 км. восточнее государственной границы Польши.

С 16-го октября меня формально прикомандировали к полевому штабу, и поэтому сегодня получил заборную книжку на продукты, которые буду получать из складов «довольствующего отделения полевого штаба». Из книжки видно, что на месяц полагается 45 ф. ржаной муки (или 60 ф. хлеба), муки подболт. 120 золотников, крупы 7,5 ф., соли 90 золотников, сухих овощей 1,25 ф., перцу 5 зол., чаю 7 зол., сахару 2,5 ф., табаку 90 зол., спичек 4 кор., мыла 0,5 ф., масла 2,5 ф., сельди 15 ф. Это, в сущности, «красноармейский паек». Недурно!

12/25 октября. После некоторого потепления опять захолодило: сегодня утром 2 градуса мороза, а к вечеру — уже 4. На Чистых прудах форменный лед.

ВЦИК утвердил заключение мира с Финляндией и мирные условия с Польшей. Военные действия с ней прекратились.

В Чите власть Семенова свергнута красными повстанцами. Семенов улетел оттуда на аэроплане. Как Гамбетта!

Видел сегодня фунт какао. Спросил, сколько стоит. Ответили очень твердо: «20.000».

Малый театр так и не открывался. Его, должно быть, перестраивают. Труппа подвизается в кинематографическом театре на Чистых прудах.

Купил два камушка к зажигалке: за один заплатил 150 р., за другой 200 р. Надо бы калоши купить, да оказалось не по средствам: на Сухаревке за них просят 40.000. Дрова угрожающе дорожают: уже 45 тысяч погонная сажень (впрочем, с доставкой к квартире). Вставили в кухне в окне одно стекло, т. е. не одно

стекло буквально, а 4 осколка стекла, и за то заплатили 5.000 р. Беда теперь, если что разобьется, сломается, разорвется и вообще испортится; или оставляй в таком виде, или плати за починку целое состояние.

С Врангелем дела идут около Мариуполя и Синельникова (станция).

16/29 октября. 13/26 октября получил первое письмо от Лели из г. Лубны Полтавской губ. (от Киева 178 верст, от Полтавы 152 версты). Пишет, что не скоро доехал туда — задержался в Харькове и Полтаве. В Харькове хлеб черный 600 р., в Полтаве, — говорит, — жизнь дешевле, чем в Харькове, но «не то, что было раньше». Москвичи, а в том числе и братец мой, «ругаются и собираются в Москву». В Лубны он приехал 11 окт. (письмо помечено 12 окт.). Там хлеб черный 150 р., белый 250–300, масло коровье 3.000 р., постное — 2.000 р., молоко 150 р. стакан (а в Москве уже 570 р. кружка). Живет пока без дела, ждет каких-то нужных ему людей. Между прочим, его укусила там «ни с того ни с сего собака». Это бывало и со мной, но Бог хранил меня от последствий. Не думаю, чтобы он, т. е. Леля, как коммунист и вообще человек последнего времени, подумал о врачевании себя молитвою, потому молю Бога сам, чтобы все обошлось благополучно. Письмо заканчивается сообщением, что «становится темно и, значит, надо ложиться спать, так как освещения на Украине вообще не полагается». А к нам три раза приходили за ним из милиции. Ищут, должно быть, его как дезертира, а он давно уже «на фронте». Вот как путаются в этих делах! Ищут тех, кто не за страх, а за совесть сами рвутся на фронт, и не видят у себя под носом таких вояк, которые кишмя кишат в Москве или в ревгусарах, или с чужими паспортами!

Зима ужасно похожа на прошлогоднюю. Так же началась круто и устойчиво, внеся в конец навигации полный беспорядок в смысле остановки судов, где их застигли морозы. Только снегу мало, не как в прошлом году, а морозы сразу солидные: третьего дня 5 градусов, вчера 6, а сегодня уже 12.

† Вчера в московских газетах маленькая, маленькая заметочка: «В Севастополе скончался литератор Дорошевич». Это об великом, несравненном Власе Михайловиче Дорошевиче! Бедный Влас! Впрочем, «бедный» на время. Не может его имя пройти в русской жизни бесследным. История отведет ему не одну страницу, и будет время, пускай я его не дождусь, — когда вернут ему былую «дореволюционную» славу и прибавят к ней еще многое такое, о чем мы за три года последние не читали. Не мог он с талантом, столь схожим с Щедринским, сидеть «сложа

руки». Писал он, и вероятно много. Писал и правдиво, и ядовито. И место его знаменитому праху не в Севастополе, а в Москве, в Даниловском монастыре, по соседству с Гоголем. Если не ошибаюсь, я видел его в последний раз в 1917 году, в каком-то театре. У него была актерская физиономия, а вместе с тем — московская, рыхлая, благодушная повадка. Москва его любила и чтила за его бойкое, меткое и оригинальное слово, прощая ему даже некоторые напраслины (так сказать, блудословие). Царство ему небесное!

† А сегодня вычитал сообщение о смерти в Петербурге заслуженной артистки Александровского театра Надежды Сергеевны Васильевой. Я видел ее последний раз в «На всякого мудреца довольно простоты», в роли Турусиной. Игра, достойная всяческих похвал. Но какая трагедия с этой смертью! В день ее кончины назначено было празднование ее пятидесятилетнего юбилея, и она явилась с утра на репетицию своего юбилейного спектакля (переделка гончаровского «Обрыва», роль бабушки) и на этой репетиции скончалась, не дожив до своей золотой свадьбы с театром каких-нибудь 5–6 часов. Вечная ей память!

17/30 октября. И сегодня мороз 12-градусный.

У Врангеля взяты Орешки и Бердянск. Чичерин послал ноту польскому правительству с укором в невыполнении условий перемирия, выразившемся в явной помощи поляков стратегическому положению войска Петлюры.

† В Афинах умер греческий король Александр.

Розничной продажи газет уже не существует. Рассылают их только по учреждениям, клубам и должностным лицам. Всем остальным смертным предоставляется читать их на стенах Москвы. Сейчас такое занятие в такой холодище такому вот индивидууму, как я, потерявшему зрение наполовину, — очень нелегкое, а потому мои «мемуары» поневоле делаются краткими. Всю газету не прочтешь, или не разберешь, и пока попадешь домой, многое забудешь из прочитанного, и записываешь тут только вспомнившееся.

20 окт./2 ноября. Морозы держатся, подпадало снежку, — совсем зима. Опять все с саночками. Дрова, мороженая картошка и т. д. (см. об этом прошлогоднюю запись).

У Врангеля взяты Перекоп, Федоровка, Мелитополь. Дела его, как видите, стали «хужее».

Чичерин опять пишет ноты Англии и Польше. Обвиняет их в помощи Петлюре, Жениховскому и Балаховичу.

21 окт./3 ноября. Советское правительство заявило державам Согласия формальный протест против присоединения Бессарабии к Румынии.

Сегодня потеплело: с утра только 2 гр. мороза, днем сыровато.

26 окт./9 ноября. Третьего дня, т. е. 7-го ноября, по случаю трехлетия советской власти объявлена амнистия преступникам, «не опасным» советскому режиму, и смягчение участи «опасным». Была праздничная выдача масла, яиц, конфет, пшеничной муки, папирос, но все это, конечно, в микроскопических дозах. В театрах и кинемо — бесплатные спектакли для «верноподданных» и для детей. На заводах и в клубах — митинги. Уличные стены пестрели многочисленными плакатами с прописными фразами о прелестях пролетарской республики. Большинство рисунков для плакатов исполнено, как видится, бывшими художниками «Сатирикона», «Пулемета», «Будильника» и т. п. журналов. Вот и все, чем было отмечено это очередное торжество. Ни уличных украшений, ни иллюминации, ни процессий — на этот раз почему-то не было.

Америка выбрала нового президента — республиканца Гардинга.

За эти дни погода ровная, холодная, в пределах пяти градусов, снега мало.

Яйца 320 р. шт., молоко 700 р. кр., валенки 50.000 р., мыло кокосовое 7.000 р.ф., белая мука дошла до 60.000 р. за п., керосин до 800 р. ф. За дрова платят с доставкой на квартиру 60.000 р., за погонную сажень.

В жизни, в газетах, в учреждениях и вообще в Москве — стало страшно скучно. Многие только и мечтают о том, чтобы что-нибудь «случилось». Вроде барышни Островского: «Хоть бы пожар!» На многих улицах идет разрушение старых каменных домов, и это немного развлекает скучающих москвичей. Стоят целыми толпами против какой-нибудь стены, подготовленной к падению, и спрашивают друг друга: отчего же все только ломают, рушат, портят, и находят для этого потребное количество рабочей силы. А когда же будут строить, чинить и т. д.?

1/14 ноября. Стоявшая несколько дней оттепель изъела весь снег, лежавший на крышах и улицах. Сегодня слегка подморозило.

В Мозырском районе успехи «банд» Балаховича; так что самый Мозырь красными оставлен. Зато они забрались уже на Крымский полуостров и выбивают Врангеля шаг за шагом из его

укрепленных позиций.

«Наркомендель» Чичерин обратился к венгерскому правительству с нотой, что советское правительство взволновано опасностью, угрожающей бывшим народным комиссарам венгерской советской республики, и напоминает, что судьба венгерских офицеров, находящихся в концентрационных лагерях России, как заложников, «неразрывно связана с судьбою народных комиссаров».

И еще нота… Англии. Подчеркивая, что переговоры о торговых сношениях с ней длятся уже без толка десять месяцев, Чичерин требует категорического ответа, а не то, мол…, но что именно — не договаривает.

Грузия в намерении освободить от большевиков Азербайджан с его нефтепромышленностью будто бы подготавливает восстание северо-кавказских горцев и кубанского казачества против большевиков.

В Монголию отправлены советские войска, будто бы для окончательного уничтожения «банд Семенова», о чем Чичерин доводит своей нотой до сведения китайского правительства.

Вчера специально ходил к приятелю В. Л. Овсяному (2 ч. 5 мин. хода из центра города), чтобы попить и поесть на его «проводах» в Киевскую губ. на новую службу. Тароватый хозяин созвал на проводы 25 человек и «поставил» им 22 бутылки водки, что по нынешним временам стоит чуть не полмиллиона рублей. А закуска: баранина, курица, кулебяки, селедки, салаты, — это тоже пахнет сотней тысяч. Вот во что обходятся даже такие по-прежнему незатейливые пирушки!

4/17 ноября. Врангеля совсем разгромили. Получены сведения о взятии Симферополя, Феодосии и Севастополя. По показаниям перелетевшего к красным летчика, Врангелем уже отдан приказ о роспуске армии, ввиду отказа союзников в дальнейшей помощи, причем каждому солдату предоставляется право сдаться на милость красной армии или эвакуироваться. Ценное имущество грузится на суда.

Сынок прислал другое письмо, помеченное 27 октября, но откуда — ни на конверте, ни на письме не обозначено. Сообщает, что он теперь секретарем революционного военного совета Первой конной красной армии (кажется, Буденного и Ворошилова). В тех местах тоже не дешево: масло 4.000 р. ф., сало 3.000 р. ф., мука белая 10.000 р. п., молоко ст. 150 р.

С 16 ноября продукты и хлеб из продовольственных лавок стали выдавать бесплатно (по крайней мере, я получил свой паек из полевого штаба бесплатно). Но что делается с прачечным

делом! Стирка одной рубашки стоит ни мало ни много — 400 р.

Погода тепловатая, ветреная, с дождичком.

6/19 ноября. В Астрахани, т. е. вернее на Каспийском море, стихийное бедствие, случающееся там в эту пору. † Необыкновенно сильными ветрами погнан лед, и среди него погибло много рыбаков и судов с рыбой.

Чичерин опять послал ноту Грузии и Англии с предупреждением, что занятие Батума будет для них «роковым».

Сегодня к вечеру стало морозить. Ясно.

7/20 ноября. Сегодня 5° мороза. Снега нет. Езда на колесах.

Англия снова вступает с советским правительством в торговые переговоры.

Взят Проскуров. Петлюра, по слухам, «бежал» из Украины в Австрию.

Обыкновенная иголка для шитья стоит теперь 130 р. Одна иголочка 130 р.! Золотник золота будто бы оценивается теперь на советские деньги в 11.000 р. Мороженые яблоки раздают из учреждений по «твердой» цене за пуд от 1.000 до 1.500 р. На улицах продолжают торговать яблоками в изобилии. Однако мне приходится только поглядывать на них. Плохонькое яблочко 200 р., а получше, покрупнее — 400–500 р. шт.

13/26 ноября. Красные добивают и Булак-Балаховича. Как будто уж и не с кем стало воевать. А между тем «о фронте» забота не прекращается. На этих днях раздается, например, каждой гражданке от 16 до 45-ти лет материал для пошива шести пар красноармейского белья. Срок изготовления 15-дневный. Заставляют шить всех, и служащих, и не служащих. Исключение только больным, беременным (8 мес.) и кормящим грудью. Бабы (пардон, барыни и барышни) волнуются, ропщут, ругаются. Действительно, такая повинность для такого времени, когда и для себя-то стало трудным что-нибудь шить, — прямо каторжная. Каково теперь домохозяйкам! Они и стирают, и дрова колют и носят; возятся с печами, картошку чистят, полы и лестницы моют, штопают, чинят, по очередям бегают; многие при этом «промышляют» на Сухаревке, а тут еще эта повинность. Как не плакать и не ругаться. (А госпожа Крупская изволит по деревням кататься и играть там с ребятишками, чаруя их своей «простотой и доступностью».) Ленин иногда ездит из Москвы по недалеко лежащим деревням. По поводу одного из таких путешествий хроникер газеты умиляется, что т. Ленин был с крестьянами «прост и доступен». В свое время и цари умели вести себя

«соответственно».

За эту неделю и теплело, и холодало. Сегодня к утру подпало немного снежку, к вечеру мороз градусов 7.

16/29 ноября. Керженцев написал в «Правде», что Луначарский своими новыми пьесами — «Оливер Кромвель», «Похождения Ивана в раю», заявил себя оппортунистом, соглашателем. После этого состоялась на эту тему политическая литературная беседа, в которой Керженцев и Луначарский «сразились». По Керженцеву выходит, что коммунисту нельзя быть поэтом; по Луначарскому же выходит, что Керженцев и ему подобные страдают своего рода болезнью «коммунистической левизны».

Вот только и удовольствия, что прочел об интересном споре, а самых пьес где же теперь почитаешь? В магазинах частной продажи нет; на Сухаревке книжную торговлю воспретили; на стенах пьес, конечно, не расклеивают, как теперь распространяются газеты.

Вчерашнее воскресенье провел так: встал в 9 часов, от 10,5 до 2.5 ч. колол и таскал дрова, затем пошел в полевой штаб (1 ч. 40 мин. обратного хода), чтобы получить… 1,25 ф. подсолнечного масла, а в 5.5 ч. вечера отправился в свой приходской храм «Спас в Пушкарях», где была совершена торжественная всенощная по чину Успенского собора, совершена подлинными «соборянами» — Любимовым, Пшеничниковым, Розовым, Румянцевым и другими. Пел прекрасный хор под управлением знаменитого регента и выдающегося духовного композитора Павла Григорьевича Чеснокова. Розов исполнил соло «Блажен муж», «Ныне отпущаеши», чесноковскую ектению и его новое произведение «Спаси Боже люди Твоя» (исполняемое после Евангелия). Все эти композиции черпаются Чесноковым — надо правду сказать — из старинных русских напевов, былинных, песенных, слепецких, — какие подойдут, и выходит чрезвычайно эффектно. В таком же духе оказалось и «Спаси Боже люди Твоя». Одним словом, это больше походило на концерт, чем на богослужение. Народу сошлось необыкновенно много, в церковь не вошло и половины желающих; все время слышались от давки стоны, вскрикивания, ропот и даже ругательства. Все это наводило на греховодные мысли и на сожаление, что мы идем теперь в церковь тоже как на развлечение какое-то. При всем этом, протопресвитер Любимов сказал с большим подъемом ликующую и бодрую речь. Ликующую — по поводу такого небывалого стечения народа; бодрую — его верой в то, что в русских людях еще не оскудела вера в Бога. «Блажен кто верует!»

17/30 ноября. Мороз с утра около 10. Езда на санях.

В газетах напечатано правительственное сообщение, что эсеры, Черновцы, врангелевцы и разные «контрреволюционеры» собираются теперь «при поддержке Антанты» бороться с советской властью террористическими выступлениями против крупных единиц власти и властвующей партии. И при этом объявляется, что находящиеся в руках советской власти видные эсеры и играющие с ними одну игру другие деятели отныне становятся *заложниками* и будут «беспощадно истребляться» в случае приведения террористических актов в исполнение.

† В газетах же сообщают, что в октябре месяце «чекушками» расстреляно около 1.000 человек.

За свои «дровяные» действия получил от Полевого штаба награду в виде одной погонной сажени смешанных дров, заплатив, впрочем, за нее 3.000 р. Итак, в эту зиму отопительное дело для нашей семьи оказалось не в пример легче прошлогоднего. Надеющиеся на Господа да не погибнут!

18 нояб./1 декабря. Английское правительство вручило Красину проект торгового соглашения с советской Россией.

Продолжается разгром войск Булак-Балаховича.

Дочь заплатила за починку прошлогодних валенок (сделаны новые подошвы, валеные же) 10.500 р.

19 нояб./2 декабря. А я сегодня как раз получил от полевого штаба бесплатно кожаные сапоги старого армейского образца, как снаряжение для моих хождений по Москве (здесь на извозчике не полагается). Таким сапогам, бывало, красная цена 6 р. 50 к., а теперь на Сухаревке за них платят 150.000 р.

Кстати, осведомился о других сухаревских ценах: чай 28.000 р. ф., масло русское 8.000 р. ф., масло постное 6.500 р. ф.

Подсчет минувшей переписи дал для Москвы цифру 1.028.000 чел., т. е. убыло здесь народонаселения после 1918 года 40 %. Вышел декрет о предоставлении иностранным компаниям, и вообще иностранным подданным, — концессий на разработку русских природных богатств, на устройство жел.-дор., заводов, фабрик. Никак не разберешься в этом декрете, как его примирить с победами большевиков на всех фронтах? Они разгромили русский капитал, а теперь как будто идут «под нози» иностранных капиталов. Стоило ли «огород городить»!?

Впрочем, как скажет теперь Ленин или Стеклов, это тоже своего рода «передышка», впредь до установления пролетарской власти на всем земном шаре.

20 нояб./5 декабря. Вчера грянул 15-градусный мороз, а сегодня съежился только до 4-х. Выпало немножко снежку. И вот чудеса-то: сегодня как раз получил от Лели 2 письма из Лубны от 6 и 13 ноября, и еще в первом из них он пишет, что там снега на 2 аршина и морозы от 6 до 17 градусов. Второе письмо он послал «с оказией» и приложил при нем для меня 1/4 ф. табаку. Тут вышла оказия. Ехавший с «оказией» не явился ко мне, а опустил письмо в Москве в почтовый ящик и на конверте написал карандашиком, что он «по недоразумению» табак выкурил сам. Каково?! По-моему, это не недоразумение, а просто — нахальство!

Чичерин и польский министр иностранных дел князь Сапега обменялись нотами, в которых упрекают друг друга за затягивание мирных переговоров. Решено предписать договаривающимся делегациям, чтобы они установили последний окончательный срок для подписания мира.

«Правда» пишет, что газету «Бедноту» одолевают запросами, что такое значит декрет о концессиях для иностранных подданных? И видит «Правда» в этих запросах что-то такое в высшей степени деловитое, хозяйственное. «Хозяева», мол, желают знать, не угрожают ли их добру эти концессии, и утешает их, что добро будет в целости, потому что концессия — это сдача того или другого «добра» только в аренду. Какие к черту это хозяева, это просто любители чужого, каких развелось теперь больше чем когда-либо.

Меня спрашивают все, что я теперь делаю в Цупвосе. Увы! Из махорки свертываю цыгарки да кораблики делаю из бумаги от нечего делать. Один кораблик так отчетливо вышел, что я его ношу в кармане и показываю вопрошающим о моих служебных трудах. Вот материал для будущей пьесы о нравах наших дней. И еще для бытописателя: я знаю, что во многих портфелях деловых советских людей вместо бумаг — пустые мешки под картошку или под яблоки, а то и самая какая-нибудь «выдача». У меня портфеля нет, но зато в карманах мешки и мешки.

Армения объявилась тоже советской республикой. В Эривани образовался Ревком. Ленину прислана приветственная телеграмма, и т. д.

Накануне Введения (21 н./3 д.) был на Троицком подворье, где всенощную служил сам Патриарх. Двор Подворья весь заставлен какими-то военными колымагами и повозками. Значит, и у «Святейшего отца нашего» военный постой.

20 нояб./6 декабря. Уже из заграничных источников, московские газеты сообщают, что в Москву приезжал

представитель синдиката американских капиталистов Вандерлин и от имени его вошел с советским правительством в торговое соглашение. При этом заграничные газеты отмечают, что этот договор побивает собой всякие рекорды когда-либо состоявшихся торговых сделок.

«Ты тайно начала с одним,
Тем путь открыла и другим.
А как до дюжины дойдешь,
Так по рукам уж и пойдешь!»

«Фауст» Гете, перевод Трунина

29 нояб./12 декабря. Стоят морозы от 6 до 12 градусов. Понемножку и снег идет, но все еще нет санного пути. Наконец, ухитрился купить на улице «из-под полы», как запрещенный товар, обе главные московские газеты «Правду» и «Известия». Заплатил только по 50 р. за газету. Пользуясь этим, могу на этот раз вписать в свои скрижали что-нибудь побольше против обыкновения. «Московский революционный трибунал» устроил на днях перекличку именитому купечеству и родовитому дворянству. Графы Шереметевы, купцы Корзинкины, Разореновы, Найденовы, Щукины, Кузнецовы, Прохоровы, Банкетовы, Калмыковы и прочие — как пишет «Правда» — верят и надеются на восстановление права собственности, а потому «брали и давали деньги под векселя». Векселя помечали 1917 г., сроки ставили до 1921 г., а подписывали — граф Шереметев, член правления т-ва Кузнецов и т. д. Векселя хранили в укромном месте, в углублении стены, заклеив сверху обоями. Ждали времени, когда можно будет векселя предъявлять, учитывать и переучитывать. Деньги давал некий Журинский. Его приговорили к расстрелу, а векселедателей — в тюрьму от 5 до 15 лет.

Демьян Бедный изощряется подобрать рифму к РСФСР. Вышло так:

«Пять знаков РСФСР
Горят на вывеске огнями.
Не «Калмыков»,
Не «Ермаков»,
Не «Коновалов с сыновьями»,
Не «Перримондт Леон э Фрер»,
Пять знаков РСФСР
Горят веселыми огнями.»

В военных сводках в последние дни только и пишется, что «на фронтах спокойно». Если воевать уже не с кем, то зачем и держать эти «фронты»?!

Стеклов пишет, что «выступление Желиховского, обращенное главным острием против Литвы, направлено было попутно и против советской России. Оно связывалось с походом Балаховича, который, как известно, был скрытым или, точнее, замаскированным продолжением войны против нас со стороны Польши. Территория, оккупированная Жениховским (с Вильной), служила отчасти и базою и тылом для разбойничьих банд батьки Балаховича и Савинкова». Теперь в эту территорию введены иностранные отряды. Стеклов подозрительно относится к этой последней мере «очищения Литвы от банд Желиховского».

В итальянской печати сообщается, что генерал Врангель и его армия (говорят, что она состоит еще из 120 тысяч чел. и увезена Черным морем на кораблях Антанты) найдут убежище в Далмации. Новое слово: «*советизация*». Оно пущено в ход по поводу провозглашения советской власти в Армении.

В Париже под председательством Гучкова происходят совещания членов Государственной Думы и Совета. Задачей совещания — объединение всех партий в России, и особливо кадетской с эсерами. На этих совещаниях был, между прочим, поднят и вопрос о помощи беженцам из Крыма, которые находятся теперь в Турции «в самых ужасных условиях». Недаром не так давно писали в московских газетах, что штатские белогвардейцы, убежавшие из Крыма с Деникиным и Врангелем, «раскаялись» и обратились к советскому правительству с просьбой о дозволении им возвратиться в Россию.

Троцкий боится нападок «на бюрократизм». Он говорит, что разжигаемое агитаторами недовольство «главкократами» может иметь равное выражение у темной массы, оно может выразиться стихийными, бурными процессами возмущения, стачками на заводах с более отсталыми элементами рабочего класса. К бюрократии «начинают относиться прямо как к классовому врагу». Кстати, в одной из последних речей он уверяет, что «если бы собрать всю ту энергию, которая была израсходована нами за три года гражданской войны на фронтах, мы могли бы срыть всю Москву и построить по плану нашей советской архитектуры новую прекрасную рабочую Москву». Он хочет даже этой весной «выбрать самый загаженный угол Москвы, все срыть в этом углу и построить там три крупных дома — один для мастерских, другой под ясли, третий — под квартиры по нашим планам». Давно бы пора!

Один из наших комнатных жильцов, матрос-конвоир поезда

Морского штаба, увековечил себя в фотографии и заплатил за дюжину плохих снимков 26.000 р. Когда я с моим не изменившимся еще уважением «к рублю» попенял ему, молодому человеку, за такое не очень нужное транжирство, он удивился моей наивности и порассказал, что его товарищи покупают себе гармонии за 400.000 р., перстни с крохотными брильянтиками за 250.000 р., шьют себе меховые пальто по 1,5 млн., платят за пару перчаток по 40.000 р. Оставалось «воскликнуть Аллах! и положить себе в рот палец изумления».

Наш Главвод с 4-го декабря перебрался из Замоскворечья к Красным воротам, в Запасной Дворец, вообще занимаемый теперь учреждениями НКПС. От нашей квартиры ходу туда только 15 минут. Что бы раньше это сделать им, а то полтора года я трудился ходить в такую даль. Но в последние дни стали поговаривать, что как бы опять не переехать в старое помещение. Да оно и возможно по «предзнаменованиям» — в новом помещении такая масса крыс, и такие они беззастенчивые, что шмыгают себе по комнатам днем, не смущаясь присутствием людей, их говором, телефонными звонками и стуком пишущих машин.

2/15 декабря. Мороз около 15. Снегу мало.

С сегодняшнего дня наша знаменитая «Сухаревка», первообраз всех российских «сухаревок», — сухаревка сухаревок — особым постановлением московского совдепа окончательно закрыта. Никакими товарами и продуктами — ни нормировочными, ни ненормировочными — торговать на ней с 15-го декабря нельзя. Предписано моск. ЧК всех явившихся продавцов арестовывать, а товар конфисковывать. Любопытствующие сбегались туда и мерзли целый день, наблюдая, да точно ли не будут торговать там, и к вечеру печально признавались, что Сухаревка действительно «закрыта». Полное смятение и недоумение в рядах и торговцев, и покупателей. В положение первых не все войдут, но критическое положение вторых вызывает всеобщее беспокойство. Как же быть, правда, тому человеку, который пайка не получает, кухни не имеет, в столовые не попадает; где же он купит теперь хлеба, мяса, масла, сапоги, перчатки, картошки, махорки и вообще всего необходимого? Как-никак, эта мера, предпринятая в видах полнейшего искоренения спекуляции, очень крута и неминуемо создает эксцессы, о которых, вероятно, придется записать в свое время.

† А тут, как на грех, вчера или сегодня в одной большой советской столовой более 500 обедов оказались

недоброкачественными до такой степени, что масса столующихся потребовала медицинской помощи, а 10 человек и совсем отдали Богу свои душеньки!

Вместе с Сухаревкой провалился (на один бок) сам Троцкий. По управлению НК путей сообщения он вынужден подать в отставку, и уже заменен Емшановым. Об этом в Главводе было известно несколько дней тому назад. Собственно, линия Троцкого осуждена союзом рабочих водного транспорта, и на этот раз победила «стачка», а не правительство. От Полевого штаба объявлено, что ежедневных «сводок» с фронтов печататься не будет, так как в последнее время никаких военных действий не происходит. Но оружие еще не сложено, и тем отдаленнее еще возможность переделать его на «орала». Не сложу и я пока что своего пера, ибо никто не верит, что война кончилась. Это опять только какая-нибудь «передышка».

4/17 декабря. Газеты полны статей о *победе* над Сухаревкой. Точно невесть какой враг сломлен! И уж такие перспективы рисуются теперь, что вот он, рай-то социалистический, сейчас же и откроется для сов. подданных! «Сухаревка — этот гнойник на теле пролетариата, площадь, где среди бела дня десятки тысяч праздных людей бешено спекулировали, развращая и засасывая граждан в сети мародерства, — ликвидирован!..» «Сухаревка — это язва пролетарского государства, питающаяся спекуляцией за счет интересов рабочего класса, вносящая разложение в работу и развращающая подрастающую молодежь…» «Это — осиное гнездо разнузданного и хаотического торгашества…» «Пролетариат Москвы забьет основательный осиновый кол в могилу скончавшейся в полном расцвете своего барышнического аппетита Сухаревки…» «Сухаревская спекуляция погибла — да здравствует пролетарская система снабжения и распределения…» и т. д., и т. д.

В это же время вводится так называемый «труд. паек», идея коего — нетрудящемуся есть не давать. Будет получать много тот, кто много работает. За время прогула продовольствие по карточкам не выдается. Карточки делятся на три серии, по «А» будут выдавать в день полтора фунта, по «Б» — 1 ф. и по «В» — 0,5 ф. Ну, а под шумок этих продовольственных побед «сухаревцы», перебравшиеся в подполье, во дворы, в глухие переулки, — торгуют уже хлебом по 1.200 р. за ф., картошкой по 450 р. за ф. и т. д.

Назначенный комиссаром путей сообщения (взамен Красина и Троцкого) А. И. Емшанов совсем еще молодой человек, сын заводского рабочего, небольшой железнодорожный служащий,

примкнувший к большевизму в последние годы. Благодаря такому назначению правые большевики терпят поражение, — спецы теперь не в фаворе, и многие сами уходят, а некоторых «уйдут». (Уже говорят, что ушел Начальник главного Управления И. Н. Борисов, бывший тайный советник и вообще крупный железнодорожный делец царского времени.) Уходят и коммунисты с тенденцией «праветь», так напр. Бонч-Бруевич, Управляющий делами Совета Нар. Комиссаров (замененный Горбуновым), и Рыков (председатель ВСНХ), и наш Аржанов подал в отставку.

А не так давно американец Вандерлин сказал русскому правительству комплимент, что оно «самое стойкое правительство во всем мире». Да, до тех пор, пока это правительство состояло из тесного кружка идейных работников, а как они претворились в министров, как зажили по-царски да по-барски, ну и пошли подкапыванья друг под друга и пойдет теперь пляска портфелей, как это исстари ведется в странах «цивилизованных»!..

10/23 декабря. Вчера в Большом театре открылся 8-й съезд Советов. Собралось более 1.200 коммунистов. Речи М. И. Калинина (выбранного председателем съезда) и Ленина приняты были, конечно, «восторженно». В речах сквозила уверенность в окончательном закреплении Советского строя. О горе, скорби и мучениях русского народа почти не говорилось: как будто весь он так же хорошо одет, столь же сыт и подогрет, как эти 1.200 товарищей, съехавшихся на сие очередное поклонение современным хозяевам нашего старого Кремля. В речах ораторов рисуются картины грядущей электрификации всей страны, скорого признания советской власти всеми великими державами, и начавшийся переход с военного положения на мирное, и громадное строительство. Ленин похвастался и закрытием Сухаревки, хотя и пожелал, чтобы поскорее вывелась и «душевная сухаревка» (ага!).

† Много еще к восьмому съезду душевных зол осталось на Руси. Вот на этих днях на Вичдавской дороге около Волоколамска произошла страшная катастрофа: столкнулись на полном ходу два пассажирских поезда, и сотни жертв убитыми, искалеченными и замороженными. При всей краткости газетных сообщений об этом печальном событии, все-таки понятно становится, что такой жел. катастрофы не бывало и до первого съезда. По городу говорят, что жертвы нужно исчислять тысячами, а не сотнями, и что съехавшиеся и сбежавшиеся на место несчастья люди грабили мертвых и раненых, снимая с них одежду, обувь, шарили по

карманам, стаскивали с пальцев перстни и кольца, а если это было трудно, то, ничтоже сумняшеся, отрубали будто бы пальцы, руки. Ужас что такое! Эти «зверства» почище тех, кои не так давно приписывались воюющим против нас немцам, полякам и «белогвардейцам».

Ни электрификация, ни концессии, ни закрытие сухаревок — не дадут покоя и света несчастной России. Надо всю русскую душу переделать коренным образом, не оставив в ней ни одного уголка не отремонтированным. Ломают и закрывают, выходит, не то, что нужно.

Погода с маленькой переменчивостью: морозы колеблются от 2 до 12 град., снег выпадает, но в ничтожном количестве.

Пока еще «душевная сухаревка» не закрылась, в отместку за закрытие реальной Сухаревки цены на продукты растут или скачут невероятным образом. Есть «счастливцы», не нашедшие хлеба черного дешевле 2.000 р. за ф., масла дешевле 17.000 р. ф. и сахара дешевле 15.000 р.ф.

11/24 декабря. Ходил сегодня в комиссию учета и распределения клавишных инструментов. Надо было подать «анкету» о нашем пианино. Стоял в очереди с 11 до 2 ч. дня, а потом пошел в полевой штаб, получать вместо полагающихся на месяц 2,5 ф. масла растительного — 10 ф. мяса, и простоял в очереди с 2,5 ч. до 4 ч. дня, а мяса так и не получил. И вот весь мой деловой день! Впрочем, с полчасика употребил на чтение газет, расклеенных по стенам и заборам. Все о съезде. Электрификация потребует, по словам Ленина, 10 лет времени и 1.200.000.000 рублей золотом. Его маловато, но у нас, мол, много лесу, хлеба и минеральных богатств, — справимся. Выступал на съезде и Дан, но его речь полностью не приведена; резолюция же его не получила ни одного голоса, так как она критиковала политику правительства. Ленин обещает в скором будущем на съездах уже не говорить о политике, а о «деле», т. е. о возрождении русской промышленности и всего прочего. Между прочим, пустил в ход фразу, от которой его аудитория пришла в раж. Все другие народы считают нужным для государственной крепости вооружение «народа», а мы, дескать, видим надобность только в «классовом» вооружении, и всех этим побеждали. Затем: «Коммунизм, — говорит, — это советская власть плюс электрификация.» По поводу этого дошлый Демьян Бедный сочинил уже стихи и напечатал их в «Правде». Хотелось бы записать их здесь, да негде приобрести газету в собственность. Хотя он и острит там, что теперь «наша политика — поменьше политики», но как раз в этом же сегодняшнем номере напечатана

телеграмма Чичерина советскому представителю в Америке Мартенсу, из которой видно, что этого «посла» американское правительство распорядилось выслать из Америки, за что — пока неизвестно, но в телеграмме говорится, чтобы Мартенс аннулировал и ликвидировал все состоявшиеся торговые сделки с Америкой. При этом Чичерин укоряет Америку, что она разрывает с советизацией в то время, когда и Англия, и Франция — накануне возобновления торговли с Россией. Это ли не политика, да еще какая! — мирового масштаба.

Вчера сподобились получить от нашего сухопутно-морского кавалериста с его товарищем по Первой конной армии Михаилом Ивановичем Бочковым из Екатеринослава (куда их Реввоенсовет переехал из Лубны) около трех пудов муки, 10 ф. песку сахарного и 12 ф. соли. Эти «дары» можно ценить теперь более, чем в 300.000 советских рублей. И откуда сие? Не «трофеи» ли это победоносной кавалерии Буденного? Так мало-помалу, того и гляди — сделаешься товарищем «товарищей». Грехи! А все еще не ясно для меня, что безнравственнее: Сухаревка или ревгусарство?

Все еще не унимаются с посрамлением старых русских верований и почитаний. Вытащили из его гробницы и Преподобного Серафима, и с обычной хвастливостью расписали, что это не мощи, а истлевшие кости, подбитые ватой и одетые в разные шелки и парчи. И что к черепу привязаны ленточками «рыжие волосы», и т. д., и т. д. Но не в калошу ли сел ретивый анатом останков Преподобного Серафима? Ведь еще пред открытием мощей сами «открыватели» их, т. е. Святейший Синод и иерархи, описывали, какому тлению подверглось тело Преподобного. Пускай он имел рыжие волосы, пускай они держатся ленточками, но для верующего и скорбящего русского человека и после такого описания — и волосы, и ленточки святого Серафима — будут так же святы, как и до сего времени. Занялись бы уж лучше «электрификацией», чем такими (для них, в сущности) пустяками!

12/25 декабря. Сегодня утром, как хищник, как тать, боязливо оглядываясь по сторонам, вырвал со стены из вчерашней «Правды» последнее произведение Демьяна Бедного, озаглавленное: «Поворот. Лондон. Ллойд Джорджу. Радиотелеграмма»:

Мистер, в моей душе целая драма.
Наша переписка в опасности.
Положение дошло до полной ясности.
Ленин на восьмом съезде советов,

Коснувшись в своей речи многих предметов,
Не упомянул вашего имени ни разу!
Зато отпалил такую фразу:
«Наша политика: поменьше политики,
Мы не какие-нибудь паралитики:
Ежели нас кто ударит, мы дадим сдачи,
Но для нас теперь главное: хозяйственные задачи.
Последнее теперь дело — прокламации,
Коммунизм ничто — без электрификации;
Мы пришли к тому, к чему стремились давно мы:
Первые места займут инженеры и агрономы», —
Короче сказать, мне или ноги на лавку,
Или — приписываться к какому-нибудь главку,
Либо отказаться совсем от поэзии, —
Либо писать — о торфе, угле и магнезии.
Иными словами:
На переписку с вами
Не дадут мне бумаги ни одного листочка,
Точка!
Мистер, мне не надо теперь вашей солидарности,
Раз вы теперь на роли политической бездарности.
Плывите,
Куда хотите,
На вашем легком катере, —
А мы плывем — в хозяйственном фарватере.

Я нарочно привлек Д. Бедного в свои «сотрудники». В этих странных стихах довольно ловко отражено настроение восьмого съезда и идеально кратко выявлена речь Ленина. Паки и паки об электрификации. Проект ее докладывал на съезде какой-то т. Кржижановский. Жаль, что в газетах нет инициалов его имени: мне хотелось проверить свое предположение, — это не из тех ли Кржижановских, которые директорствовали в Восточном обществе. Что говорить — это были дельцы крупного масштаба, они «очки втирать» и толкать капитал на большие дела были большими мастерами. Между прочим, по Кржижановскому выходит, что по проведении электрификации в России как бы прибавится 15 млн. рабочих. Это при действии электричества в течение 8 час. в сутки, а при 18 час. такой подсчет, конечно, удвоится, т. е. рабочая сила возрастет на 30 млн. чел.

За минувшую ночь подсыпало снега достаточно для хорошего санного пути. Мороза только три градуса.

17/30 декабря. Восьмой съезд советов вчера закрылся. Численность съехавшихся на него коммунистов была не 1.200 ч., как я ошибочно записал, а около 2.500 ч.

По предложению Рыкова установлен Трудовой орден красного знамени. Департаменты и их генералы давно уже реставрированы. Теперь пойдут и «звездоносцы» (может, их будут называть «знаменосцами» или «трудоносцами»).

К съезду из Англии пришли известия, что англичане загнули в проект торгового договора такие требования, какие может принять только «побежденная страна», а так как наша власть сама себя считает победительницей, то Красину приказано приехать в Москву для совещания о торговом договоре, и таковой, стало быть, еще писан вилами на воде.

Продолжают пояснять нам, чего следует ожидать от электрификации. Земельного запаса у советской России будто бы 2 млрд. десятин, а засевается в последние годы не более 100 млн., или, как врут газеты, «20 %». Не вернее ли 5 %, — если сопоставление цифр 2 млрд. и 100 млн. не ошибочно? Засим: российский хлебный урожай достигает теперь 4 млрд. пудов, а с помощью электрификации он легко дойдет до 8 млрд. Давай Бог! В конце 1931 года, значит, будет выпускной экзамен «советизации». Только вот беда-то: едва ли я доживу до тех времен, да и вопрос еще — доживет ли сама «советизация» до этого года?!

Венгерское правительство известило Чичерина, что четырем бывшим венгерским комиссарам суд вынес смертный приговор, а остальным — пожизненную каторгу, но, склоняясь пред жестокой, «бесчеловечной» угрозой советского правительства проделать то же самое «с невинными людьми», венгерскими офицерами, находящимися в русском плену, — оно готово вступить в переговоры с русским правительством о смягчении участи приговоренных.

С согласия Италии образовалось новое государство «Юго-Славия», в которое вошла и Черногория, причем царь (или король, забыл уж кто) Николай оставляет трон и получает большую пенсию.

В Греции, за смертью короля Александра, на престол сажают Георгия, сына экс-короля Константина, мужа сестры Вильгельма («экс»-германского).

Заходил сегодня к свекрови своей племянницы — Ольге Эмильевне Зиллере. Я побеседовал с ней в громадной комнате, когда-то бывшей столовой или гостиной, а теперь эта комната — «вся квартира», тут и столовая, и кабинет, и зал, и будуар, и спальня, и… кухня. Еще обставлена она богатой мебелью: столы,

шкафы, диваны, рояль, ширмочки, шифоньерки и проч. По стенам подлинные творения Сомова, Переплетчикова и др. знаменитых художников, но самое главное в этой комнате, самое завидное, самое полезное, самое приятное (и для обитателей ее и для посетителей) и самое… безобразное, это — большущая печка, из простых кирпичей, обмазанная глиной, снабженная простыми железными трубами, затворами и приборами. Растопырилась она, матушка, посреди этой прекрасной комнаты, и в ус себе не дует! Ей бы место в крестьянской избе или в подвале каком, а она — в чертог забралась. И сколько таких картин теперь в особняках и во всяких «комфортабельных» квартирах. И если бы Сомов или Переплетчиков взяли для своих полотен такие сюжеты да повезли бы их в те страны, где нет еще «советизации», то там поняли бы жуть нашей жизни (если бы поверили, что эта картина с натуры, а не фантазия художника).

Кстати, вчера я, перебирая сочинения Щедрина, невольно перечитал 13-ю главу «Истории одного города» («Подтверждение покаяния. — Заключение.»). Это про Угрюм-Бурчеева: «Он был ужасен; но, сверх того, он был краток, и с изумительною ограниченностью соединял непреклонность, почти граничившую с идиотством… Начертавши прямую линию, он замыслил втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир, и притом с таким непременным расчетом, чтобы нельзя было повернуться ни взад, ни вперед, ни направо, ни налево… Ни Бога, ни идолов — ничего… Жизнь ни на мгновенье не отвлекается от исполнения бесчисленного множества дурацких обязанностей, из которых каждая рассчитана заранее и над каждым человеком тяготеет как рок… Нивелляторство, упрощенное до определенной дачи черного хлеба, — вот сущность этой кантонистской фантазии… Страшная масса исполнительности, действующая как один человек, поражала воображение… Все это… не намекает ли на какую-то лучезарную даль, которая покамест еще задернута туманом, но со временем, когда туманы рассеются и когда даль откроется… Что же это, однако, за даль? Что скрывает она? — Ка-за-р-р-мы!.. До сих пор разрушались только дела рук человеческих; теперь же очередь доходила до дела извечного, нерукотворного… Нет ничего опаснее, чем воображение прохвоста, не сдерживаемого уздою и не угрожаемого непрерывным представлением о возможности наказания на теле. Однажды возбужденное, оно сбрасывает с себя всякое иго действительности, и начинает рисовать своему обладателю предприятия самые грандиозные. Погасить солнце, провертеть в земле дыру… По… проекту Угрюм-Бурчеева, праздники должны были отличаться от будней только тем, что в эти дни жителям

вместо работ предоставлялось заниматься усиленной маршировкой… Грудь захлестывало кровью, дыхание занимало, лица судорожно искривляло гневом при воспоминании о бесславном идиоте, который с топором в руке пришел неведомо откуль и с неисповедимою наглостью изрек смертный приговор прошедшему, настоящему и будущему… Мысль…. что в идиоте таится какая-то сила, которая цепенит умы, сделалась невыносимою. Никто не задавался предположениями, что идиот может успокоиться или обратиться к лучшим чувствам и что при таком обороте жизнь сделается возможною и даже, пожалуй, спокойною. Не только спокойствие, но даже самое счастье казалось обидным и унизительным, в виду этого прохвоста, который единолично сокрушил целую массу мыслящих существ. «Он» даст какое-то счастье! «Он» скажет им: я вас разорил и оглушил, а теперь позволю вам быть счастливыми! И они выслушают эту речь хладнокровно! Они воспользуются его дозволением и будут счастливы! Позор!!!..»

Но всего не спишешь, не склеишь в стройность и не справишься с составлением аналогичных выводов. Обращаю читателя к подлиннику и прошу его, не смущаясь тем, что Угрюм-Бурчеев гениально выдуман Щедриным как образец зарвавшегося реакционера, — проверить меня: правда ли, что Советизацию устраивали не кто иные, как Угрюм-Бурчеевы? Почитайте эту главу (13), да повнимательнее. (Она стоит 13-й главы Откровения Иоанна Богослова!)

18/31 декабря. Троцкий на 8-м съезде сказал что-то вроде того, что коммунизм зиждется теперь на трех китах: 1 — учет, 2 — нормализация, 3 — электрификация. Он же доложил съезду план демобилизации, согласно которому предполагается к середине будущего лета распустить половину настоящего воинского состава. В декабре месяце, т. е. в эти вот дни, будут распущены все красноармейцы, родившиеся до 1885 г. А потом так и пойдет дело с роспуском более ранних возрастов вплоть до 1895 г., т. е. до 25-летних.

Выпущено от имени съезда торжественное обращение к рабам совдепским. Демобилизация утверждается, план электрификации одобряется и обещается — через один год теплое и светлое (в смысле дров и освещения) житие для всех российских граждан; через 2–3 года полное восстановление транспорта и заводской промышленности, а через 3–4 года у нас уже, по соображению премудрого и прозорливого съезда, «не будет ни раздетых, ни разутых». Вот уж поистине: ихними устами мед бы пить!

В витринах фотографий и разных агитационных лавочек

пестрят изображения членов 8-го съезда. И — группами, и — парами, и — одиночками. А сам председатель съезда М. И. Калинин изображен даже… с супругой. Ея Величество изволила сняться в валенках.

18 дек. 1920 г./1 января 1921 г. Новый год по новому стилю. Многими «староверами», а в том числе и мною, он не празднуется, но «Благословен Господь, всякий день. Бог возлагает на нас бремя, но Он же и спасает нас»… Благословим Его и в сей день, и помолимся о спасении нас, грешных.

Каждый день большое снегопадение. Начались «снеговые повинности». Мороз до 10 градусов.

В газетах продолжается печатание речей 8-го съезда. В одной из речей Ленина заметно расхождение его с Троцким и с Бухариным по вопросу о роли профсоюзов. Так и сказано Лениным: «Троцкий три раза обдумывал тезис профсоюзов, а Бухарин совсем необдуманно заявил таковые, и ничто из этого не сравняется с тем, что создано Рудзутаком.»

А Ян Рудзутак, латыш, — бывший некоторое время Председателем коллегии Главвода, затем членом Всерос. союза проф. союзов, — выходит теперь сильнее политически Троцкого и Бухарина, о которых говорили, что они того и гляди свалят Ленина. Последним актом съезда было утверждение Калинина председателем ВЦИКа, а Ленина Совнаркома, остальные же товарищи без существенных перемен. Рыков даже остался на прежнем месте.

20 дек. 1920 г./5 января 1921 г. Вчера утром мороза было 20°, днем не меньше 17, а сегодня утром только 13°.

Брат пишет 24-го декабря (н. ст.) из Полтавы, что там белая мука 20.000р. (у нас от 80 до 120.000 р.), пшено 11.000 р. (у нас до 50.000), масло подсолнечное 3.000 р. ф. (у нас 9.000), картофель 100 р. (у нас ф. 350 р.), масло сливочное 4.000 р. (у нас 13.000), сало 2.500 (у нас 4.500), хлеб черный 350 р. (у нас 800), белый 500 р. (у нас 2.000), дрова 700 р. (у нас до 60.000 р. сажень погонная), керосин 3.500 р. (у нас только 900), соль 1.000 р. (у нас уже 2.000), свекла 150 р. (у нас 350), лук и там и здесь 700 р., молоко там 200 р. стакан, а у нас 600 р. или 1.200 р. кружка. Поросенок в Москве ценится теперь 5.000 р. ф. — эдакое крохотное существо фунтов на 10, — подумайте, стоит теперь целый капитал.

Был сегодня в Советской бане (бывшей Центральной). За вход 110 р. — это так, но вздумал там попросить остричь на ногах ногти и заплатил за такое буржуазное удовольствие 500 р. Если

бы заранее спросил банщика о гонораре, то отложил бы эту операцию до дома, и поделом — не спросись брода, не суйся в воду.

† В Аргентине произошло страшное землетрясение, разрушено несколько городков и селений, погибло более 6.000 чел.

26 дек. 1920 г./10 января 1921 г. Праздники прошли скучно. На улицах гуляющих мало, а катающихся и совсем не видать. В церквах, слава Богу, молящихся много, а особенно там, где были архиерейские службы. Служил и сам Патриарх — в первый день во храме Христа Спасителя, во второй у Николы в Драчах и в третий у Богоявления в Елохове. За последней службой и мне пришлось быть; народу было необыкновенно много. В храме Патриарх великолепен, в богатейших ризах, с драгоценными митрой, панагией, крестами и посохом, и окружен блестящим сонмом священнослужителей высокого ранга, а как вышел из храма — превратился как бы в рядового священника, сел в извозчичьи санки, запряженные одной плохонькой лошаденкой, и уехал, не привлекая к себе никакого уличного внимания. А давно ли Митрополиты ездили в богатой карете, везомой четверкой-цугом сытых, крупных, породистых коней. Встречные люди останавливались, снимали шапки, а Митрополит, сидя в карете и сияя бриллиантовым крестом на белом клобуке, беспрерывно благословлял всех встречных.

В церкви слышал маленький анекдот в стиле Лескова про своего приятеля Розова, участвовавшего в этом торжественном богослужении. Удивлялись, что у него за натура, что за горло тоже. Служил истово, стильно, красиво и блистал высокими, чистыми нотами, ни разу не сорвавшись и придавая в ектениях, Евангелии и других своих передачах каждому слову подобающее выражение и задушевность, — а накануне он же ездил в подмосковное село Измайлово и там, отслужив всенощную, всю ночь до самой обедни (которую сам же служил) пьянствовал со своими почитателями, выпив с ними две четверти спирта. *И это был его гонорар,* а денег, говорят, не взял. Разве это не анекдот?..

Вот и это тоже анекдотично, а между тем «факт». Встретил я у Покровского моста уличного торговца яблоками, который оказался моим стародавним приятелем. Лет 30 тому назад он служил кучером у наших сватьев Зотовых в селе Черкутине, Владимирской губ., и не один раз возил меня на зотовской тройке со станции Ундол Нижегор. ж. д. в это Черкутино. Теперь он «миллионер» и состояние составил этим летом, торгуя с лотка одними только яблоками. За 6 месяцев нажил, говорит, 2,5

миллиона, из коих 1 миллион проел, а 1,5 положил «в Земельный банк», т. е. попросту куда-то спрятал или зарыл. Сейчас он торгует, сидя за столиком у ворот того дома, в котором квартирует, каким-то сиропом, продавая полубутылочку его за 550 р., а она стоит ему самому 400 р. Это, говорит, до лета, а тогда опять за яблоки, ибо на них только рубль на рубль. Купит их утром на 15.000 р., а продаст их к вечеру за 30.000 р. Все, конечно, за наличный расчет, никакого риска (как бывало: неплательщики, порча товара и т. п.). И его никто не притесняет, ни обысков, ни налогов, ни реквизиций. Ему 59 лет. Я говорю, для здоровья такое дело губительно, — а он доказывает, что нисколько. Посидит сам, а станет зябнуть, — выйдет на смену его старуха, та посидит, а он в это время дома закусит, попьет чайку, согреется, отдохнет и потом опять идет на свой пост, а старуха домой…

Все это «обывательское», мелкое и, как скажет М. Горький, «мещанское», но тем не менее я это записываю, ибо вижу, что обыватель был и будет, а «мещанское» счастье, кажется, так и останется на веки вечные единственным счастьем, доступным человеку.

† Сегодня хоронили видного коммуниста Карпова, игравшего высшую роль в Высшем Совете Нар. Хозяйства и стоявшего во главе химического производства республики.

Моя племянница Мария Ивановна, жена популярного артиста камерного театра Бориса Алексеевича Фердинандова, на днях родила второго сынка. И угораздило их назвать его *Гораздом.* Такого имени в своей жизни не знавал, ни на ком, даже в литературе, что-то не встречал. Ну что же, пускай будет хорошим человеком, «гораздым» на добрые дела.

27 дек. 1920 г./11 января 1921 г. Ялта переименована в Красноармейск, прелестная Ялта, достойная такого прелестного поэтичного благозвучного имени *Ялта*, по верноподданническому усердию каких-нибудь местных совдепских малограмотных людей, вдруг ни с того ни с сего превращается в Красноармейск. И что в этом новом имени складного, осмысленного и удобного?!

Сегодня был в НКПС и слышал, что там получены известия о страшных заносах, свирепствующих южнее Москвы. Зарегистрировано 70 паровозов, от обледенения вышедших из строя.

31 дек. 1920 г./13 января 1921 г. Последний день седьмого буйного года. Он отличился крутым переворотом погоды. Больше

недели продолжалась оттепель, а вчера вечером было особенно тепло, шла слякоть, снег таял, росли лужи и., пожалуйте! — сегодня утром Реомюр показал 12° мороза. Весь день мороз не спадал и дул ветер, к ночи стих и вызвездило.

Вот так же внезапно приходят всякие важные события, а мы забываем этот порядок, дарованный природой, и ждем того или другого в тот или другой срок. Столько было за минувший год разных обывательских назначений. Тогда-то будет вот что, а тогда-то то-то. Сколько раз и я себя ловил на ожиданиях исторического свойства и, конечно, жестоко ошибался. Впрочем, у меня нет уверенности ни за одно свое предположение, так что я и не пытаюсь передавать их для распространения «в широкую публику», но сколько я знаю людей, очень умных и серьезных, и те даже не прочь подчас чего-нибудь предречь, предсказать… В последнее время все разжевывают дипломатическую переписку Чичерина с Польшей, Англией, Румынией и Эстонией. Все ждут разрыва с этими странами, но, должно быть, не дождутся: так же, как и верящие в популярность и силу большевизма не скоро еще дождутся истинной дружбы с европейскими и американскими государствами. В конце концов все это надоело; «нот» стало больше, они стали длиннее, а читателей их осталось очень мало. Что ж! Это к лучшему. Действительно легче бы стало, если бы у нас установилась такая политика, в которой меньше всего «политики».

Что сказать о жизни русского человека, такого же рядового, как я? Как он жил, в общем, в 1920 году? Конечно, скверно, но как будто лучше, чем в прошлом. Что же случилось? Ведь был неурожай, было страшное мелководье, были опустошительные пожары, война с поляками, война междуусобная, свирепствовали заразные болезни, царил разврат, грабеж, — одним словом, подобие «египетских казней», но мы почему-то все говорим, что мы живем теперь легче прежнего. Это, должно быть, нам кажется только, потому что наши невзгоды, наши лишения стали нам в привычку, а «привычка свыше нам дана, замена счастию она». Поверим поэту и на том порешим, что мы настолько обтерлись, что нас теперь не сломишь житейской нуждой.

Поверим и некоему Игорю Ивневу, читающему лекцию на тему «Петр Первый и Ленин. Историческая параллель.» Поверим ему, что Петр был только «Первым», а великим-то у нас — Ленин.

Поверим и тому чистопольскому татарину, который допрашивался местной чрезвычайкой по части спекуляции. Его спросили, как он смотрит на результаты советской власти? — «Очень хорош. Народ тимна была, типерь свитла стала.» Следующий вопрос был о том, как его самого коснулось

«просветление», и он ответил: «Прежде штаны носил, зад темноте бывал, типерь штаны нет, заплаты нет, вся зад видна. Свитла стала!»

И у меня недалеко до просветления. С 1-го января н./ст. 1921 г. я внезапно оказался совсем без жалованья. С 16-го дек. до 1-го янв. предложили получить уже не персональное жалование (18.000 р.), а «тарифное», т. е. 7.300 р. в месяц. В довершение всего, главводских и продовольственных карточек не выдали, с 1-го января и совсем уволили меня из Главвода. Остаюсь, пока что, только прикомандированным к Полевому штабу. По закону, «воровством или спекуляцией заниматься нельзя», но по совести, право бы, не грех!

Пострадал не за преступления по службе, а за неумение ладить с комиссаром!

Двадцать первый год

И все утихло: стон проклятый,
Громов победных торжество, —
И село мира божество
На трупах недругов и братий…

А. И. Полежаев

1/14 января. Кончил прошлый год «комиссаром», а новый начинаю «патриархом». Накануне Нового Года был за всенощной у Василия Кессарийского на Тверской. Опять необыкновенное стечение молящихся. Храм громадный, но вместил только тех, которые вошли в него за час до начала службы. Служил Патриарх, два Епископа, Протопресвитер и местное духовенство. Диаконствовал Розов и еще два голосистых протодьякона. Пел хор под управлением Чеснокова, а «слово» сказал протопресвитер Любимов, большой мастер говорить сильные, умные и бодрые речи. Благолепная и поистине торжественная служба! Продолжалась три часа с лишком, и несмотря на страшную тесноту (вернее давку) — было не утомительно. Вот что значит настроение! Только что народившийся год, без сомнений, внесет в нашу жизнь и «тесноту» и давку, но Господь, по милости Своей, даст нам такое «настроение», с помощью которого все мы «не утомимся» за длинную годовую службу своей жизни. Да будет так!

4/17 января. Погода неустойчивая: то мороз 18°, то 5°, а выглянет солнце, так и тепла разведет градуса на 3.

Газеты неинтересны, да что-то их не каждый день и видишь. Или их не хватает для расклейки по стенам, или развилось такое сильное срывание их со стен, что надо дежурить расклейщика, чтобы не опоздать прочитать. Вот сегодня прошел все центральные улицы и нигде не видел вчерашних номеров (а сегодня, по случаю понедельника, они совсем не выходят). Довольствовался «устными» газетами; но все, что ни слышал, все старо, нетрепетательно. Передаются из уст в уста остроты популярных клоунов Бима и Бома, которые то портрет Троцкого «повесят», то изображение Ленина «поставят к стенке», то, будто бы, — один в белом, а другой в красном балахонах, заводят борьбу перед троном, на котором лежат атрибуты царской власти, и в разгаре борьбы не увидят, как некто «в пейсах» воссядет уже на этот трон, а когда им резонер, артист того же цирка, скажет,

указывая на занятый трон: «Что вы деретесь попусту, — разве не видите?», — они отвечают: «Мы-то видим, а вот эти дураки чего смотрят?», — и при этом показывают пальцем на гогочущую публику цирка. И много такого рассказывают про Бима и Бома, но я не верю, что они могут безнаказанно так острить. Вероятно, это выдумки тех таинственных остряков, которые сочиняют анекдоты. В этом же роде меня просветили на днях, что новые головные военные уборы, имеющие наверху оконечник, вроде клистирной трубки, называются «иерихонками», и при том уверяют, что еврейские воины имели такие каски, когда осаждали Иерихон.

Или вот такая штука, спросят: «А что изображено на гербе Советской республики?», — и без запинки ответишь: «Молот и серп». Дальше предложат: «Напиши-ка эти слова подряд», — и пишешь «молотсерп», а потом спросят: «А чем это кончится?». Конечно, ломаешь голову и ничего верного не ответишь, вот тогда и надоумят, значительно произнеся: «престолом!», — и покажут, что это слово получается при прочтении «молотсерп» с правой стороны.

Вот до чего измельчали обывательские пророки! После потрясающих слухов о задачах Колчака, Деникина, Врангеля, поляков — стали потрясать наши животишки смешными придумками. И много их за последнее время, но загромождать ими «историю», конечно, не стоит.

5/18 января. Во Франции новый кабинет министров с Брианом во главе. Это означает поправение власти, но, как пишут советские газеты: «шайка французских жуликов, состоящих на службе у капитала, еще не объявила последнего решительного боя с пролетариатом Франции». Тогда, стало быть, на сцену появятся министры более правого течения.

7/20 января. В «Известиях» сам Н. Семашко (комиссар народного здравия) пишет, что частная медицинская практика в полной мере может быть отождествлена с продовольственной Сухаревкой, но говорит, что еще не пришло время выпуску декрета о запрещении частной практики; сначала надо обеспечить правильную медицинскую помощь, т. е. гарантировать каждому гражданину советской республики, что он в любой момент несчастья может найти немедленную и квалифицированную медицинскую помощь. Однако Семашко находит, что и сейчас пора национализировать все частные лечебницы (квалифицированные, т. е. хирургические, глазные и т. д.), и насчет запрещения частной практики он говорит в конце донцов, что за окончанием войны, когда освобождается много

медицинского имущества, находящегося в военно-санитарном ведомстве, и значительная часть медицинского персонала, служившего войне, — «мы имеем реальную возможность так построить нашу медицинскую организацию, чтобы исчезла, как тьма от света, медицинская Сухаревка, и мы скоро покончим с позорным (и для дающего, и для берущего) пережитком капиталистического строя — частной практикой»… Все это сбудется, конечно. И декрет выйдет, и вывески будем читать, что «мастера на чай не берут», то бишь «доктора гонорара не получают», но долго еще будет существовать подпольное лечение со всякой мздой. Так было, и так будет!

С. С. Каменеву и Буденному ВЦИКом «пожалованы» драгоценные огнестрельные оружия с орденом Красного Знамени.

В Ярославле, как сообщает «Правда», «сознательные товарищи-рабочие» сделали новое завоевание в борьбе «с народным невежеством» — быстро и энергично сняли с церкви бывшего кадетского корпуса колокола и кресты и переделали церковь… на клуб. Много такого безобразия наделали сознательные и бессознательные товарищи; великие они, в общем, безобразники, «но зачем же стулья-то ломать»?

Сегодня я проходил по Газетному переулку (кажется, теперь «улица Огарева») и издалека еще слышал, как наяривает военный оркестр какую-то красную частушку, а в виду церкви вспомнил, что в старое время, когда воины не воевали с храмами Божьими, игра военных оркестров при проходе мимо церквей прекращалась, а тут, как назло, она особенно свирепствует. Однако на этот раз свершилось «как встарь», — только что оркестр стал проходить мимо церкви, как вдруг его звуки моментально оборвались. Почему? А потому, что встречная лошадь испугалась музыки, а музыканты испугались шарахнувшейся в их сторону лошади. Вы скажете, что это простой случай, а по-моему, тут не без Божьего произволения, как, бывало, говорила моя покойная матушка.

8/21 января. Получил от друга, П. А. Оленина, письмо от 31 декабря п.г. Отвечает мне на мое «открытие» Угрюм-Бурчеева (Салтык. — Щедрин): «Спасибо, — говорит, — это нечто пророческое, kolossal, как говорят немцы. Особенно знаменательна первая фраза.» И дальше: «В частности, ведь Угрюм-Бурчеевым Щедрин метил совсем не туда, куда попал; в конце концов, это производит очень эффектное впечатление: метил в корону, попал в корову.» А я-то что говорил!? (См. несколько страниц тому назад.)

Оленин, между прочим, сообщает, что и у них в Касимове

картошка — 7–8 тыс. р. мера, а масло — 8.000, но у нас первая дошла уже до 500 р. за ф., а второе до 14.000 р. Кстати: сахар-рафинад 16.000 р. ф., гречневая крупа 3.000 р. ф.

Вот вам и «крещенские морозы»! — несколько дней подряд — на нуле.

Заболел воспалением легких П. А. Кропоткин (князь-анархист). Ему уже 78 лет, а потому — положение опасное. Ленин снарядил к нему в Дмитров (Моск. губ.) экстренный поезд с медицинскими знаменитостями. Будут подслушивать предсмертное хрипение Кропоткина и напишут потом, что он, умирая, благословил и Ленина, и большевизм, как Тимирязев.

В «Правде» много пишут о разногласиях Ленина, Троцкого и Бухарина по вопросу о роли профсоюзов. Сегодня сам Ленин поместил там свою статью, озаглавив ее довольно сенсационно: «Кризис партии». Вона куда зашло! «Из маленьких расхождений и разногласий, — говорит Ленин, — выросли большие… Мы доросли от маленьких разногласий до синдикализма, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол партии, если партия не окажется достаточно здоровой и сильной, чтобы вылечиться от болезни быстро и радикально… Партия больна. Партию треплет лихорадка.» Статья длинная, полемическая, ученая, написана не для масс, а для политических дельцов высокой марки. Заканчивается приглашением товарищей «бороться с идейным разбродом и с теми нездоровыми элементами оппозиции, которые договариваются до отречения от всякой «милитаризации хозяйства», до отречения не только от «метода назначенства»; который практиковался до сих пор преимущественно, но и от всякого «назначенства», т. е. в конце концов — от руководящей роли партии по отношению к массе беспартийных… «Надо, — говорит Ленин, — бороться с синдикалистским уклоном, который погубит партию, если не вылечиться от него окончательно.»

11/24 января. Вчера получил от Лели заказное письмо из Екатеринослава. Шло «только» 23 дня. Здорово налаживаются у нас всякие транспорты!

Совдеп объявил, что вследствие недостаточности топлива, снежных заносов и всего прочего такого — хлебный паек в Москве, Питере и Иваново-Вознесенском районе уменьшается в течение ближайших десяти дней на 1/3.

Прекращен отпуск нефти для Грузии из России и Азербайджана за грузинское неуважение «Советов», а Грузия в отместку за это наложила арест на имущество Советской России, находящееся в Грузии, и уже опечатала в Тифлисе склады

Центросоюза, кассы и товары. Долго ли теперь до новой войны!?

На днях играл с приятелями в преферанс по гривеннику, «со скачками», и выиграл 3.880 р. Бывало, в такую игру играли только миллионеры, а мы пробавлялись простым преферансом, без всяких «скачек» по 1/4 копейки, и, проиграв рублей 20, долго кряхтели от такого разорительного результата игры. На зато какая разница в последствиях старого и нового выигрышей. Тогда какой-нибудь выигрыш в 100 рублей знаменовался пышным угощением «потерпевших», объедались и упивались, а теперь? — выиграть-то я выиграл 4.000 р., но, подсчитав, что мои «жертвы» у нас похлебали лапши, съели по кусочку мяса с картошкой да попили суррогата под названием «чай», с сахаром вприкуску, — выйдет, что на этом самом я проиграл тысяч 30. Вот оно, какая тут алгебра, друзья мои, и не поймешь, и никак еще не привыкнешь к такой жизни. Иногда так хотелось бы описать ее простыми, понятными словами, да они не идут к ней, и начнешь молоть вроде горьковского Сатина: «органон», «сикамбр», «макробиотика», «трансцендентальный». Одним словом — алгебра!

12/25 января. Кончина Кропоткина на некоторое время «отложена». Последний бюллетень гласит, что опасность миновала.

Слышал сегодня, что «петры», т. е. царские 500 р., котируются за 90.000 р., думская тысяча — за 13.000 р., керенская — за 8.000 р., и еще: ситец стоит теперь на (душевной) Сухаревке 5.000 р. аршин, сукно 75.000 р. аршин, шерстяная материя 48.000 р. аршин, катушка швейных ниток — 5.000 р. Дамы продают свои котиковые пальто за 3 млн. р., кулоны за 15 млн., и покупателей хоть отбавляй. «Кошмарно!» — как часто говорят теперь, но будет, конечно, и еще кошмарнее, так что записываю это без внутреннего содрогания.

18/31 января. Середина января подарила нас настоящей зимой. Морозы от 12 до 18 градусов, и частые метели при стуже в 10 градусов. Зябнем как следует. Москвотоп несколько дней не выдает никому нарядов на топливо, а по многим старым нарядам дров со складов не отпускают; как я сегодня лично (по делам Полевого штаба) удостоверился в Москвотопе — причина та, что за последнюю неделю не прибыло в адрес Москвотопа ни одного маршрутного поезда. Вероятно, тут есть связь с грозным положением продовольственного вопроса. Комиссия по снабжению столиц при Совтрудобороне объявляет сегодня, что в районы 500 верст вокруг Москвы командированы члены

Президиума Московского Совдепа Богуславский, Дрожжин/ Хлебтовский и Клыгин, которым даны полномочия отсортировать в этом районе хлебные грузы и продвинуть их в Москву за счет всех остальных грузов. В связи с этим же предписано продовольственным органам Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска немедленно приступить к уменьшению выдачи незанятым физическим трудом советским служащим, учреждениям и особым группам — до половины их нормального пайка. Но премудрая советская власть в это же время публикует декрет об отмене с 1 января 1921 года взимания платы за жилые помещения, занимаемые рабочими и служащими, включая и лиц, находящихся на их иждивении, в национализированных и муниципализированных домах уплаты за пользование водопроводом, канализацией, очисткой, газом, электричеством и баней. В переводе на нечто существенное, а не на советские бумажки, этот декрет даст одинокому человеку на месяц лишнюю коробку спичек. Так что, сопоставив этот декрет с постановлением об уменьшении нормального пайка, можно сказать — «дистанция огромного размера», можно «душевно» выругаться или просто плюнуть на все эти правительственные «мероприятия» и с миром ожидать конца нашей райской жизни.

18 янв./2 февраля. Кропоткину опять хуже. Он уже лишился языка, так что, пожалуй, лишит Владимира Ильича удовольствия услышать от него при отходе к праотцам что-нибудь «тимирязевское». А тот старается! Второй экстренный поезд отправил в Дмитров с профессорами.

† В Харькове (еще в январе месяце) скончался знаменитый окулист профессор Л. Л. Гиршман. К нему в Харьков ездили больные глазами со всей России. Пожил он 82 года. Вечная ему, память!

Из миллиона московских обитателей 231.000 состоит на «советской службе», в том числе одних так называемых «барышень» 100.000 штук. Вот сколько у нас бездельниц, отбившихся от семейных обязанностей и вносящих в деловую жизнь лишний беспорядок. (Те, которые составляют исключение, да простят мне мое старческое ворчание!)

Третьего дня и сегодня трещали морозы, а между ними врезался вчерашний денек, в котором было 2 градуса тепла, туман и сырость. Вот какая нервная зима: под стать нашим нервам.

19 янв./3 февраля. Все собирался пожаловаться Цектрану на свою обиду по случаю лишения персонального жалования и

увольнения из Церека, да наткнулся там на предложение службы в самом Цектране, и сегодня мне сказали уже, чтобы я завтра явился на новую службу (в запасном дворце, в НКПС). По доброму старому христианскому обычаю зашел в часовню возблагодарить Создателя за Его нескончаемые для меня, грешного, милости, и там, между прочим, увидал православный календарь на 1921 год с портретом Патриарха. Купить-то купил, да как-то неловко сказать, что заплатил за него не по усердию, а по назначению цены свечным ящиком, ни много ни мало — 1.000 р. Даже дома не сказал о такой покупке, а только вот записываю на память. Календарь издан с разрешения советского книгоиздательства и «военной цензуры» в 40.000 экз. По-прежнему — цена ему пятачок.

23 янв./5 февраля. Дни солнечные, тихие, — ночи звездные, морозные; по утрам мороз до 17 градусов. Итак, я служу в центральном бюро нормирования при ЦК объединенного союза рабочих и служащих жел.-дор. транспорта, короче сказать, при «Цектране», а еще короче — служу в «ЦНО» инспектором. Условия службы пока не знаю в точности, но посулили дать мне опять персональный оклад и какой-то особенный продовольственный паек. Поживем — увидим!

Французы сосчитали, что Германия должна уплатить им в течение 42 лет 226 млрд. марок золотом, что в переводе на бумажные марки означает 3.000 млрд., и в этом смысле предъявили немцам ультимативное требование под угрозой оккупации некоторых областей Германии. По поводу такого, действительно, невероятного аппетита в Рейхстаге — бурные протесты со стороны всех партий. Буржуазные из них — и те взволновались очень гневно: «Антанта, — говорят они, — разорвала этим требованием мирный договор, и Германия должна считать его несуществующим.»

Что же, опять война?!

А у нас подпольная Сухаревка все еще воюет с советскими деньгами. Сегодня я видел дамский торг: покупались за 55.000 рублей поношенные дамские… кальсоны, сделанные без особой прихоти.

25 янв./8 февраля. Сегодня в Москвотопе опять полный отказ для Полевого штаба. Когда я спросил заведующего распределением дров, когда же он мне скажет что-нибудь «поновее» (т. е. даст очередной наряд), — он с иронией ответил мне, что и сейчас может сказать «новенькое» — «со дня на день можно ожидать, что московский водопровод прекратит свою

деятельность!»

После этого я пошел в Главтоп и в беседе своей с управляющим дровяным отделом привел ему москвотопское «карканье», и, к удивлению своему, услыхал не опровержение, а подтверждение. Причем он объяснил мне причину такой ужасной возможности. В Петрограде водопровод и электрическая станция были на нефти, но за непоступлением ее и неимением запасов дров — водопровод и электричество там временно прекратились, и чтобы спасти положение, был отдан приказ: назначенные в Москву поезда с дровами гнать в Питер. Теперь Москва осталась без дров. Значит — хвост вытащен, а нос увяз, и т. д. Э-хе-хе, хе-хе! Что-то не клеится. Какая-то гигантская ошибка у переустроителей русской жизни, но, очевидно, «ошибшиеся» никогда в ней не сознаются. Нужно чудо. Хотя бы в виде появления третьего гения, масштабом с Петра Великого или с того же Ленина. И начать бы этому гению свое спасительное дело таким манифестом или декретом: «Отдохни, измученный человек русской страны. Отныне живи, мысли и поступай во всем как тебе самому хочется; только не убивай, не дерись, не бесчинствуй, не распутничай, не упивайся и не зарься на чужое; помогай больному, бедному, неразумному, бессильному, малому и старому. Не жалей утраченного, созидай новое умом или трудом, — оно будет опять твоим, а воровать все-таки перестань.» Скажут, что это только глупо, и не удостоят моего «прожекта» обмозгованием, но все-таки бы попробовали, может оно и не так глупо.

28 янв./10 февраля. † Петр Алексеевич Кропоткин скончался и будет привезен в Москву для похорон на кладбище Новодевичьего монастыря. Князь-анархист, очевидно, пожелал последнюю квартиру иметь по соседству с князьями, а не с анархистами и коммунистами, — кладбище коих — Красная площадь. (Кстати, одна из последних «загадок» и разрешение ее: «Какой самый замечательный памятник *на еврейском кладбище?* — Минину и Пожарскому!»; и в том же «жидофобском» духе: «Если за столом сидят шесть советских комиссаров, то что под столом? — Двенадцать колен Израилевых.»)

Кропоткин умер на 79-м году жизни. В годы империалистической войны он занял оборонческую позицию и на этой позиции оставался и после февральской революции 1917 года. Но он был чужд октябрьскому перевороту 1917 г. Советские газеты благословляют «российский пролетариат» на отдание последних почестей «этому осколку громадного прошлого, который был не с ним (с пролетариатом), но который, сам не зная

того, приготовлял для него великие исторические пути».

Мирные переговоры с Польшей далеко еще не закончены. Поляки повысили свои требования к Советской России и, между прочим, требуют 85 млн. р. золотом. По этому поводу в газетах пишут, что не надо потакать «чрезмерным аппетитам Бриана и Пилсудского». Другими словами — давайте опять воевать!

29 янв./11 февраля. «Кризис!» — так восклицает сегодня неутомимый Ю. Стеклов-Нахамкес. «Мы, — говорит Стеклов, — неожиданно очутились пред жестоким топливным кризисом, который влечет за собой расстройство и неурядицу во всех остальных областях… В центрах вдруг сказался недостаток продовольствия… Хлеб есть, но подвезти его нельзя, так как маршрутные поезда застревают в пути из-за отсутствия топлива… Явилась полная остановка движения в целом ряде жел.-дор. линий, и сокращение этого движения на других линиях… Сокращаются или прекращаются работы на рудниках, заводах и фабриках… Срывается весь план восстановления промышленности. Положение становится уже катастрофическим.» И дальше о концессиях: «Вопрос о концессиях так и не сдвинулся с мертвой точки.» В этом он подозревает «сознательный саботаж выходцев из буржуазии, засевших в центральных экономических учреждениях». Картина общей хозяйственной разрухи, по словам Стеклова, «удушающая», и она-де приняла «особо острую форму и требует энергичной реакции», потому он и советует созвать экстренную сессию ВЦИК. Но в то же время Калинин ораторствует в Краснодаре, что «положение России стоит очень высоко».

А Ленин в Москве (тоже в это время) издает декрет о прекращении выдачи советским служащим всяких особых пайков, т. е. переводит всех, всех, всех на голодный паек. Конечно, это справедливо, если рабочим сокращен трудовой паек, но зачем было преждевременно хвастаться, что вот мы кончим эти войны, расправимся с разными Врангелями, и жри, советский народ, напропалую, — у нас всего вволю. Ан после воевания-то сам Стеклов вопит: «Кризис! Катастрофа! Удушающе!» и т. п.

Как бы иллюстрируя все это, сегодняшние «Известия» сообщают, что в Петроград за месяц вместо 5 млн. пудов топлива подвезено только 1 млн. 700 тыс.; вместо 14.000 вагонов дров доставлено только 6.890. Решено приостановить там 90 предприятий по всем отраслям промышленности.

28 янв./12 февраля. В целях составления государственного запаса художественных ценностей и предметов роскоши и старины, *могущих служить предметами вывоза за границу*, Нар.

Комиссариату внешней торговли предоставлено право изъятия из складов и других хранилищ *для цели внешней* торговли предметов, отбираемых особыми экспертными комиссиями. Проще сказать, иностранные купцы определенно заявили нашим коммивояжерам: вы хотите лекарств, мы дадим их вам, только вы нам пожалуйте Царь-пушку, а если прибавите к ней Царь-колокол, то мы и пишущих машин пришлем вам. Давайте, пожалуй, нам и купол Храма Спасителя, а взамен его мы отберем вам десяточек подержанных паровозов. Да и не к русскому рылу разные такие Рафаэли, Антокольские и вообще «художественные ценности и предметы роскоши и старины». Лопает конину да мороженую картошку, так на кой черт ему музеи да галереи. И без них проживет!

На пленуме Цектрана Борисов доложил, что сейчас закрыто движение жел.-дор. на протяжении 4.300 верст и около 700 здоровых паровозов находится в парализованном состоянии. В Донбассе (Донецк, бассейн) вместо 600 вагонов едва грузится 150, ибо там, в рудниках, работа совсем не идет. «Правда» сегодня замечает, что положение на жел.-дор. и закрытие питерской индустрии есть *тяжелейшее поражение на фронте труда.*

29 янв./13 февраля. Сегодня в 40.000 экземплярах вышел листок, напечатанный в типографии ВЦИКа, с заголовком: «Анархические организации памяти Петра Алексеевича Кропоткина». Знамение времени! После столь продолжительного удушения «несоветских» слов и мыслей в этом листке можно прочитать, что еще существует в Москве какая-то комиссия анархических организаций, что она отправила по радио в Европу и по России торжественное извещение, что скончался борец за полное освобождение *всех угнетенных* и что день его кончины должен быть на все времена в памяти *всех находящихся под гнетом капитала и власти* днем скорби и революционного протеста против насилия. Из этого листка видно, что «комиссия» просила Ленина об освобождении из всех тюрем анархистов для участия в похоронах Кропоткина. И вследствие этого Президиум ВЦИКа постановил предложить ВЧК «по его усмотрению» отпустить анархистов на похороны.

В Листке помещено, между прочим, письмо самого Кропоткина «Александру» от 2 мая 1920 г., где он замечает, что второй и третий Интернационалы представляют узурпацию идей рабочего интернационала в пользу одной партии: социал-демократической, которая наполовину вовсе не представляет рабочих. А Алексей Боровой там же отважился сказать, что «история нашего времени есть величайший трагический

конфликт между нашим страстным, напряженным чувством самосознания, нашей вечно растущей жаждой свободного творчества с стихийной зависимостью от чудовищного, все укрепляющегося фонда навязываемых нам извне, чужих и чуждых нам — нашему мозгу, нашему чувству, нашей воле — верований, опытов, велений и запретов». И дальше: «Кропоткин показал, что взаимоистребление, насильническая власть, потоки крови — не есть фундамент свободного человеческого общества.»

Н. Критская говорит, что не Кропоткин «устарел» или «отстал» от революции, а большинство революционеров «не доросло» до Кропоткина.

Н. Лебедев пишет, что Кропоткин верил, что русский народ возведет со временем здание «новой общественности на основах не слепого повиновения власти, а свободного сотрудничества всех… В вольных союзах вольных людей лежит разрешение великих задач, поставленных жизнью перед нашим поколением», — вот основное убеждение Кропоткина, сообщает в листке Пиро.

Г. Сандомирский пишет, что Кропоткин «с равным волнением и гневом говаривал о тяжких страданиях многих миллионов трудящихся, все еще одурманенных хитрой механикой государственности, и о ненужных жестокостях, в которых нет и следа священной, революционной ненависти, даже тогда, когда революционеры поддаются тому же дурману государственной власти».

Вообще, его единомышленники или ученики очертили Кропоткина в этом листке как гуманнейшего и высоконравственного человека, родственного по духу с Л. Н. Толстым. Клоню свою голову перед такой могилой с почтением. Вечная ему память!

То-то будет теперь разговоров об этом памятном по Кропоткину Листке. Скажут: ну и досталось же большевикам!

3/16 февраля. Распредкомпродпуть! Не пугайтесь: это не «матерное» сквернословие, а «упрощенное» название распределительной комиссии при продовольственном органе НКПС. (Мне выдали оттуда продовольственную книжку на троих едоков. Посмотрим, что-то будут давать, вопреки декрету о прекращении выдачи особых пайков. Это я «стяжал» по своей новой должности в Цектране.) «Распредкомпродпуть!» — это тебе не сатинские словечки. Горький до такого слова при всей своей изобретательности еще не додумался.

Картошка дошла до 25.000 р. за меру; соль до 2.500 р. за ф.; кусок мыла Бодло, стоивший четвертак, покупают по 9.000 р. Молоко все еще 1.500 р. за кр., но хлеб в последние дни идет в

гору страшно быстро — за 2.000 р. ф. считают дешевой покупкой. Масло 14.500 р. Селедка 3.000 р. шт.; чай, будто бы настоящий, 60.000 р. ф.; яйца 6–7 тысяч р. десяток (не золотые, «брильянтами украшенные», а простые, куриные!). Яблоки еще и сейчас находят покупателей по 3.000 р. за штучку.

5/18 февраля. Несколько дней уже стоит великолепнейшая зимняя погода: с утра 12–14 градусов мороза; дни солнечные, ночи лунные, — красота!

В Исполкоме Московского совета вчера учли, что главки и центры имеют основных строительных материалов не более 25 % требуемого на строительный сезон сего года, а потому постановлено «исключить из строительного плана 1921 года все новые постройки в Москве, ремонт зданий ограничить самыми необходимыми работами и использовать все возможности на починные работы для приведения в порядок жилищ и зданий». Зачем же тогда разрушались, портились и разбирались здания, которые теперь решено «починить»?

Цена перца молотого дошла, говорят, до 35.000 р. за ф., а горчицы сухой до 28.000 р. (или наоборот — хорошо не понял, но все равно, и 28.000 р. для такого товара — феноменальная цена. — Распредкомпродпуть!).

9/22 февраля. В газетах плакатными буквами под самым заглавием: «В дровах — наше спасение.» В текстах такие вопли: «Дороги станут!», «Не будет дров — не будет ничего!», «Железные дороги запасов дров не имеют, что подвезут, то в тот же день и сожгут на паровозы», и т. д.

И с хлебом что-то подозрительное. Для выполнения государственного плана посева требуется 220 млн. семян, а в наличии имеется всего-навсего 22,5 млн. «Беднота» пишет по этому поводу, что если не найдут на семена 200 млн. еще, то нам грозит всеобщий голод.

Морозы не только держатся, но и крепнут. Вчера было не меньше 18 градусов.

Мясо от 4 до 5 тыс. р. за фунт.

12/25 февраля. За последние дни морозы ослабли до 5°, но все-таки холодно, солнце за облаками.

«Враг не дремлет, — пишет кто-то в «Правде», — Советская Россия переживает сейчас один из жесточайших кризисов. Если мы победили на кровавом фронте, то борьба на хозяйственном только начинается.» И эту борьбу газета считает более трудной, потому что победить мертвую природу не так легко, как «своего

живого классового врага». Да, тут действительно не поживишься; «экспроприации» с природы не произведешь, она сама сдачи даст. Дальше газетой намекается, что «белогвардейцы» тайно «нашептывают» рабочим «предъявление таких требований, удовлетворение которых не может быть выполнено». И эти требования, должно быть, уже всерьез предъявлены, потому что очень чувствуется, что в Москве что-то далеко не спокойно.

Франция и Польша заключили между собой военный союз.

Образована комиссия по улучшению жизни детей, во главе ее поставлен председатель ВЧК Дзержинский. Странно, что «улучшать жизнь детей» будет именно аппарат Чеки!

В Волжской области признано негодных к плаванию 45 паровых судов и 935 непаровых и их решено назначить в разбойку. И она уже началась, по последней «сводке» разбито 25 паровых и 198 непаровых. Вот где мы сильны!

Есть у меня на службе приятель Николай Владимирович Лучкин, бывший член Суда одного из привисленских городов, который теперь уже принадлежит к польской территории. Он как беженец пристроился по юридической части к Водному транспорту и живет в Москве в одной комнате, а семья его, по болезни младшего сына, должна была жить в Крыму. После двухлетней неизвестности друг о друге, этой зимой Николай Владимирович получил, наконец, письмо от жены, которая описала ему свое полное разорение и невозможность перебраться в Москву, а он, решивши поехать за семьей сам в Крым, возился с просьбой об отпуске и с приисканием хотя бы двух комнат, необходимых им пятерым для совместного проживания в Москве. И вдруг, совершенно для него неожиданно, жена и трое детей сами препожаловали в Москву, полуодетыми, полуобутыми, полуголодными и, конечно, завшивевшими. Совершилось, чего и надо было ожидать, — принимая во внимание, что из Ялты до Москвы они двигались 30 дней, — охватил их всех сыпняк. † И вот, вчера мне сказали, что сама Лучкина скончалась, а дети и муж продолжают болеть. И все в одной комнате, т. е. мертвая и больные.

Я не знал покойной, но все равно мне глубоко жаль ее. Столько пережито было ею и ее семьей за эти несчастные годы! Поистине мученица. Царство ей Небесное, а мужу и детям пошли, Боже, скорого выздоровления и мужества перенести такое тяжкое горе!

На днях купил за 300 р. «Записки П. С. Грозова, бывшего дьякона при Филарете, Митрополите Московском, о служении последнего в Москве и Московской епархии». По нынешним обстоятельствам книга курьезная, но, начитавшись на службе

разных «тезисов», квалификаций, нормирований, премирований, поломав голову и над «тейлоризацией» труда, так приятно было погрузиться дома в описания наблюдательного отца дьякона, где и в каких облачениях и митрах «изволил служить Владыко». Да оно, т. е. такое чтение, и понятнее для меня. Где уж нам «дуракам чай пить» (как говаривали в старину)!

Интересно записать, сколько и в каких союзах состоит членов: самый крупный союз — это наш Цектран (объединенный жел.-дор. и водников), в нем 1.300.000 чел., затем идут совработники — 800 тыс., металлисты 500 тыс., медикосантруд (медицина и санитария) 300 тыс., просвещение 250 тыс., пищевики 230 тыс., землес 200 тыс., строители 200 тыс., коммунхозяйство 173 тыс., химики 165 тыс., кожевники 150 тыс., народн. связи 150 тыс., швейники 140 тыс., деревообделочники 100 тыс., народное питание 100 тыс., местн. транспорта 100 тыс., служители искусству 80 тыс., печатники 60 тыс., табачники 30 тыс., сахарники 28 тыс. и писчебумажники 22 тыс. Всего, значит, 5.718.000 человек.

Случайно попалась для закрутки махорки копия телеграммы московскому продовольственному комитету от 7 марта 1918 г., от комиссии, поехавшей в Курскую губернию за семенами. Комиссия жалуется в телеграмме, что все распоряжения центра не исполняются, и что «*Курская республика независима*», и в таком случае нам, мол, здесь делать нечего. На телеграмме чья-то резолюция красными чернилами: *«К сведению.»* Примем и мы к сведению!

Фунт картошки 850 р. Все идет как по маслу (только без масла!).

13/26 февраля. В газетах пишут, что путем неожиданного нападения на Эривань тифлисские меньшевики овладели в городе центральными учреждениями, таким образом Армянская Советская республика, должно быть, «отцвела, не успев расцвесть». Тут же сообщается, что французский флот бомбардировал большевистские отряды на Черноморском берегу.

«Что сей сон значит?» (как писали в доброе старое время): 15 июля 1920 года был выпущен декрет, воспрещающий приобретение каких бы то ни было материалов на «вольном» рынке (тогда они были), а 2-го февраля 1921 года Совет Обороны за подписью Ленина отменяет тот декрет и допускает закупку «пакли, болтов и смолы» для судового ремонта — на вольном рынке (т. е. когда все рынки закрыты).

16 февр./1 марта. Сегодня значительно потеплело. К вечеру

стало сыровато.

Из газетных заметок:

1. Муралов (Николай — бывший командующий разными красными армиями, а теперь деятель по Комиссариату Земледелия) подсчитал, что довоенная Россия имела на 1.000 чел. населения 200 гол. лошадей, а после войны лошадей уменьшилось уже до 80 голов, и таковое уменьшение продолжается, что грозит катастрофой не только сельскому хозяйству, *но и всему хозяйству республики.*

2. В Сибири, в целях освещения своих изб, крестьяне жгут коровье и баранье сало в то время, когда в городах острая нужда в жировых продуктах.

Вчера в Большом театре состоялось заседание пленума Московских советов и профессиональных комитетов. Конечно, по вопросам «текущего момента».

Как гласит мои любимый календарь, изданный в 1833 году, — в 1821 г. было «беспокойство в Италии» (а в 1820 — в Испании). И вот, ровно через 100 лет «беспокойство» в Москве, поэтому-то вчера и состоялось это экстраординарное заседание. Выступал, конечно, и Ленин («встреченный бурными аплодисментами». Всегда, ныне и присно «бурные овации» и за оптимизм, и за пессимизм.). На этот раз он уже не очень похваливался текущими обстоятельствами и на скорое улучшение их просил не рассчитывать. Сознался во многих ошибках, но на этом и вывернулся крылатой фразой, что мол, надо «учиться и дальше на ошибках прошлого, совершенствуя свой опыт». Я бы спросил все-таки, как это понимать: продолжать, что ли, ошибаться, чтобы в конце концов выучиться? Неужели нет другого способа для безошибочного управления страной?

Речи Ленина предшествовал доклад заместителя Наркомисс. продовольствия Брюханова, из которого видно, что за последние недели что-то творится в Сибири и на Кавказе неприятное для советской власти. Брюханов определенно сообщил, что в течение двух последних недель недополучено из Сибири 2 млн. пудов хлеба. К сожалению, в газетах еще мало пишут об этом знаменательном заседании, но все-таки можно из прочитанного сделать вывод, что «беспокойство» есть, и вот, чтобы хоть несколько ослабить его, Совет труда и обороны постановил ко вчерашнему дню объявить, что им ассигновано для срочной закупки за границей продовольствия и предметов первой необходимости для рабочих — *10 млн. рублей золотом,* а московский Совдеп выпустил воззвание «ко всем рабочим, крестьянам, красноармейцам и честным гражданам», в котором, по установившемуся обычаю, сваливает всю вину «беспокойства»

на «агентов международных и русских помещиков и капиталистов и провокаторов Антанты». Они-де «организовали восстание казаков в Сибири и бандитское движение на Украине, а продажные агенты Антанты, мол, решили, «что лучшей почвой для агитации против советского правительства сейчас является продовольственный и топливный кризис», и действуют в этом направлении.

А посему и потому: «Долой помещиков, капиталистов, провокаторов Антанты. Марш за дружную работу на фабриках, мастерских, железных дорогах» и т. д., и т. д.

Сегодня получил письмо от сына (из Екатеринослава от 21 января н./ст.) и от брата (из Полтавы от 12 февраля). «Ошибки» почты продолжаются. Опыта для «совершенствования» почты хоть отбавляй!..

16 февр./2 марта. В газетах сегодня напечатано: 1) крупными буквами — «Ростов, 27 февраля. Из Владикавказа за подписью т. Орджоникидзе получена телеграмма о том, что восставшими рабочими и крестьянами Грузии занят Тифлис. Красное знамя реет над городом. Правительство меньшевиков бежало», и 2) маленькими буквами — «Грандиозный еврейский погром в Берлине. Студенты, вооруженные дубинами, направились в еврейские кварталы, потом наводнили Курфюрстендам, самую богатую улицу Берлина. Было совершено нападение на сотни евреев; многие были избиты… Погром рассматривается как первый симптом победы на прусских выборах реакционеров, которые стремятся возвратить на трон Кайзера.»

Напечатана сегодня полностью и речь Ленина, произнесенная им 28 февраля. Выдохся, что ли, знаменитый трибун, или его речь в печати вышла перевранной, но только впечатления она не производит; сомнительно даже, чтобы она была покрыта «оглушительным градом аплодисментов». В конце речи Ленин посулил победить голод и холод весною. «Будем, — говорит, — работать более успешно, более рассчитано. Будем более победоносно терпеть…»

Вот она, доля русского человека, — все терпи да терпи!.. Бывало, терпели смиренно, по-христиански, а теперь вот начальство приказывает еще терпеть как-то «победоносно». Впрочем, попробуем. Весна-то ведь не за горами. Сегодня, например, на улицах лужи появились, и кошки заголосили на любовный весенний лад.

17 февр./3 марта. А сегодня в газетах — уже крупнейшими

буквами напечатано «Правительственное сообщение», подписанное Лениным и Троцким и озаглавленное так: Новый белогвардейский заговор. Мятеж бывшего генерала Козловского и корабля «Петропавловск». Дело в том, что 28 февраля в Кронштадте начались волнения на сказанном корабле. «Красою русской революции», т. е. моряками, была принята, как сказано в сообщении, — «черносотенно-эсеровская резолюция». Под руководством Козловского моряки арестовали комиссара Балтфлота Кузьмина, председателя Кронштадтского Совдепа Васильева «и ряд других должностных лиц». Ввиду этого Совет Труда и Обороны постановил «мятежников» объявить вне закона, а Петроград и Петроградскую губернию на осадном положении.

В передовице «Правды», посвященной этому событию, между прочим, выясняется, что всей бежавшей из России «нечисти», т. е. помещиков, графов, князей, белых офицеров, торговцев, купцов, банкиров и прочих «буржуев» — ни много ни мало — 2.000.000 человек. Любопытно бы узнать, кто более «победоносно терпит» — они или мы, не двинувшиеся со своих родных мест?

21 февр./6 марта. Сегодня «исполнял должность кума», т. е. ходил в церковь «воспринимать от купели» новорожденного обитателя нашей квартиры Георгия, сына моряка Николая Васильевича Юрлова, проживающего у нас по закону «уплотнения» с прошлого года. В кумовьях собственно записан другой наш квартирант, тоже моряк, — Степан Иванович Анисимов, но тот сейчас в командировке, а я, по соседству, и взялся выручить их, т. е. попал, говоря новым языком, во «вридкума» или в «замкума». Отмечаю это случайное событие в целях фиксирования расходов по крещению. Сам я их не нес — они произведены за счет отсутствовавшего кума, но были таковы: священнику за молитву в доме 4.000 р., ему же за крещение 5.000 р., дьякону 2.000 р., сторожу в церкви 1.000 р., свечей на 2.000 р., всего около 15.000 р., да за крохотный крестик (правда, золотой) уплачено 2 фунта подсолнечного масла, сиречь 27.000 р. на советские деньги. После крестин родители моего «случкрестника» попросили нас в свою комнату и, по традиции, угощали чаем, закусками и пирогами. Даже было спиртное, очень странного и нового для меня вкуса. Оказалось — *политура*, чем-то очищенная, чем-то сдобренная, но тем не менее препротивная. А все-таки я выпил, что было предложено. Надо же познать все прелести советской счастливой жизни. На крестинах были, конечно, продовольственные разговоры, и вот что узнал о разных ценах на продукты, существующих в последние дни: лук 1.500 р., свекла морож. 800 р., цикорий 6.000 р., кофе 18.000 р., в зернах 15.000

р., советский 6.000 р., перец горошком 32.000 р., лавровый лист 35.000 р., картошка 850 р., морковь 1.000 р., хлеб черный 2.500 р., сахар 18.000 р., песок 13.000 р., спички 500 р. коробка, махорка 1/8 фунта 750 р., папиросы первого сорта 25 шт. — 3.500-4.000 р., ситец 8.000 арш., сатин 9.500 р., селедка 4.000 р. шт., карандаш химический 1.500 р. шт., простой 1.000 р., свечка восковая, самая маленькая, 300 р., 1 кусок мыла туалетного 9.000 р., мыло простое 10.000 р. ф., камень для зажигалки 250 р., карамель 12.000 р. ф., грамм сахарина 1.000 р., ладан 17.000 р., бутылка чистого спирта 150.000 р., крупа ядрица и рис поехали дальше 5.000 р. за ф. (прошу иметь в виду, что ни об одном продукте цены *в пудах* не показаны, все *на фунты!)*.

22февр./7 марта. Погода капризничает: сегодня подсыпало много нового снега, солнцепека не было, а вчера на солнце было 10° тепла.

Президиум московского совета постановил снять в Московской губернии заградительные отряды. Мешочники опять заработают; так что масленицу в Москве попразднуют и в 1921 году. Она как раз началась сегодня.

Имущество (движимое) всех граждан российских, «бежавших или скрывающихся до сего времени», в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, — объявлено собственностью РСФСР.

Корреспонденты из деревень вопиют, что там нет газет, книг и читален, но зато свирепствует картеж. «Играют все, и старый, и малый», но в Москве, и вообще в городах, клубов, читален и театров сколько угодно, а между тем про картежные игры слава громче, чем в каких-то деревнях. «В банках» миллионы, кредитки перекидываются из рук в руки нераспечатанными пачками. Значит, в портфелях, коими вооружены теперь буквально все товарищи, власть имущие, — не одни мешки или продукты, а и «мильены», для развития «железной дороги» — в которую научились играть и те, безграмотность которых еще не ликвидирована.

На днях Вильсон сдал свою власть новому президенту Гардингу. Советские газеты предполагают, что Гардинг поведет дружественную политику к советской власти, и что «сдвиг» уже начался. Мартенсу разрешено возвращение в Америку. В Москву едет Вандерлип. Гардинг категорически заявил о невступлении Америки в состав Лиги Наций; отказал союзникам в аннулировании долгов, отказался от участия в Лондонской конференции, и т. д.

В газетах мелькают намеки на то, что изустные «слухи» о

разорительных действиях «банд Антонова» Тамбовской губернии и «банд Семенова» в Западной Сибири и на Украине Петлюры и Махно — имели действительную подкладку. Там и сейчас «беспокойство».

Кронштадт, видимо, все еще во власти «мятежных матросов».

4-го марта в Петроградском Совете Зиновьев сообщил, что повстанцами фактически руководит «капитан *Бурксар,* являющийся самой крупной фигурой, а генерал Козловский является фигурой менее крупной».

23 февр./9 марта. Дрожжи 40.000 р. ф., соль 4.000 р. ф. Недавно упомянутый мною Н. В. Лучкин должен был уплатить на Ваганьковском кладбище за вырытие могилы для своей безвременно скончавшейся супруги 125.000 р. Вчера случайно присутствовал при продаже-купле тоненького золотого браслета с небольшим одним бриллиантиком и одним сапфиром: 2.000.000 рубликов!

8-го марта открылся 10-й съезд рабочей коммунистической партии. Съехалось делегатов с решающим голосом 647, с совещательным 253. Они представляют собой 705.245 членов партии.

Троцкий выпустил приказ, предлагающий кронштадтцам немедленно сложить оружие и вернуть в распоряжение советской республики «мятежные суда». Для ответа сроку дан один только день, и в случае молчания обещают «разгром мятежа и мятежников вооруженной рукой». Армией, предназначенной «воевать» с Кронштадтом, командует Тухачевский.

Красин, приезжавший в Москву, уже явился в Лондон, и надеется через несколько дней подписать торговый договор.

2/15 марта. Весеннее таяние снегов идет «измором», и это предвещает малую воду. Впрочем, и лесоистребление сушит почвы, что тоже сказывается на обмелении рек. Сейчас вдут приготовления к «сплаву» древесины (т. е. лесного материала и дров), но уже все предвещает печальные результаты его. Для сплава подготовилось на местах до 5 млн. кубов, из коих дров — до 3 млн. куб. саж. Чтобы произвести этот сплав, кроме известного количества вод нужно еще для прокормления рабочей силы 1.765.000 пудов хлеба, 154.000 п. соли, 300.000 п. овса и т. д. продуктов, из коих 40 % должно бы быть уже доставлено на места зимним путем, но назначенного количества хлеба в обозах еще нет, а потому нет и уверенности в мало-мальски удачном проведении «сплавной» кампании. Пишут, что «приняты к спасению положения самые экстренные меры». Вероятно,

приказано древесине «самосплавиться», ибо экстренного «продфуража» теперь не так-то скоро найдешь. Его везде нет. Так что теперь нам не Троцкого бы, а Моисея с его манной небесной.

Троцкий не очень-то запугал кронштадтцев своими ультиматумами. Вот уже сколько дней прошло, а «воз и ныне там». Что творится на той и другой стороне, официально не известно, но это-то и показывает, что кронштадтцы пока что воюют с Советской Россией и, может быть, сами в свою очередь пишут ей «ультиматумы».

Сапега большой и, видно, ловкий хлопотун для своей нации. После заключения военного союза с Францией переехал в Бухарест и там заключил такой же союз с Румынией.

С 21-го марта н./ст. часовая стрелка переводится вперед еще на 1 час.

Предан суду викарный Московский Епископ Петр (бывший действ, тайн, советник, заведовавший учебно-церковным делом в бывшем Синоде). Предан за якобы «систематическую кражу дров с дровяных складов ВСХН, расположенных на дворе Златоустинского монастыря», и за «фиктивную прописку в своей квартире двух монахинь, из опасения уплотнения ее жильцами». Самая заурядная обывательская историйка, которая удостоилась бы в свое время самое большее благодушного чеховского суда в его миниатюрке, а теперь такую историю подняли, что того и гляди признают озябнувшего Владыку и врагом народа и грабителем!

Утащить плохо лежащее полено, старый кирпич с разрушенной стройки, ложку, забытую кем-нибудь в столовой, «колено» для железной печки, карандаш со службы, газету со стены и т. п. мелочь — не преступление, а долг каждого гражданина, не исключая и тех, которые в изобилии снабжены разными карточками «широкого» потребления. Такой «долг» и мне, грешному, приходится иногда выполнять; к величайшей радости моей семьи.

Вот, милые мои, как мила наша современная жизнь! Все стали преступниками! «Сумлеваюсь штоп» и сам Ленин был чист на руку. Поистине «Един Бог без греха!»

3/16 марта. На заседании 10-го съезда коммунистов по вопросу о роли профсоюзов в производстве точка зрения, защищавшаяся Лениным, Зиновьевым, Каменевым и Рудзутаком, получила 336 голосов, а точка зрения Троцкого и Бухарина только 50 голосов.

Этот съезд вынес крайне важное решение: «ввиду изменившейся обстановки» *продовольственную разверстку*

заменить продовольственным налогом. При разверстке *все излишки* сельского хозяйства передавались в руки советской власти, а при новой системе крестьянин отдает только *часть излишков,* а чтобы получить оттуда некоторое количество продуктов *сверх налога,* советская власть готовит земледельцам «заграничные товары, необходимые для деревни».

«Правда» говорит, что партия доказала этим внимание к нуждам страны. Черта с два! Просто она доказала, что перетрухнула от Кронштадта, голода и холода, и сделала тем самым движение в сторону признания частной собственности и допущения свободной торговли.

В старинной хронологии достопамятных российских происшествий об 1342 годе кратко сказано: «Россияне льют колокола». Для материала «достопамятных» событий сего 1921 г. можно записать корреспонденцию из Костромы, сообщающую, что крестьяне Кавернинского уезда постановили снять колокола с церквей и перелить их на электрическую проволоку. Снять-то, конечно, снимут, а вот проволоку-то не сделают до второго пришествия. И выйдет — ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Троцкий поведал корреспондентам английских и американских газет, что «ликвидация кронштадтского мятежа несколько затянулась, и это объясняется тем, что при проводимых мерах приходилось и приходится не только оберегать от излишних жертв советские войска, но и всячески щадить мирное население и не участвующий в мятеже гарнизон Кронштадта». При этом Троцкий уверяет, что Петроград «столь же недосягаем для контрреволюционного переворота, как и для кронштадтской артиллерии».

Ленин в своем докладе о натуральном налоге откровенно заявил, что «крестьянин не хочет того, чего хочет рабочий», что «крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недовольно». «Мы с этим должны считаться… Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло… Государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма», но, как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность, и при наличии некоторого количества товаров, возможно применить «систему налога и свободного оборота». Итак, страшное слово «свободная торговля» заменено нестрашным *«свободный оборот»*. И этот свободный оборот предоставляется также кооперациям. Значит, торговать все-таки будут, «излишки», конечно, будут припрятывать, «чекушки» займутся достолюбезными им обысками, а через год

«великий вождь пролетариата» предложит своему стаду еще новый какой-нибудь опыт, так потихоньку и доплетется русское крестьянство до своего старого положения, если само не захочет сделать этого без дальнейших «опытов».

Масло сливочное 20.000 р. фунт, соль-бузун 3.750 р. ф., свинина 12.000 р. ф. Колокола… впрочем нет, — московские колокола еще не продаются и пока позванивают со своих мест. Здесь, должно быть, в проволоке недостатка нет.

4/17 марта. От иностранного комитета объявлено, что 16 марта Красин и английский министр торговли Роберт Хорн подписали торговый договор РСФСР с Великобританией.

Все-таки на 10-м съезде Зиновьев с Троцким имели «схватку» по вопросу о профсоюзах. Речи их такие большие и мудреные, что я не могу вкратце их передать и приведу лишь несколько фраз Троцкого, из коих видно, что он не ходит вокруг да около, а называет вещи своими настоящими именами. Так, например, он говорит: «На этом съезде мы вынуждены сделать *огромную* уступку собственническим мелкобуржуазным условиям хозяйственной жизни и психологии крестьянства». К замене разверстки налогом Троцкий приглашал своих товарищей будто бы еще год тому назад, а потому он восклицает, что: «здесь правильность предвидения целиком на нашей стороне». Дальше: «Кризис состоял в том, что в профсоюзах стало усиливаться давление чисто потребительской точки зрения, которая напирала на профессионалистов внизу больше, чем наверху… Тов. Зиновьев говорит, что кризис у нас не профессиональный, а общий. Но это лишь общая фраза о кризисе. Мы же исходим из анализа проявлений кризиса в разных областях… Нам возражают, что у нас не кризис, а рост… Вместо того, чтобы сказать, что кризис союзов есть только отражение глубочайшего кризиса, нам говорят: «это симптом роста»… Вы, товарищи, не свели концов с концами, и глава вашей резолюции «не кризис, а рост» бесспорно должна быть вычеркнута целиком, как неправильная… Мы стоим перед труднейшим периодом и величайшими усилиями.»

В заключительной речи на том же съезде Ленин поспорил с Цюрупой насчет кооперации, — Цюрупа чуть ли не предпочитает воссоздание мелкой частной торговли — предоставлению кооперациям «свободного оборота». А Ленин за последнее, хотя и убежден, что кооперация «политически служит местом организации, централизации и объединения элементов, политически враждебных нам». В конце своей речи Ленин сказал, что «не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастают. Надо бояться того, что слишком долго

продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний.»

Съезд закрылся 16 марта в 5 ч. вечера.

«Наша молочница», т. е. крестьянка какой-то подмосковной деревни, доставляющая ежедневно в квартиры нашего дома молоко, купила в Томилине дачу, размерами «9х12» за 3.000.000. И это не вилла, не замок, а простой дом, мало чем отличающийся от обыкновенной деревенской избы.

Сегодня на службе кто-то принес пачку мужских бумажных носков, очень невысокого качества, и их «расхватали» все-таки довольно быстро, платя по 5.500 р. за пару.

6/19 марта. В газетах официальное коротенькое сообщение, что Кронштадт взят красными войсками, а о том, что предшествовало этому, пока ни слова.

Благостью или усмотрением своего нового начальства (по ЦНО) я восстановлен в своих «персональных» правах, т. е. получил опять 18.0 руб. в месяц жалования, и столько же премиальных. Благодаря тому, что в декабре месяце мне платили только по тарифу, а с 1-го января сего года вообще еще ничего не платили, то я сегодня сразу получил по расчету до 16-го марта с.г. недополучек и вознаграждений по положению 104.076 рублей. «Отродясь» таких сумм не получал в свое собственное распоряжение, а все-таки не закутил с такой получки. Ибо на нее теперь разве только полбутылки водки дадут с приличной, но не роскошной и не обильной закуской, т. е. только то, чему до войны цена была 1 р. 50 к.

Погода чисто весенняя, солнечно. Таяние пошло вовсю, но снег еще держится, потому что утренички бывают.

7/20 марта. Ходил сегодня в Храм Христа Спасителя на «Торжество Православия» (совершаемое по церковному обычаю в первое воскресенье Великого поста). Обедня и самый чин Православия продолжались от 10 ч. до 2 ч., служил сам Патриарх с большим сонмом духовенства. Из дьяконов первенствовал Розов. Его необыкновенный голос и в этом огромном храме поражал всех своею мощью, не теряя красоты звука и музыкальности. Храм был переполнен; вся служба прошла чинно и благолепно, точно в старые времена. После службы я остался у восточных дверей храма посмотреть отъезд Патриарха. Читавший о пышном обиходе древних патриархов и еще не так давно видевший в той же Москве разъезды митрополитов в каретах, запряженных шестеркой лошадей, я опять поражен был жалкой

обстановкой путешествия русского первосвятителя по Москве. Он сел вдвоем с Митрополитом Евсевием в старую извозчичью пролетку, запряженную старой дешевенькой лошадкой, да так и поехал на свое Троицкое подворье. Я долго следил за тихо идущими путешественниками, и не столько за ними, сколько за встречь едущими и идущими им. Первые, преимущественно в автомобилях, окатывали их грязью и, вероятно, насмешливыми (если не сказать худшего) взглядами, а вторые останавливались (не все, конечно) и снимали шапки. Последнее зрелище все-таки немного сглаживало горечь неподобающей сану Патриарха поездки. Столько лучезарности в храме, и столько убожества на улице! Патриарх и Митрополит как-никак из храма уехали, но сослуживший им Архиепископ Гродненский Михаил, несколько архимандритов, митрофорных протоиереев и прочих священнослужителей, собравшихся с разных концов Москвы, от всех ее, должно быть, «сорока сороков», — все они, подобравши свои длинные рясы, поплелись восвояси пешочком. Нельзя сказать поэтому, чтобы это было полным «торжеством Православия».

По дороге домой читал настенные газеты о торжестве советской власти. Сдался Кронштадт, сдались мятежные корабли «Петропавловск» и «Севастополь». Козловский и мятежный «ревком» бежали в Финляндию.

Подписан мирный договор с Польшей. Она выговорила себе 30 миллионов золотом и на 29 млн. жел.-дор. имущества, а также возвращения культурных ценностей, оставшихся в России и на Украине после первого раздела Польши.

Заключен мирный договор с Турцией. (С какой Турцией — для меня не ясно. Или я плохо слежу за мировыми событиями, или теперь две Турции. Одна султанская, другая республиканская.) Придется это сообщение после пояснить, т. е. тогда, когда о внутреннем положении Турции прочту более обстоятельно.

Вот эти мирные торговые договоры почему-то совпали с Кронштадтом. Тут есть какая-то связь. Или договоры заключены вследствие его падения, или он сам пал от заключения их.

Впрочем, мне лично и не думалось, чтобы «краса русской революции» задавалась идеей переворота, просто она захотела и тут поживиться чем-нибудь.

Выпал на сцену давно забытый Дыбенко: он назначен теперь правителем в Кронштадте.

9/22 марта. В ожидании «жаворонков» (день сорока мучеников) погода нахмурилась, целый день моросит снег.

Из «реляций» Дыбенко видно, что кронштадтцы «ожесточенно» обстреляли Ораниенбаум и Петергоф, Дыбенко признает, что красные войска при взятии Кронштадта «понесли тяжелые потери». Особенно досталось курсантам и «самоотверженным коммунарам, слетевшимся под стены Кронштадта будто бы со всех концов Советской России». Сдача кораблей произошла именно так, как и надо было ожидать от «красы революции», — матросы арестовали всех своих офицеров и сдались. Но главные вожаки неудавшегося восстания пред развязкой боя находились на крепостном крайнем форте, откуда они под покровом ночи и перебрались в Финляндию.

10/23 марта. Прескверная погода! Точно не весна, а гнилая осень.

Вчера открылся первый съезд объединенного профессионального союза рабочих и служащих жел.-дор. и водного транспорта. На съезд прибыло 818 железнодорожников и 214 водников. Из них 766 коммунистов, а остальные — беспартийные (впрочем, есть еще 6 анархистов, один «толстовец» и один меньшевик).

При взятии Кронштадта особенно отличился какой-то новоявленный стратег тов. Казанский. Ему дано в награду «золотое оружие».

В постановлении ВЦИК о замене разверстки налогом есть и такой пункт: «Обмен (остатка после выполнения налога продовольствия, сырья и фуража) допускается в пределах местного оборота, как через кооперативные организации, *так и на рынках и базарах*». Подчеркнутое мною не свидетельствует ли о том, что свободная торговля, в сущности, разрешена?!

12/25 марта. Сегодняшняя передовица Стеклова имеет очень пикантное заглавие по отношению к европейским и американским государственным деятелям: «Среди карманников мировой дипломатии». «Жульническая игра буржуазной дипломатии, — говорит Нахамкес, — не прекратилась, а получила лишь новое направление.» Суть его негодования в том, что будто бы Америка и Англия, чтобы не довести своих между собой «трений» до войны, — сговариваются «ублажить» Японию путем предоставления ей свободы действий в Манчжурии и Сибири.

Ллойд Джордж заявил в Палате Общин, что торговым договором советское правительство признается как фактически существующее в настоящее время российское правительство, но он еще не является мирным договором.

На днях состоялся плебисцит об участи Верхней Силезии. В пользу Германии подано 716.406 голосов, а в пользу Польши только 471.406 голосов.

† Где-то на кончике сегодняшних известий такое печальное известие: «Берлин, 16 марта (радио). По сообщению из Франции, бывший Великий Князь Николай Николаевич скончался в Лозанне.» К известию приделан такой победоносный заголовочек: «Одним Романовым меньше». Лояльно настроенный к отшествию в вечность и князей, и убогих, я все-таки душевно чувствую, что действительно стало одним *хорошим* Романовым еще меньше. Не касаясь его громкой роли в минувшей войне, которая, впрочем, при ином ходе истории, преподнесшей нам с 1917 года столько сюрпризов, была бы без сомнения почтена самыми высокими почестями и пьедесталами, скажу только, что изо всех его биографий, изо всех о нем писаний и из самого его внешнего вида так и сквозило, что это — добрый и милый человек. Простой русский барин в самом прекрасном значении этого слова. Я лично видел его лет 35 тому назад именно в роли русского барина, страстного любителя псовой охоты. У него была замечательная псарня, и он был одним из первоклассных экспонентов на охотничьих выставках. На одной из этих, в московском Манеже, я и видел его, без всякой помпы и пышности, такого доступного, ласкового со всеми. От прочей публики он, правда, выделялся, но не костюмом, не великокняжеской свитой и регалиями, а своим чрезвычайно высоким ростом. Царство ему Небесное!

16/29 марта. Сегодня пасмурно, и тепла 3 градуса, при холодном ветре, а на днях уже на солнце доходило до 20°.

Почти 2 месяца имел все-таки возможность читать газеты дома, доставая их на службе, а вот теперь опять лишен этого удовольствия, и пока что проглядываю новости на стенах. А надо бы сегодняшнюю газету проштудировать как следует; там напечатана речь Ленина на съезде ЦЕКТРАНа; там декрет об открытии «свободного обмена», т. е. свободной торговли мукой, картошкой и другими «сельскохозяйственными продуктами»; о снятии заградительных отрядов во всех почти губерниях, и о нечинении препятствий «к свободному обмену продуктов на необходимые хозяйственные предметы» на рынках и базарах. Теперь что же выходит: «приспособления» к этой торговле сломали, убрали, а сухаревку вынь да положь. Без нее какой же может быть «свободный обмен»?! Сегодня уж острили по этому поводу, вспоминая, как один армянин сперва было огорчился зрелищем, что его жена сидела на одном диване с приказчиком, а потом повеселел, ибо в целях «пресечения» диван-то этот продал,

как будто без этого «приспособления» его Ашхена Карапетовна не могла согрешить с приказчиками. На Сухаревке, впрочем, никогда особого комфорта и не было, главная торговля всегда была «вручную». Бедный Ленин! А он уж и до «душевной сухаревки» добирался! Тот-то он в цектрановской речи не похвалил ни плаката с надписью «Его же царствию не будет конца», т. е. царствию пролетариата, ни продолжающегося пения заключительных слов интернационала «Это будет последний решительный бой». Вообще, ему сильно взгрустнулось, что еще идет борьба классов, что «классы» все еще существуют. И еще как! В этой же замечательной газете сообщен ответ американского правительства на наше предложение о торговом договоре. Приблизительно говорят нам так: до тех пор, пока у вас не будет гарантий для частной собственности, для неприкосновенности жилищ, то не будет и веры вашим обязательствам, а потому нечего вам и продавать, тем более что вы взамен наших товаров и дать-то ничего не можете, — до того вы разорены и обессилены к производственному труду. Тут же — совет ввести «свободу труда».

Как раз на этих днях я видел к вечеру одного известного мне протоиерея (от «Трех Святителей», что у Красных ворот), магистра, старца, такого хилого; вооружился, бедняга, ломом и скалывает лед в переулке возле своего храма. Работа такая, о которой, может быть, скучает в это же время член какого-нибудь исполкома. А батюшке не грех в это время и отдохнуть бы, чтобы крестить, венчать, хоронить и проповедовать благолепно, а не в том духе, про который принято говорить «отзвонил — и с колокольни долой».

19 марта/1 апреля. Вчера с самого утра и до вечера было так тепло, что казалось: денек-другой такой погоды и чувствуй себя как летом. Но сегодня гораздо прохладнее (что, может быть, объясняется ледоходом, начавшимся на Москве-реке, раненько, между прочим!).

Бани теперь бесплатные, но у кого денег много, может и там прожить тыщонок 5: парильщику 2.000 р., «мозольному оператору» 500 р., бутылочка какой-нибудь прохладительной водицы 1.000 р., веничек 500, «услужающему», т. е. строго посматривающему на вас, как бы вы не слямзили соседних грязных штанов (что очень часто бывает) и не ушли бы, ничего не дав ему за такой надзор, — «сколько пожалуете». Вот вам и бесплатная баня. Ну да черт с ней! Она теперь такая грязная, вшивая и холодная, что лучше уж совсем не ходить в нее. Дома как-нибудь из ведра помыться. Не надо забывать, как кто-то

сказал еще в те времена, когда в бане было как в бане, а не как в ретирадном месте, что «мы люди простые, люди русские: рук не моем, ковшей не полощем; наш брат попросту морду зовет рылом».

Англичане, должно быть, и до сего просвещенного нашего времени такого же мнения о нас. Не очень-то церемонились с нами, когда составляли подписанный теперь торговый договор с советской Россией. Там есть такой пункт, что при платеже за английские товары русским золотом, драгоценностями и вообще ценностями (в историческом, культурном или в материальном значении) — английский суд должен еще разобрать: «а не краденые ли это у кого-нибудь деньги или ценности?» И в утвердительном случае кладет арест на этот платеж и передает его настоящему собственнику, т. е. какому-нибудь русскому магнату или негоцианту, которыми теперь Лондон кишмя кишит. Есть в этом договоре и такой пункт, который окончательно приостановит агитаторскую деятельность наших большевиков в Индии и в других английских владениях.

Все еще никак не уймешься от удивления поразительным ростом цен на то и другое, или над ужасающим падением нашего «курса». Давно ли я ужасался, что маленькая починка 26-рублевых часов стоила 40 р. и «маленький ремонт маленького парохода» что-то около 30.000 р., а теперь такие же починки стоят: часов — 20.000 р., а парохода 37 млн.!!! («Алексин» — бывший пароход И. И. Цепулина, плававший между Калугой и Коломной.)

21 марта/3 апреля. Ходил в какой-то «Ужестрой» получать зайца (за 3.200 р., — «убиенного» конечно, а может быть и дохлого), по дороге «изучал природу» — и сделал открытие: увидал зазеленевшую травку. Был и в церкви, ради воскресения, опять приобрел там своего рода «уники»: «Собрание резолюций Филарета, Митрополита Московского» (200 р.) и «Поздравления Вифанской духовной семинарии в день тезоименитства Московского Митрополита Платона» (75 р.). Вот приобретения, которые, я думаю, никогда и никто не реквизирует. При всем этом и обычное пристенное стояние совершил, знакомясь с новыми декретами и вообще с новостями. Опять декрет насчет уплотнения квартир и комнат. Каждому гражданину, имеющему свыше 12 лет, полагается помещение площадью не более 16 квадратных аршин, причем если какая комната превышает этот размер, то в ней *допускается* сожительство мужа с женой, или отца с сыном и дочери с матерью. Слава Богу, что «разъяснили», а мы-то, преступные люди, и раньше «сожительствовали» в одной

комнате с женами или детьми, не подозревая, что это «не допускалось».

Несколько дней много писали (да и сегодня еще пишут), что в Германии то там, то тут забастовки и требования «советской власти». Так и казалось, что вот-вот прочтем: в Германии власть перешла к большевикам; но сегодня Стеклов в своей передовице меланхолически сообщает, что «жандармерия» еще сильна в капиталистических странах и что германская «вспышка» затихает, а затем спрашивает читателя: «Надолго ли?» Но я не дочитал до конца его очередной болтовни, ибо все свое внимание устремил на последние известия из Венгрии. Там как раз обратное явление. Экс-Венгерский король и Австрийский император Карл нежданно-негаданно приехал из своего изгнания в Будапешт. «Пришел, увидел, победил». Как-то без особого шума, страха и без малейшего кровопролития сумел побывать во дворце, в казармах. Привлек на свою сторону «70 % войска», заставил Хорти «подчиниться обстоятельствам», т. е. уйти от власти, и объявил себя, пока что, диктатором. Ясно, что венгры, по крайней мере столичное население страны, — на его стороне, и «честным бы пирком да за свадебку» (то бишь за коронование в Венгерские короли), но воспротивилась сему Антанта, в силу своего договора не могущая допускать реставрации династий Габсбургов и Гогенцоллернов. Впрочем, среди разных известий, мелькающих в газетах об этом политическом сюрпризе, есть и такое предположение, что Карл заручился согласием Франции.

23 марта/5 апреля. Еще Благовещение не пришло, а на Москве-реке уже после ледохода началась убыль воды. Прибылой воды было всего-навсего 1.72 саж. По разверстке предполагалось собрать (или собрано?) 420 млн. пуд. хлеба, а при помощи налога только 240 млн.

25 марта/7 апреля. Благовещение. Вчера и сегодня тепло, но облачно: то и дело принимается дождь, смывающий остатки снега и, отчасти, уличную грязь. Одним словом «благовещенская» погода не предвещает красного дня для Св. Хр. Воскресения.

Несмотря на симпатии венгерцев к своему бывшему королю Карлу, он должен был под угрозой Антанты покинуть Будапешт и выехать в Швейцарию.

Несмотря на ожидания наших коммунистов, из последней германской «заворошки» ничего не вышло. О чем их коммунистическая партия заявила официально.

В церкви сегодня молились о здравии *заключенных* Митрополита Кирилла, Архиепископа Никандра и еще некоторых

епископов. Значит, где-нибудь в Каменщиках или Бутырках целый Синод «заседает». Там же, может быть, и Саблер (если он еще жив), его в Рождественском монастыре я уже давно не вижу.

26 марта/8 апреля. Вчера к вечеру выглянуло солнышко. Значит, благовещенскую погоду нельзя назвать совсем скверной. Сегодня день солнечный, что дало возможность москвичам наблюдать частичное солнечное затмение. В 2 ч. 39 м. по новому времени солнце закрылось на две трети. Советская просветительная часть воспользовалась этим астрономическим явлением, чтобы похвастаться своей ученостью: сочинила и издала особые плакаты, хорошо разрисованные и популярно составленные, и расклеила их по всей Москве, как бы говоря: вот как у нас, затмение солнца — и то предусмотрено!

Из стенографического отчета съезда Цектрана вычитываю сообщение т. Лозовского, что «германские транспортные рабочие поглядывают на нас не очень нежно», что «в Англии революционных союзов жел. дорожников мы почти не наблюдаем»; что «в настоящее время во всех странах имеется около 40 млн. организованных рабочих и среди них около 5 млн. транспортных», а из последних, по словам Лозовского, «на стороне Москвы имеется не менее 1/5 части». Там же читаю и Ленина. Вот несколько слов его, стоящих отметки: «Что касается помещиков и капиталистов, то мы их в первую кампанию победили, но только в первую, а вторая будет уже в международном масштабе. Воевать против нас современный капитализм, будь он даже в сто раз сильнее, не может потому, что там, в передовых странах, рабочие сорвали ему войну вчера и сорвут сегодня еще лучше, еще вернее, потому, что там последствия войны разворачиваются все больше. Мелкобуржуазную же стихию у себя дома мы победили, но она себя еще покажет, и это учитывают помещики и капиталисты, особенно те, кто поумнее, как Милюков, который сказал монархистам: посидите вы у себя, помолчите, потому что иначе только будете укреплять Советскую власть.» И дальше: «эту мелкобуржуазно-анархическую стихию мы не победили, и от победы над нею сейчас зависит ближайшая судьба революции. Если мы ее не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь.»

28 марта/10 апреля. Утром на нуле, а днем, благодаря ясному небу, 15° (но только на солнце).

Вчера оповещено сразу три декрета: 1-й о предоставлении

кооперативам права заготовлять всякого рода продукты сельского хозяйства и распределять их среди своих членов, для чего *«все граждане РСФСР объединяются в потребительские общества»;* 2-й — с 1 мая отменяются ограничения приработки при сдельной премиальной оплате труда и предоставляется право местным Совнархозам вводить простую сдельную оплату труда или сдавать группам «трудящихся» работу аккордно, по соглашению с ними; и 3-й — рабочим важнейших отраслей промышленности будет выдаваться в виде премий часть производимых ими продуктов. А в предприятиях, вырабатывающих продукты, не могущие идти в обмен (например, *пушки,* скажу от себя), допускается выработка на своих станках в неурочное время предметов широкого потребления (например, зажигалки, скажу тоже от себя). Все это, конечно, не от Маркса, а от того «лукавого», который и для коммунистов, должно быть, существует.

30 марта/12 апреля. Второй день восхитительная, безоблачная и безветренная погода. Тепло на солнышке достигает 26 градусов.

Бедные «середняки — московские буржуйчики», т. е. мы, грешные, ошеломлены постановлением московского Совдепа: в кратчайший срок освободить 471 дом от лиц, «не занимающихся физическим трудом», для предоставления их рабочим. Причем выселяемый может взять с собой лишь кровать или диван, стол письменный, два стула или два кресла на одно лицо, а на семью в общем еще обеденный стол, буфетный шкаф, а остальную обстановку, стало быть, брать не моги и оставляй ее в пользование новых квартирантов. Исключение дается (т. е. невыселение) только врачам, инженерам и ответственным работникам, но и то при условии, если против их оставления в насиженных комнатах ничего не будут иметь сами рабочие. Такое постановление — продукт усердной деятельности неутомимого тов. Дзержинского, являющегося также председателем и комиссии по улучшению быта рабочих (добавить бы: и по ухудшению быта остальных граждан).

Трепещем и мы перед возможностью выброски и нас, и только есть чутошная надежда на один пункт постановления, в котором говорится, что «рабочие и служащие жел. дор. и водного транспорта не подлежат выселению», да и то думается, что меня-то, как такового служащего, оставят, а семью на вынос. Но не буду хныкать, сказано бо есть: «Ибо не на век оставляет Господь, но, послав горе, и помилует по великой благости Своей».

31 марта/13 апреля. В «Экономической жизни» сегодня

пишут, что наши топливные ресурсы в последние месяцы близятся к концу. Надежды на сплав не оправдались. Мы вступаем в полосу массового закрытия предприятий на ближайшие месяцы. Весенний уровень воды при ледоходе, там, где уже открылся сплав, т. е. в Киевской, Гомельской, Минской, Витебской, Смоленской и Тверской губ., так низок, что по буквальному сообщению с мест «никто из старожилов не припомнит такого».

В каком-то московском учреждении выкрали 60 млн. р., и об этом случае в газетах такая же маленькая заметочка, как, бывало, писали о краже кошелька с 6 р. 10 к.

Сегодня наше ЦНО переезжало из одних комнат в другие. Кажется, для моей «национализированной» службы это уже 15-я комната, 16-й стол и 12-я должность. Не столько дела делалось, сколько разных передвижений, переездов и движений. Да, коли живы будем, еще поездим!

3/16 апреля. Дзержинский назначен «нашим» комиссаром, т. е путей сообщения и притом «с оставлением во всех прочих занимаемых им должностях». Вот поистине «ко всем бочкам затычка»! Емшанов же назначен его заместителем. А этот, значит, «из попов да в дьякона».

7/20 апреля. Я не писал ничего о стачке английских углекопов, от хода которой большевики ждали чуть ли не всемирной забастовки рабочих в империалистических странах. Все дожидался решительных действий с той и с другой стороны. И вот «капиталисты» опять победили. К углекопам не присоединились ни железнодорожники, ни транспортники, и успех их стачки, как сообщает сегодня «Коммунист, труд», сорван на три четверти, всеобщая стачка на этот раз провалилась и, словом, рабочему движению в Англии и во всем мире нанесен жесточайший удар.

Погода стоит чудесная, теплая. Почки на деревьях разбухают и дают первые листочки. А дождя все нет, начинаются тревоги за всходы.

8/21 апреля. Французское правительство заявило, что оно отказывается от дальнейшей поддержки Врангеля и, израсходовав уже 200 млн. франков на помощь 35.000 человек, «эвакуированным из Крыма», — предоставляет их своей судьбе, предлагая, между прочим, льготное переселение 20.000 земледельческих рабочих в Бразилию. Так что все русские, находящиеся во французских лагерях, «должны знать, что армии

Врангеля больше не существует, что их бывшие вожди не имеют больше власти над ними», и они должны уже позаботиться о дальнейшем своем существовании «собственными силами».

Вчера ходил к К. В. Розову на квартиру. Надо было поговорить с ним насчет музыки Александра Александровича Оленина к Литургии Иоанна Златоуста. Это творение в Москве еще неизвестно, но находится в рукописи здесь, у некоего П. А. Ламме. Вот и сговариваемся — как бы ее ввести в репертуар московских духовных хоров. Об обедне речь будет впереди, а пока запишу кое-что услышанное от Константина Васильевича, что интересно, если не в историческом значении, то в бытовом. Надо сказать, что я его лично знаю не менее 25 лет, с первых дней переезда его в Москву из Симбирска на службу в Храм Спасителя. Потом его перевели в Успенский Собор, затем в придворные дьякона в Петрограде, а позднее опять в Москву — в Успенский. Когда мы были с ним помоложе (теперь ему 47 лет), то приходилось кое-когда вместе бражничать, по каковой части он тоже был большим мастером (да и теперь, кажется, не отказывается от таковых благ).

Вчера я просидел в его уютной двухкомнатной квартирке больше двух часов и не видел, как время прошло. Сидели за самоварчиком, пили «настоящий» чаек, не только с сахаром, но и с пирожками из белой муки, да покуривали первосортные папиросочки. Славный он человек! Такой любезный, гостеприимный и благодушный, а главное — не кичащийся своими исключительными голосовыми средствами. Ему самому кажется, что он «не из первых» по своей, так сказать, «специальности», и приписывает почитательное к нему отношение только своему доброму, общительному характеру. Конечно, и это чарует в нем, но главное-то все-таки его величавое сладкоголосие. И так идет к могучему голосу его богатырская наружность. С него пиши кого хочешь: библейского ратоборца, русского богатыря, а то и самого Ермака Тимофеича. По росту, правильности черт лица, пропорциональному сложению — это образец мужественной красоты.

Так вот что историческое-то, или просто «московское уходящее»: когда я спросил по-приятельски, сколько же он получает «гонорара» за свои выступления? Он начал, по его предупреждению, «с худшего», например: «проездил в один отдаленный храм на извозчике 40.000 р., а получил только 30.000 р.» Был и такой случай где-то в подмосковном селе; обещали ему за его приезд привезти три мешка картошки, что его обеспечило бы «на всю зиму» (как он рассчитал), да надули: послушать послушали, а картошку зажилили. И еще порассказал о

некоторых московских приходских советах, которые по окончании служб жалостливо говорят ему, что «храм наш бедный. Уж подождите, Константин Васильевич, до другого праздника, тогда поднакопим деньжонок и пришлем вам мучки.» И так далее. Но есть и такие гонорары, которым, пожалуй, сам Шаляпин позавидует. Где-то (кажется, у Богоявления в Дорогомилове) ему «отсыпали» сахару, муки и яиц по рыночным ценам на полмиллиона р. И это за участие в двух службах — вечерней и утренней. Причем навертывался и такой необычный гонорар: *в полтора миллиона!!!* Это его приглашали в Щелково, суля ему «на рясу» какой-то дорогой материи, которая могла бы быть «реализована» им именно за 1,5 млн. р. Конечно, как теперь водится, он предпочитает брать мзду продуктами или какими-нибудь изделиями. Между прочим, он напел таким путем сапоги, калоши и разные другие «носильные» вещи. Увы! — все идет пополам с грехом, в чем он чистосердечно сознается, а также и в том, что он, «служитель культа», одновременно служит ив 1-м Государственном хоре, выступая на подмостках, конечно, в советском репертуаре. Когда же я спросил его, поет ли он там интернационал, то он ответил, что интернационала петь не приходилось, а «дубинушку» поет довольно частенько. За пропуски в концертах его штрафуют по 10.000р. за раз, так что эта советская служба обходится ему не менее 200.000р. в месяц.

Поговорили и о Патриархе, и о других иерархах. О первом отзывается он с величайшим уважением. Видно, что Патриарх как человек — очень добрый, ласковый, нестяжательный и скромный. Бедный Митрополит Кирилл все еще сидит в Таганской тюрьме, в одиночном заключении. Между прочим, порадовал меня такой картиной современной архиерейской жизни: в Ростове н/Д архиерействует Иосиф. Этот настолько праведен и прост, что каждое утро в 4 часа идет сам на колокольню и звонит до тех пор, когда монахи выползут из своих келий и пройдут в храм; а потом потрезвонит и сам идет туда же «со славою». Это что-то уж не от мира сего. Вспомнил Конст. Васильевич первые поездки Патриарха по России, вскоре после избрания его, т. е. в начале 1918 года. В то время большевицкая власть не мешала им, и Патриарху предоставлялись отдельные вагоны, и он путешествовал так со своим клиром и приближенными, в том числе и с Розовым. Особенно торжественно встречали и принимали Патриарха в Петрограде. Народ наполнял храмы при его службах, бегал за его экипажем, стоял толпами у разных подъездов, ожидая его выхода или приезда, и т. д. Пробыли они там 8 дней. Было много служб; между прочим, побывали и в Кронштадте. Розов и вся свита Патриарха вели себя по-житейски

все время высокоприлично, чтобы не скомпрометировать Святейшего отца, но когда они уезжали в Москву, то в их вагон напросились какие-то петроградские два церковных старосты, и у них к ночи оказалась в корзиночках обильная выпивка с великолепной закуской. Ну, конечно, меценаты своего рода! И соблазнили моего Константина Васильевича. Патриарх был в другом конце вагона и, вероятно, отдыхал или спал. А тут пошло после петроградских трудов, во славу Православной церкви, настоящее пьянство. К станции Чудово и архидьякон, и старосты, и келейник Патриарха совсем «дошли», а потом заснули, и только подъезжая к Москве проснулись и к ужасу своему узнали, что именно на станции Чудово, по распоряжению какой-то Чеки, должны были остановить их поезд, отцепить от него вагон Патриарха и арестовать его самого, а также и его свиту. Но произошло какое-то «чудо» в Чудове. Задержали не тот поезд, в котором ехал Патриарх, а другой. Патриарха намеривались арестовать за какую-то петроградскую речь, в которой усмотрен был призыв к низвержению власти большевиков. Но в Москве выяснилось, что он этого и не говорил, стало быть, все обошлось благополучно. Зато Розов до сего времени не может вспомнить этого эпизода «без содрогания». Боже мой! Ведь это такая была бы пища для Галкина и для Демьяна Бедного, которой они питались бы до сих дней. Сколько было бы писания, разговоров, литературы, насмешек над поведением «охраны» Патриарха! Сколько бы одних плакатов было нарисовано на эту тему. Ведь вот как мог пострадать морально наш Первосвятитель, — и от чего, собственно? От того, что сошлись четверо простых душевных людей в одной компании и, на радостях благолепно и благополучно совершенного дела, позволили себе распить бутылочки по две на брата. И не ведали они, что злодейка-история готовилась сфотографировать их в такой интимный момент и запачкать таким снимком «мелочей архиерейской жизни» репутацию ни в чем не повинного Патриарха Московского и всея Руси!

18 апр./1 мая. *Христос Воскресе!*

19 апр./2 мая. Светлый Христианский праздник совпал ныне с рабочим праздником 1 мая. Хотя и было распоряжение свыше при праздновании «господствующего» теперь первомайского праздника, по случаю совпадения его с церковным, не оскорблять «чувств верующих», но как раз со Страстной недели на стенах московских появились два номера газеты «Церковь и революция» (№№ 3 и 4), где прозой, стихами и карикатурными рисунками

церковь и духовенство всячески поносились. Такие газеты наклеивались и на церковные стены. Особенно ратовали там Мих. Горев и Демьян Бедный. Досталось всем, начиная от Патриарха и кончая рядовыми монахами. И спекулянты они, и бабники, и развратители народной совести, и обдиратели бедноты. Кроме того, перед Пасхальной Заутреней в коммунистических клубах пелись разухабистые песни, что не могло быть не услышано шедшими в церкви богомольцами, так как ночь была теплая и окна клубов были раскрыты настежь.

Погода на Страстной и в два дня Пасхи чудесная, прямо летняя. Три раза выпадали небольшие дождички. Зелень успела уже роскошно распуститься. Обилие цветущей черемухи; и сейчас на моем столе стоит уже букетик яблочного цвета. Это 19 апреля по старому стилю!

До Страстной недели рыночные цены стали было падать: масло продавали по 10.000 р., яйца по 500 р. шт., сахар по 12.000 р., черная мука по 80.000 р., но потом опять пошло в гору, и вышло к Пасхе так, что «сооружение» пасхи и кулича обошлось в десятки тысяч: масло 16.000 р. ф., яйца 900 р. шт., творог 8.500 р. ф., белая мука 6.000 р. ф. и т. д.

Сухаревка все-таки и не возродилась, но зато теперь завелся громадный торг на Трубе, на Земляном рынке, на Сенной площади, на Зацепе и в разных других местах. Сухаревка по своему центральному месту и по величине площади была, конечно, удобнее всяких других мест для «свободного товарообмена», и если ее не возобновили, то только по капризу властей, по капризу простительному для женщин, утопающих, но не сознающихся в том, что не стрижено, а брито. Как же! Постановили Сухаревку закрыть навсегда, а вместо нее мы заводим десяток «сухаревочек».

К празднику объявили «праздничные» выдачи, для литера А: два фунта фасоли и фунт соли, а для литера Б: 3/4 ф. соли, без фасоли, но пока только объявлено, но еще не выдано. Вот показание побогатения Советской России продовольствием после закончания победоносных войн. И ничего — все терпят. Ленин, вероятно, доволен, что его слушаются, т. е. «победоносно терпят».

На Страстной неделе тянуло в церковь. Несколько раз ходил в Сретенский монастырь. Привлекал туда Епископ Илларион, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха. Однажды (за всенощной со среды на четверг) он появился в Соборном храме монастыря в простом монашеском подряснике, без панагии, без крестов, в камилавке, и прошел на левый клирос, где и пел все, что полагается, в компании с 4–5 другими рядовыми монахами, а затем вышел в

том же простом наряде на середину храма и проникновенно прочитал канон, не забывая подпевать хору в ирмосах. Прочитавши канон, запел один «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный». Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой (ему 35 лет), высокий. Тенор. Пел попросту, не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слыхивал за всю свою жизнь такого чудного исполнения этой дивной песни. Мне, грешному, вспомнился Н. А. Преображенский, знаменитый тенор конца прошлого столетия. Разве только он бы спел эту вещь лучше Иллариона. В эту же службу объявился там удивительный канонарх, по одежде такой же простой монах. И голос, и чинность, и симпатичнейшая наружность действительного девственника заставили меня расспросить: да кто же это? И я узнал, что это родной брат Иллариона Архимандрит Даниил (по фамилии Троицкий). Он на два года моложе Иллариона, но тоже теперь архиерей: его хиротония во Епископа Елецкого совершена в субботу на Страстной. Говорят, это сыновья какого-то захолустного священника или дьякона Тульской епархии. То-то гордится, наверное, старичок-отец: два молодых сына — и оба Архиереи!

На вынос Плащаницы я ходил к Николе на Драчах, где тот же Илларион служил во всем великолепии архиерейского сана, и тогда он сказал с кафедры вдохновенную речь, растрогавшую всех слушателей. В былое время ее, разумеется, напечатали бы во всех «клерикальных» газетах, ну а теперь она достоянием «потомков» уже не будет. Жалко!

Пасхальную заутреню и после обедню имел счастливый случай (при протекции Розова) простоять на левом клиросе Храма Спасителя. Служил Патриарх с Митрополитом Евсевием и с Епископом Петром Подольским. Народу было видимо-невидимо. Жутко было смотреть с некоторой «высоты» клироса на такую громадную толпу, все время колыхавшуюся от чрезмерной тесноты и издававшую необыкновенный какой-то гул, встревоживший меня звуковым сходством со знаменитой Ходынкой 1896 г. Я ночевал в ту ночь на даче в Петровском парке и слышал этот гул, как известно, разрешившийся столькими жертвами. И тут я боялся катастрофы. Но, слава Богу, все обошлось благополучно. Говорят, что столько народу там еще никогда не собиралось. «Переполнить» такой колоссальный храм — это значит сойтись туда со всей Москвы. Может быть, поэтому теперь в некоторых приходских храмах обидно мало богомольцев. Старая история: «хлеба и зрелищ» нужно народу. И специальная газета про церковную жизнь не загородила всенародного

паломничества в тот храм, где с такою исключительною торжественностью служил Патриарх.

Кстати, о росте цен на церковные потребности: пучок вербы продавали по 300–500 р., «грошовую» свечку — 600 р., лампадное масло 8.000 р. ф.

О христианской Пасхе («гнилой», как пишут коммунисты) я вот кое-что написал, а об «пасхе» рабочей, т. е. 1 мая, напишу поподробнее по выходе газет, а лично сам празднования ее не наблюдал, потому что на улицу выходил только между 12-ю и 2-мя часами, в сторону, удаленную от центра, именно в Алексеевский монастырь, на родительские могилки, — и по дороге не видел никаких процессий и никакого движения к центру, а также не слышал ни Интернационала, ни ничего подобного ему. Может, где и пелось оно, только пасхальный звон заглушил эти звуки. Предполагались разные развлечения на Театральной и других площадях. Вероятно, так и было. И в этот день работали все театры без исключения. Так бы вот и сосчитать: сколько московских граждан в этот день «служили двум господам», т. е. были за Пасхальными богослужениями, а потом пошли слушать и смотреть мистерии изобретательного Луначарского!

Молоко продают по 1.700 р. за кружку. Из современной бухгалтерии: «Совнарком отпустил Наркомцроду авансом в счет сметы на январь-июнь 1921 г. 29.902.804.000 рублей». Это уже не только фасоль, а все до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до!

23 апр./7 мая. Всю Пасху простояла благодатная погода. И солнца и дождя — вдоволь. Все, что может цвести, пышно цветет. Черемухи, сирени, ландышей и незабудок изобилие, и это не привозное, а наше — московское или подмосковное.

В коммунистических газетах хвалились и погодой: вот, мол, она для майских праздников как разодолжила нас! Об этом празднике (1 мая) нельзя сказать, чтобы писали очень восторженно. Видно, что дело-то все-таки было не в нем, а в Пасхе. И ее бессовестно лягнули: «в церквях народу мало», «пасхального звона не слышно, — некому звонить — все были на майском празднике». Вздор! Церкви были переполнены, звон колокольный заглушал уличные звуки не только в первый день Пасхи, но и во все остальные, — вплоть до сегодняшнего вечера.

Писали, между прочим, про громадные толпы около подвижных балаганов (все футуристические произведения), что «у всех радостные лица, нарядные одежды». Если «писатели» здесь не соврали, то еще вопрос — у всех ли были «радостные лица», а главное, по случаю *какого* праздника: христианского или

пролетарского?!

Сегодня в одном учреждении видел чуть ли не впервые одну барышню, углубленную, судя по выражению лица и по работе пальцев, в серьезнейшую работу на пишущей машинке. Думал, что какой-нибудь важный декрет перепечатывает, а оказалось, что она своего рода «подпольной» литературой занимается: перепечатывает пародию на ответ Онегина Татьяне. «Когда б картофель не был дорог, и хлеб не стоил 2.040, полфунта масла тысяч семь, притом прогорклое совсем; когда бы спуск был нечистот и действовал водопровод; когда бы, голоден и бос, за чью-то старую провинность я по субботникам в мороз не нес топливную повинность, то, верьте, кроме вас одной, невесты б не искал другой. Но для советского блаженства, как видно, не пригоден я, и коммунистов совершенство совсем не радует меня.» Затем довольно правильно описаны, подлаживаясь к пушкинским стихам, квартиры без топлива, кухни коллективов, конторские труды жен, а потом и домашние, «когда из шелухи готовят всякой чепухи и варят чай из хлебных крошек», и т. д. и т. д. Заканчивается письмо, конечно, тем, что «мечтам и годам нет возврата», уверением в братской любви, но, говорит автор письма: «Я свою восьмушку хлеба и свой советский суп-бурду ни за какие блага неба делить ни с кем уж не могу.»

Вот какими пустяками мы занимаемся теперь. Те «радостные лица», которых в изобилии усмотрел 1-го мая газетный наблюдатель, не начитались ли, разговевшись-то, этих «стихир», а то чего им было радоваться особенно (с фасоли разве; да ведь ее еще только «объявили», а пока что не раздавали).

Вчера слышал от одного служащего в транспортно-гужевом отделе, что *починка пролетки* у них обходится теперь 600 тысяч руб. И еще из области грабительских цен: фунт дрожжей дошел до 80.000 р. Недалеко то время, когда вообще за фунт чего-нибудь будут платить не десятками тысяч, как теперь, а сотнями, а потом и миллионами. Дело идет к этому быстро и неуклонно.

26 апр./9 мая. Третьего дня по моей просьбе К. В. Розов позвал к себе на квартиру П. Г. Чеснокова и Н. М. Данилина, куда и я явился вместе с Павлом Александровичем Ламме, страстным любителем духовной музыки и замечательным воспроизводителем ее на рояле (немножко подпевая своим маленьким тенорком). Ламме сыграл нам обедню Александра Алексеевича Оленина (брата Петра). «Спецам» она не очень-то понравилась, да и сам Оленин не ждал от них благоприятного отзыва, ибо (это он мне пишет), как сказал Кузьма Прутков: «специалисты флюсу подобны — полнота их односторонняя». Но

на мой вкус, которому Оленин почему-то придает решающее значение (вероятно, как представителя церковной «толпы»), — эта обедня заслуживала бы «постановки» ее в храмах. Но теперь громадных денег стоит разучить такую вещь хором. А музыка как раз требует очень большого хора. В иные времена нашлись бы «меценаты» своего рода, и обедня была бы в репертуаре московских хоров. Нет ни одного пения в обедне, к которому Оленин не приложил бы своего творчества. Все «Господи помилуй», даже все «Аллилуйя» и «Аминь», — все поется мелодично и притом каждый раз на другой манер. Все время слышится какая-то грустная нотка. Розову, по его собственным словам, казалось, что он находится где-то в катакомбах. Александр Алексеевич прославил себя уже на поприще собирания древних русских песен, и надо полагать, что он в свою обедню вложил много от хорошо известных ему народных причитаний и попевок «калик перехожих». Местами очень красиво, местами величественно. Но кое-что нужно переделать, на что справедливо указали «спецы», и, как ни хотелось бы мне самому послушать это произведение в церкви, я до этого не доживу. Записываю же этот эпизод из моего времяпрепровождения на случай, что, может быть, эта обедня будет со временем так популярна, что станут интересоваться ее историей, а я, как видите, в ней играл некоторую роль. Если бы не я, то она долго бы лежала у Ламме никому не известной, а теперь как-никак ее слышали такие авторитеты в духовной музыке, как Данилин, Розов и Чесноков. Музыкальным критиком я могу быть только к какой-нибудь гармошке, да и то не тонким, а в такой сложной и серьезной вещи мне совсем не разобраться. Скажу только, что я слышал эту музыку от Ламме два раза и почему-то сейчас у меня непреодолимое желание послушать ее и в третий раз. Это что-нибудь значит, и недаром автор с особенным нетерпением ждет моего «приговора».

Красин опять приехал из Лондона и вчера поместил в «Известиях» статью о государственной соляной монополии. И вывод такой: нужно ввести бумажные государственные знаки, которые будут иметь своим реальным обеспечением наличность в государственных складах определенного количества соли, хлеба и других продуктов.

И об этом не буду много глагольствовать. Я так же понимаю в такой экономике, как и в дорийском ладе, о котором наслушался третьего дня от Чеснокова. Но все-таки скажу, что и с введением «соляных бумажек» мы будем «не солоно хлебавши».

В Москве зарегистрировано несколько холерных случаев. Занесли холеру будто бы мешочники, едущие с юга, в

особенности из Ростова.

С Германией тоже подписано торговое соглашение. Заторгуем!

28 апр./11 мая. Илиодор опять в Царицыне; видно, приехал из Америки под видом эмигранта-рабочего. И опять чудеса творит. Как пишут в «Коммунистическом труде», после одной его службы в Царицынском монастыре председатель местного церковного совета предложил находящимся в церкви богомольцам избрать *патриарха*. И «большинством голосов» был избран Илиодор, который, не теряя времени, надел архиерейское облачение и совершил какие-то манипуляции, которые якобы дали ему право именоваться с того момента «патриархом всея России». Вот шут гороховый!

А Шаляпин в Америку едет. После «второго грехопадения» как бы его не освистали там. Впрочем, что ему теперь искусство. Едет, чай, туда пожить по старобуржуйски. Между прочим, одна справочка насчет его гонорара: на днях он дал концерт или спектакль в Малаховском дачном театре и взял сбора *8,5 миллионов*. Вообще братьям артистам и сейчас недурно живется. На днях Н. М. Родина пригласили в наш Цектрановский театр сыграть роль в «Золотой осени», и он взял за это 100 тыс.р. (извозчик особо). А вот бас Большого театра В. Р. Петров, еще давно прославившийся исполнением «Разбойника благоразумного», ухитрился в Четверг на Страстной, за всенощной, отпеть его в трех Церквах, за что в общем стяжал себе полмиллиона руб. (в одной церкви ему заплатили 200 тыс. р.). Впрочем, извозчик, перевозивший его из Церкви в церковь, взял с него 80 тыс.

Кстати, насчет извозчиков: теперь конец по городу (днем) ценится 15 тыс. р., так что некоторые мои товарищи подрабатывают на «извозчике» (ходя пешком) по 15, а то и по 30 тыс. р. в день.

Впрочем, и я сегодня с деньгами. Получил 136.710 руб. какой-то «разницы» премиального вознаграждения за семь месяцев.

30 апр./13 мая. В московский совет РКД избрано 2.115 деп., из которых 73 % коммунистов, 25 % беспартийных и 2 % «социал-предателей» (так называют советские газеты меньшевиков, эсеров и анархистов). Сегодня первое заседание нового совета.

3/16 мая. Первое мая по старому стилю по традиции, должно быть, было холодноватым и во всяком случае прохладнее нового

первого мая, зато вчера и сегодня жаркие, безоблачные дни.

Пресловутый М. Галкин (Горев), человек, как известно, «божественного» происхождения, все не унимается. Вчера в «Правде» появилась его статья о недопустимости участия коммунистов в религиозных церемониях и обрядах. Религия и научный коммунизм, по его заявлению, «абсолютно несовместимы», а потому он предлагает считать участие коммунистов в религиозных церемониях и обрядах как нарушение партийной дисциплины, и рекомендует их или вовсе исключать из партии, или передавать в «партийную школу». Из этого видно, что не всех коммунистов удовлетворяет земной рай, — хочется чего-то побольше.

Только теперь газеты пишут, что в Саратовской губернии и в самом Саратове были серьезные восстания. Действовали «банды» Антонова и Попова. Будто бы разграблено до миллиона пудов хлеба и сорвана «если не полностью, то в значительной части» посевная кампания, и убито и «изрезано» значительное количество не только коммунистов, но и «честных беспартийных работников».

6/19 мая. Вчера была сильная гроза с обильным дождем.

† «6 мая 1821 г. смерть Наполеона Бонапарте». Так записано в «Христианском памятнике», изданном в 1840 г. Вот знаменательное столетие, о котором в России теперь никто не вспомнит. А случись бы оно лет на пять раньше, сколько бы писаний было о Наполеоне и в газетах и в журналах. Сколько бы портретов и картин было посвящено этой достославной памяти! Ах! Теперь нам не до этих сантиментов: хлеба в Москве нет, две недели уже нет выдачи из продовольственных лавок; у нас дворник получает кроме жалования по тарифу еще от домкома 15.000р. в месяц и паек по 1-й категории, а закачался от голода — бежит в деревню. Не может покупать хлеба, зане цена ему в эти дни 2.500 р. ф. А дрожжи-то! Что-то невероятное: *триста двадцать тысяч фунт!!!* Кажется, превращаюсь и сам в спекулянта: купил 500 иголок для ручного шитья по 150 р. за шт. Совестно стало жить на «спекулятивные» труды жены, и другого выхода нет, как самому заняться этим приятным делом. (Зато сын коммунист, все-таки курьезность положения немного облегчает уязвленную совесть.)

Сам «Наркомздрав» Семашко иронизирует насчет мер к устранению жилищного кризиса и при этом с ужасом вспоминает, что у нас уже 7-й год не ремонтируются и не строятся дома. Жилищная политика, говорит, превратилась «в какое-то озорство», так что «беспардонная, сумбурная система

переселений и выселений» только подрезывает основную меру — увеличение жилищного фонда. «Когда (говорит Семашко, перефразируя баснописца) переселять с умом, тогда не чудо и пользу от того сыскать, а без ума переселять — и, Боже сохрани, как худо.» Это худо состоит в том, что вытравляется всякая охота у живущего к сохранению своего жилья. «Раз над моей головой висит на тоненькой ниточке Дамоклов меч выселения, то мой интерес не поддерживать квартиру, а портить, чтобы она не понравилась вселяемому в нее.»

В Петрограде взорван памятник Володарскому. В «Правде» пишут по этому поводу: «Мрамор разрушен — революция растет». Уж не революция ли революции?!

8/21 мая. Сегодня, т. е. накануне Николина дня, был за всенощной у Николы на Дербеновке (в Уланском переулке). Служил архимандрит Троицкой Лавры Вассиан. Сравнительно молодой еще человек и, должно быть, ученый. Сказал великолепную речь, да с таким воодушевлением, что многих слушателей растрогал до слез. Впервые видел и слушал его, но сразу готов его включить в число мастеров благолепного служения и духовного красноречия. А пел, как написано в объявлении: «полный хор *бывшей* Троицко-Сергиевской Лавры». Ущемило меня это слово — «бывшей». Грустно сделалось и от неправильного слова «полный», когда на поверку оказалось, что весь хор состоит из 18 чел. (в том числе один регент, 1 барышня, 7 мальчиков, 2 монаха и 7 певчих светских). Однако я был очень доволен, что мне пришлось послушать только жалкие остатки Лаврского хора. Они пели, между прочим, «Благослови душе моя Господа» Комарова, «Блажен муж» и «Хвалите Имя Господне» Архангельского, но через композиторские достижения слышалось что-то прибавочное, монастырское, свое. Видно, держатся еще каких-то традиций, какого-то особого стиля, и за это честь регенту Мартову. (К концу всенощной явился в церковь Н. М. Данилин, как мне показали «инкогнито», и очень внимательно прослушал «Слава в вышних Богу», значит, хор действительно «с изюминкой», когда сам Данилин заинтересовался им.) Очень интересен один мальчуган. Голос у него такой угрюмый, убедительный, точно у слепецкого вожака, и таково-то он душещипательно и проникновенно дивился, что «На горах станут воды», и так искренне голосил «Дивна дела Твоя, Господи», что я даже всплакнул, как умиленная баба.

Не могу простить себе, что я в те времена, когда существовали громадные хоры, когда в соборах и монастырях свершались торжественнейшие служения, — любил все это как-то

вскользь, мимоходом, между делом (а вернее бездельем). Давно надо было поставить все это в ряд наипервейшей духовной услады, и тогда от множества житейских промахов и ошибок избавился бы. А теперь так грустно все это видеть и слышать! Точно внимаешь последним словам и воздыханиям близкого-близкого, дорогого и милого человека, уходящего туда, — «таможе вси человеци пойдем!» Пройдут десятки лет, мы перемрем, дети наши состарятся, будут пожалуй искать духовных утех на земле, пойдут, может быть, в церковь, но не услышат уж таких мастеров пения, которые если еще не совсем исчезли в наше время, то заметно поредели. А для внуков наших, пожалуй, останутся от их отцов одни только воспоминания о былой красоте церковного пения да ворох старых забытых нот. Теперь мальчиков в московских хорах совсем нет, и эти семь, как видится, уже не свежего выпуска, и попеть им осталось, если они раньше не разбегутся на Сухаревку, еще год, и тогда навсегда закроется эта старинная область искусства. Бедные потомки! Как много у нас было от наших предков разного чудесного добра, и как мало его перейдет в их наследие!

9/22 мая. А за обедней слушал у Николы в Драчах другого, нового для меня, замечательного проповедника Серафима, Архиепископа Варшавского (?!). Если не ошибаюсь, мирская фамилия его Чичагов. Кажется, бывший блестящий офицер, родовитый барин. Сейчас он стар и выглядывает, как и подобает иерарху, — маститым, седобородым и благообразным, но видно все-таки, что это был красавец мужчина, бравый и сильный. И говорит он как-то «по-светски», точно в какой гостиной рассказывает любопытным слушателям интереснейшую новость. Так же вели свои рассказы на сцене А. П. Ленский и В. Н. Давыдов. Слушаешь, бывало, и покоряешься не сути дела, а искусству передавать слушателям и неинтересное интересно. Мне даже не понравилась такая тема: «только *православные* христиане идут верным путем к спасению.» Ну, время ли теперь полемизировать с протестантами, лютеранами, с сектантами!? И все-таки впечатление было сильное.

После обедни ходил на Трубную площадь и купил там 14 ф. неважной, старой картошки по 750 р. ф. Рынок растет не по дням, а по часам. Отроги его идут по всему Рождественскому бульвару, по Трубной улице, по Цветному бульвару (почти до цирка) и к подъему Петровского бульвара. А самая площадь полным-полна бывшей «Сухаревкой». Опять множество палаток и всякие «ряды» включительно с «обжорным», где можно за 10.000 р. и кофейку попить, и щец похлебать. Одним словом, перемена небольшая: то

— «Сухаревка» замыкалась «Трубой», а теперь наоборот — «Труба» стала замыкаться «Сухаревкой». И выходит, что Ленин с «душевной» Сухаревкой сел в калошу: это уж не одна только душа, а явное «двоедушие».

Сегодня и предшествующие 3–4 дня страшно жаркие: не меньше 30° на солнце.

10/23 мая. «Было бы смешно, если бы не было грустно.» Сегодня день моей серебряной свадьбы. Серебра на голове к этому «юбилейному» дню сколько угодно, но за четверть века не скопилось у нас серебра к злата ни материального, ни духовного. Счастья было очень немного, а несчастья с преизбытком. Можно бы кого-нибудь и кольнуть при таком воспоминании, да при тонком разумении пословицы: «поохал бы дядя, на себя глядя», чувствую за собой большую часть вины. Да! При иных обстоятельствах сегодняшний день прошел бы в торжественном порядке. И лег бы сегодня спать пресыщенным и явствами, и питиями, но, видно в наказание за мои житейские легкомыслия, судьбе угодно было, чтобы я сегодня в течение дня съел полфунта черного хлеба да тарелку вчерашнего, уже прокисшего, картофельного супа. Впрочем, пил еще чай, да еще с сахаром («вприкуску», конечно). Но, как говорится, и за это благодарение Создателю!

На днях состоялось «торжественное объединенное заседание съездов профсоюзов и совнархозов, посвященное вопросам науки и техники». Между прочим, выступал и Максим Горький: «Чур не сердитесь на меня и выслушайте несколько слов горькой правды. К работникам науки вы относились и относитесь еще довольно-таки варварски», — говорил Горький и указывал, что «непозволительно, чтобы носителя лучшего мозга, человека, думающего о счастье всех, думающего о том, как улучшить существование человечества, — ставить в необходимость пилить дрова, носить их на 4-й этаж, и т.д.

Ох, Горький, Горький! Действительно для русского человечества «горький», — и тебе бы нужно подумать над вышеприведенной пословицей, т. е. «поохал бы дядя, на себя глядя». А то «варвары». А не сам ли ты образовал этих варваров?

Жаркий день закончился хорошим дождем с градом и грозой, которая свирепствовала всю ночь не по-майски, а по-июльски.

12/25 мая. Сегодня покупали черный хлеб по 3.300 р. ф. Видел саратовца, тот говорит, что у них теперь хлеб дороже нашего, т. е. 4.000 рублей. Это в Саратове-то!!!

По протекции своего родственничка Б. А. Фердинандова

вчера попал в Камерный театр на «Ромео и Джульетту» Шекспира. Играли «по-таировски», т. е. балаганили, но нельзя сказать, чтобы чересчур, мера была соблюдена; к тому же все шло так стройно, молодо, живо. Труппа слаженная, дружная, дисциплинированная. Все, должно быть, первые ученики школы Таирова. Всем до Качалова или до Гзовской как до луны, но ни единиц, ни двоек даже самый строгий критик им не поставил бы. Ромео — Церетели, Джульетта — Коонен, Меркуцио — Щирский, Капулетти — Вигелев, Тибальд — Фердинандов, Лоренцо — Сварожич могут получить от меня на память еще по плюсу к своим баллам. Они мне лично наиболее понравились. Но что скверно, мерзко, глупо, бесвкусно, дико — это декорации (какого-то Т. Лермана). Подлинный футуризм. В этой трагедии столько солнца, тепла, зелени, цветов, дворцов и всякой земной прелести, а что мы видим? С чем уподобить это зрелище: с фантастическими изображениями преисподней или с уголком разоренного революционным порядком московского дома? Но нет, это не подходит: там тоже безобразно, но все-таки понятно, а тут последнего-то как раз и нет. И весь труд Таирова и его сподвижников, а главное все поэтическое обаяние «самой печальной повести на свете» нагло смазывается этим бессовестным или болезненным вмешательством футуриста. Если бы мы увидели какую-нибудь картину Рубенса не в золоченой раме, а вделанной в ассенизационную бочку, то так же брезгливо и жалостно бы содрогнулись, как и при этом зрелище противоестественного содружества красоты с уродством.

Имел счастливый случай купить там «по твердой цене», т. е. за 80 р., № 5 журнала «Культура театра» государственного издательства и остался доволен. Почти «старое» чтение. — Между прочим, помещено письмо М. Н. Ермоловой по поводу открытия Малого театра (состоявшегося только 5-го апреля с.г.). Она имела мужество написать своим товарищам, и это так и напечатано в этом «государственном» журнале, что она *молит Бога,* да поможет Он приступить к великому делу просвещения народа и работать всем вместе без разделения, колебания и сомнения.

Илиодор продолжает творить чудеса, которые, видимо, пришлись по душе советской власти. Сегодня в «Правде» напечатано, что он 24 апр. на соборной площади в Царицыне пред многотысячной толпой выступил с речью (примечайте! среди белого дня, в советском городе, где давно уже всякие уличные митинги воспрещены). Что там болтал этот «тоже» патриарх — я не запишу, но окончание речи стоит записать: «Орлы! Орлы! Орлы! (Поклон на три стороны.) Жуки, копающиеся в навозе, не могут судить о ваших полетах ввысь. Вы, опередившие толпу на

три поколения, орлы, рейте кверху через тучи и молнии, через широкие моря, в светлое царство благословенного социализма. За вами пойдут все, останутся только одни жуки в навозе, пока тяжелая советская колесница их не раздавит, только легкокрылые мухи пропоют им вечную память и после замрут сами…» Засим последовало многолетие «вождям социальной революции» и моление о победе советской власти… Орел! Орел! Орел!..

Получил от сына письмо, помеченное 5 мая. Пишет, что 6 мая он выезжает в Екатеринослав с каким-то «тов. Мининым, бывш. членом РВС, а теперь помощи. Команд. Войска Украины», в его распоряжение. И пишет еще, что это лишь этап для его поездки в Москву «или, не удивляйся, — *за границу*»… И этот из «орлиной» стаи!

15/28 мая. Был сегодня еще впервые в новой церкви Марфинской обители, учрежденной вел. кн. Елизаветой Федоровной. Был впервые, и пожалел, что не был там десятки раз. «Обитель», а вернее уголок благотворения и милосердия к страждущему и неимущему, устроенный на старинной замоскворецкой улице — Большой Ордынке, в садах и хоромах вымерших или разорившихся купцов-богатеев. Среди нескольких, солидно, но не стильно построенных каменных домов, содержащихся, как видится, и сейчас в большом порядке, между обширного двора, похожего на сад, и большого, как парк, сада, не так давно построена небольшая церковь в стиле древних псковских храмов, — туда-то я и пошел, не будучи еще уверен, что там есть службы. Думалось, что она как в некотором роде «придворная» закрыта или превращена в какой-нибудь клуб. Но, — слава в вышних Богу, — там все в таком порядке и в такой, подобающей Божьему дому обстановке, что невольно благодарно вспомнишь и храмосоздательницу и тех советских чиновников, которые сохранили в полной неприкосновенности художественную прелесть этого чудного храма и допустили сестер обители к хозяйствованию этой достопримечательности московской. Вероятно они, а также и причт храма те же, которые подобраны были и при самой Елизавете Федоровне. Один священник митрофорный, другой помоложе с магистерским крестом, — оба такие чинные, «тихоструйные», благоговейные, представительные; дьякон с протодьяконским орарем, молодой еще, но хорошо ведущий свое дело и басящий в такую меру, которая как раз подходит к общему строю придворно-монастырского чина. Хор состоит из 20 тонко подобранных женских голосов. Пели замечательно стройно и задушевно. Пели, вероятно, песнопения таких композиторов, которые черпали свое

вдохновение в древних русских напевах. И, в общем, незабываемый ансамбль: архитектура Покровского или Щусева, живопись Васнецова и Нестерова, а к этому алтарные и клиросные действия и звуки во вкусе «тишайших царей» или «благоверных цариц». Ах, как хорошо! Елизавета Федоровна оставила по себе памятник такой светлый, христиански-радостный и кроткий, такой обаятельный по красоте замысла и исполнения, который так и говорит, что эта женщина — подлинная христианка, красивая душой и разумом. Я думаю, что при устроении храма и врачебницы и вообще этой обители «Жен Мироносиц» — она потрудилась больше всех, внеся туда огромные средства, хозяйственность и изысканный вкус. И чем больше пройдет времени, тем более ее заслуга перед религией, страждущими и Москвой будет расти и вырастет в вечную ей добрую память!

В «Правде» сегодня напечатаны письмо Ю. Ларина и последняя речь Ленина (на всероссийской конференции РКП). Оба во всю мочь стараются оправдать свою, собственно, *измену* коммунистической программе, которую пришлось сделать, а иначе дело швах! Положение советского правительства, как у того купца, который накануне «несостоятельности» мечется, бедный, и туда и сюда: торговлю и расширит, и сократит, и займет, и приказчиков сменит, и обвешает, и побожится зря, и сделку сделает с кем-нибудь на ушко, и похвалится, и пожалуется, и кредиторов позовет, и с адвокатами пошепчется, и к Троице съездит, и запьет, и жену побьет, и остепенится, и дочь насильно выдаст за какого-нибудь богатого урода, а дело нейдет: покупатели разбегаются, приказчики воруют, долги растут, ростовщики звереют, и наш Пуд Пудович «скрывается» или садится к Иверской «в долговую», а в его лавочке уже сидит новый хозяин, который похитрее, посчастливее, да и побогаче. Ларин старается уверить своих товарищей «слева», что новый экономический курс не «отступление», а «выпрямление». Декреты о продналоге и товарообмене, а также о допущении товарной промышленности и кооперации, по словам Ларина, «возвратят к той программе, которая у нас господствовала в период октябрьской революции и почти весь первый год большевицкой власти», и только, дескать, «под влиянием различных причин были сделаны затем отступления, наполнившие собой 1919 и 1920 гг.» (Ведь как врет, каналья! Смотри, что он же писал в те годы.) «Полной, — говорит, — национализации *всякого* промышленного производства мы не провозглашали» (?!). Из страдательного произведения этого экономиста выясняется, что будто бы он «предписывал открыть лавки, которые самочинно

были захвачены местными властями», а затем: «Просто отказалась торговать, отказалась продолжать вести свои мелкопромышленные предприятия сама городская буржуазия. Законы остались, а лавки и мастерские пустели; владельцы не желали больше рисковать при большевиках своими средствами.» (Да они и впредь не будут «рисковать», дондеже министрами будут не «товарищи», а «граждане».) Дальше Ларин смело утверждает, что «в 1921 году, когда мещанство уверовало в прочность и крепость советской власти, теперь будут сколько угодно торговать и заводить мастерские — только разреши». (Черта с два! Будут торговать только на Сухаревке да на квартирах, без всякого, конечно, разрешения, получение которого накладывает на частную коммерцию лишь контроль да произвол Госвласти.) И вот еще что пишет Ларин: «По иронии судьбы, национализация всех предприятий более чем с пятью и десятью рабочими — предпринята была президиумом ВСНХ скорее всего по инерции, чем продуманно… Наше дело — национализировать лишь фабрики, заводы, горные промыслы, жел. дор., судоходство, — а не хватать монопольно каждую кустарную деревянную ложку, каждую лодку на реке, всякие цветочные магазины, лавки модных шляпок.» И вот «усвоив себе это, партия решительно вернулась (?!) к той программе, которая выставлена была октябрьской революцией и от которой произошло временное отступление, возникшее под влиянием войны и разорения, и затянувшееся под влиянием недостаточной зрелости в широких кругах понимания той мысли, которую т. Ленин выражает словами: «Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину.»

Ну да ладно: «выпрямляйтесь», а мы не отступим!

В речи Ленина есть такое откровение: «без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской». Или это недоступно моему пониманию, или это же самое, только малограмотно и неглубокомысленно, развивал и я когда-то, удивляясь, зачем Маркс заварил эту кашу, когда она безболезненно готовилась уже Эдисоном и коммерсантами английской складки. Конечно, дальше идет речь об электрификации. И вот, хватаясь за нее, Ленин и оправдывает перед своими товарищами слева восстановление мелкой промышленности.

А насчет взимания налога Ленин признает уже, что он

«добровольно не пройдет, без принуждения мы не обойдемся, взимание налога составит ряд стеснений для крестьянского хозяйства». И надо, значит, налог собрать побыстрее, чтобы «взыскатель налога недолго стоял над крестьянином…» Это — одна задача, а другая задача состоит в том, чтобы «в максимальных пределах свободу оборота для крестьянина осуществить, и поднятие мелкой промышленности тоже осуществить, и тому капитализму, который растет на почве мелкой собственности и мелкой торговли, некоторую свободу дать, и не бояться его, ибо он нам совершенно не страшен», И т. д., и т. д., а когда речь была кончена, хроникер отмечает коротко: «Аплодисменты». Почему же не «бурные», не «гром» их, и почему не было ни «восторженных оваций», ни «мощного пения интернационала»? Должно быть, не для одного Наполеона «меркнет» солнце.

17/30 мая. Вероятно, вследствие поворота экономической политики, председатель ВСНХ т. Рыков отставлен от этой должности и на его место назначен Богданов.

В «Коммунистическом труде» пишут, что ржаная мука на вольных рынках имеет такие цены: в Петроградской губ. 90.000 р., в Череповецкой 55.000 р., в Иваново-Вознесенской 100.000 р., в Тверской, Витебской, Смоленской, Гомельской, Белорусской губ. 50.000 р., в Тульской 85.000 р., в Брянской 40.000 р., в Поволжских губ. свыше 90.000 р., в Приуральских 50.000 р. Масло во всех губерниях от 9.000 до 17.000 р. за фунт, соль от 500 до 6.000 р. ф., мясо от 1.500 до 7.000 р. ф. В Вологде коса стоит 74.000 р., в Карельской коммуне аршин хлопчатобумажной ткани 30.000 р. В Петроградской губернии аршин шерстяной ткани 130.000 р., катушка ниток во Владимирской губ. 6.500 р., в Смоленской губ. топор стоит 36.000 р. В Воронежской пачка спичек 5.000, керосин от 1.500 до 3.000 р. и т. д.

Вчера после пятнадцатимесячного скитания по Украине (за «синей птицей», или попросту за дешевым харчем) братец мой с женой и младшим сыном возвратился к родным пенатам. Ну и слава Богу! Ничего он нам из «благословенной Украины» не привез, да и сам не потолстел на дешевых-то галушках. Видно, там только хорошо, где нас нет!

Привез, впрочем, письмо от Лели. От «орла», значит! Теперь он залетел в Харьков, в качестве секретаря «Помкомандвойскукр[1]по политчасти». Пишет, что я его подвел: написал ему в письме, что его сослуживец Бочков «хотя и партийный, но порядочный человек». Военная цензура извлекла эти строки и сообщила их Лелиному начальству. Что из этого

вышло бы, я не знаю (цензурная бумага, должно быть, не дошла до начальника и перехвачена им вовремя), но я должен напомнить и цензорам и своему сынку, что в литературе у нас есть и такое сравнение: «один там только и есть порядочный человек — прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». Однако корпорация прокуроров истории из-за этого не раздувала.

18/31 мая. Советские берендеи было стали погуливать по бульварам да по Сокольникам, — ибо день велик, дров нет, да и надобности в них большой теперь не видится (жарко — сегодня не на солнце и то 25°, — и варить нечего), но попечительное наше градоправление уже приняло надлежащие меры, чтобы нам не шляться без дела: сегодня напечатано постановление, в силу которого мы, граждане, должны с 2-го мая по 3-е июля очистить чердаки, подвалы, лестницы и «прочие места общего пользования», а также дворы и улицы «против владения». Мусор предписано нам собрать в кучи и рассортировать на четыре группы: а) гниющие отбросы, б) негниющие отбросы, в) строительный мусор, г) отбросы, могущие гореть. Подумайте, как все предусмотрено! Ну, есть ли что подобное в капиталистических странах? Извините уж меня, читатели, если за это время я мало напишу, — может, в сортировщики попаду, дело «сурьезное»!

В Норвегии будто бы всеобщая забастовка. Тоже, должно быть, хочется сортировку помоев у себя завести!!

21 мая/3 июня. Стоит немилосердная, удушающая жара. 25° в тени. Ежедневно публикуются разные «холерные» правила и предостережения. Видимо, она дает себя чувствовать и в Москве. Беспокойно пишут и о водопроводе: «машины и станции сильно истрепаны, а водопроводная сеть, давно не ремонтированная, дает громадную утечку». «Около половины воды, подаваемой водопроводом, утекает в землю», — пишет корреспондент «Правды». Кроме того, *до полутора тысяч домов* грозят полным разрушением от того, что подвалы этих домов залиты водой из домовых ответвлений водопровода и она размывает фундаменты.

Чичерин тоже все пишет. На этот раз Франции, Англии и Италии, что, мол, под защитой японских штыков владивостокские белогвардейцы внезапно захватили во Владивостоке власть и что такая же штука в Никольско-Уссурийске и других оккупированных японцами местностях. И все образовали отдельную Дальне-Восточную республику (демократическую), а Семенов занял Китайско-Восточную ж.д. Одним словом, Чичерин видит тут намерение Японии занять Сибирь и грозит сделать

отпор, предупреждая, что за новые кровопролития будет нравственно отвечать Антанта.

Каждый день стали писать о прибытии в Россию иностранных грузов. Пока что все больше *селедка.* По 10,7 тысяч бочек на каждом пароходе. А своя российская селедка где же? Вопрос и ответ можно найти в старой прибаутке: «Пресвятая Богородица, пошто рыба не ловится? — Либо невод худ, либо нет ее тут.»

28 мая/10 июня. После недавней сильнейшей грозы и проливного дождя стало прохладнее.

По сведениям Внешторга в Лондоне на 15 мая романовский рубль котировался в 74,5 рубля советскими денежными знаками. В Нью-Йорке 7-го мая 100 царских рублей котировались в 38 центов; 4 германские марки дают за 100 думских денег, за советскую сотню по 0,2 марки.

2/15 июня. В газетах напечатана телеграмма из Гельсингфорса, что капитан Иокинен заявил сотруднику «Свенска Тиднинген», что условия в советской России за последнее время несколько улучшились. Порядок, кажется, уже довольно сносный, но с едой дело обстоит еще плохо. Подумаешь, как лестный аттестат для советской жизни! (Почитать бы, однако, что пишут другие газеты об нас, «не свинские».)

3/16 июня. Идя на службу, наткнулся на «книжную торговлю». Весь магазин состоял из сотни разных книг, большей частью незначительного интереса. Но там была серия рассказов Амфитеатрова, под заглавием «Маски Мельпомены». Как неисправимый театрал, хотел купить, но оказалось не по карману — просили 3.500 р., а я давал только 1.000 р. Сборник без переплета; старая цена 2 р. Как-никак я теперь «миллионер»: у меня таких книг сотни экземпляров, не говоря уж о десятках и редких, и интересных, и роскошных. По соседству с этой просветительной торговлей примостился торговец лаптями. И тоже приценялся: пара стоит 5.500 р., а лапти, как сказал должно быть понимающий в них один покупатель, «на два дня только».

Был в бане, хотел по старой буржуазной замашке попросить банщика остричь мне на ногах ногти, но узнав, что это удовольствие стоит теперь 1.000 р., остриг их сам дома, придя из бани.

С Волги очень нехороши известия. Там уже определился неурожай, а потому цены на хлеб растут угрожающе. Черный хлеб в Нижнем 5.000р. ф., в Казани 6.000, в Симбирске 7.000, в Саратове 8.000. Картошка в Рязани 30.000 р. пуд, в Нижнем

60.000 р. мера. Так и говорят теперь: то Москва ездила за хлебом и картошкой на Волгу и Оку, а в этом году в Москву будут ездить за этим из тех мест. Из низовьев Волги уже поехали за хлебом… в Рыбинск. В тот самый Рыбинск, куда бывало стекались сотни миллионов пудов хлебных грузов и с Волги и с Камы!

Чудеса!

В Москве соль доходит до 7.000 р. ф. А мои иголки, кажется, дешевеют. Один сослуживец купил на рынке 50 шт. таких же иголок за 5.000 р., а я заплатил «первым рукам» 7.500 р. Эх, горе-спекулянт! (Или вернее старый дурак!)

4/17 июня. Погода всю весну неизменно «летняя».

Сегодня, по случаю открытия в Москве 3-го конгресса интернационала, занятий и торговли не производится. На Красной площади в честь съехавшихся разноплеменных коммунистов назначен парад красноармейцев, под предводительством самого стратига Троцкого. Я был на улице между 11 ч. 30 м. и 1 ч. 30 м. дня, но никакой особой «тяги» к Кремлю не заметил. Вероятно, там будут только те, которые обязаны там быть по своей партийности или по должности. С пустым брюхом москвичи очень равнодушны и к таким «всемирным» торжествам.

С неделю тому назад появилась в продаже ягода. Клубнику, говорят, продавали по 10.000 р. ф., а землянику продают по 1.500 р. за стакан. И все равно покупатели находятся!

Сейчас вижу из окна своей квартиры пару аэропланов, реющих в высоте над Красной площадью, и воздушный шар-колбасу, неподвижно стоящий над нею. Эти штуки заманят туда и «несметную толпу» (как будут писать завтра). Но отчего же так мало этих воздушных увеселений, где же прошлогодний их табун?

5/18 июня. Сегодня в канун Троицы вздумал пойти на всенощную в великолепный единоверческий храм у Салтыкова моста во имя Святой Троицы. Думал, там древлеправославное торжество, уставная служба, крюковое пение, собрание богомольцев старообрядческой складки: бородатых, истовых, с четками, в длинных камлотовых поддевках, как это я видел там каких-нибудь 7–8 лет тому назад. Но увы! Все это отошло в область предания. Священник и дьякон творили свое дело, как в наших епархиальных церквях. В их возгласах не было той своеобразной музыки, которою прельщали любителей и поборников старины протоиереи И. Г. Звездинский и Шлеев. Видно, эти новые не учились у них, и те унесли с собой свою

лепоту в могилу. А богомольцы совсем не типичны: о поддевках и помина нет и стоят они так же лениво и развязно, как мы в своих церквах. На клиросах очень много детских голосов, должно быть, из школы, состоящей при храме, и никого из старых певцов, таких голосистых и ловких на крюковое пение. Пели хоть немудреное, но нотное, ничего общего с демественным пением не имеющее. Что это? Влияние времени, распущенность причта, политика высшей церковной власти, самодурство членов приходского совета, или самоотречение единоверцев от своих старых заветов? Вероятно, последнее, и это не к чести их. Можно было ожидать от таких крепких духовно и телесно русских людей даже особого закала в наши дни, но тут сказалась лишь слабость. Впрочем, дело-то в стариках, а их-то уж что-то не видно: или повымерли, или разбежались, а их сынки и внуки, которых я видел там, такие же советские чиновники или сухаревцы, которые заходят в наши церкви, и больше в такие, где «фейерверки пускают».

Этих традициями звездинского и крюкового пения не проймешь. Я ушел оттуда перед шестопсалмием и поспешил в настоящую старообрядческую церковь (Успения, в Гавриковом переулке). Вознамерился проверить самых настоящих «раскольников» («Рогожского согласия»): может, и у них пропадает мало-помалу старая обрядность. Но, слава Тебе Господи! — там все «как встарь». И священнослужители, и канонархи, и певцы, и молящиеся (хотя «защитного цвета» бритых лиц, стриженных усов и коротеньких юбочек — больше, чем старостильных). Пение крюковое, стройное, умелое и прочувственное. Этих, должно быть, не скоро выбьешь из их колеи; они покрепче духом и телом, чем «никониане» и их (по-новому) «приспешники» единоверцы. Хвалю и благодарю их за такую надежную «охрану памятников старины». Дай Бог им здоровья!

Ягода подешевела: смородина 3.000 р. ф., клубника 5.000 р. Но, шалишь, брат, все равно ты нам не по карману.

Да! Забыл описать очень любопытные манипуляции, которые молящиеся старообрядцы проделывали сегодня перед прикладыванием к Евангелию. Прежде всего весь мужской пол выстроился среди церкви рядами попарно, и каждая пара одновременно, как один человек, делала перед аналоем два земных поклона, подкладывая под голову особую подушечку; потом, приложившись к Евангелию, делала еще один земной поклон ему, а следующий уже в сторону священника, стоявшего у Евангелия. Священник их не благословляет, как у нас, а только кланяется им в пояс. Проделавши это, молящиеся перекладывают свои подушечки подальше от аналоя, и один из них делает

земной поклон в левую сторону от аналоя, а другой в этот же самый момент — в правую. Это, должно быть, означает приветствие или поклонение самому народу, находящемуся в церкви. После мужчин пошли к Евангелию таким же порядком и женщины. Детишки тоже размещались соответственно своему полу, и мило было смотреть, как какая-нибудь кубышка-девочка лет трех проделывает все эти кувырколлегии, как и взрослая, — в паре со своею подругою, матерью или сестрой. А ведь некоторые были здесь во френчах, и все равно — делали эти «метания» неукоснительно. У этой церкви «пасомые», как видится, очень дисциплинированны, не так как у нас, грешных, где я слышал собственными ушами, как одна женщина послала кого-то «к черту» за то, что он толкнул ее.

6/19 июня. Идя в церковь, купил за 500 руб. крохотный пучочек васильков.

Придя из церкви, читал письмо от сына. Пишет об автомобильной катастрофе, случившейся с ним. Его спутник и начальник Минин разбил себе голову, а наш «Пожарский» отделался ушибом такой части тела, которую неудобно назвать. Видно, Бог еще терпит нашим грехам!

По обыкновению, у него все служебные перемены. Теперь он помощник Управделами Командующ. Украинск. делами.

11/24 июня. За последние дни в Москве перепадают хорошие дожди. А картошка дошла до 1.800 р. ф.

В «Правде» сегодня пишут: «Продовольственное положение городов в настоящее время очень плохо… Ряду промышленных центров грозит прямо гибель, т. к. рабочие разбегаются за отсутствием продовольствия.» «Нужно *протянуть* до нового урожая и собрать его…» («протянуть» — подчеркнуто мною, а сама «Правда» подчеркнула слова «собрать его»). «Правда, мы имеем возможность закупать кое-что за границей. Но на закупках с расчетом золотом нельзя строить основ хозяйства на сколько-нибудь долгий период. Золотой фонд ограничен и тает. Производство золота у нас сейчас в ультрапечальном состоянии. К тому же урожай будет в этом году крайне пестрым… в ряде мест (юго-восток) хлеб выжжен. То же на Сев. Кавказе и в части украинских губерний» и т. д. Там же о топливе: «Баку переживает агонию, в крепком организме Грозного заметно дрожание… Страна не справляется с продовольствованием 50-ти тысяч нефтяных рабочих… Государство своими заготовками не покроет потребность в дровах», а затем и «тому подобное» насчет прочих видов топлива.

При всем этом полгазеты о 3-м конгрессе Коминтерна. Там торжественные речи, приветствия, празднества (в Большом театре старались для сего и Шаляпин и Нежданова) и все прочее такое, что заканчивается всегда «мощным пением интернационала» и «бурными овациями вождям». И вожди все на местах, т. е. Троцкий, Ленин, Зиновьев, Бухарин, Каменев. А чего-чего не болтали перед этим: тот арестован, тот выслан, тот сбежал… Председательствует Зиновьев, заседает в большом Кремлевском дворце. Все как по маслу (и наверное с маслом, а нам только карточки Б, да и те ни бе, ни ме, ни кукареку! Могу без похвальбы констатировать хотя бы про себя: много дней живу только «впроголодь».).

14/27 июня. В «Правде» горькая правда сообщается: «На Поволжье надвинулось страшное несчастье. Засуха была такая, что в ряде губерний хлеба совершенно пропали. Голод охватывает около 25 млн. населения. Размеры бедствий превышают размеры голода в 1891 г. Голод схватил губернии Уфимскую, Царицынскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую, а также Сев. Кавказ. Из Саратовской губ. население бежит. Из Самарской губ. население бежит на восток, все губ. на колесах.»

Троцкий на Коминтерне выступил с докладом об экономическом положении всех стран. В общем, Троцкий хотел доказать при помощи статистических данных, что капитализм повсеместно разлагается и гибнет. Оппоненты после его доклада критиковали его осведомленность насчет «американских, английских, французских, германских и японских коммерций», подшучивая над ним, что ведь он «занимался больше мечом, чем статистикой», и вот Троцкий в «небольшой, но остроумной речи», как пишет «Правда», ответил оппонентам, что он и на войне занимался статистикой, т. е. учитывал «шашки, штаны и даже подштанники?.

В Конгрессе участвует 291 делегат с решающим голосом, 219 с совещательным и около 100 «гостей из 48 стран». Но: «Кушайте, Иван Парамонович, не наше дело!», а потому я вчера ходил на Рогожское кладбище, уже «по своему делу», посмотреть, как там. Все ли утрачено ох старой «закоснелой» веры или осталось кое-что? Нашел, что и там не то уже, но это скорее от всеобщих лишений, а не от духа времени. Ну, кто в силах идти в такую даль (за Рогожскую или Покровскую заставу) из центра города, из Замоскворечья, с Тверской, с Девичьего поля? А ведь раньше туда действительно стекались со всех концов Москвы на конках, трамваях, извозчиках, а многие и «на своих» лошадях. Ведь это

старообрядческий Кремль. Итак, богомольцев для такого громадного и благолепного храма — обидно мало, но кто был — любо на тех посмотреть. Такого чинного, благообразного и богомольного стояния нигде в наших церквах не увидишь. И меня приятно поразило, что там оказались старые знакомые: из Печерского, из Островского. Как они могли сохраниться в наше время во всей, так сказать, своей неприкосновенности! Вот, например, десяток-другой осанистых, седобородых, плотных стариков. Прямо рисуй с них Чапуриных да Русаковых. На мужчинах кафтаны длиннополые, на женщинах обязательные платочки. В числе последних те, что помоложе, однако, в коротеньких юбочках, с открытыми шеями. Ну да модницы у староверов и раньше бывали. Бог с ними! При всем этом они держали себя не как на Сухаревке, а как в Церкви.

Благодаря высокопристойному держанию себя молящихся и общему тону службы: неспешной, стройной и благочестивой, во все три часа обедни в храме царила какая-то величавая тишина; тишина, даже чувствовавшаяся в возгласах басистых Епископа и священника и в крюковом пении 10 мужчин и 10 женщин. (Первые на правом клиросе, вторые на левом, а «Приидите припадем», «Иже херувимы» и «Достойно» все среди церкви, на «сходе».) Служил Рязанский Епископ Александр в сослужении *одного только священника, который вместе с тем был и за дьякона.* Вот это мне показалось «бедным». Я даже спросил там, почему это так? Сказали, что теперь штат кладбища у них против прежних времен очень маленький: нет у церкви доходов, священнослужители разбежались по городским приходам, а тут не прокармливаются. Да и то сказать: где теперь Морозовы, Рябушинские, Бутиковы, Миловановы, Рахмановы, Балашевы, Солдатенковы? Не только их, а и приспешников-то ихних раз-два да и обчелся. А ведь ими и держалось Рогожское кладбище. Новые же «миллионеры», должно быть, не понимают, что Чудов монастырь, что Пашков дом (я так к примеру говорю, дескать, достопримечательность московская). Нет там ловких людей (или на это они не пойдут по своему канону), а следовало бы попросить даже государственной поддержки этому подлинному и интереснейшему памятнику старины. Между прочим, отмечаю замечательный звон. Не искусство звонаря (которому, конечно, далеко до Сретенского), а ансамбль звона. Самая группа колоколов, вес их и подобранная звучность дают такое впечатление, точно звонят в Кремле или в Троицкой Лавре. В Москве уж давно такого звона не слыхать. Даже в Храме Спасителя звон не такой величавый. В общем, паломничество оказалось довольно интересным, хотя и нелегким для меня: на

одну ходьбу туда и обратно ушло времени 3 с половиной часа. И все-таки опять вспомнил незабвенного Иоанна Григорьевича Звездинского. Не старообрядческий священник, а как он служил «старообрядно», так теперь не умеют и сами епископы старообрядческие. Это, стало быть, особое искусство. Да простит мне Господь кощунственное сравнение — так же удивлялись все покойному А. Д. Давыдову: «Сам армянин, а цыганские песни поет лучше цыган.» А какой храм замечательный: при всей его громадности что-то в нем уютное, «домовое». Может, такое впечатление от деревянного пола? При этом идеальная чистота: ни слоев пыли, ни копоти. Электричества, конечно, не заведено и, как встарь, горят лампады и «ослопныя» чудовищных размеров восковые свечи. У правой стороны, в огромном киоте большая и редкостная коллекция древнейших икон, принесенная храму в дар знаменитой старообрядкой Рахмановой.

16/29 июня. Все ждали мы на службе, что нам выдадут продовольственные карточки лит. А, но выдали только лит. Б. Первый же литер дали только лицам, занимающимся «физическим трудом», а также курьерам, машинисткам и, почему-то, «техникам». Один мой приятель «техник», Вениамин Николаевич Михайловский, утешил меня тем, что на его карточке (лит. А) ничего поэтического нет, а на моей есть: на обороте ее оказались такие стихи:

Пролетариат
Стихия — я, я — смерч, я — ураган,
Я созидаю, я разрушу…
Я успокою боль жестоких ран,
Воспламеню робеющие души.

Войду в жилища их, возьму и города,
Их мыслями, их снами завладею.
Огонь создам я из кристаллов льда,
Их мертвые сердца я пламенем согрею.

Их храмы красоты с забытыми богами,
Светильники с угаснувшим огнем
Я озарю нетленными мечтами
И новый свет зажгу над новым алтарем.

Что это означает — никто не знает. Вообще какая-то неумная выдумка. Видать только, что сочинитель этих стихов не нашего поля ягода и сытый, должно быть. (Сам-то, поди, лит. А получил за свой «нефизический» труд.)

Вчера, дай Бог ему здоровья, сынок немного утешил: прислал из Харькова 9 арш. сукна, ботинки и 40 сигар. Так и пишет: «Если есть нечего — продайте, а нет, то носите себе на здоровье.»

Привезший посылку молодой человек порассказал нам, что в Харькове теперь хуже, чем в Москве: «Хлеб 5.000 р. ф., картошка 2.000 р. ф» Неужто сбывается или сбудется мое речение, что когда в провинции будет хуже, тогда в Москве будет лучше?! Впрочем, не то и не так: было время, когда хуже Москвы нигде не жили, а теперь есть места, перещеголявшие дороговизной саму Москву.

19 июня /3 июля. Каждый день к вечеру выпадают обильные дожди.

Прошлая неделя у меня была «доходная»: получил из Полевого штаба за зимние послуги еще пол сажени дров, затем из

Цектрана премиального вознаграждения (с 1-го января по 1-е июня) мануфактурой 16 аршин (ситец) и деньгами 264.600 р. Вот ведь какая суммища! По прежнему значению денег я попал бы в разряд богачей и, вероятно, купил бы в свою собственность домик, именьице, и дал бы дочери крупное приданое. А теперь это на пуд серой муки. Затем получили от Лели 7 ф. риса, 30 ф. белой муки, 7 кор. консервов, 1 ф. турецкого табаку и 1 сотню папирос. Это то, что называется «не баран начихал».

Был сегодня опять за патриаршей службой. Патриарх становится все популярнее. У него руки отнимаются от тех бесчисленных благословений, которые он должен давать народу по окончании обедни. Я люблю эту процедуру. Она продолжается больше часа времени и проходит как-то незаметно. Церковь тогда небезгласна. Кто-нибудь начнет петь «Воскресение Христово видевше», все подхватывают, и получается мощный хор из тысяч или сотен, ожидающих своей очереди для получения патриаршего благословения. Переберут весь «репертуар» знакомых всем песнопений: «Верую», «Отче наш», «Заступнице усердная», «Правило веры», «Не имамы иныя надежды», «Милосердия двери», «Достойно», «Царю небесный», «Взбранной Воеводе» и т. п. И с каждой песнью дело идет дружнее, велегласнее; заметно всеобщее воодушевление и умиление, а у Патриарха такая милая, тихая, неясно очерченная улыбка, как будто хочет сказать: «Ну, что вы, други мои, теплеете ко мне? Ведь я такой же, как и вы, — мне вас всех жалко, но я не чудотворец.»

Слово говорил протопресвитер Любимов. Теперь я разобрался, что он, епископы Трифон и Илларион, да пожалуй еще протоиерей Страхов — самые лучшие, искренние, серьезные, красноречивые и благопристойные духовные ораторы. Все же другие, отмечавшиеся на этих страницах (Смарагд, Варфоломей, Хотовицкий, Боголюбский, Антонин и др.), только «искусники» (чтобы не назвать их актерами) и говорят много ненужного.

19 июня/4 июля. Ленин на 3-м конгрессе интернационала выступил с речью на французском языке. Не одобрял политики итальянской соц-кой партии. Это, говорил он, «не подготовка революции, а ее дезорганизация». Следствием этой речи конгресс даже постановил итальянскую соц-кую партию исключить из коминтерна.

На конгрессе, кажется, более всех говорит Клара Цеткин. Она-то и подвела итальянцев.

На 3-м губернском съезде советов (Господи, Боже мой! Сколько этих съездов, сколько болтовни, сколько безумных трат на устройство их, и как мало толку от всего этого!), на этом

съезде Каменев (Л.Б.) поведал, между прочим, что в довоенное время на территории РСФСР производилось 4,5 млрд. пудов хлеба, а в 1920 г. только 2 млрд. и 400 млн. «Такое падение сбора зерна в России объясняется сокращением засевной площади; она с 1916 г. по 1920 г. уменьшилась на 25 %». (Это в ту пору, когда крестьяне стали хозяевами всех земель русских!!!)

Все кассы и карманы сразу наводнились новыми бумажными «деньгами». /…/ Оборотная сторона без текста и рисунка. Лишь какой-то бледно-розовый крап, вероятно готовившийся для дешевых карт. Бумага самая простая, чуть поплотнее вот этой, на которой пишу сейчас. Мог бы срисовать и шрифт и герб в точности. Раздают из касс неразрезанным листом но 20 штук, т. е. 20.000 р. Некоторые остряки сравнивают эти новые деньги с квасными этикетками. Но я с этим не согласен, — там конкуренция создала для глаз приятные картинки, а тут что красивого?

Однако и эти деньги «победоносно» терпятся нами. Говорят, что их ничего не стоит подделать, и тут же добавляют, что поддельные-то выйдут лучше, так что и они займут на рынке равное с казенным положение. А так как на «знаках» нет предупреждения, что за подделку их будут карать, то тем самым не приглашаемся ли мы пособить изнемогшему в непосильной работе Наркомфину — печатать эти деньги самим у себя дома?

23 июня/6 июля. Вчера был за всенощной в Сретенском монастыре, но случаю сегодняшнего праздника Сретения иконы Владимирской Божьей Матери. После 438 лет пребывания ее в Успенском соборе «власть имущие» сняли с нее драгоценную ризу, ценившуюся еще 40 лет тому назад в 200.000 р. (см. «Описание Москвы», изданное в 1882 г.), а саму икону поместили в какой-то музей как образец древнего художества. Кто-то выхлопотал взять ее на праздник в Сретенский монастырь, откуда, вероятно сегодня же, ее перенесли опять в музей. Но дело не в этом, а в том, что риза скрывала шедевр иконописи. По преданию, она писана Евангелистом Лукой «на доске из стола, на котором трапезовал Иисус Христос со Своею Матерью и Иосифом». Пускай это легенда, пускай ее написал не Евангелист, а просто какой-то «иконописец Лука», но все равно икона поразительной красоты! История говорит, что она привезена из Царьграда в Киев в 1155 г., а в 1514 г. *поновлена.* Что значит поновлена? Может быть, в 1514 г. она создана заново? И если мы даже этот год примем начальным для иконы, то и тогда поражаешься необыкновенной свежестью и красотой ее. Прямо не оторвешь глаз от этой иконы: точно ее написали 5-10 лет тому

назад. Мне почему-то казалось, в то время, когда она находилась в Успенском соборе, что мы припадаем и лобызаем только ризу, а изображения самой Богородицы и Ее пресвятого Младенца на доске давным-давно уж нет. Краски стерлись за давностью лет и лики не лики, а так — какое-то темное пятно на доске. Да и могло так казаться, потому что святая и «чудотворная» икона стояла в глубине особого футляра, окованного золотыми или позолоченными листами. Но вот теперь, по милости наших большевиков, ничто и никто не мешают подойти к ней близко-близко и видеть уже не пятно, а сияние необыкновенного искусства. Если думать, что никаких чудес-то и не бывало от иконы, что она вовсе не «чудотворна», то надо всякому видевшему ее все-таки честно сказать, что икона-то необыкновенная, что она «чудосотворенная», что писал ее гениальный художник! Богородица изображена поистине божественно! Я сущую правду написал, что от нее не оторвешь глаз. Сколько материнской любви вложено в грустные глаза Богоматери, и не только любви, а и страха за своего божественного Ребенка. Как будто эти дивные, живые Очи говорят и тревожно вопрошают всех глядящих на Нее и Ребенка: «А вы не обидите Его, не возьмете Его от меня?» Увы! Мы действительно обидели и Его и Ее. Но в Ней столько кроткого и бессильного, что Она лишь опечалилась от человеческого изуверства да загрустила, и грусть эта так и запечатлелась безысходно в Ее взоре на веки вечные! Все это не фантазия моя, а воистину фотография с натуры. Идите и смотрите на эту дивную картину и падите перед ней на колени, — она святая, она чудосотворенная!

25 июня/9 июля. Мало стало красных дней: дожди ежедневные, а сегодня с ветром и холодком. Гроз даже нет.

Чичерин настрочил Румынии новую ноту: жалуется, что близ Бендер румынские военные части открыли частый огонь по российским и украинским войскам, расположенным на другой стороне Днестра.

Ленин опять выступал на конгрессе Коминтерна. Пришлось ему сознаться на этот раз, что «натуральный налог означает, конечно, свободу торговли, а свобода торговли — свободу капитализма», но это (утешает он) «уже новая форма капитализма — государственный капитализм».

Один «интернациональщик» Закс высказал опасение, что международные договоры советской России, усиливая европейский капитализм, тем самым замедляют темп коммунистического развития, а Радек указал, что для «устранения этой опасности есть только одно средство —

ускоренная мировая революция». (Подзуживает!) А Коллонтай спрашивает: «Не есть ли перемена политики возврат к старой капиталистической системе?», и затем советует «вызвать инициативу масс и не надеяться на внешние силы». (Сколько раз уже «вызывали», а что толку?!) Выступали тут и Троцкий и Бухарин. В их речах трогательная солидарность с Ильичом (а давно ли?).

В Константинополе по распоряжению английских военных властей арестовали российскую торговую миссию в числе 12 чел., причем будто бы разгромили их помещение, забрали ключи от сейфа и кассы, а затем повезли их в море и в 30 милях от Ялты отпустили. Нет дыма без огня, — вероятно, «наши» коммивояжеры вздумали поагитировать, ан и не прошел этот номер!

28 июня/12 июля. В «Известиях» за 10 число напечатано, что Патриарх Тихон обратился к Архиепископам Американской и Английской Церквей с письменной просьбой помочь нуждающемуся населению России хлебом и медикаментами. Известие это сопровождается редакционной иронией, эдак свысока: «Давно пора!» Что давно пора: Патриарху просить Христа ради у иноверцев на хлеб православным христианам? Представим себе, что английские иерархи устроят по своим храмам тарелочные сборы в пользу голодающих России. Эта лепта будет сбираться между верующими в Бога, но верующим-то в Бога едва ли попадет. Первое дело: у нас не имеют права на хлеб «служители культа», т. е. тот же Патриарх и всякие другие священно- и церковнослужители, ибо они по советской квалификации не принадлежат к числу «трудящихся», а нетрудящийся, как известно, у нас да не ест. Патриарх, конечно, и не преследует таких узких целей, чтобы пожертвовали только церковникам. Им, вероятно, руководило желание пособить голодающему *человеку,* кем бы он ни был, и если бы хлеб и медикаменты были присланы *в его* распоряжение, то он рад бы был раздать их наиболее нуждающимся, не требуя от них никаких «анкет». Без сомнения, заморские христиане пошлют хлеба и лекарств русским христианам, но распоряжаться ими здесь будет не глава нашей Церкви, а глава какого-нибудь Наркомпрода или Внешторга, которым по регламенту расстриги Галкина верить в Бога «строго воспрещается».

Этому известию предшествовали россказни, что к Патриарху явилась какая-то депутация во главе с Горьким и сказала, что их дело отчаянное, выручай, дескать, товарищ Патриарх, а тот ответил, что он готов бы просить братской помощи у

Англиканской Церкви, но не уверен, что его просьба дойдет по назначению. Тогда будто бы депутаты взяли доставку писем на себя, и даже сам Горький остался у Патриарха на всю ночь и составлял с ним эти письма. Все-таки думается, что Патриарха *заставили* что-то сделать, пускай даже заставили сделать хорошее, но вот это «заставление-то», да еще с укором заднего числа: «давно пора», не показывает ли напыщенность, ложь, бахвальство и запутанность наших правителей и того же Горького! на более молодые страницы этой тетради, и там я нашел бы столько обличающего большевиков в их вранье, что с полным основанием смог бы сказать от имени Патриарха, что давно пора и большевикам знать, что без Бога не до порога!

Но я не могу располагать во всякую минуту этим драгоценным справочным материалом, ибо приходится написанные листки прятать: не ровен час, какое-нибудь расследование моей конуры, ну и прощай мои многолетние труды! Попадут они в чекушку и будут там искать в них какого-нибудь заговора против существующей власти. Мои записки не интересно теперь ни для меня самого и ни для кого другого, но если они вылежатся десятка 2–3 лет, то, может быть, и пригодятся какому-нибудь грамотному человеку как материал для истории последних тяжколетий.

Ну вот и договорился до своего затаенного желания, чтобы когда-нибудь этот дневник был прочитан любителем «старины» (я сам такой, и сейчас читаю с удовольствием только о том, что давно прошло). Как Н. И. Пирогов, предваривший свои вопросы жизни таким признанием: «Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой».

В Баварию приехал было лечиться наш Наркомфин Крестинский, но его там обыскали, арестовали и потом отправили «долечиваться» опять в Совдепию. По поводу этого, конечно, Чичерин не преминул послать Германскому правительству обидчивую ноту.

Купил себе за 1.000 р. сочинения Иванцева-Платонова «О западных вероисповеданиях», а на обложке напечатано «цена 70 коп.».

Шел сегодня по Мясницкой и слышу: «Извозчик, на Саратовский вокзал!» — «Давай сороковку!» (т. е. 40.000) — «Пятиалтынный!» (т. е. 15.000) — «Пройдись пешочком!»

А хочется заглянуть и мне в «старые страницы», чтобы хоть сосчитать, сколько лет я не ездил на извозчиках.

Молоко стали продавать по 2.000 р. за кр. Фунтик ладана стоит теперь 100.000 р. «А какой это ладан — росный что ли?» —

спрашивает покупатель. «А черт его знает, какой он!» — отвечает продавец. А еще говорят, что черт ладана боится; видимо, и он в ладу с ним, когда и на таком божественном товаре люди наживаются.

В силу новой экономической политики, каждый день печатаются разные декреты, открывающие частным предпринимателям пути к старым наживам: предлагают в аренду фабрики, заводы, разрешают кустарные производства и всякие небольшие хозяйства, но не слышно что-то, чтобы кто-нибудь охотился взять в руки свое бывшее предприятие. И только маленькие лавочки растут по Москве как грибы, в особенности по гастрономической и по зеленной части. Пройдешь по улице и невольно остановишься: видишь «давно забытые мечты и прелесть прежних далей», балык, семгу, икру, ветчину, лимоны, ягоды, орехи, сласти, но наряду с этими прелестями вывесочки «новых дней», гласящие, что балык стоит 35.000 р. ф., малина 3.500 р. ф., орехи 10.000 р. ф., молодой картофель 1.600 р., рис 10.000 р. ф и т. д. Ну и плюнешь на эту прелесть, поспешишь домой, где тебя ждет старая картошка да каравай черного хлеба.

На бульварах тоже разные буржуазные удовольствия заводятся. Кофейни и разные молочные пооткрывались. Говорят, что сдают их в аренду по миллионным ценам и предпринимателей сколько угодно. На Тверском бульваре, говорят, кофейня торгует в день на десятки миллионов. Одним словом, идет во всем вакханалия. Великое, смешное ужасное не в одном шаге друг от друга, а «всмятке» между собой. И мы живем изнемогая и не хотя даже жить так дальше! Но желая только пожить из одного любопытства: когда это все кончится и как?

Сегодняшний денек начался для меня неприятным сюрпризом: я не мог выйти из дома, не по нездоровью и не потому, что меня кто-нибудь задержал дома, — просто у меня не оказалось ключа, чтобы запереть квартиру до своего возвращения со службы, — его по рассеянности увез с собой наш квартирант, который, мы знали, уехал куда-то в дачное место и возвратится только к ночи. Поспорив с женой, кому нужнее выйти из дома, остался я стражем своих пожитков и не знал, как провести день в полном бездействии. Так шло до 3-х часов дня, но тут пожалуйте развлечение: как раз напротив нашего дома загорелся деревянный двухэтажный оштукатуренный дом, и не прошло 2–3 часа, как от него остались только одни жалкие остатки. Правда, зрелище было эффектное, но не дай Бог таких «развлечений». Все думалось, сколько несчастья принес этот пожар обитателям этого злополучного дома. А как, поразмыслил я, если бы ключ остался в квартире и я, уходя из нее последним, оставил бы ее с открытыми

окнами и чего доброго в эти окна стали бы влетать к нам искры с пожарища (ветер был как раз на нашу сторону)? — мог бы возникнуть пожар и в нашей запертой квартире. Стало быть, что же? Тут перст Божий, или «не бывать бы счастью, да несчастье помогло». Щедр и многомилостив ко мне Господь! Да поможет Он своими милостями и погорельцам!

5/18 июля. Вчера купил в церкви Трифона Мученика 8 выпусков деяний и определений Священного Собора Российской Церкви, происходившего в 1917 и 1918 годах. Очень интересный материал для истории Церкви и революции. Жаль, что не все выпуски уцелели, а может быть и не напечатаны. (Их должно бы быть более 15.)

Только и отдохнешь душой, читая такие, по нынешнему времени «вредные», вещи, а в газетах, в особенности в последнее время, брань, плачь и стон, либо вранье. Вот, например, в «Известиях» за 15 число что пишут: «Россию постиг ужасный неурожай. В стране царит голод. С разных сторон доносят, что доведенные до отчаяния крестьяне преждевременно косят недозревший хлеб, едят вредные суррогаты, бегут от голодной смерти куда глаза глядят, гибнут от холеры, тифа. Параллельно с недовольством среди крестьян растет и недовольство среди рабочих, которые и прежде голодали, даже когда в деревне был хлеб. Отсюда падение производительности, остановка промышленных заведений, плохая работа, срыв всех хозяйственных планов, ухудшение внутреннего состояния. Даже в коммунистической партии, этой отборной гвардии рабочего класса, на периферии кое-где замечается упадок духа» и т. д.

А в это время делегаты 3-го съезда Коминтерна «в золоченых залах бывшей царской резиденции» кричат ура! — и до раннего утра распевают бодрыми разноплеменными голосами интернациональные песни, зовущие пролетариат всего мира на решительный бой с буржуазией.

Впрочем, это ликование, этот пир в сердце России во время «ужасного голода» состоялись 12 июля, в день закрытия конгресса.

Немцы Поволжья вспашку под озимые не производят и эмигрируют («стихийно», как говорится в корреспонденции). Ото всех губерний печатаются данные о ходе холеры. Она везде приняла значительные размеры.

За июнь месяц во всех районах республики угля добыто из предполагаемого по программе только 50 %.

Наряду со всем этим утешительно преподносится читателю, что тов. Анна Смирных изобрела способ плетения приводных

ремней из простой пеньки, за что и награждена мануфактурой на платье, одной парой кожаных туфель, одним вязаным шерстяным платком, и занесена на красную доску. Пишут и не краснеют!

Сказывал мне некий кутила… что бутылка квасу в бульварных кофейнях стоит 3.000 р., но это меня не так удивило. /… / Папиросы тоже дошли до безобразных цен: дешевле 1.300 р. за десяток не найдешь.

От 15 июля введен новый пассажирский тариф, который взвинтит все «вольные» цены на так сказать недосягаемую высоту. Молоко уже взвинтилось до 3.500 р. кр. Еще бы не подняться ценам! По новому тарифу пожалуйте 300 р. за версту, таким образом приехать в Москву из каких-нибудь Мытищ (20 верст) и обратно молочнице стоит 12.000 р. Вот она на те 50–60 кружек, которые привезет с собой за эти 12.000, и наложит на потребителей от 75 до 100 р. Так же будет и с другими продуктами, о чем соберу «сведения» и «увековечу» их для назидания потомству. Пускай оно дивится нашему гениальному «строительству»!

9/22 июля. Учрежден «Всероссийский комитет помощи голодающим». Вчера в Белом зале московского совета было его «предварительное» заседание. Присутствовали с одной стороны Каменев, Красин, Луначарский, Емшанов, Смидович, а с другой — Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович, М. М. Щепкин, Н. Н. Кутлер, Е. Д. Кускова, М. В. Сабашников, В. Н. Фигнер, А. К. Дживелегов, Ф. А. Головин, А. И. Южин-Сумбатов, А. И. Угримов, А. Г. Дояренко, В. Ф. Булгаков и др. Общественные деятели болыиевицкого да кадетского лагеря. Были и писатели М. Горький и Борис Зайцев (не знаю, куда этих втиснуть). Кишкин и Прокопович тряхнули стариной, выступили с «декларациями», из коих видно, что господа кадеты будут играть в голодном деле ту же роль, которую уже Играли Брусилов и Поливанов во время войны с Польшей. Кишкин сказал, что это дело «не политическое и не просто благотворительное. Помощь пострадавшим от неурожая братьям нашим — дело государственно и общественно обязательное… И оно должно быть поставлено под Мирный знак Красного Креста».

Из слов Прокоповича видно, что продналог должен бы дать 240 миллионов пуд. хлеба., но из них 60 млн. приходится на голодающие губернии, а 180-ю млн. нужды всей страны не покроешь. На товарообмен большой надежды у них нет, так что правительство средствами России с бедствием не справится, и нужна помощь из-за границы, но «при создавшейся остроте отношений прямое обращение правительства едва ли будет

признано удобным, значит, обращение должно исходить от русского общества».

Каменев (Л.Б.) обещал комитету от правительства «поддержку на каждом шаге» и предоставил комитету «самостоятельно распоряжаться всеми фондами и продуктами, которые будут к нему поступать, а также и заграничными ресурсами». В конце заседания Каменев выразил надежду, что нуждающееся население «вскоре почувствует результат соединенных усилий Рабоче-Крестьянской власти и Всероссийского комитета помощи голодающим».

Давай Бог! Но отчего же в комитете нет представителей церквей (ни русской, ни иноверческих)? Правду, стало быть, передавали из уст в уста, что Патриарху ответили из-за границы, что могут прислать в *его распоряжение* 80 млн. пуд. хлеба, и когда это обстоятельство вынуждало дать ему соответственные права, тогда ВЧК предупредило «Кремль», что она разгонит любое учреждение, возглавляемое Патриархом, и «Кремль» не посмел пикнуть против такого властного предупреждения. А Каменев тут упоминает о какой-то «Рабоче-Крестьянской» власти. Вон она, власть-то где! Не в Кремле и не на Тверской, а на Лубянке!

10/23 июля. Сегодня обнародовано ВЦИК положение о «Всероссийском комитете помощи голодающим». Всех членов 63. В числе их еще надо отметить двоих: К. С. Станиславского и А. Л. Толстую. Председатель и его заместитель не избираются, а назначаются, и уже назначены: первым Л. Б. Каменев, вторым А. И. Рыков. В положении есть такая статья: «Деятельность комитета не подлежит ревизии рабоче-крестьянской инспекцией», и насчет ВЧК ничего не сказано, но без сомнения — это высокое учреждение будет очень зорко поглядывать за «аполитичным» комитетом. И к чему это Кишкин, Южин, Кутлер, Щепкин, Сабашников, Головин, Толстая и Станиславский влезли в этот комитет? Не для того ли только, чтобы самим подкормиться? Накормить голодающих они совершенно бессильны. Скажут много хороших слов, избавятся лично от всяких повинностей, уплотнений, выселений, реквизиций; устроят кружечные сборы, концерты и спектакли «в пользу голодающих», соберут миллиарды советских бумажек, но хлеба-то, хлеба-то где найдут? Сытый голодного не разумеет, а голодный голодного не накормит. Впрочем, не надо забегать вперед. Нет пророков в своем отечестве.

18/31 июля. Погода улучшилась. Дожди реже. Очень тепло, но не жарко.

† Компания русских и заграничных коммунистов: Артем (Сергеев), члены конгресса Коминтерна Отто Струпаат, Гельбрик, Хьюлет, Константинов, Фриман и изобретатель Аббаковский ехали по Курской дороге в новоизобретенном Аббаковским аэромотовагоне со скоростью 150 верст в час и около Серпухова погибли вместе с вагоном, который, собственно, не ехал, а «летел», едва касаясь рельсов. Кроме них несколько товарищей более или менее тяжело ранено. Похороны состоялись на Красной площади.

Член Центр, комиссии пом. гол. сообщил, *что* в Самаре ежедневно заболевает холерой 400 чел.

Неурожай скажется нехваткой для России 120 млн. пуд. хлеба.

Выпущен декрет о введении промыслового налога на ненационализированные торговые и промышленные предприятия. Он состоит из патентного и уравнительного сборов. Патентный взимается за полгода вперед, уравнительный ежемесячно. Патент для ручной торговли 60.000 р. (за полгода), на маленькую лавочку 180.000 р., на все прочие (больших размеров) 600.000 р. Патенты на промышленные предприятия с числом рабочих не более трех — 48.000 р., от 3 до 6 — 96.000 р., и т. д., повысились для 75 раб. и свыше — до 1.800.000 р.

Стеклов проповедует в своих «Известиях», что заграничная буржуазия только лицемерно огорчается нашим голодным бедствиям, но по делам ее видит, что она хочет использовать нашу беду для «еще более сильного удушения русских трудящихся масс».

Печатаются отчеты заседаний Центральной комиссии ВЦИК пом. гол. Перечисляют присутствующих членов коммунистов, а о Кишкине и К° ни «полслова».

Вслед за словесными «шептосообщениями» стали помещаться выдержки из заграничных газет, что международные правительственные комиссии признали, что «порядок в России может установить и гарантировать лишь интервенция Европы».

В газетах обличительный шум насчет воровства в театральном ведомстве. Постановка какой-то «Мистерии Буфф», прошедшей 2–3 раза для членов 3-го интернационального конгресса, обошлась *свыше полмиллиарда.*

Начались спектакли и… в пользу голодающих. Сборы по миллиону рублей и больше, а расходы, вероятно, превышают доход. Какие же «голодающие» кормятся от этих спектаклей?!

19 июля/1 августа. С сегодняшнего дня начинается *восьмой год* российских непрерывных и величайших бедствий. Дошлые

люди всю Библию перерыли, чтобы хоть там узнать, когда же конец нашему злополучию? По Иоанну Богослову выходило — в мае месяце (см. «Откровение», глава 13), а по Даниилу Пророку — в июне или в июле (см. «Пророчества», гл. 12, ст. 11), но… и сейчас хозяином Кремля Ленин. Иван Великий давным-давно онемел и, как это ни дико, может позвонить только тогда, когда этим вздумается «позабавиться» Ленину. Грешный человек, я думаю даже, что о конце-то наших «злополучий» Ленину лучше известно, чем Иоанну Богослову или Даниилу Пророку. Да разве он скажет нам об этом! Скорее услышим кремлевский звон, чем его признание о своем заблуждении, исторически величайшем, чудовищном и непоправимом в десятки лет. Орел! Орел! Орел! а Илиодор пророк его.

Семь лет человеческого кровопролития, вранья, воровства, разврата, самоистязания, разорения, изуверства, или вообще забвения и сокрушения божеских и человеческих законов! И конца-краю не видно этой тьме египетской, душу гнетущей и тело изнуряющей.

Буди милостив, Боже, нам, грешным!

23 июля/ 5 августа. Молоко 2.750 р. кружка, сахар 34.000 р. фунт.

В Ильин день традиционный крестный ход не был разрешен, как объявлено об этом у церкви Ильи Пророка на Воронцовом поле — «светской властью». Не «светская» она, а беспросветная! Тою же, должно быть, властью не разрешено и служение в церкви приюта слепых детей на 1-й Мещанской в день престольного праздника Марии Магдалины (22 июля). Впрочем, все дело в ловкости. Вот например на Миусской площади давным-давно воздвигнуто великолепное, грандиозное здание для храма в память освобождения крестьян. Но оно внутри совсем не отделано, и было как бы заброшено даже в царские времена. Кому-то и почему-то не хотелось довести это дело до конца. Идея возникновения этого храма «В память освобождения» очевидно была неприемлема. Деньги, собранные на храм, «временно» употреблялись то на помощь голодающим, то на помощь раненым, — годы шли. Громадный храм не имел куполов и через зияние их наводнялся дождями, снегами и птицами. Так шло до прошлого года. Но вот явился там деятельный священник, стал хлопотать и добился отпуска каких-то средств на устройство куполов и временного алтаря в одной третьей части храма. Алтарь перенесен из разоренной «светской» властью церкви какого-то училища и 12 июля 1920 г. освящен! Вчера я был там за всенощной, которую служил сам Патриарх. Народу хватило бы на

все три трети храма, но две из них огорожены от освященной части перегородкой, а потому собравшихся богомольцев больше было перед храмом, чем в храме. Величайшим преступлением православного народа назовется тот возможный факт, если такой удивительный в архитектурном отношении храм так и застынет в своем настоящем недоделанном и совсем неотделанном виде. «Светская» власть посмотрит-посмотрит на равнодушие «верующих» к этому храму (в сущности продолжающееся десятки лет) и сделает его «храмом» другого значения: науки или искусства. Надо правду сказать, что приспособить его к таким метаморфозам очень легко. И если бы не этот «ловкий», как я выше сказал, батюшка, то это так бы и случилось, но теперь есть надежда, после вчерашнего приезда туда Патриарха, что «православный люд» сроднится с новым храмом и будет отстаивать его всеми средствами. Дай Бог!

Кстати по «духовным делам»: не так давно Епископ Трифон *справлял* 20-летие своего архиерейства, и на этом торжестве я видел Саблера. Жив курилка!

В Москву прибыла английская торговая делегация, и еще польская дипломатическая миссия во главе с посланником Филипповичем.

Пассажирский и грузовой тариф, промысловый налог, открытие в банках текущих счетов «на неограниченные суммы», щедрая раздача лавок и заводов «в аренду», — все эти факторы капиталистических потуг коммунистической власти. К ним сегодня прибавилось еще два. Объявлены декреты о взимании платы за почту и телеграф, а также за пользование телефонами. По моим, например, заработкам выходит, что ни писать, ни по телефону говорить мне уже отныне не придется, как не пришлось покушать в этом году ягодок, и яблочков (опричь чьих-либо «угощений», конечно, редких). Городское письмо до 4 лотов — 100 р., свыше — за каждые 4 лота по 100 р., иногороднее за каждые 15 грамм 250 р. Заказное отправление удорожает эту таксу для каждого письма на 1.000 р. Телеграммы городские — 100 р. за слово, иногородние — 500 р., срочные — 3.000 р. За пользование телефоном для частной квартиры 350.000 р. За установку вновь аппаратов 500.000 р. За переноску из одного здания в другое 350.000 р. Еще два-три таких декретика, ну и крышка нашему брату. «Победоносно» лопнем или задохнемся.

25 июля/7 августа. Комитет помощи голодающим собрал уже деньгами свыше 10 млн. Но что теперь эти миллионы!! Мне говорили, что староста Трубного рынка (этот «староста» вроде какого-то бывшего «торгового депутата») в чем-то «попался», его

арестовали, причем сделали, конечно, обыск и нашли у него *девяносто* миллионов. (Куда они попадут?)

Но перейду опять к «мелочам архиерейской жизни». Вчера за всенощной на Патриаршем Троицком подворье впервые видел монашеский постриг (протоиерея Добронравова в «священноинока Николая»). Обряд довольно тягостный, близкий к погребальному, и вот, в тот час, когда он совершается, сквозь открытое окно церкви довольно явственно слышалась красноармейская песня, исполняющаяся во флигеле подворья. Не знаю, кого винить в такой какофонии: монахов-псалмопевцев или товарищей-исполнителей кощунственных частушек Демьяна Бедного. Ведь стоило бы одной какой-нибудь стороне закрыть свое окно, и не было бы такого жуткого соблазна.

Сегодня раскатился было в Покровский монастырь через «святые ворота», а они оказались закрытыми. Ближайшая к ним половина кладбища и монастырских зданий превращена в «лагерь» для принудительных работ. Все-таки нашел вход в собор и на прилегающее к нему кладбище, но после долгих поисков, где-то через частное владение, с Семеновской улицы, в заброшенную башенную калитку, которую не скоро найдешь. Между тем в храме, слава Богу, оказалось почти полно. Ходят туда слушать иеромонаха Вениамина, прекрасного проповедника. Лагерь отделен от остатков былого монастыря деревянным забором, окованным старым кровельным железом. Вот так бы и Троицкое подворье следовало бы перегородить, а то, чего доброго, тамошние музыканты будут устраивать свои серенады пред окном самого «Святейшего».

Много ходил, устал, одолела жажда, хотел купить яблочко, но вкусить его не пришлось, ибо оно само «кусается» — 1.000 р. небольшое, некрасивое яблоко! где уж нам!

28 июля/12 августа. Каждый день выпадают дожди, по утрам довольно прохладно, да и днем не особенно жарко, хотя солнце то и дело выглядывает из редких и негустых облаков.

Из «духовного»: старинный крестный ход в Новодевичий монастырь (28 ст. ст.) также не разрешен «светской» властью. Но все равно и без крестных ходов праздничные службы привлекают невероятное количество народа. Благочестивые спекулянты и жулики (не в осуждение будь про них сказано) собирают на устройство таких служб громадные деньги. Вот например: вчера я был за всенощной в двух церквах (по случаю сегодняшнего праздника Иоанну Воину), — у Троицы на Капельках, слышал там, что всенощная и обедня обойдутся храму в 6,5 млн., затем у Иоанна Воина «на Убогих домах» (Божедомовка). Тут служил сам

Патриарх и были обе дьяконствующие знаменитости — Розов и Холмогоров, и полный хор Воинова, значит, понадобилось денег больше, чем у Троицы на Капельках, и, видимо, нашлись заранее. Как бы ни был велик тарелочный и свечной сбор, он не покроет расходов на такой «фейерверк», значит, не обошлось без «меценатства» со стороны «миллиардеров». (Есть теперь таковые и в Москве. Одно слово — Америка!)

Из «светского»: Московский комитет собрал уже на голодающих свыше 23 млн. денег («светских»). Как будто жертва не ахти какая, когда в это же время полдюжины серебряных чайных ложек ценится в 170.000 р.

Я получил 124.564 р. по ведомостям главной Инспекции НКПС якобы за службу там, между тем я там не служил, а только был зачислен туда «кандидатом». Кто-то услужливо или по ошибке занес меня в список фактически служащих, ну и пришлось потрудиться «послужить» и там, т. е. расписаться в получении этих денег. По сообщению бухгалтеров и кассиров, исправление этой ошибки дороже бы обошлось для казны. Каждая бумажная волокита столько вызывает расходов. Машинистки одни получают от 700 до 2.000 р. за каждый лист «испорченной» ими бумаги; а сама бумага, а перья, а чернила!? и т. д.

Находимся в циклоне «попятных» декретов. Последние очень и очень интересны: разрешена выделка и свободная продажа виноградных, ягодных и изюмных вин, крепостью не свыше 14°, разрешено брать свои «немуниципализированные» дома в «пожизненное владение» (но при условии согласования его с существующими декретами??). Возьми развалины своего дома, приведи его в тот вид, который он имел до 1918 г., и отмерь себе в нем положенные для каждого советского раба 16 кв. аршин жилой площади, и живи себе в этой клетке до скончания своего живота (будто бы?). Вышел и такой декрет, что можно и компанией, живущей в одном «муниципализированном» доме, взять его в аренду, отремонтировать и считать себя на три года свободным от выселения или уплотнения из этого дома. Во всех этих попятных декретах Красной линией проходит желание красной власти и невинность соблюсти и капитал приобрести. До них была мышеловка в самом настоящем виде, со всею своей честной внезапностью: грабим награбленное, — а теперь эта машина квалифицирована: как ты хочешь, мещанин? дышать в половину легких или четверть? Хочешь ли моментального удушения или с отсрочкой? Ты видишь — мы тебе даем подобие старой жизни, но помни, что ты в ней все-таки не свободен: облегчи свои «победоносные» страдания, погуляй в мышеловке за некоторую «арендную» мзду, но не забывай, что ты раб вчерашних

и *завтрашних* декретов!

4/17 августа. Огурцы успели почему-то подорожать: были 120 р., теперь 300 р. шт. Хорошие яблоки продают на вес 6.000 р. ф. Сажень дров с доставкой на квартиру берутся поставить за 150.000 р., но предупреждают, что дрова будут трехаршинные. Каково-то их распиливать?! или чего это будет стоить, если своих рук не приложить к сей работе?! Брр! Куль углей, маленький, паршивенький, и тот стоит с воза 12.000 р. Капуста не на рынке, а в кооперативных лавках предлагается по цене 2.000 р. ф.

Стоит чудесная летняя погода. Сухо, жарко, тихо. Днем без отдыха жарит солнце, ночью полнолицая луна. Как в такую погоду не погулять где-нибудь на «лоне» природы? И вот я третьего дня ходил к племянницам, живущим у Измайловского зверинца. Видел там пасущееся громадное стадо лошадей, коров и коз. Каких миллиардов или биллионов стоит теперь такая живность — и не сочтешь! Корова среднего достоинства стоит 4 млн., а получше — отдать и 8 млн. Вот оно как все это «победоносно».

Важное, огромное постановление Московского совета, напечатанное в сегодняшнем «Коммунистическом труде» очень неважным и маленьким шрифтом: «Рынок в Каретном ряду закрыт, а на Сухаревской площади открыт.» Поистине «воскресение из мертвых». Сам Ленин считал Сухаревку уже трупом и добирался изничтожить даже какую-то «душевную» Сухаревку. Величайший человек Ленин, а не читал, должно быть, Экклезиаста, сына Давидова: «Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи в труде; не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.» (Гл. 1, ст. 7–9) Неужто и городовой опять вернется?!

Сбор в пользу голодающих растет: собрано больше 38.000.000 р. Главный источник — спектакли. По миллиону и по два с лишним дают они. Значит, главные жертвователи жулики. Это все-таки действительное завоевание пролетарской власти. Они раньше часиками да кошельками едва сами-то прокармливались, а теперь на, подите, по голодному делу московских «толстосумов» заменяют! В бенуарах восседают, творя сим благостыню для голодающего Поволжья.

Не помню, писал ли я, что трамвай теперь от 10 до 4 часов доступен и неслужащей публике, но, конечно, за плату 2.000 р. станция.

Бюро МК постановило изъять у московских коммунистов золотые и брильянтовые вещи, кроме обручальных колец и одних часов. Черта с два! Скорее они у кого-нибудь извлекут себе таких вещей еще и еще, чем расстанутся со своими «завоеваниями». Их не учить стать, как и куда припрятать эти завоевания, не беспартийные же производили обыски и разные там «изъятия». Все это дело их рук. (То-то мой «орел» обозлится на таковое мое поношение, но я не могу ради его удовольствия всех «орлов» считать орлами. Да и сама партия, кажется, такого же мнения. Сейчас как раз происходит так называемая «чистка партии».)

12/25 августа. Погода сделалась переменчивой: один день жаркий, солнечный, — другой прохладный и хмурый. Что ни говори, а осень уж почувствовалась! Листопад прогрессирует с каждым днем.

Луначарский возится все с знаменитостями: из-за границы выписал знаменитую танцовщицу-«босоножку» Дункан. Какие-то затевают с ней танцевальные дела в школах, каким-то профессором будет там госпожа Дункан. А за границу отправляет самого Шаляпина. В Америку поедет Шаляпин и будет там получать по 150 млн. советских рублей за каждый вечер.

И я оказался сегодня с деньгами: получил за июнь месяц разницу в поясе, т. е. считая московский пояс до 1 июня в 150 %, а с 1 июня уже 300 %. Получено 110.000 р. (советских). Но дело не в том, что я теперь получаю в месяц около 150.000 р., а в получении самих бумажек. Выдали кредитку в *сто тысяч* рублей. Новость для всех времен — прошлых и настоящих. Знали мы, бывало, самую крупную бумажку «катеньку», т. е. 100 р., не так давно выпустили «петрушу», т. е. 500 р., а теперь нате какие пошли бумажки: 100.000 р.! И такая маленькая, невидная, недобротная. Старинные рублевки были красивее и содержательнее. Впрочем, «по барину говядина», и тому подобные пословицы. Что теперь 100 тысяч по сравнению с прежним рублем!

В Америке, в Германии и в Скандинавских странах помощь голодающим России куется охотно и энергично. Едет в Москву Нансен, объединяющий своим представительством «Красный Крест» этих стран, который и берет на себя сбор и раздачу помощи.

В записях о сборе пожертвований я радикально врал. Это были поступления в редакцию газеты «Известий». Значит, собраны не десятки миллионов, а сотни. Соберут, конечно, и тысячи миллионов, но где хлеба-то найти за эти деньги?! Неголодающие не будут ведь продавать свой хлеб, ибо сами-то

они давным-давно «победоносно» пробавляются голодным пайком. Вся надежда на заграницу.

16/29 августа. Среди бесконечных писаний о голодном деле, о новой экономической политике советского правительства, о «кознях» империалистов и капиталистов как-то стушевалось необыкновенное по своей мрачности и грандиозности сообщение из Китая, † Где-то там от страшного землетрясения обрушились горы и задавили, раздавили целые города, жители которых, до 200.000 чел., погибли при этой ужасной катастрофе!

Вчера, т. е. в праздник Успения, Патриарх служил обедню в «Малом Успенском Соборе», в Крутицах. Теперь это обыкновенная приходская церковь на одной из московских окраин, а называется «Малым Успенским Собором» только по историческим воспоминаниям. И не утешился через это московский православный народ, все еще мечтающий о возвращении ему настоящих «Соборов», кремлевских, в свое молитвенное пользование. Пред самым праздником ходили упорные слухи, что Кремль отдают в ведение Патриарха, что он в Успение будет служить в «Большом Успенском Соборе». Ставили это в связь с его стараниями разбудить не только в русском народе, но и в народах всего мира живейшую потребность помочь голодающим. И вот этого не дождались еще. Так грустно было, точно сама Богородица сидит в Бутырках, окруженная сонмом проживающих там архиереев.

В этот же день объявлено от центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК, что комитет всероссийской помощи голодающим упраздняется. «Не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней!» Сегодня уже говорят, что половина членов комитета арестована.

А мы-то было вообразили! Захотели с Кишкиным Кремлевский звон послушать. Где уж!

Третий Спас принес мне большую радость: перебрался в Москву мой орел, «Пожарский», сиречь Леонид Никитич. Явился против прошлого года похудевшим, но сравнительно здоровым. Только нас всех, вероятно, нашел не совсем здоровыми. Ругаемся между собой, нервничаем, ноем, ропщем. Одного желаю, чтобы он сам не уподоблялся нам и вел свою линию так счастливо и умно, чтобы и наши линии выпрямились и не терзали его чувствительное сердце своею ненормальностью. «Образ неписанный и Богописанный (так поет кондак о нерукотворном образе Иисуса Христа) *победителен»*, и молюсь перед Ним — да будет так!

18/31 августа. ВЧК все еще «бдит». Сегодня напечатано сообщение о раскрытом в Петрограде заговоре против советской власти. Много было таких заговоров, да толку мало. Во главе этого заговора называют профессора В. Н. Таганцева, подполковника В. Г. Шведова и офицера Ю. П. Германа. В конце сообщения изображено: «Все активные участники заговора понесли заслуженное наказание», а в общем никого это не утешает и не удивляет, т. е. ни заговор, ни старания ВЧК, ни «заслуженное наказание». Все это было, и все это еще будет. Надоело!

Калинин и Владимирский прислали в Москву из поезда «Октябрьской революции» по радио телеграмму, что «голод в Поволжье тяжелее, чем можно себе представить» и что «необходима помощь не только государства, но всего народа советской республики».

19 авг./2 сентября. Председателем международной комиссии помощи голодающим назначен Нуланс, бывший французский посол в России. Газеты видят в этом «вызов России». Он-де — «виновник бойни и разрушения Ярославля, зачинщик заговоров, поджигатель мостов, вокзалов и фабрик, в мыслях убийца Ленина и Троцкого, фанатический и бесчестный враг советской власти» и т. д.

В числе пожертвований в пользу голодающих, поступивших в редакцию «Известий» (к 1-го сентября таких поступлений 126.243.152 р.) значится 1.000 р. от «командира парохода «Дедушка Крылов» П. А. Оленина». Ишь ты, поди ж ты! Рядом с этим пожертвованием значится 5.280.700 р. «сбор с концерта Москоммуны Сокольнического района».

Скверная стоит погода: осенний дождь, ветер и некоторый холодок (т. е. не более 12° тепла). Смотрю на своего сынка и поражаюсь: шинели или пальто не имеет, чулков нет, ходит 9 худых ботинках на босу ногу и, кажется, не каждый день ест. Какой же это «трудящийся», какой же это коммунист? Просто это тип достойный если не пера Достоевского, то пера вышеупомянутого жертвователя. Вообще это явление не от Маркса, а наше родное, близкое русской натуре, мне, толстовским «работникам» из «Хозяина и работника», а может быть и Василиям Блаженным. Нет, это не «орел» и царицынское «святейшество» многолетствовал не ему!

19 авг./4 сентября. Был за Патриаршей службой у Мартына Исповедника на Малой Алексеевской улице (около Таганки). Какой это великолепный храм, а я за 50 лет своей жизни и не

бывал в нем. Участвовавший в службе протопресвитер Любимов по обыкновению сказал прекрасное слово и даже сострил по адресу советских проповедников. Тов. Поссе читал лекцию о «Боге, мире, душе, бессмертии, любви, свободе и власти» и озаглавил эту лекцию так: «Посильные ответы на проклятые вопросы». О. Любимов сказал нам в своем «слове», что Поссе честнее бы сделал, назвав свою лекцию: «Проклятые ответы на непосильные вопросы».

1/14 сентября. Погода переменчивая. После двух-трех ясных и теплых дней сегодня пасмурно и дождливо.

Сухаревку опять «приостановили», т. е. торга на ней не производится. На Земляном валу рынок растет. Он вытянулся теперь от угла Фурманного переулка чуть ли не до Курского вокзала. Теснота непроходимая. Спешащие на вокзал пробираются через рынок с трудом и жестоко ругают кого-то за неоткрытие Сухаревки, где, конечно, просторнее и во всех отношениях удобнее, как для аборигенов рынка, так и для тех, коим нужно только пройти через него.

В газетах чуть ли не каждый день ноты Чичерина; там же зачастил издавать военные приказы Троцкий, как председатель Реввоенсовета. Стеклов и Д. Бедный тоже «борзятся», не отставая от своих «министров» в задирке поляков, Нуланса и мировой буржуазии. Намекают во всех своих писаниях, что сила сопротивления советской России от голода не ослабла. Одним словом — мы-ста, да мы-ста!

Кооперативы заторговали вовсю и превратились, собственно, в тех же частных обирателей. Торгуют конфетами по 32.000 руб. ф., капустой по 900 р. ф., колбасой по 16.000 р. ф. Умные люди говорят, что скоро их товары будут дороже рыночных. Да и немудрено: вон у нас в НКПС говорят, *что* расходы его кооператива исчислены в И млн. р. Надо же их покрывать «прибавочной стоимостью». Дело становится все запутаннее. В текущей политике «рабоче-крестьянского» правительства рабочие да крестьяне менее всех понимают свои выгоды или невыгоды. Идет, попросту сказать, через пень в колоду. Правда, в последнее время частные лавочки превращаются в магазины. В некоторых обилие и разнообразие товаров. Все потаенное стало явным. В окнах магазинов видятся с тротуаров такие вкусные вещи, которыми мы, бывало, пленялись у Елисеева или у Белова. И черт знает откуда берутся покупатели! Где они достают те миллионы, которые необходимо иметь, чтобы лакомиться теперь арбузом, балыком, орехами, «чарджуйской» дыней и прочей гастрономией! Теперь *стакан* подсолнышков стоит 1.000 р., а не токмо что-

нибудь такое иное прочее!

Английское правительство не разрешило въезд в Англию Шаляпину. Луначарский, посылая его туда, ожидал, вероятно, что он напоет там в пользу голодающих горы золота, а Федор Иванович ехал туда может быть, ростбифа покушать да виски потянуть. Посиди-ка, несравненный, в Москве и поддержи коммерцию своих новоявленных Елисеевых!

Глядя на эти объядения, я почувствовал себя тоже голодающим и вследствие этого взял аванс под содержание 200.000 р. да получил за два вояжа от Красных ворот до Петровских линий (в ВЦСПС) 60.000 р. и… арбуза да семги отведать не подумал, а столковался с нашим милым Егором дворником, чтобы тот в компании с соседним дворником распилил и наколол 2,5-саженный запас дров. И за 95.000 р. они это сделали, причем и мы с Лелей помогали им, а то пришлось бы заплатить и все полтораста.

Вот, кому не грех почревоугодничать: футуристу Маяковскому. Он чего-то там помазал, плакаты, что ли, или какие-то декорации, и закатил счет на 32.000.000 р. Теперь требует их с Наркомпроса судом, добровольно все-таки и ему не платят. Как-никак, а для его мазни гонорар невероятный!

Благодаря любезности своего футуристически-талантливого родственничка Б. А. Фердинандова был на днях бесплатно в Колонном зале Дома Союзов (бывшее Благородное собрание, а теперь тоже «собрание», только «совсем с другой стороны», оно же временами и покойницкая, или морг, куда заносят на поклонение усопших или убиенных знаменитостей наших дней). Был там, как гласит афиша, «экспериментальный спектакль коллектива театра им. Сафонова». Эксперимент совершался над «Царем Эдипом» Софокла. «Слова (Софокла) переработал» (по-своему) Владимир Шершеневич. Постановка «в планах трагической оратории Б. Фердинандова и Е. Павлова». Перед спектаклем Шершеневич сказал «вступительное слово о метро-ритмической разработке спектакля».

Вот в том-то и дело, что тут все было на метры. Какая-то невидимая публикой партитура владычествовала над движениями, жестами, голосами и мимикой игравших молодых людей. Фердинандов, Шершеневич и Павлов сговорились выдрессировать «коллектив» театра и сделали это с ловкостью Дурова, кстати оставив в дураках и многочисленную публику, собравшуюся посмотреть на их метро-ритмические эксперименты. Нам нельзя было посмеяться даже над их кривым зеркалом, — они назвали бы нас невеждами. Меня занимает теперь вопрос: к чему такие уродливые эксперименты проделываются? Не сатира

ли это над современными государственными экспериментами? Однако тов. Мухин, метро-разделавший «Царя Эдипа», был очень интересен. Или его «арии» удались экспериментальщикам, или он обладает изюминкой. Такой же эксперимент предложат и над «Грозой» Островского. Жажду посмотреть. Тогда, может, пойму окончательно, где надлежащее место таким экспериментам: на Канатчиковой даче или на серьезном театре?

9/22 сентября. Началась жизнь за деньги: бани, до сего времени бесплатные, теперь 2.000 р. Впрочем, такая сумма — будто бы «в пользу голодающих», а так вход в баню 180 р. Мне пришлось попасть туда, стало быть, в «голодный» день. Мозольная операция 3.000 р., парикмахерская 600 р. (это «казенные» цены, а если хочешь остаться «необрезанным», прибавляй к сим суммам что-нибудь побольше).

С 1 сентября стрелка часов переведена на час назад, с 1 октября переведут в этом же направлении еще на час.

† На днях узнал о кончине своего былого приятеля, из так называемых «собутыльников», Ивана Сергеевича Корчагина. Вот он, старый железнодорожник, всегда живший в Москве, — а я и не знал, что его нет между нами, земными обитателями, еще с зимы 1919 г. Так мы все разобщились друг с другом, благодаря телефонному, трамвайному и почтовому разорению. Умер бедняга, говорят, в одночасье со своею супругой от воспаления легких. Поистине был русский тип: когда трезвый — угрюм, скучен, скуп, желчен, черств, а как подвыпьет — душа-человек! И интересным даже делался: оригинально и *трезво* мыслил, раскрывал свои объятия и другу и недругу, и при этом вел себя, что называется, «чинно и благородно», делаясь в любом обществе приятным человеком. Причем не без чудачества: кричал то и дело: «жить хочу», и показывал свое вокальное искусство. Когда-то наш кружок (транспортный) собирался на Воробьевых горах у Крынкина, куда ездили даже на «своих» пароходах. Там пел русский мужской хор, который часто исполнял какой-то романс, в котором была «сольная партия», оригинально поставленная: в известный момент от хора выделялся какой-нибудь бас или баритон и где-нибудь из противоположного эстраде угла певуче выкрикивал из текста романса «Апельсины, лимоны хорошие!» И мы так заучили эту пьесу, что могли исполнять ее своим собственным хором, причем «разнощика» с апельсинами изображал Корчагин. Бывало, хорист еще только рот откроет для потрясения крынкинского потолка басистым возгласом «Апельсины, лимоны!» — а Корчагин уж начал выводить эти слова на потеху нашу и к удивлению ресторанной публики. Дело

дошло до того, что впоследствии перед исполнением этого романса к нашему столу подходил дирижер хора и спрашивал: «Сами изволите петь, Иван Сергеевич, про апельсины или хористу прикажете?»

Да! Было времячко! А теперь и Ивана Сергеевича не услышишь (Царство ему Небесное!), и не до песен, и апельсина не покушаешь. Скучно и грустно.

Партейтаг коммунистической рабочей партии Германии единогласно решил выйти из состава Московского Коминтерна. Это сообщение напечатано в газетах маленьким шрифтом и без всяких комментарий.

Подешевела было картошка (до 300 р. ф.), а в последние дни опять вздорожала. У вокзалов (самая дешевая закупка) сегодня она уже продавалась 50–55.000 р. мешок; т. е. около 500 р. ф. Пришлось вставить в карманные часы стекло — 10.000 р., нужно было другие часы починить, просят 50.000 р. Не решился. Кстати, по «стекольному делу»: в воскресенье были с Лелей в Троицко-Лыкове (у Корзинкиных). Я зашел там в церковь (чудный, древний, прекрасно сохранившийся и бережно содержащийся храм) и застал заботливого старосту (Ивана Сергеевича) в «переторжке» со стекольщиком. За вставку дверного стекла и самое стекло разбойник-стекольщик просит *полтора миллиона рублей!* Если бы взять эту цену в основу оценения храма, то какая же цифра рублей получилась бы? Вероятно, астрономическая, т. е. годная по количеству нолей для исчисления между планетных расстояний.

Погода переменчивая и, хотя еще не очень холодная, но увы! — уже далеко не летняя!

В Польше новое министерство: премьер Антон Пониковский. Троцкий в последнее время заволновался. Приказ за приказом. И опять его любимые «гадливые» слова. Говоря насчет действий бандитов, дает вот такой наполеоновский приказ войскам: «Красноармеец — раздави эту гадину сапогом!» (Придирчивый читатель спросит тут, — а все ли красноармейцы в сапогах?)

И еще о Троцком: вчера на пленуме в Московском совете он сообщил, что Польша, на основании данного ей Францией приказа, — предъявила советской России 19 сентября *ультиматум.* Какой ультиматум — в газетах не сказано, но надо полагать, что дело и тут запахло если не сапогом, то онучами.

28 сент./11 октября. Холодно! Холодно с 1 октября. В этот день (н. ст.) впервые шел снег. И вот до сегодняшнего дня погода не улучшается. Не было в этом году золотой осени. Вообще погода не веселая.

Америка собрала в пользу наших голодающих 1 млн. долларов, Италия 30.000 зол. руб., Чехословакия 460.000 р., Германия 226.000 р., Франция 60.000 зол. р. — всего за границей собрано около 3.129.320 зол. рублей. Папа Римский пожертвовал 1 млн. лир.

От заграницы, считают, нужно бы получить 50 млн. п. хлеба. Если его покупать на наши советские рубли, то их понадобилось бы (по моему подсчету) около 7.000.000.000.000 р. Не знаю даже, как и называется такая сумма прописью!

На заседании Лиги Наций 30 сент. Нансен обратился с призывом об оказании помощи русским голодающим. Он подчеркнул в своем слове, что если не помочь советскому правительству, то значит погубить 20 миллионов людей. По его исчислению, требуется на помощь только 100 млн. швейцарских франков, т. е. половина стоимости одного дредноута. А сербский делегат в Лиге Спалайкович заявил, что он предпочел бы быть свидетелем гибели всего русского народа, чем рисковать поддержкой советского правительства. Лига предоставила Нансену проводить его план помощи, но заявила, что она при этом не выйдет из роли простой советчицы. Рассказывая об этом, наши газеты делают вывод, что дело оказания помощи голодающим Лигой Наций потерпело полную неудачу.

Калинин в пленуме Совдепа объявил, что голодает 15 губерний с населением в 30 млн. И что вывезено в Баку, Батум, Сибирь и Туркестан 500 тысяч голодающих, и столько же эвакуировалось в разные места *самочинно*.

Всероссийская тарифная конференция, заседавшая на этих днях, установила, что настоящий прожиточный минимум составляет 1.323.400 рублей в месяц, или 55.161 р. в день. Пищевая часть прожиточного минимума составляет 38 % общей суммы.

Луначарскому Итальянское правительство отказало в пропуске в Италию на съезд коммунистов.

19 сент. (по ст. ст.) мой старый приятель Константин Васильевич Розов справил свой 25-летний юбилей службы в Москве. Торжество состоялось в Храме Спасителя. Вечерня, молебен, подношения юбиляру икон и подарков и речи по поводу этого привлекли в собор свыше 15.000 чел. Многие совсем не попали. Теснота была «пасхальная». Приехал Патриарх, Митрополит и несколько епископов. А прочего духовенства и не перечтешь. (Говорят, было не менее 150 лиц разного сана.) Пели два громадных хора, составленные из различных капелл. Управляли ими П. Г. Чесноков (на правом клиросе) и Н. М. Данилин (на левом). Были знаменитые солисты-артисты:

Петров, Степанова и др. Были также и все московские прославленные дьякона, во главе с Михаилом Кузьмичем Холмогоровым, который, не уступая в силе голоса юбиляру, провозгласил ему поразительное по силе звука и по содержанию многолетие: *«Великому* архидьякону Константину Васильевичу Розову». Это означало, что Розову к юбилею дан Патриархом сан «Великого архидьякона». Будто так делается в восточных патриархатах. Но мне таковое его возвеличение что-то не нравится. Константин Васильевич не без греха: иногда подвыпьет так, как великим особам и не подобает. И вдруг «его величество», добрейший и милейший Костя, на именинах или на свадьбе какого-нибудь именитого спекулянта да попадет в историю, подобную «чудовской», ну и выйдет тогда, что действительно от великого до смешного один только шаг.

К сожалению, акустика храма не дала надлежащего впечатления от пения 400 лучших московских голосов и не позволила многим тысячам поклонников Розова, в том числе и мне, услышать, что ему говорили Патриарх, Епископ Трифон и другие ораторы. По этой причине я даже ушел раньше конца. А говорят, что прекрасную речь сказал сам юбиляр. Никто не ожидал от него ораторского таланта (знали все лишь «орательский» талант за ним, правда такой облагороженный). Уж не Федор ли Никифорович Плевако, покойный, образовал из него такого говоруна? По словам Розова, Плевако был с ним в приятельских отношениях. Оно и не мудрено: Плевако был такой любитель соборных сладкопевцев.

† За эти дни узнал о кончине родных или близких мне: Анастасии Максимовны Авсюниной, Николая Васильевича Корешкова и Ольги Николаевны Ахапкиной (в иночестве матери Ангелины). Только добром могу вспомнить их и жалею, что безвременно ушли они от нас. Вечная им память!

Дома все голоднее, теснее и неурядливее. Ладу в семье нет. А на улицах, как на грех, заводятся на каждом шагу магазины, из окон которых видятся все те блага, которые когда-то и нам были доступны. И щегольская обувь, и зернистая икра, и тонкое белье, и жирная ветчина, и роскошный мех, и пирожное. Значит, есть же люди, которые и в наше время могут жить в свое удовольствие. И я уверен, что у хорошего для семьи добытчика, будь он спекулянт или карьерист, — с помощью таких универсальных магазинов дома-то мир и благоволение. Семья им довольна, а он ею доволен. Совет да любовь, что называется.

Нет уж, должно быть, моя песенка спета. Не жить, а доживать приходится!

1/14 октября. В Петрограде (будто бы от поджога) произошел пожар телефонной станции. Разрушение ее признают очень значительным.

Газеты изо дня в день переполняются декретами, постановлениями и разъяснениями, все из области «новой экономической политики». Открытие государственного банка со старыми, присущими капиталистическим банкам, операциями; договоры с арендаторами различных предприятий, с их подрядчиками; правила частной торговли, назначение платности за все и про вся, забота о сокращении эмиссии «до полного ее прекращения», изыскание способов как можно больше возвратить госзнаков в казну — путем налогов, железнодорожных сборов, торговых пошлин, взимания за воду, канализацию, дрова, электричество, баню, телефон, квартиры, почту, телеграф, заграничные паспорта и продовольствие — сулят и дают уже действительно прегромаднейший возврат бумажек в казну, но с другой стороны вызывают и в ближайшем будущем вызовут необходимость ломать тарифы по оплате труда в сторону опять-таки «прегромаднейшего повышения их». Теперь уже платят миллионные вознаграждения за один месяц. Даже я, маленький и нежадный чиновник, получаю теперь около 400.000 р. в месяц и слышу кругом, что тарифостроители работают над разработкой таких норм оплаты труда, которые шли бы нога в ногу с прожиточным минимумом. Это означает возможность и *мне* получать в месяц не менее 6 миллионов рублей.

Спрашивается теперь: «новая экономическая политика» не сказка ли про белого бычка? Не есть ли это эксперименты на манер затей «Опытного героического театра», в котором мы с сыном вчера смотрели «Грозу» Островского, поставленную нашим Б. А. Фердинандовым, как сказано в афише: «в планах трагической мелодрамы и как опыт метроритмической разработки»? Тоже чепуха невероятная. Говорят «опыт», «искания», «ритмо-метрическая разработка», «отметение старых форм театрального искусства», «осиновый кол на скоро грядущую могилу старого актерства, изъеденного червями и превратившегося в живые мощи» (так приблизительно болтал Борис Алексеевич в своем «вступительном слове» перед открытием спектакля). А по-моему это повторение задов, воспроизведение старых забытых приемов. Так разыгрывали мы в детстве «Царя Максимиллиана», — тоже не ходили, а маршировали, тоже не говорили, а завывали, и сооружали для своих представлений костюмы и декорации немногим похуже и несуразнее Фердинандовских.

Как-никак, самого Островского не удалось спрятать в этих

футуристических «опытах», — он нет-нет, да и сверкнет за вечер, через непроглядную мглу юношеского заблуждения. И такие хорошие актеры, как Мухин (Дикой), Фролов (Тихон), Арсеньева (Катерина), Киселева (Феклуша), как ни ритмико-маршировали, все-таки тоже оказались более близкими и к червям, и к мощам, а потому мы все-таки «Грозу» видели и вчера, как ни старались ее спрятать от нас таганские выдумщики.

Нет, миленький Борис Алексеевич! Твой «опыт» не удался. Он тогда будет заслуживающим «серьезной» критики, когда к нему пристегнут и пьесу такой же неведомой театральной грамотности «ритмометрического» свойства. Готовьте осиновый кол для могилы, в которую ляжет ваш недоносок, а те мощи, которым вы приготовили могилу, не нуждаются в предании земле, ибо они нетленны, и во всяком случае переживут нас, «точа чудеса и исцеления» для страдающего человечества, ищущего в театре успокоения и жаждущего от него красоты и удовольствия, а не больного зрелища.

Надо было платить за место в третьем ряду 8.000 р., но любезная племянница достала бесплатную контрамарку, в расплату за что купил гут же в театре 4 карамельки, стоившие, бывало, 4 коп., — за 5.000 руб. Я это ведь не «в пользу голодающих», а в фонд самодержавнейшей спекуляции.

И вот мне кажется, что как ритмо-метрический опыт не погасил нам ослепительного блеска «Грозы», так и новая экономическая политика советского правительства не свергнет с престола спекуляцию, благополучно царствующую со времен водворения на Руси коммунизма.

По утрам легонькие морозы, днем от 3 до 5 градусов тепла. Солнце показывается редко. Лист с деревьев опал. Небо серое. Дуют ветры. Грустно и скучно. Одному только Стеклову весело! Черт его знает! Пишет и пишет, что уж больно у нас в России все хорошо. Должно быть, ему самому действительно хорошо и, должно быть, он не коммунист. Вот я знаю двух коммунистов близко: своего сына да своего ближайшего начальника Варфоломеева, — так этим очень плохо.

15/28 октября. Со вчерашнего утра совсем зимой запахло: мороз в течение дня крепчал и достиг к вечеру 4–5°. Накануне была страшная грязь, а теперь стало сухо (можно ходить без калош, которых, кстати сказать, не было и для грязи).

Проверил себя, свое влечение в ту или, иную сторону, и нашел, что теперь для меня самое противное и трудное дело писать вот эти записки. Столько времени ничего отрадного не приходится занести в них, а скверного, неприятного и тяжелого

столько, что всего и не перепишешь, и всему таковому, что называется, «конца-краю не видно».

Вчера бегал по аптекам, искал по рецептам доктора лекарство для жены, и везде отказ: «нет таких». — «Что же мне делать?» — спрашиваю. — «Поищите на рынках, в магазинах», — отвечают. — «Но тогда переведите эти рецепты на понятный язык, чтобы я знал, чего именно искать мне на вольном рынке», — говорю я. — «Ничего не выйдет. Вам не дадут лекарства в прописанной комбинации.» И так далее. Одним словом, отрезали путь от свободной закупки медикаментов на рынке, но по аптекарским рожам видно стало, что за денежки-то и у них все найдется, чего бы потребовалось для «нашей милости», и дело кончилось тем, что сегодня я пошел на квартиру аптекаря и, вручив ему по 15 тыс. за каждый рецепт, получил требуемое лекарство в прописанных дозах. Вот как у нас в Совдепии осуществляется бесплатное лечение!

Когда искал аптеки, шел обычно на сильный блеск огня, по своей отсталости думая, что это сияние указует хранилище целебных товаров, но оказалось, что это обилие света украшает гастрономические и кондитерские магазины. Невольно стал засматриваться на окна и вовнутрь магазинов и сделал открытие: за короткое время расцвет свободной частной торговли идет необыкновенно быстро и выглядывает уже довольно пышно. Есть магазины, набитые разными вкусными или красивыми товарами буквально битком, как будто с 17-го года их и не трогали. А на Тверской, говорят, на каждом шагу кафе — с музыкой, учтивой прислугой и со всякой буржуазной прелестью и приманкой.

Все-таки «новая экономическая политика» дает возможность проводить дни не без удовольствий, но только таким товарищам или гражданам, которые имеют в кошельке на карманные расходы не 50-100 р., как прежде, а один или два миллиончика. Да, да, — именно миллиончика!

За эти дни хлеб дошел до цены 3.600 р. ф., молоко 4.500 р. кр., масло сливочное до 36.000 р. ф. и т. д.

«Коммунистический труд» стыдит москвичей, что они дали кружечного сбора в пользу голодающих только 100 млн., что-де составляет 50 р. на каждого обывателя (?), а по переводе их на старые деньги по 1/8 коп. с носа. Если считать полгроша равным теперешней 50-рублевке, то выходит, что я, получая в последнее время 400.000 р. в месяц, нахожусь на жаловании дворника старого доброго времени, т. е. 10 руб. в месяц, и притом «хозяйских харчей» не имею, если не считать «голодного» пайка.

Послушаешь иногда торг пассажира с извозчиком и увидишь одно только презрение к современным деньгам, невзирая на их ту

или иную почтительную сумму. — «Извозчик, к Сухаревой?» — «Двугривенный!» — «Красненькую хочешь?» — «Проваливай!» Перевод этой «девальвации» таков: двугривенный это 20.000 р., а красненькая 10.000 р. По аналогии следовало бы сказать в первом случае «две красненькие» или во втором «гривенник». Но пассажир и извозчик и без того поняли друг друга, потому что и 20.000, и 10.000 р. не стоят даже в сложности своей ломаного прежнего рубля.

† На днях ходил в Скорбященский монастырь поискать могилки недавно умершей родственницы своей и друга детства милой Настасьи Максимовны. И не нашел. После узнал, что она скончалась в Костине, а не в Москве, и похоронена в с. Багаево (Владимир, губ.). Зато набрел на три новых для меня могилы: 1) Павел Александрович Терентьев; 2) его брат Александр Александрович. Мои приятели по «городу». Были «приспешниками» московских миллионеров Воробьевых, имели громадное знакомство с деловой Москвой. Славились компанейскими талантами и вообще приятные люди, очень старавшиеся, чтобы и всем было приятно. Поминаю их добром. А третья могила «историческая». Дмитрий Иванович Иловайский. Родился 11 февраля 1832 г., скончался 15 февраля 1920 г. Вот сколько жил историк, по книгам которого в мои школьные годы я познакомился с русской историей. Что говорить, — «скверная история»! Но Иловайский был искренний человек и не метался из стороны в сторбну, а в последние годы он, вероятно, и вовсе укрепился в том, в чем, может быть, стал колебаться начиная с 1905 г. Старик пред кончиной мог самодовольно спросить нас, своих учеников: «Ну, не говорил ли я вам?»

Вечная им память!

† Впрочем, приходится продолжить «заупокойную» речь: скончался заслуженный артист Малого театра Осип Андреевич Правдин, 74 лет. Ярко помню его даже с того времени, когда он играл веселых или разбитных людей. Всегда для меня интересно было его видеть, и всегда он был интересен. Видел его множество раз и в комических, и в серьезных ролях. В первых он был более на месте, и вообще в своей жизни он, должно быть, любил выкинуть что-нибудь веселое. В восьмидесятых годах в «Будильнике» или. в «Развлечении» была такая картинка: Кладбище. Могильная плита с надписью «Прах сеньора Фирсано». Над могилой береза, а на ней несколько птиц с головами популярных в то время артистов А. П. Ленского, М. В. Лентовского, еще, забыл кого, — и Правдина. Внизу подпись: «Не стая воронов слеталась на груды тлеющих костей.» Это намекалось на веселое вдовство богатой москвички

Кирсановой (впоследствии Гонецкой). Записываю это не в осуждение всей этой усопшей блестящей плеяды. Мертвые срама не имут, и к тому же все они такие были люди, которые умели грешить и каяться. Правдин так умел и так старался веселить целые поколения москвичей, что ему не грех и самому было повеселиться. Царство ему Небесное!

Веселый тоже человек — Карл экс-Император Австрийский и Король Венгерский. На днях он неожиданно прилетел из Швейцарии в Будапешт, собрал войско, повоевал с правящей там республикой и попал в плен. Вероятно, опять сошлют его в Швейцарию и… продолжение следует. Человек еще молодой, подрастет в Наполеоны. Живы будем — увидим!

Редакция «Известий» объявила, что в контору ее поступило в пользу голодающих 2.755.000 р. и 480 николаевскими, собранных по инициативе К. В. Розова в день его юбилея. Тут же объявлено, что два концерта в Большом театре дали в пользу голодающих что-то около 20 млн. Все это прекрасно, но нельзя не заметить, что тот, кто шел туда и сюда, меньше всего думал о помощи голодающим, а прост о пошел посмотреть или послушать Розова или артистов Большого театра, чтобы получить себе удовольствие, за которое и заплатил, мало интересуясь, в чью пользу пойдут его денежки, да, пожалуй, и не доверяя, что они дойдут именно до голодающих.

По опубликованным данным какой-то «Комиссии использования», все население РСФСР, включая Украину, Кавказ и Туркестан, исчисляется в 130.707.600 чел. Из этого кол. городское население составляет 16 %, сельское население свыше 83 %. Рабочих насчитывается 4.755.000 человек (3,9 %), из них фабрично-заводской и добывающей промыш. 2.250.000(50,5 %), железнодорожников 1.215.000, водников 315.000, сельскохозяйственных рабочих около 394.000, рабочих мелкой промыш. 501.0 чел.

У нас страшный голод, а в Америке и других частях света страшный урожай. В Канаде уродилось в этом году одной пшеницы 6,5 млн. п. В США урожай пшеницы исчисляется в 754 млн. бушелей (20 пуд.). Сбор кукурузы достиг там 3.484 бушелей. В Чили, в Австралии переполнены все зернохранилища. В Румынии избыток пшеницы исчислен в полмиллиона тонн. Во Франции, Австрии и Германии урожаи хлебных злаков «превзошли все ожидания». А у нас миллионам людей угрожает голодная смерть. Вот и разбери, какой строй безумен: капиталистический или коммунистический?!

17/30 октября. Вчера к вечеру пошел снег. К утру потеплело

и от снега осталась одна жидкая грязь, смешавшаяся со старой, растаявшей.

Вчера напечатана «декларация» Чичерина Антанте. Брюссельская конференция пообещала помощь голодающим России только в том случае, когда советское правительство признает старые царские долги, Франции и другим странам. По словам Чичерина, об этом уже в Москве думали и решили заплатить иностранным буржуям за «цепи рабства», в которых русский народ пребывал целые века. Заплатим все долги, сделанные Россией до 1914 г., но при условии заключения всеобщего мира и признания советской власти всеми державами. Для переговоров об этом Чичерин просит образовать всемирный конгресс.

Странно, *что* такое невероятное «великодушие» кремлевского Олимпа не произвело на москвичей ошеломляющего впечатления. Или мы так тупы, что ли, что не можем сразу сделать оценки этому шагу, или очень проницательны — не видя и от него никакой перемены в будущем нашей страны?

25 окт./9 ноября. Погода никак не установится: дождь и снег, тепла 5° или столько же мороза. В общем грязно, серо и уныло.

Хлеб неизменно забирается «кверху» — сегодня 4.500 р. ф. В кооперативных лавках все-таки несколько подешевле. Например, с утра продавали его там по 3.800 р., но зато и быстро его расхватали. Там же можно купить ветчинки по 35.000 р. ф. и за такую же цену масла скоромного. Сахарин дошел до 1.400 р. за гр. Батюшки мои! Ведь это, стало быть, кило-то стоит теперь почти полтора миллиона руб.!

В прошлую субботу был за всенощной «с участием Епископа Антонина». Он все продолжает придумывать «трюки». Вводит в службу особые песнопения, обряды, но при этом в своих речах (говорю «в речах» потому, что за одной всенощной он ухитрился пооратoрствовать три раза) громит падкость нынешних посетителей церквей на блеск служения, на концертное пение и т. д., а сам ведь тоже пускает «фейерверки». Проехался тут по адресу моего приятеля, «Великого Архидьякона», он, говорит, столько собрал ненужной для Божьего храма публики на своем юбилее, что целых два дня из храма Христа Спасителя выметали подсолнечную скорлупу. Конечно, преосвященнейший остряк тут прихвастнул, но что в храмах бывает такая публика, которой не стыдно там безобразничать лущением подсолнечника, это — увы! — сущая правда!

И что это за мода с подсолнухом? Фрукт, как известно, был

прежде поистине «простонародным» и преимущественно летним, рощинским или околозаборным, а теперь потребляется и барышнями и их кавалерами, и вон видите — не только в театрах, цирках, квартирах и присутствиях, но и в церквах даже! Экое безобразие!

В воскресенье, т. е. 24 окт. (6 нояб.), был на свадьбе племянника и крестника Сережи. Женился на очень миной барышне, именовавшейся до сего дня Еленой Васильевной Гордеевой. Венчанье происходило в селе Ивановском. Это от Рогожской заставы по Владимирскому шоссе верст девять. Церковь для села очень красивая, причт и певчие хоть бы в Москву. Вообще все прошло не без пышности. Свадебный пир был на Зиллеровском заводе, т. е. Фосген № 2. Компания была небольшая, что называется «своя». Выпили и поели не ахти сколько, а прикинешь все это на рыночные цены — выходит тоже астрономическая сумма. Не один миллион рублей обошлась такая свадьба, в сравнении с нашими старыми свадьбами в сущности очень бедненькая. Да, бывало, на наших свадьбах случится если миллионер, так на него все смотрят, как теперь на наркома, а тут что ни «индивидуум», то «миллионер». Со мной рядом сидел химик этого завода, из самоучек, так он получает одного жалования 6,5 миллионов в месяц. Даже, говорит, нет надобности воровать ему, — хватит на прожитие вдвоем с женой и этих миллионов.

На другой день, т. е. 7 ноября н. ст., отлеживался дома, как и подобает после свадьбы. День сей для коммунизма русского наиторжественный: 4-летний юбилей его царствования. Приходившие с улицы не приносили никаких праздничных впечатлений. Говорили, что на улицах малолюдно и скучно. Если что и было торжественно, то где-нибудь во дворцах, в советских домах да в театрах. В театры же могли попасть только архимиллионеры. Мне сказывал один сослуживец, что с него просили за билет балкона 2-го яруса Большого театра 85.000 р., и он давал за. него 50.000 р., но не уступили. А там только и было, что выступала Айседора Дункан (босоножка, извлеченная из театрального забвения неутомимым Луначарским, просветителем советским).

26 окт./10 ноября. В газетах, языком протоколистов придворной жизни, описан прием Чичериным, в годовщину октябрьской революции, «дипломатического корпуса», т. е. послов разных советских республик и агентов стран, вступивших с Россией в торговые отношения. «Старейшина» этих дипломатов, персидский посол, сказал приветственную речь, на которую

отвечал Чичерин. Дальше, вероятно, состоялся обед или ужин с изрядной выпивкой, но об этом правители голодающих конфузливо умолчали. Вот если б у нас была свобода печати, какие бы фельетоны прочитали мы на эту тему, а «Сатириконы» и «Бичи» мобилизовали бы всех своих карикатуристов для увековечения этой «исторической» картины. Впрочем, все это зафиксируют в зарубежной печати, и если не мы, то дети наши посмеются еще над этим событием, осиявшим скучную мглу нынешнего революционного праздника.

1/14 ноября. Снега нет, но морозы крепчают: ночью бывает до 8°. Ночи лунные, дни солнечные; одним словом, погоду можно назвать полуприятной.

Передо мной театральный справочник, выходящий два раза в неделю, типа дореволюционных «Новостей сезона», продававшихся за пятачок. Теперь цена такого справочника, т. е. «Театральной Москвы», ни много ни мало 3.000 р. за нумер. И вот читаю в нем уже такие публикации:

1. В субботу 12 ноября открывается кафе-ресторан «Ампир», Петровские линии. Во время обедов от 5 до 7 и ужинов от 8 до 11 играет струнный оркестр под управлением Ф. Ф. Кришь. Метрдотель И. И. Тестов. Кухня под наблюдением И. А. Фомичева.

2. Вниманию посетителей бегов. Вновь открыт трактир Шустова (бывш. Горин). Угол Тверской заставы и Лесной. Завтраки, обеды и ужины. Первоклассная кухня. Играет оркестр до 11 ч. вечера.

3. Кафе «Театральный уголок», Кузнецкий мост 3. Первоклассная кухня. Оркестр до 11 ч. вечера.

4. Магазин «Элегант», Кузнецкий мост 5. Все для дамск. и мужск. туал. Парфюмерия, косметика и т. д.

5. Женщины, зайдите в магазин № 3 Сухарев пер. Там найдете последние модели заграничных шляп, высшей косметики.

6. Чайная-столовая «Бар», Арбатская площадь 37. Обеды из двух блюд с хлебом. 12.000 р.

7. Парикмахерская «Гюстав». Арбат 19. Дамский и мужской зал. Большой выбор волос, изделий. Маникюр, строгая гигиена.

8. «Абрамцево», Кузнецкий мост 12. Мацолина. Стильная мебель. Художественная арматура.

9. После театра до 11 ч. веч. зайдите в магазин «Эстома». Угол Тверской и Камергерского пер. Закуски, фрукты, конфеты, пирожные-булки.

И так далее в том же роде. Но читатель не проймется такими новостями, а скажет «Жомини да Жомини, а об водке ни

полслова». Могу его утешить: были уж мои знакомые в ресторанах и видели, что там не только 12 и 14-градусные вина распивают, но и водку подают прямо на стол, в графинах, холодненькую «как встарь». Цены, конечно, колоссальные, ибо спирт «котируется» в последнее время 400.000 р. за бут. Значит, зайти в эдакий шикарный ресторан, где и струнный оркестр, и метрдотель, и всякая гастрономия, — надо иметь в кошельке что-нибудь не меньше полмиллиона. Спрашивается: кто же пользуется такими благами жизни? Хозяин положения, т. е. коммунист? Но ведь абсурд — такой коммунист не коммунист, а просто жулик или преступник. Богатый купец, стало быть. Но откуда он взялся, этот купец или делец? Я отвечу на это, что называется, без долгих слов: роду он не купеческого, племени он во множестве случаев библейского. Возрастила их матушка-революция. Капиталы их скапливались не поколениями, не тяжелым трудом, с которого начинало большинство старых богатеев, они прилипли к ним так же нечаянно, как прилипает осенний лист к липкой земле или к мокрому крову какого-нибудь сарайчика. Стаж этих тружеников или коммерсантов невелик — всего с 18–19 г. Долго еще в революционных ресторанах не будет юбилейных обедов! Однако что же из всего этого выйдет?

К чему все эти оркестры, маникюры, фрукты, строгие гигиены? (Может быть, в силу того, что если пропадать, так с музыкой!)

10/23 ноября. Погода хорошая, сухая, ровная, с морозами до 6°. Иногда запорошит снег, но только для того, чтобы побелели крыши, а для санного пути такой снег далеко еще не пригоден.

«Правда» пишет, что за три месяца выполнена лишь половина работы по сбору хлеба и что за последнее время заготовка стремительно падает. «Во что бы то ни стало нужно, — пишет «Правда», — усилить продработу, а иначе будет сорван весь план восстановления хозяйства».

В описаниях празднования 7 ноября встретились и такие «сантименты». Троцкий и Ленин были в тот день на заводе «Динамо», что очень тронуло одну работницу-мамашу. Она вспомнила, что когда-то ее детей выставляли для встречи Царя у Спасских ворот, и ради такого случая она делала им специальные костюмы и, дескать, «ни к чему», так как дети, выстроенные у Спасских ворот, оставались Царем незамеченными; впрочем, их утешал учитель, который покупал им за такое разочарование на свои деньги конфеты. А теперь, говорит эта политиканствующая дама, «такие большие люди (Ленин и Троцкий) приезжают к нам запросто». Так-то оно так, но в состоянии ли теперь мамаши шить

своим детям «специальные» костюмы, а учителя покупать детворе на свой счет конфеты, — это еще вопрос, а равно и недостоверно утверждение, что «большие люди» приезжают теперь куда-либо «запросто». Во-первых, они подкатывают в тех же царских автомобилях, их путь охраняют, сопровождает их целая свита и они точно так же не смогут «заметить» всех, кто выстраивается на их пути, который, кстати сказать, пробегается «большими людьми» со скоростью во всяком случае превышающей царские разъезды.

Пишут и говорят о предстоящем закрытии Большого театра. Высчитано, что содержание его обходится 2 млрд. в месяц, т. е. такая сумма, которой было бы достаточно на содержание 4 тысяч учителей (если считать каждому по полмиллиону р. в месяц).

Ту печку, о которой у меня было много разговоров на этих страницах в 1919 г., за излишеством продали на рынке за 400.000 р. (без труб). Вот так сумма, но что она означает в переводе на те же дрова? Не более 2/3 погонной сажени.

По сводке на 22 ноября обнаружено скрытой от обложения пашни по 26 губ. 940.478 десятин.

В газетах напечатано правительственное сообщение о прибытии из Константинополя тайно от барона Врангеля в советскую Россию генералов Слащева и Мильковского и штаб-офицеров Гильбиха, Мезерницкого и Войнаховского. Это маленькое происшествие Стеклов уже поторопился назвать «Прозрением». Это, дескать, «толчок, который приведет в движение не одну совесть. Психологически массы не только рядовых воинов, но и офицеров-белогвардейцев подготовлены, — говорит Стеклов, — к разрыву со своим мрачным прошлым.»

А по-моему, просто господа Слащев и К° не устроились за границей, проголодались и вернулись в Россию, наслышавшись, что теперь здесь все нищие сделались миллионерами (в кавычках).

Американцы своего рода!

Вышел декрет о налоге на спички. С коробки в 75 спичек 300 р.

«Известия» до сегодняшнего числа собрали в пользу голодающих 804.142.012 р. Не ахти как много, если перевернуть страничку назад и посмотреть: а сколько стоит теперь одно яичко или старая, небольшая, чугунная печка!

12/25 ноября. Все переделывается на старый лад, в силу «новой» экономической политики: за объявления в газете «Известия» взимается 50.000 р. за строчку, а с театров 35.000 р. Сама газета рассылается уже не бесплатно, а по подписке за

40.000 р. в месяц; отдельный номер — 2.000 р.

И вот это напоминает недавнее, старое: на углу Сретенки и Сухаревской площади сияет огнями кафе-ресторан, на месте бывшей там разухабистой гостиницы «Аркадия». У подъезда с вечера и до ночи стоит длинный ряд лихачей, которые, как и в дореволюционное время, развозят подгулявшие парочки по еще более веселым или интимным местам. (Надо полагать, что и таковые завелись или возобновились. Поистине, как ни гони природу, а она свое возьмет, если не через дверь, то через окно.)

В «Правде» новый Дорошевич — С. Подъячев, вкладывает в уста своего героя Трухина, «бывшего когда-то трактирщиком и лавочником», такие признания: «Ты гляди на меня: меня всего ободрали, потому буржуй я был, умел вас, чертей, обдирать, деньги с вас наживать. Беднота ободрала меня. Конфисковала все имущество, деньги отобрала, все! А гляди на меня — жив! Уметь надо дела делать. Шариком работать. Я до революции жил, и теперь живу, и опять жить буду. Политика теперь экономическая — ладно! Кооперативы — ладно! Три к носу, мы и здесь с какой хошь политикой своего не упустим! Эва у меня какой поросенок, гляди. Сумел выкормить! А у тебя? (Спрашивает он у своего собеседника, видно из кооперации «бедноты», и тот отвечает: «Где нам, до поросят ли, коли мы сами хуже свиней. Мы — не вы!») — Тот-то и оно, «мы — не вы», — продолжает Трухин. — Какова рожна еще вам надо? Чем жизнь плоха? Вы, дьяволы, сами плохи, а не жизнь. Чего вам не достает? Все ваше! Прежде ты как жил — лучше, что ли? Все одно, черт, ничего у тебя не было. Черного кобеля не вымоешь добела. Ты ждешь, чтобы я за тебя сделал, а самому лень? На людей надеешься? Я вот на людей не надеюсь, а на себя надеюсь. Я и живу, и жить буду Меня вон всего обобрали до креста, — а я ничего. За дело! Бери! Я опять найду! Я опять нужный человек. Я и не сержусь. Хвалю за это. Молодцы, товарищи! Всю сволочь работать заставили. Работай — жри! Не работай — не жри! Правильно. Бывало, я об работе и не думал. Не знал, как за соху взяться. Воз завязать. Все, бывало, люди за меня делали, а пришло время, сшибли меня, обобрали, принизили, указали свое престо. Принялся, брат, за работу. И пахать научился, и косить, и печку класть. Все, брат, постиг, а теперь, вот, небось, меня вша за спинную кость не укусит. Теперь живу опять не хуже людей. Доволен. Лучше быть нельзя. Кому как, а я, брат, нонешними порядками доволен, и правителя Ленина, Ильича, уважаю. Провидит политику — дальше ехать некуда.» Монолог Трухина кончается так: «Вот он я — гляди! Был кулак допрежь, буржуй. Обобрали всего. Капиталу решили. Думали: «готов, испекся». Ан — нет! А я — вот вон, опять на

ногах, а ты как был беднота голая, так ей и подохнешь! Ну-ка, вот, выкуси! Го-го-го! Ступай к черту! Го-го-го! Вот он я — гляди!! Гр-го-го!»

Вот эти го-го-го и «Аркадии» открывают, и на лихачах катаются, и о здравии раба Владимира свечечку стотысячную поставят.

Щедрин, Успенский и Островский живехоньки, а Подъячева — только их подъячие описывают, — не более!

13/26 ноября. Обнародован декрет Совнаркома о выпуске новых денежных знаков под наименованием «Государственные денежные знаки РСФСР образца 1922 г.», причем рубль этого знака приравнивается к 10.000 р. кредитных билетов расчетных знаков всех прежних выпусков. Новые знаки выпускаются достоинством в 50 к., 1, 3, 5, 10, 25, 100, 250, 500 и 1.000 р.

14/27 ноября. Представитель советской республики в Германии тов. Крестинский был принят Имперским Канцлером Виртом, а потом представлялся самому президенту Германской республики Эберту. С обеих сторон были напыщенные дипломатические речи. О всем этом советские газеты тиснули жирным шрифтом. В тех же нумерах маленьким шрифтом воспроизведен один из новейших декретов Совнаркома об установлении акциза на табачное дело. Табак обложен до 38.000 р. за фунт. Папиросы 54.000 р. за 1.000 шт., сигареты 75.000 р. за 1.000 шт., сигары 150.000 р. за 1.000 шт. И даже не пощадили папиросную бумагу, и ее обложили в 4.000 р. за 1.000 листов. Об махорке, однако, в декрете ничего не сказано, значит еще покурим! (Папирос, за исключением так называемых «фабрики Чужаго», я уже не курил с год.)

18 нояб./1 декабря. Снега нет как нет, а морозы доходят уже до 14°. И при таких морозах хожу в одних ботинках, так как калош не имею. (Они уже 325.000 р. за пару, а валенки дошли до 400.000 р.) И ничего! Как-никак, а революция скоро кое к чему приучает. Многого за 50 лет предшествующей жизни не умел, или не переносил, а вот теперь приходится, и Господь пока что хранит.

Жутко читать корреспонденции из голодающих губерний. Вот, например, в Усть-Медведицком округе голодающих 100.000 чел. В некоторых станицах ободрали на деревьях всю кору. В Николаевском Уезде варят студень из сырой кожи. Осенью *выгрызли* всю траву в полях, ели сусликов, теперь принялись за кошек и за падаль. Собирают кости (какие?) и варят их в пищу.

Воруют друг у друга последних лошадей и режут. Смертность от голода увеличивается с каждым днем.

Новейшие «финансисты» все обсуждают объявленный выпуск новых бумажек с двузначными достоинствами. Сулят от этого какой-то просвет. Никто по-обывательски этому не верит, да и разбираться в таком вопросе не хочет, относя его к обыкновенным советским экспериментам, которые, вообще, никаким кредитом у людей взрослых не пользуются. Самое важное во всей этой финансовой «воде» — предупреждение «всурьез», что это не девальвация, а «деноминация». Так и запишем: деноминация. (Что-то в этом слове демоническое или динамитное. А впрочем, так это все не интересно, что не хочется и в словарь заглянуть, чтобы перевести его не дурачась.)

Продолжая записывать «похождения» своего сынка, должен отметить, что на днях он поступил на службу в Народный Комиссариат Земледелия (Наркомзем) в качестве какого-то «уполномоченного» и в это же время продолжает учиться медицине, и даже вчера, к его собственному удивлению, сдал какой-то экзамен по гистологии. И голодал же он до Наркомзема со своей гистологией! Картошка, хлеб, махорка и чай, а чего остального — разве где у «сродников-спекулянтов» перехватит; да и то не часто. Нечего сказать — проходит настоящую школу жизни, — не чета своим родителям!

25 нояб./8 декабря. Подсыпало немного снега, так что легковым извозчикам с третьего дня явилась возможность запрячь своих лошадей в саночки. Впряглись в них и советские «берендеи», перевозя на свои квартиры дровишки, картошку и прочее такое, что только удастся купить или «стяжать». В последнее время вообще много «покупается». С 1-го ноября (а в иных учреждениях «по ошибке» и с 1-го октября) стали раздавать миллионные жалования, — «приблизительные» или «приближающие» к прожиточному минимуму. Так, например, мне по новому тарифу причиталось за ноябрь получить жалования 2.050.000 р., но получил я пока что 1.004.500 р., ибо вычли 20.500 р. в союз и не додали 1.025.000р., которые оставлены в обеспечение уплаты за те платежи, которые причтутся с меня за разные выдачи натурой. И выдали даже, неожиданно для меня, очень щедро, а именно: шевиотовую английскую пару, американские штиблеты, каракулевую шапку, теплые рукавицы и две пары белья. На старые деньги такая штука обошлась бы самое дешевое в 85 р., а посчитаешь на нынешние — пожалуй перевалит за 2 миллиончика. Если сосчитать еще, что были уже выдачи мукой, маслом, сахаром и другими продуктами (по мелочи), то

выйдет, что получать деньгами совсем невыгодно.

Удивительное семячкогрызение! Все «загрызли». Вчера поймал на этом деле одну знакомую даму из бывшего «общества»… — «И вы?!» — «Что поделаешь — мода такая!» (и на ушко прибавила: «революция началась подсолнухами, и кончится тем же!»)

Воровство процветает. Проникло оно и в храмы Божии. То и дело слышим об ограблении их. Тащат, конечно, преимущественно «драгоценное», таскают и по мелочам. В одной церкви (у Ржевской Б. М. на Пречистенке) во время литургии кто-то ухитрился стащить с жертвенника серебряное блюдечко. Еще это происшествие дало повод местному священнику тут же в алтаре переругаться с приглашенным из Храма Спасителя протодьяконом Григорьевым. «Отец протодьякон, а где же блюдечко?» — «А я почему знаю.» — «Но ведь оно сейчас тут было!» — «Так что же по-вашему — я, что ли, его взял?» Раздосадованный батюшка тут и ляпни тоже: «А я почем знаю!» Протодьякон побагровел и рявкнул: «Ах ты *сволочь* эдакая! Да я почти каждый день приглашаем в храмы по всей Москве, так что же я: хожу туда воровать церковную утварь, что ли?» После чего сейчас же снял свое облачение и ушел из храма, может быть, не закончив своих обязанностей по регламенту.

Конечно, отец протодьякон тут не при чем, но все-таки кража эта — факт, и проделана она кем-нибудь из прислуживающих за божественными службами, вроде мальчиков, раздувающих и подающих кадило и выходящих со свечами. Ох уж эти нынешние «мальчики»!

С Финляндией снова «заворошка». Пока идет «нотная» переписка, того и гляди завоюют с ней. Сегодня пишут, что в Питере состоялось чрезвычайное заседание петроградского совета, на котором главком С. Каменев доложил, что Савинков перебрался из Польши в Финляндию и организовал вербовку добровольцев для вторжения в Карелию. В начале октября они уже под командой финского офицера Таконена перешли границу. А по Финляндским нотам видно, что карельский народ сам восстает против советской власти. В конце концов выйдет, что паны (Финляндия и Советская Россия) подерутся, а у хлопцев (Карелия) чубы болят.

Сегодня по поручению жены ходил в советский магазин «Проводник» и «свободно» купил там 4 пары мужских и дамских калош за 1.180.000р. (за мужские 300.000 р., за дамские 290 тыс. за пару), и она завтра пойдет на рынок, будет мерзнуть там целый день и продаст калоши с пользой от 20 до 30 тысяч за пару. И вот такими «операциями» и существуем главным образом (а сами все

еще ходим без калош, мясо едим раз в неделю, — оно теперь 17–18 тыс. за ф., молоком только «замучиваем» утренний кофе, — оно теперь 8 тыс. кр.).

Говорят, что государственный банк скупает золото. Объявил цену за империал (10 р.) 600.000 р., но «скупать»-то стали ловкие люди и довели его до полутора миллиона. И во всем частная предприимчивость выпукло опережает государственное хозяйствование. Лучшие мастера всяких производств бегут с казенных заводов и фабрик на частные; Внешторгу заграница не дает ни кредита, ни отборных товаров, а частным, старинным своим покупателям сама предлагает и кредит, и более дешевые цены, и гарантии за добросовестность исполнения заказов.

Я прозевал в свое время прочитать речь Ленина, приглашавшего на какой-то конференции рабочих и служащих республики работать так, чтобы частная предприимчивость была забита, а иначе, он сказал, она нас забьет и *повесит*. И, дескать, будет права, — потому что мы заслужили этого своей леностью и неспособностью. Ленин в последнее время говорит хоть и редко, но, по обыкновению, метко.

25 нояб./9 декабря. Стеклов все ворчит в своих «Известиях», что великие державы не пригласили Россию на Вашингтонскую конференцию, и ревнует к тому, что там имеется два других представительства: от Дальне-Восточной республики и от кадетско-эсерского блока, а именно в лице Милюкова и Авксентьева. Делегаты Д-В республики при были туда по приглашению Америки в качестве «гостей». Еще это, мол, туда-сюда, но Милюков и Авксентьев!!?? и т. д.

Но самая любопытная страница «Известий» теперь четвертая, где печатаются «частные» объявления (большей частью от все еще «государственных» учреждений). Эти объявления красноречивее и короче, а главное яснее всяких передовиц и ученых статей рисуют жизнь советской столицы за последние месяцы.

Управление торговли МСНХ «Мосторг» предлагает отпуск «за наличные без ордеров» разных эфирных масел. Транспортное Т-во «Экспресс» принимает ордера Москвотопа и проч. документы на получение топлива для заводов, учреждений и частных лиц, восклицая при этом — «доставка в любой район Москвы».

ВСНХ «Главсельпром» предлагает разработку и производство работ по оборудованию мельниц, элеваторов и маслобойных заводов и продает разные к сему машины и приспособления. «Гохран» приглашает ювелиров, закройщиков и монтировщиков на «условиях по свободному договору», причем за скорость и аккуратность выполнения работ обещает премию (большими

буквами). Грозненское нефтеуправление за наличный расчет ищет двигателей, разных инструментов, электрических лампочек и т. п. Какой-то «Ацетометил» предлагает уксусную эссенцию, масла, разные спирты, уголь, деготь и т. п. Торговый отдел москвокоммуны отпускает норвежские сельди по 360.000 р. за пуд. Гужтранспорт назначает торги на перевозки грузов гужом на 1-е полугодие 1922 г. Электро-театр «Уран» также желает сдать на торгах исправление центрального отопления. Курская дорога таким же способом предлагает поставку ей разных материалов, имеющих 31 название. Государственная фабрика мебели № 2 (бывш. Бр. Юраевых) объявляет о приеме заказов, как от учреждений, так и от частных лиц, на «стильную домашнюю обстановку. Как-то: кабинеты, столовые, гостиные, спальни и пролетарскую мебель для рабочих домов-коммун. Обстановку контор и учреждений.» И т. д., и т. д.

Недостает только предложений от жилищно-земельных отделов о сдаче роскошных квартир, со всеми удобствами в каком угодно количестве комнат, и от складов ВЧК о продаже частным лицам реквизированной у них обстановки и разных вещей «по умеренным ценам и с рассрочкой платежа». Но дело к этому подвигается. За четыре года мы столько чудес видели, что никакая чудесная перспектива нас более не ошеломит, примем, «как дар свыше исходяй» («свыше» с маленькой буквы, в отличие от небесных даров).

30 нояб./13 декабря. Сегодня к ночи 16 градусов мороза. Морозы усилились, было до 20 (а за городом, как говорят, и до 24), а потом «смякли» и стало прибавляться снега, так что наконец установилась форменная зима.

Заместитель Цюрупы — тов. Брюханов назначен комиссаром продовольствия, а что с самим Цюрупой, не пишут. Может быть, метрдотелем определился в какой-нибудь ресторан. Сегодня как раз какой-то мой однофамилец «Як. Окунев» (наверное иудейского племени) поместил а «Правде» фельетончик «Муть». Там он описывает роскошь и безобразия гастрономических магазинов, кафе и их потребителей. Вечерних гуляк тов. Яков называет «мещанской тлей», гастрономические товары «жратвой», покупателей таковых «свиными рылами». Описывая публику кафе, он отмечает много женщин, у которых «ищущие переменчивые глаза, и лица белые до синевы от пудры, и губы кроваво алы от краски, и брови и ресницы четко вычерченные тушью», а также «каких-то странных юношей, тоже напудренных, и тоже с подведенными тушью глазами». Один из них, «с тонкой талией, крутыми боками и круглыми, упругими, упитанными щеками». У

него» же, как далее выясняется, «бесстыдные глаза, которым все равно», и он читает *доклад*. О чем же? А вот о чем (если Яков не врет): «Я расскажу вам о втором пришествии Христа. Он опять пришел на землю, но не в яслях он, а здесь, среди вас. Здесь он. Да, Христос пришел, — возглашает поэт среди звона посуды и говора, — и не сын он человеческий, и не сын Божий, а…

Докладчик приподнимается со стула, выдерживает паузу и бросает, точно жирный ком грязи из помойки: Он с… с..! Он родился не в яслях, а в д… т… и был там в … ваш Христос!»

Мне жутко было списывать те грязные слова, которые так и напечатаны в № 281 «Правды», и я заменил их точками. Если верить Я. Окуневу, «доклад» этот имел громадный успех. «Аудитория прерывала еду и ржала» и т. д.

Кого же описал наблюдательный фельетонист? Чье это порождение, эти действительно свиные рыла, жрущие, докладывающие и ржущие? Не революции ли, «красивейшей из красивейших», как ее наименовала госпожа Крупская-Ленина?

Когда я иду со службы или на службу, я то и дело останавливаюсь, выискивая себе свободный «фарватер» для своего безобидного путешествия, и всегда почему-то при взгляде на автомобильных обгонятелей с портфелями мои уста шепчут: «Сукины дети!»

В Москву приехал новый польский посол Стефанский.

На днях сгорел временный Казанский вокзал (Московский). Пожарные, говорят, так расторопно действовали, что сгорели и их противопожарные принадлежности.

Троцкий издал «по красной армии и красному флоту» 11 декабря приказ, в котором говорится, что на Дальнем Востоке войска генерала Каппеля открыли враждебные действия против Дальневосточной республики. Отряды Каппеля — это остатки армии Колчака. Ныне, дескать, Каппель состоит на службе у Японского правительства, грабительски захватившего дальневосточное побережье и не желающего выпускать его из рук. Приказ заканчивается, конечно, «Троцкими» придумками а ля Наполеон: «Будь начеку, красный воин России! — Стой на страже, воин Сибири!»

1/14 декабря. А снега все-таки все еще мало. Езда смешанная — и на санях, и на колесах.

Вышел новый декрет, по которому крепость виноградных вин увеличивается до 20°. Значит, были бы деньги, а напиться можно будет на законном основании.

Наркомпрод подсчитал на 13 декабря скрытой пашни 1.837.416 десятин. А ВЦИК сообщает, что комитет помощи

голодающим собрал к этому дню денежных пожертвований (повсеместно) 23.851.881.066 р., если перевести это на «золотой рубль», то, принимая во внимание казенную цену такового рубля (80.000), получается сумма 298.148 р. с копейками (?!). Если сведения верные, и если я не соврал арифметически, то российские миллионы миллионеров не очень-то раскошелились в пользу голодающих!

4/17 декабря. Снега не выпадает, а мороза от 10 до 20 градусов.

Помощь заграницы голодающим выразилась с начала кампании по 7 дек. в 2.648.585 пудах питательных грузов и 20.000 бочонках сельди.

Ф. Нансен в Москве. В большом ладу с советским правительством, а потому, посещая театры, удостаивается от публики «бурных оваций».

На открытии 4 съезда советов Москвы и губ. Л. Б. Каменев признался, что надежда урегулировать и создать на вольном рынке непосредственный обмен между рабочими и крестьянами не оправдалась. Товарообмен заменился обменом денежным. «Деньга стала хозяином рынка.» И сожалеет, что происходящее сейчас на рынках — товарооборот, товарообмен, — «не есть такой процесс, который мы можем прервать насильственными мерами… Нам невыгодно закрыть рынки, магазины и т. д., потому что подобное решение сорвало бы восстановление промышленности и сельского хозяйства.» Из области статистики он сообщил, между прочим, что мы производим только 1/4 того, что производилось, например, в 1913 г., и мы «далеко еще не обрабатываем той площади земли, которая запахивалась до войны». В общем, Каменев свел к тому, что «общее благополучие настанет лишь тогда, когда будет полный коммунистический строй». Утешил, нечего сказать!

Из Гомеля телеграфируют, что там открылся 5 губернский съезд советов, и съезд *усыновил* находившуюся на территории Гомеля и губернии буденновскую *кавдивизию.* Придумают же такие нежности!

Сегодня в Москве переполох: с 5.000 р. черный хлеб сразу скакнул до 7.000. Масло сливочное 90.000 р., молоко 9.000 р. кр.

6/19 декабря. Вчера и сегодня метель. Снега местами надуло очень порядочно, но еще остались некоторые мостовые оголенные, поэтому санный путь нельзя еще назвать хорошим.

Инспектора РКИ (Рабоче-Крестьянской инспекции) обследовали две пары поездов, курсирующих между Киевом и

Одессой, и обнаружили, что в составе поезда от 19 до 21 вагона пассажиров 1.100 чел., но из них бесплатных — 550 железнодорожников, 270 советских служащих, 100 воинских, 130 сопровождающих поезд, и только 50 пассажиров платных. Бесплатного багажа на поезде 1.500 пудов, и только 100 пуд. платного. Обследование установило, что часть командировок явно фиктивные, а остальные маловажные, пустяковые поручения. Главная же цель поездок железнодорожников и советских служащих — мешочничество. Контролеры (от 18 до 20 на каждый поезд) также преследуют «исключительно продовольственные цели, и половина из них даже не берет с собой щипцов». Газетная заметка об этом заканчивается таким выводом: «Ясно, что самоокупаемость железной дороги сводится на ноль.» Об работе речного транспорта в прошлую навигацию пишут не больно-то весело. Мелководье, аварии, поломки рулей, корпусов и пр. Снабжение судоремонтных работ не превышало 30–40 % потребности. Обнаружилось «угрожающее» отсутствие лоцманов на речном транспорте и чрезвычайно низкий процент наличных высококвалифицированных механиков. Предполагалось использовать 2.006 паротеплоходов и 6.646 непаровых судов, но поступило в работу только 1.897 паротеплоходов и 5.474 непаровых судов. Мощность парового флота составляет лишь 58 %, а грузоподъемность непаровых судов упала до 20 % против довоенного времени. Техническое же состояние флота, говорит отчет, близко к катастрофическому. К концу навигации паротеплоходов, требующих лишь текущего ремонта, имелось всего 962, или около 23 % всего наличного паротеплоходного флота, и непаровой флот дает около 26 %. Все остальные суда требуют капитального ремонта, полного восстановления или разборки.

7/20 декабря. Снегу подсыпало вдоволь. Теперь зима самая «настоященская».

В «Известиях» напечатано объявление торгового отдела «МПО», и прямо чудеса! — хлеб ржаной 44 коп. ф., ситный 1 р. 50 к., грибы соленые 12 р. пуд, чай китайский 11 р. ф., мыло туалетное от 1 р. 50 к. кусок, папиросы от 25 к. до 1 р. за 25 шт., фуфайки от 4 р. 50 к. за шт., калоши 25 р. за пару, обувь от 5 р. до 40 р. за пару, и т. д. Но в конце объявления напоминание, что ты живешь не в русском царстве, а в РСФСР, т. е. «цены обозначены в новых денежных знаках». Другими словами — помножь эти цены на 10.000.

Состоялось судбище над частными предпринимателями, которые не соблюдали закона о рабочем дне, не регистрировали

рабочих на бирже труда и вообще не считались с профсоюзами, и за это одного гражданина (содержателя булочной Калмакина) приговорили к уплате штрафа в 150 млн. р. (в пользу союза пищевиков) и 10 человек к шести месяцам принудительной работы.

Л. Сосновский в «Правде» описывает мизерность обывательских сборов в пользу голодающих. В Питере кружечный сбор дал 53 млн. р., а расходы на организацию равнялись 42 млн. р., и вышло, что там собрано всего только 50 пуд. хлеба, или 50 р. золотом. Грандиозные концерты в Колонном зале «дома союзов», с битковым сбором, знаменитейшими артистами, громадными афишами дают голодающим *два мешка муки и только!* И правильно Сосновский укоряет самих «жертвователей»: А сколько, — говорит, — лицемерия в этом виде «помощи» (кому?!). Каждый, взявший билет по повышенной цене, с гордостью воображает, что он накормит голодных, и потому после концерта может зайти в кафе «Ампир».

Сегодня меня «ободрали» в парикмахерской нашего кооператива: за стрижку и бритье сдули 12.000 р., да кроме того в числе сдачи с 25.000 всучили одну тысячу негодную. О, чтоб их! (Впрочем, мы теперь «миллионеры»!)

9/22 декабря. Погода мягкая, снежная.

Цюрупа подписался под каким-то декретом за самого председателя совнаркома Ленина. Значит, сделался важнее, чем Компред. Может быть, своей оригинальной фамилией выдвинулся? Вспомнился мне такой случай из дореформенных времен: когда я был управляющим московской конторой пароходного общества «А. А. Зевеке» (в 1899 г.), заявился как-то в контору один из директоров общества Анатолий Ильич Чайковский (брат Петра Ильича) и, перелистывая список агентов пароходства, остановился на Вольском агенте Окомелкове и с явным восхищением повторил несколько раз эту фамилию: «Окомелков, — какая прелесть! Окомелков.» И что же, не прошло и месяца, как обладатель такой «прелестной» фамилии был не в очередь произведен в агенты первоклассной пристани Саратов; как говорили потом, именно по настоянию Чайковского.

Вот и Цюрупа тоже! Такая интересная фамилия, что попадись она в свое время на глаза Анатолия Ильича, он бы ее квалифицировал прямо в директора пароходства!

Палата представителей США постановила передать в распоряжение президента Гардинга 20 миллионов долларов на голодающих России.

11/24 декабря. Потеплело до 3° тепла.

Случилось раза четыре брать работу на дом со службы. Добрые люди научили подать счет на сверхурочные работы. Насчитал всего 30 час. (7 или 8 ч. в ночь, т. е. с 7 ч. до 2 или 3 ч. ночи). Взял свою месячную ставку 2.050.000 р., разделил ее на 144 часа, получилось 14.168 р. за час, но так как первые два часа сверхурочной работы оплачиваются в полуторном размере, а последующие в двойном, то счет вышел такой: 8 ч. по 21.354 р. и 22 часа по 28.472 р., а всего 797.216 р. И вот мне эту сумму (за вычетом положенных в союз 16.016 р.) выдали. И закутил: купил фунт колбасы за 35.000 р. и сотню папирос за 30.000 р. Если бы продолжал в этом роде, купил бы 1 ф. чаю (230.000 р.) и бутылку «сырца» (не менее 480.000 р.), ну и пришел бы домой, как и всегда, с пустым карманом.

Вчера в Большом театре открылся девятый съезд советов. Собралось 1.606 делегатов с решающим голосом и 346 с совещательным. Председателем Калинин. На первом заседании Ленин говорил, конечно, речь. Коснувшись международного положения, Ленин сказал, что «нашествие, которое в течение 4-х лет мы испытывали, теперь затихло. Однако надо быть очень осторожными и осмотрительными в дальнейшем.» Дальше: «Капитализм разлагается, экономический кризис неизбежен, капитализм катится в пропасть. Мы сильнее тем, что больше знаем! Оцениваем правильно (?). Капитализм издыхает… Для нас признать долги не так трудно, мы проходили и не такие трудности… Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие и не до бесконечности. Это должны знать все те правительства Финляндии, Польши и Румынии, которые поддерживают и посылают против нас белогвардейские банды… Когда некоторые из национальностей, освобожденных нами (?), начинают вести против нас вооруженную борьбу, тогда мы перед формальностями останавливаться не будем, на то мы и революционеры… Нам невозможно оставаться без взаимоотношений с капиталистической Европой, но, в то же время, и сама капиталистическая Европа не может обойтись без того, чтобы вступить с нами в какие-нибудь взаимоотношения… За эти 4 года мы так много видели угроз, что ни одной из них теперь уже не боимся… Суды в Англии не признали Советскую Россию де-юре; но торговля с капиталистической Европой развивается против воли ее правительств.» Попутно Ленин сообщил, что в 21 г. мы получили из-за границы 50 млн. пуд. и вывезли туда 11 млн. пуд. Но речь полностью не напечатана. Вернусь еще к ней.

«Известия» объявляют подписку на 1 год в Москве с

доставкой на дом 480.000 р., в провинции 540.000 р. Записываю это, чтобы через несколько недель или месяцев поправить эти суммы на еще более «миллионистые».

13/26 декабря. На съезде разные докладчики нарисовали небывалый ужас поволжского голода. Страшно читать, и если я буквально запишу такую картину: — «Положение в некоторых местах дошло до того, что стало опасным публично хоронить трупы, приходилось ставить караул над свежими могилами, иначе население выкапывало труп и съедало его. Официально зарегистрирован случай, когда мать изрубила своего 11-летнего мальчика и куски тела сохраняла в особом котле. Это пища голодных. В этих местах ядовитая трава «перекати-поле» продается по 100.000 р. за пуд. В Пугачевском уезде в сентябре умерло от голодной смерти 4.251 чел., в октябре 4.382 чел., а всего по уезду до 1 ноября похоронено от этой смерти уже 14.780 чел.», — то достаточно и этого, чтобы представить себе все ужасы голода, властно царящего сейчас над 22-миллионным населением. Сам Ф. Нансен, заехав в Самарскую губ., при первых зрелищах картин голода «заплакал» и «не поехал дальше», т. е. туда, где голод еще страшнее. А ведь он в своих путешествиях к Северному полюсу не раз глядел в глаза собственной смерти!

В дальнейшем Ленин говорил о внутреннем положении, о новой экономической политике, о продналоге, топливе, электрификации и закончил «назиданием» — «хозяевам земли русской» — что надо учиться хозяйствовать. Запишу некоторые выдержки из его двухчасовой речи, в вышесказанном порядке тем.

«И мы теперь имеем 100 млн. отсталых крестьянских хозяйств, которые мы должны удовлетворить во что бы то ни стало, хотя бы тем, что у нас осталось… В Донбассе было так много правительств, на Украине было так много правительств, что от всей, когда-то сносной промышленности там мы имеем лишь жалкие остатки. В других местах дело обстоит почти настолько же плохо… При общем разорении мы не можем оказать крестьянству иной помощи, — надо торговать. На этот путь мы стали всерьез и надолго, но не навсегда… Нам нужно во что бы то ни стало добиться развития производительных сил, хотя бы на ступени старого крестьянского хозяйства. При злобном, бешеном отношении к нам европейских стран, это займет большой срок, — не год, не два, а десяток, полтора десятка лет (!!)… Заграница дала нам около 2,5 миллионов пудов хлеба и около 600.000 р. зол. … Вот мы, профсоюзы, мы, коммунистическая партия, управляем, — это хорошо: в области политической и военной мы это делали прекрасно, а в области хозяйственной мы это делали

скверно. Надо это сознать и делать лучше. Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: да, перестаньте болтать… Где наша промышленность? Почему она стоит? Потому что нет сырья. А вы сумели его собрать? Нет, вы написали резолюцию, чтобы его собрали — и сядете в лужу…» В конце речи Ленин пожурил ВЧК, но «вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции, компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими».

Съезд по докладу Ленина вынес одобрение правительству за год, как в области внутренней, так и в области внешней политики.

На декабрь сего года курс довоенного золотого рубля на советские денежные знаки определяется в 80.000 (а в ноябре определялся в 60.000). Постановление об этом подписано «за народного комиссара финансов М. Альский».

14/27 декабря. На съезде Крестинский сообщил, что в 1918 году выпущено 34 миллиарда бумажных денег, из них в виде реальных ценностей вернулось 523 млн. золотых руб.; в 1919 г. выпущено бумажек уже на 163 млрд., а вернулось 390 млн.; в 1920 выпущено 955 млрд., вернулось 200 млн., в 1921 г. выпуск дензнаков достиг 10 триллионов, а вернулось уже менее 200 млн. «Ясно, — говорит затем Крестинский, — что нужно ввести налоги.» Он считает, что в 1922 г. налоги дадут казне 375 миллионов золотых рублей, а расхода предвидит по бюджету 1922 г. — 1.877.000.000 зол. руб. (Бюджет составлен не на 12 месяцев, а только на 9.) Бюджет, по его словам, является «строгим, жестким и скупым по отношению к щедрым и размашистым проектам 1921 г., но не является таким скупым по сравнению с действительностью 1921 г.».

Доклад Крестинского передается в финансовую комиссию. Вероятно, и она его тонко не разберет, потому что, как говорят люди мудрые, новая экономическая политика все еще не «экономическая политика», для меня же лично все это китайская грамота. Там на съезде выступали какие-то будто бы старики-крестьяне — Головкин, Чекунов, выступал и Буденный. Репортеры с умилением передают их «бесхитростные речи», а я без умиления и бесхитростно думаю, что это просто «верноподданнические» речи, которые и в государственных думах были обязательны — как присутствие генералов на купеческих свадьбах. И у Щедрина таких «ораторов» сколько угодно.

16/29 декабря, † 12 дек. ст. ст. в Полтаве скончался Владимир Галактионович Короленко. Царство Небесное хорошему человеку и великолепному писателю. Даже Луначарский признает его «крупнейшим мастером слова из всех современных писателей», но, продолжает Луначарский, «он весь в прошлом… В его душе не было ни одной струнки, которая могла бы звучать с суровыми бурями подлинной, жестокой, беспощадной, деловой революции, в волнах потока которой неизбежно кружится много грязи и мути.» Про море крови только не упомянул Луначарский, а остальное все так точно и «по-нашему».

27 декабря на съезде выступал Троцкий. Овации и все прочее, как полагается. На этот раз его статистика чисто военная. В настоящее время красная армия демобилизована до численности 1.595.000 человек. Таким образом, она за год сокращена больше чем втрое. Она состоит из 95 пехотных стрелковых бригад и 49 конных. В армии сейчас только три возраста: 1899, 1900 и 1901 гг. Далее Троцкий ядовитничал насчет поведения Японии, Франции, Польши, Румынии и Финляндии, чтобы доказать, что «нам нужна сильная красная армия» и теперь. По адресу Финляндии в его словах отчеканился откровенный вызов: «Мы очень рекомендуем генералу Маннергейму не измерять расстояний от Гельсингфорса до Петрограда, потому что может легко оказаться, что путь от Петрограда до Гельсингфорса гораздо короче, чем наоборот.» (Ну, прямо Вильгельм и Париж!)

Вскользь Троцкий сообщил, что на днях «мы потеряли Хабаровск», и не скрыл, что «возможны еще тяжкие испытания и кровавые повороты истории», и предупредил «противников», что «теперь не 1918 и не 1919, а 1922 год, а в 1922 году гораздо легче расширять пределы советской федерации, чем сужать».

По описанию корреспондента «Правды» съезд был в полном смысле слова потрясен речью тов. Троцкого. Приветствия разрослись до пределов грандиозной манифестации.

Вчера съезд закрыт.

Но члены съезда как бы не задержались с отъездами по своим местам. В газетных объявлениях Центросоюз предлагает Русское виноградное вино, разлитое в бутылки, крепостью от 14 до 20°. И какой богатый ассортимент! Тут и мадера, и херес, и портвейн, и токайское, и мускат, и даже «Церковное вино». Первые и вторые номера (?) от 75.000до 185.000 р. за бут. (Только «хозяевам советской России» к кушать такие «номера» от 75 до 185 тыс. за бутылку!)

17/30 декабря. Ллойд Джордж и Бриан (будто бы) решили

вступить в переговоры с Московским правительством, для чего приглашают к 8 января Чичерина и Литвинова.

Президент США Гардинг, по утверждению конгресса, пожертвовал для наших голодающих 36 млн. пуд. зерна.

Новый состав ВЦИКа произвел выборы президиума и утвердил список народных комиссаров. Главные персонажи все те же, т. е. Калинин, Ленин, Троцкий, Луначарский и т. д.

Но на четвертой странице «Известий» есть и более «серьезное», чем вышеприведенные вести: «Для встречи Нового года и наст. празд. не забудьте запастись пивом и медовым шампанским Куст. — Химич. произв. Александр Балогурский в Москве. Плющиха 33, тел. 3-18-39.»

От Балогурского до Шустова — один шаг. Еще много уцелело в Москве вывесок «Пейте коньяк Шустова», — пригодятся эти вывески, может и я доживу до возможности исполнять приказ или совет — пить коньяк Шустова. А Балогурского мы пропустим, это не история, а эпизод.

Очень характерно ответил мне не так давно один мой старый знакомый «Антоша», теперь курьер Морского управления при НКПС, а до революции официант из «Яра». «Что же ты, милый, не на месте?» — спрашиваю я. — «На каком месте?» — недоумевающе спрашивает он. — «Да не в «Яру», не в «Аркадии»,» — поясняю я. — «А вы туда ходите?» — хитроумно озадачивает он меня. — «Ну, где мне ходить — не по средствам!» — «Ну вот, когда *вы* будете туда ходить, тогда и *мы* туда переберемся, а пока еще нам делать там нечего,» — наставительно заканчивает нашу беседу политиканствующий Антоний. Когда я рассказываю об этом диалоге людям старого закала, они находят точку зрения Антония глубоко продуманной и пророческой.

30 дек. 1921 г./13 января 1922 г. † Когда я брал этот лист чистым, мне и в голову не приходило, что на нем придется начертать самое ужасное в моей жизни, несравнимое ни с какими потрясениями, пережитыми мною в эти несчастные семь с половиной лет. В третий день Рождественских праздников, т. е. 27 декабря ст. ст. (9 января н. ст.), выстрелом из револьвера покончила со своей многострадальной жизнью моя вторая жена Антонина Лаврентьевна Макри, урожденная Качковская. Мы не были связаны с ней ни церковными, ни «гражданскими» обрядами, но крепко и неразлучно жили честными супругами больше 12 лет, причем последние 9 лет вместе с моими детьми от первой жены. Были годы вполне согласной и счастливой жизни для всех четверых; но эта проклятая война и все последующее, исковеркавши царства, города, дома, квартиры, — доконала и

наше не только счастье, но и относительное благополучие. К концу остались истрепанные нервы, изможденные силы, разочарование и трепет пред грядущими неприятностями, шествие которых, как видно из записанного, все время не прекращалось, да и впредь не сулит остановиться. Не стало сил у моего бедного и благородного друга! Окончательно надломилось здоровье от этих кухонных забот, стирок, уборок, колок дров, топок печек, тасканья мешков и разных «торговых» забот. Вот в последнем-то и кроется ее и мое несчастье, а главное мой стыд, мой позор, мое нравственное преступление. Ведь не я, муж, кормил ее, а она сама добывала эти средства и делилась ими не только со мною, но и с моими детьми. Чтобы у нас было мясо, молоко, масло и сахар, ей приходилось целыми днями мерзнуть или мокнуть на каком-нибудь подлом рынке и продавать там из своей корзинки или мешка — то свои вещи, то купленное ею там же или в квартирах спекулянтов, то перец, то горчицу, то чай, то калоши резиновые, — одним словом, быть в конце концов «рыночной торговкой» и подвергать себя арестам (одну ночь в 1919 году провела в «Чрезвычайке»), гонениям милиционеров, ругани хамоватых покупателей. Ее, при всей ее темпераментности, узнали там за легкодоверчивую и добродушную, ну а потому чуть не ежедневно обкрадывали: то денег хватится, то «товара». Не так давно там же где-то на рынке один покупатель стащил у ней семь или восемь пар калош, т. е. больше, чем на два миллиона. Все это, разумеется, бередило ее нервы, давно уже потерявшие равновесие.

А я в это время «служил», получая ничтожное жалование и полуголодные пайки. Не правда ли, что роли были распределены кувырком? Пускай бы она служила, если это необходимо для ограждения себя от разных «трудовых» повинностей и от выселений с квартиры, а мне бы, как наиболее из нас двоих здоровому и грубому, — следовало бы торговать, если я сам себе не мог найти такой службы, которая заменила бы нам «сухаревские» доходы. И вот на этой почве ее справедливое на меня негодование. Она называла вещи своими именами (писать о них не могу так увертливо, как я это делал на этих страницах), и я теперь повторю, что с 1918 г. был в сущности только ее нахлебником, не внося в ее личную жизнь ни радости, ни утешения. И ведь не для такой жизни она была рождена. Родилась она в польской шляхетской семье 6/19 ноября 1874 г. в местечке Грабостово Петроковской губ. и уезда.

Была замужем за когда-то богатым румынским помещиком Патроклом Макри. (Греческого происхождения. Аристократ. Чуть ли не потомок какой-то Византийской династии.) Жила много лет

в роскоши, беспечно и «катаясь по заграницам». Ее красота (сохранившаяся почти до последних лет) сводила многих с ума, а в том числе и меня. И вот Сухаревка, а потом пуля в висок, произведенная своею героической рукой. Как бы хотела сказать: мы тяжелы друг другу, и я тебе уступаю жизнь свою для того, чтобы ты дальше жил, заботясь о себе уже сам. Что-то не так… Не ей, а мне надо бы занять ее место, или на рынке, или в том гробу, который мы зарыли 11 января на Введенских горах, на Иноверческом кладбище.

И какое чудесное явление: всю зиму, кажется, не проглядывало солнце, а в тот день и час, когда гроб надо было опускать в могилу, неожиданно выглянуло солнце и облобызало своим первым лучом через гробовую крышку прекрасное лицо новопреставленной. Как будто сказало солнышко: зачем ты уходишь, ведь я опять бы светило и грело тебя! А надо сказать, что покойная, кажется, ничего больше на свете так не любила, как солнце. И когда оно сияло — и она среди всех своих повседневных трудов и неприятностей выглядывала красным солнышком, и жизнь ей в те дни не казалась такой тяжелой и безотрадной. Какая это была удивительная женщина! Кто-то уподобил сердце женщины жилищу сатаны или храму Божию. Вот и у ней было такое сердце. Но если оно иногда уподоблялось мрачному сравнению, то по внешним причинам или в болезненных припадках, но чаще всего, и это ей было более к ее натуре, к лицу, сердце ее было храмом Божиим. Перед уходом из этой угрюмой, тяжелой, в те дни ненастной жизни, внутри ее воссиял свет небесный. Там свершалось великое таинство любви, терпения и прощения. Вся обстановка приготовления ее к смертному часу, все ее предсмертные распоряжения выявили мне ужасную для меня истину, что она так любила меня, что своею самовольной развязкой с жизнью захотела, чтобы я и дети мои жили свободнее и покойнее.

В Библии есть красивые места об Иаили, жене Хевера Кенеянина. «Воды просил он, молока подала она…» Ничего не просил я, а она отдала мне все и даже жизнь свою!

Я слышал в эти дни много родственных и дружеских утешений, в которых недоставало, как соли к хлебу, расспросов, а почему же это случилось? Значит, они не винят меня. Но почему же я сам себя не могу оправдать перед собственной совестью? И никогда не оправдаю.

Вместо цветов к гробу, которых, увы! — не положил туда, скажу еще про нее, какой это был друг страждущих. Она подбирала с улицы умиравших от голодной смерти и в своей квартире питала их, перемывала и лечила кровеносные раны и

гнойные язвы страждущих, — будь это на ногах мужа (см. 1919 г.) или на ногах нашего дворника. И вот оба мы, ее «пациенты», т. е. я и Егор Матвеевич, когда шли за гробом на кладбище, вспоминали таковые ее подвиги. Он, простой русский человек, всю жизнь проводящий в тяжелом труде, с мировоззрением толстовских святых мужичков, сказал мне, что он из всего населения нашего дома (около 80 чел.) благороднее ее никого не знает. А он смотрит на людей только с точки зрения Евангельской и никогда не солжет!

Ей, человеколюбивый Господи! Повели, да отпустится от уз плотских и греховных душа рабы Твоея Антонины, и покой ю в вечную обитель, со святыми Твоими! А мне, грешному, укажи пути, дабы мои молитвы за нее были чисты и доходчивы до Тебя, Милосердного! Примири ее дух со мною — жалким и неразумным, пожалей плачущих о ней! Вечная ей память!

В эти ужасные дни мне, конечно, было не до газет, да и сейчас не до них. Во всяком случае я так разбит нравственно и физически и, кажется, непоправимо, что не считаю себя способным возиться с этими записками. Они мне стали положительно не по силам. Тем более, что пошли такие дела, о которых надо писать историку, а не обывателю.

На днях Антанта прислала советскому правительству приглашение принять участие в конференции, имеющей собраться в марте месяце в Генуе. Причем «королевское правительство» (итальянское) желает, чтобы сам Ленин «не преминул принять участие в конференции». Вот какие сенсации! Подробностей этого приглашения мне прочесть за своими кошмарными делами не пришлось, но позволю себе сделать кое-какие извлечения из фельетона, какого-то «недоумевающего», напечатанного сегодня в «Правде».

«Советское правительство — не к ночи будь сказано — расстреляло своего монарха. Слова из песни не выкинешь. … Санкт-Петербургский двор был связан узами крови с другими дворами, в том числе и с Итальянским, и с Великобританским. А ныне нет Санкт-Петербургского двора, хоть шаром покати. В Королевском дворе в Риме по усопшем С. «Петербургском дворе носили положенный траур, и придворные римские проповедники обрушивали по этому поводу на голову советского правительства, и Ленина в частности и в особенности, положенное количество латинских проклятий. И вот 7 января 1922 г. Королевское правительство, еще не истоптавшее траурных башмаков, уже на весь мир изъявляет желание, чтобы Ленин «не преминул» принять участие в совещании с представителями римского Королевского правительства. Личное участие в конференции Ленина

значительно облегчило бы, по мнению королевских великобританского и итальянского правительств, разрешение вопроса об *экономическом равновесии Европы.* Как хотите, это неожиданный пассаж, даже до чрезвычайности. Мы — как бы это сказать — не догадывались, что специальностью Ленина является восстановление экономического равновесия капиталистической Европы. … Ведь еще совсем недавно боялись пускать к себе самого скромного большевика, считая, что он излучает из себя невесомую гремучую материю, нарушающую все равновесия, на коих покоится цивилизация…» Одним словом, большевики торжествуют. На ихней улице праздник.

В той же газете карикатура под заглавием «Чичеринские ноты».

Рисунок изображает Ллойд Джорджа и Бриана, на головы которых сыпется каскад музыкальных нот, а под рисунком такое произведение придворного советского поэта Демьяна Бедного:

Ах, Чичерин!
Ох, Чичерин!
Словно град или крупа!
Знать, он нотами намерен
Продолбить нам черепа!
Этак он еще в азарте
Нас научит рассуждать!

Рассудили. Пишут: в марте
Будут в Генуе нас ждать.

Оказывается, перед Рождественскими праздниками выпустили из тюрем очень много духовных лиц. И между прочими моего любимца Митрополита Кирилла. Пошел специально посмотреть, как он выглядит после почти двухлетнего пребывания на хлебах чрезвычайки. Да! Полинял-таки Владыка, несмотря на свою природную мощь. Состарился, похудел и утратил от своего очаровательного голоса свежесть и силу. По-прежнему читает и поет как итальянец, а все-таки так и слышится в звуках голоса, что устал старик и осердился!

На новый (старый) год был в церкви Спаса на Спасской улице и там служил тоже «выпущенный» — Архиепископ Варнава. В своем роде и этот интересен: характернейшее лицо, напоминающее самого Ивана Грозного, и голос какой-то особенный — цепкий и вороватый. Слушал впервые его проповедничество. Это тоже что-то особенное. Точно баб поучает на каком-нибудь постоялом дворе самыми простыми, житейскими

словами, которые и в церкви вызывали смех, как в квартирной или базарной беседе. «Чего вы вините большевиков, что испортили ваших детей. Сами виноваты. Сами вы пьете и детей приучаете. — Что вы, Иван Иванович, не пьете? — Да я никогда не пью. — Ну что это такое, у нас даже Маничка пьет, а вы не пьете! … Вы где встречали новый год, у Омона-Момона, у Корша-Лакорша? Пили шампанское, платили десятки и сотни рублей, а ведь не догадались пожертвовать в пользу церкви хоть пустые бутылки… Что посеешь, то и пожнешь. Вместо свеклы малина не вырастет… Нет, что ни говорите, а надо молить большевиков, чтобы они еще годочков на пять остались, чтобы хорошенько вышколить нас,» и т. д. Так говорил Архиепископ Варнава в храме Божием. Любопытно бы было послушать его, как он говорит где-нибудь в комнате. Кто-то уверял меня, что это тот самый Варнава, которого в епископы произвел Распутин прямо из огородников, и что ему 95 лет. Не врут ли?

Кончился несчастнейший для меня 1921 год (1+9+2+1=13). Свое личное горе я описал как сумел, а всенародного горя и не опишешь, — это горе, как море.

В Библии есть такие стихи, которые как раз опишут все происходившее. Воспользуюсь ими, чтобы не ломать голову над сочинением какого-нибудь прощального «резюме» этому злодею — 1921 году.

Пророк Исайя. Гл. 59, ст. 8. «Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их, пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира.»

1 *кн. Ездры.* Гл. 8, ст. 72. «Ибо грехи наши поднялись выше голов наших, и безумия наши вознеслись до неба.»

Пророк Иеремия. Гл. 19, ст. 8. «И сделаю город сей ужасом и посмеянием; каждый проходящий чрез него изумится и посвищет, смотря на все язвы его.»

Притчи Соломоновы. Гл. 1, ст. 11–14. «Если будут говорить: иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины; Живых проглотим их, как преисподняя, и — целых, как нисходящих в могилу; Наберем всякого драгоценного имущества, наполним домы наши добычею; Жребий твой ты будешь бросать вместе с нами, склад один будет у всех нас.»

Плач Иеремии. Гл. 5, ст. 1–8. «Вспомни, Господи, что над нами совершилось: призри и посмотри на поругание наше: Наследие наше перешло к чужим, домы наши — к иноплеменным; Мы сделались сиротами, без отца; матери наши — как вдовы. Воду свою пьем за серебро, дрова наши достаются нам за деньги. Нас погоняют в шею, мы работаем — и не имеем отдыха… Отцы наши

грешили: их уже нет, а мы несем наказание за беззакония их. Рабы господствуют над нами, и некому избавить от руки их.»

Жаль только, что в «Плаче» нет цен на дрова. У нас они теперь 1.200.000за погонную сажень. Сосновый гроб, обитый бумагой, немного украшенный цинком, 1.500.000 р. Рытье могилы 1.500.000 р. и т. д. Одним словом, похороны обошлись в 9 миллионов.

Двадцать второй год

1/14 января. Новогодние день и ночь прелестны. 10° мороза, тихо. Солнце и месяц сияли по очереди. Под ногами «скрипит». Пятерка погоде!

Газет не читал, но слышал, что Бриан подал в отставку. Чичеринские ноты и впрямь, должно быть, ему не по нутру.

3/16 января. Разрешено открытие частных лечебных заведений и аптек.

Нансен вернулся на родину и, как сообщают наши газеты, читает там лекции о русском голоде, причем отмечает героические усилия советского правительства в помощи голодающим и уверяет, что в этой катастрофе большевики невинны, и с другой стороны критикует «лживую капиталистическую прессу, особенно гельсингфорсскую».

Назначен народным комиссаром земледелия В. Г. Яковенко, сибирский крестьянин. Истолковывается назначение этого молодого мужичка министром таким же соображением, вследствие которого после Свердлова председателем ВЦИКа был «сделан» Калинин.

Снегу и мороза (до 15°) вдоволь. Зима в полном разгаре.

4/17 января. Пока я корчился дома и на кладбище в муках своей трагедии, на службе у меня шла новая комедия: переименовали к чему-то наше ЦНО на тарифно-производственный отдел и перевели нашу часть из первого во второй этаж.

Новое министерство во Франции после Бриана взялся составить Пуанкаре (бывший президент республики).

Сегодня после полдня в Москве разбушевалась снежная метель, не прекращающаяся и ночью.

7/20 января. Ллойд Джордж на заседании Каннской конференции 7-го января сказал, что «доведенная до состояния социального распада (Германия), благодаря самим качествам и темпераменту своего населения, окажется гораздо более опасной для своих непосредственных соседей, чем Россия». Про Англию — что она «страдает от чрезвычайно серьезного зла, от безработицы». В итоге Ллойд Джордж находит «общее состояние мирового здоровья неустойчивым». И для восстановления его, стало быть, надо что-нибудь устроить с Россией. Есть предупреждение против большевизма, и «пропаганда его

представляет некоторую опасность, но неудача в деле экономического восстановления мира может повлечь за собой настоящую катастрофу». Вот почему и решено пригласить Россию на конференцию.

16/29 января. О погоде скажу «чохом»: зимняя, обыкновенная, московская.

В «Экономической жизни» напечатано, что Госбанк 25 января платил за 1 фунт стерл. 1.000.000 р., за 1 доллар — 240.000 р., за 1 франк — 40.000р., за 1 крону шведскую 60.000 р., 1 марку германскую 1.200 р.

Объявлено постановление президиума ВЦИКа «о беспрепятственном проезде всех граждан по территории РСФСР». Вон куда пошло дело! Скоро, пожалуй, выйдет декрет, предоставляющий гражданам и «беспрепятственно» мыслить!

Согласно новых тезисов Цека РКП, идет ломка в политике профсоюзов. Признано существование и в России «экономической борьбы», а потому… неизбежно вытекает вопрос *о стачках*. «Стачки возможны», так пишет сам «Труд» — орган ВЦСПС.

Ю. Ларин очень интересно пишет в «Известиях» о «налоговом азарте в области коммунального хозяйства». «Не пора ли погодить?» — говорит он заглавием своей статьи. И приводит такую справку: Московский коммунальный отдел вводит плату за погребение умерших. За богатое — 10 млн. р. с умершего, за «среднее» — 2,5 млн., а за бедное — 845 тыс. Ребенку скидка (по третьему разряду надо платить «только» 535 т. р.). «Здесь, — говорит Ларин, — все прелестно. Вместо одинаковых для всех похорон вводится классовый принцип. «Буржуя» будут хоронить с помпой, а пролетария зароют как-нибудь. Если кто-нибудь умрет в рабочей семье, рабочему достаточно отдать за погребение свою месячную денежную получку, и дело готово. Может ли быть дешевле?» Несколько дальше Ларин завещает в случае своей смерти ничего не платить и ждать: «Догадается ли тогда коммунотдел о санитарной необходимости для общества хоронить покойников или будет тверд в своих принципах? При общеизвестном моем упорстве, скорее сгнию, чем похоронюсь за свой счет, даже по третьему разряду, ибо при установлении тарифа заработной платы расход на могилки не учитывался.»

Одним словом, для Ларина ясно, что советские деятели городского хозяйства «собираются драть с рабочего за все: за электрическую лампочку, за баню, за лишний квадратный аршин пола сверх 16 кв. аршин на душу и т. д., даже за саму могилу. Это, — говорит Ларин, — означает не более не менее, как попытку взвалить на плечи рабочего класса содержание городов,

необходимых для всего населения страны.» Ларин считает средней заработной платой (считая деньги и паек) — 10 р. довоенных в месяц, а сумма, необходимая для оплаты основных коммунальных услуг, — в среднем 5 р. довоенных, а потому он находит, что уменьшение вдвое ныне существующей заработной платы «явно невозможно». И справедливо предвидит, что рабочий класс потеряет те улучшения жизни, какие принесла ему октябрьская революция. Нынешний тариф означает торжество принципа «все для богатого». Уплата за «лишние» аршины это, по его мнению, означает обратное выселение рабочих в подвалы, ибо большие квартиры им не по карману, «даже до войны, когда средний по России заработок составлял 20 руб. в месяц, тем более теперь». И т. д. с таким концом: «Коммунальный вопрос может быть решен только общегосударственным подъемом хозяйства, а не сепаратными попытками возложить уже сегодня его тяжесть на плечи рабочего класса без равного увеличения заработной платы.» Хорошо пишет Ларин!

Совдеп объявил 28 января цены на продукты, отпускаемые по гос. плану снабжения: мука пшеничная 16.000 р. ф., ржаная 5.700 р. ф., говядина 14.500 р. ф., сельди 5.700 р. ф., вобла 4.000 р. ф., кофе (суррогат) 11.000 р., морковь, свекла, капуста 2.000 р. ф., картофель 1.000 р. ф., мыло простое 22.000 р. ф., масло русское 45 тыс. р. фунт, масло сливочное 60 тыс. р. ф., сахар 675 тыс. р. ф., табак 3-го сорта 18 тыс. р. ф.

Кстати: с меня вычли за казенные выдачи в ноябре и декабре продуктами 419.000 р., и за костюм, обувь, шапку и белье — 360.000 р.

В связи с приглашением Советской России на конференцию в Геную 27-го января состоялась в Кремле Чрезвычайная сессия ВЦИК, на которой был только один вопрос: выборы делегации от РСФСР. Председателем делегации избран Ленин, его заместителем Чичерин (со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки тов. Ленина на конференцию). Членами: Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, А. А. Иоффе, В. В. Воровский, Х. Г. Раковский, Н. Нариманов (Предсовнаркома Азербайджанок, республ.), П. Г. Мдивани (такой же чин Грузии), А. А. Бекзадян (от Армении), Ф. Ходжаев (от Бухары), Я. Д. Янсон (от Дальневосточн. республики), А. Г. Шляпников, Т. В. Сапронов и Я. Э. Рудзутак (последние от Профсоюзов).

19 янв./1 февраля. Объявлен золотой рубль на февраль месяц в 150.000 бумажных рублей.

† Сегодня за обедней услыхал поминовение

«Высокопреосвященного Евсевия» за упокой (а вчера его поминали еще в заздравных ектеньях). Тут же осведомился, не Митрополит ли наш («Крутицкий») скончался. Так и оказалось; «в понедельник, говорят, покушал рыбки, а утром во вторник Богу душу отдал». Значит, отравился рыбным ядом. Двенадцать дней тому назад он служил в нашем приходе — у Спаса в Пушкарях — всенощную и выглядывал здоровым еще стариком. Я как раз был за этой службой. Царство ему Небесное! Не зная его биографии и ни разу не слышав его речей, затрудняюсь говорить о нем как об общественном церковном деятеле и человеке. Хотя могу записать, что покойный не обладал особой популярностью в народе, так как был мал ростом, голос имел «скороговорчатый», немного гнусавый, и в своих служениях не проявлял ни красоты, ни вдохновения. Вероятно, был искусным администратором. Править Московской Епархией в такое исключительное время — нужно, значит, быть и энергичным и неустрашимым. И за это спасибо и вечная память!

В газетах стали появляться науськивающие на «богатства церкви» статьи. Надо, дескать, в момент величайшего народного бедствия отобрать эти богатства в пользу голодающих, и удивляются, почему советское правительство не решается сделать этого, если сами церковники не догадываются помочь «своими несметными богатствами». Эти сокровища, говорят авторы статей, должны быть отобраны в том же порядке, в котором Петр 1-й переливал колокола на пушки, а Екатерина 2-я раздавала монастырские земли любовникам. Один такой «наускиватель», якобы крестьянин, служащий Центросоюза, имеющий жену и 5 малолетних детей, пишет о себе, что он ежемесячно отдает в пользу голодающих около 150 т. рублей, и любопытствует, делает ли то же самое имеющий многомиллионные доходы одинокий «Святитель Тихон»?

Одним словом, «буча» поднята. Драгоценности, золотые чаши, ризы и т. п. Будут опять сдираться и… расхищаться рьяными ювелирами, а тем, кому суждено погибнуть от голода, — этих драгоценностей не видать ни в первообразе, ни в лишнем куске хлеба… Что же касается «благодетеля», по 150 т. в месяц, то таких теперь вся служащая Россия, так как по постановлению так называемых «общих собраний», инсценируемых разными «ячейками и месткомами», идут вольные и невольные отчисления от жалованья в процентах. Например, и с меня в декабре месяце удержали 10 %, т. е. 205.000 рублей… А ведь наш «святитель» никакого «оклада» не получает, и если существует кое-как со своим, таким скромным по его сану, штатом, то на доброхотные даяния тех приходов, в которых служит. И эти даяния, как

видится, не очень роскошны, если сам его заместитель — Крутицкий Митрополит, как выше сказано, погиб от недоброкачественности такого «даяния».

20 янв./2 февраля. С 1-го февраля введены новые железнодорожные тарифы, исчисленные в золотых рублях, и будут каждый месяц увеличиваться в зависимости от увеличения курса золотого рубля, устанавливаемого Наркомфином. Таким образом, проезд, например (в феврале) от Москвы до Киева стоит все 608 тысяч рублей, до Ростова 750 т., до Ново-Николаевска 1,5 млн. рублей (бумажных).

Демьян Бедный в «Правде» обязательно сообщает читателям, что «те великолепные рисунки-шаржи, которые в последнее время часто украшают первую страницу «Правды», а также самые лучшие наши боевые красочные плакаты периода гражданской войны и единственные в своем роде многочисленные плакаты, открытки и журнальные рисунки, издаваемые Коминтерном и имеющие мировое распространение», принадлежат карандашу В. Н. Денисова (Дени) — художнику, «молодому летами, но давно уже приобретшему крупное имя в отмежеванной им области».

Чего уж там! Написал бы открыто, что это тот самый Дени, который в 1917 и 1918 г. рисовал для «Сатирикона» такие рисунки, которые большевикам были совсем не по носу. А ты — «Демьян Бедный» — кому курил свои фимиамы до 1917 года? Если не папиросам Лаферма, то не блинам ли Мартьяныча? (Впрочем, могу ошибиться, и в таком случае прошу извинения за непроверенное подозрение.)

30 янв./12 февраля. После 15-17-градусных морозов наступило потепление. Выпадает много снега, солнце проглядывает редко.

Много газетного шума по поводу забастовок в Германии. Были перерывы в железнодорожной работе, и кроме того Берлин некоторое время оставался без электричества, газа, воды и телефона; но в общем, должно быть, идет только переторжка работников с нанимателями. Особенно «красного» в этих забастовках не чувствуется, что бы там наши Стекловы и Радеки ни говорили. Одним словом, забастовки кончаются, кровопролитий нет.

7-го февраля обнародовано постановление ВЦИКа об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее местных органов. Все функции этого ужасного учреждения возложены на Народный Комиссариат Внутренних дел, для чего будут образованы при Комиссариате Государственное

Политическое Управление, а на местах — политотделы. Это для контрреволюции и шпионажа, а по спекуляции и должностным преступлениям — дела будут идти общеуголовным порядком.

Под этим декретом напечатано руководство «как заработать 50.000.000 р. в день». Оказывается, просто: отправиться на бега, заплатить за вход только 40.000 р. и обратиться к букмекеру, который на предложение за «Диану» 10.000.000 р. отвечает 20.000.000 р.

Есть там такие особые счетчики, которые собирают деньги — пачками в десятки, сотни тысяч и «даже в 5 миллионов». Все ставят, называют свою фамилию «или псевдоним», которые записываются ловкими счетчиками на клочке бумажки. Бег закончен, и счетчики выдают счастливчикам их «навар». Счастливее всех сами счетчики, взимающие 10 % с поступивших к ним сумм. Расплачиваются и букмекеры, «хотя (замечает автор статейки) бывают случаи, что их находят лишь после долгих поисков, а то и совсем не находят».

Вот эти-то счетчики, заменяющие тотализатор, и зарабатывают по 50 миллионов на человека, а в общем не менее *3 миллиардов* в один беговой день. Автор сводит к тому, что пора Государственному Коннозаводству (Гукону) возобновить правильно организованный тотализатор, раз уж «республика строит сейчас свое хозяйство на началах новой экономической политики». Все торгуют. В Москве повсюду пестрят афиши «Четыре миллиарда рублей». Лотерея-аллегри в пользу инвалидов. Всюду проводится принцип «Кто больше даст…»

Ничего. Дело идет как по маслу: и дома терпимости откроют и будут они называться очень красиво: «Госбард».

Сообщается, что на Белокарельском фронте красными войсками занята Ухта, «центр сосредоточения бандитов в Северной Карелии». Значит, все еще воюем.

Засим объявлен декрет о промысловом налоге. Он состоит из патентного и уравнительного сборов.

Подробности еще не разработаны, но до 1-го мая готовься «монету гнать» и трудящийся, и «нетрудящийся».

А как послушаешь, что золотой (10 р.) дошел уже на рынке до 3.400.000р., ржаная мука до 1.200.000, пшеничная до 3.000.000 р., ржаной хлеб до 24.000 р. за ф., пшеничный до 75.000 р. за ф., масло сливочное до 300.000 р. ф., сахар до 200.000 р. ф., мясо до 80.000 р. ф., даже грошовая свечка восковая и та теперь 5.000 р. стоит, так что тут толковать о каких-то налогах: вся жизнь наша современная, русская, — сплошной не патентный, не уравнительный, не промысловый, а — беспардонный, несравненный и бессмысленный налог на человечески-ослиное

терпение.

Да и чего теперь придумывать налоги какие-то, когда товарищи нашли несметное богатство в виде церковного золота, серебра и бриллиантов. Президиум ВЦИКа уже постановил «немедленно приступить к изъятию ценностей из храмов всех вероисповеданий и обратить их на покупку продовольствия для голодающих»… И тут не только для голодающих, но и для советских жуликов перепадет действительно немало…

Смакуется на все лады послание Евдокима, Архиепископа Нижегородского. Оно состоит из духовных текстов, подобранных к случаю, и заканчивается эффектно: «Дайте же взаймы Богу!» (Притч. 19, 17). А все-таки берет раздумье — Богу ли?.. И не правильнее ли, что Он дает таким путем взаймы обанкротившемуся и запутавшемуся хозяйчику?

В конце января н. ст. скончался Римский Папа Бенедикт XV, и на его место избран новый Папа — Пий XI, бывший папский нунций в Варшаве Акильратти. Подробностей не читал, да их и не было, должно быть. Видно, такие события теперь у нас не признаются «мировыми».

У нас вместо Евсевия избрали (или назначили) Вятского Архиепископа Никандра, не так давно выпущенного из Бутырок, где он пребывал «на покое», кажется, не меньше годика. Вот это стаж! не чета Папе, который год один был всего только нунцием в Польше.

Отдавал в починку трое карманных, паршивеньких, часов: взяли за все 575.000 р., и, конечно, часы тикают только, а правильное время по-прежнему предоставляется определять «по солнцу» (все уличные часы до сего времени или стоят, или врут больше моих; даже на вокзалах и на Почтамте).

Возик дров, с полсажени, стоит теперь не менее 2 миллионов. Баня 10.000 р., 30.000 и 50.000. Был в «средней», и теплота тоже «средняя».

Один приятель-гурман захотел швейцарского сырку и купил его за миллион рублей фунт. Вот и фунтам пошли миллионные цены.

За эти дни с моей службой целый кавардак. Во-первых, совершенно неожиданно наше ЦНО переименовали в ТПО, а затем перевели его из дома № 14 в дом № 13 на той же Н. Басманной улице, а во-вторых, я по собственному желанию уволился из этой ТПО и, по протекции бывшего своего «Самолетского» директора, а теперь члена правления Государственного треста Северолес (т. е. Объединения лесной промышленности Северо-Беломорского района) и доброго, хорошего человека Ивана Дмитриевича Поцелуева, я с 7-го

февраля зачислен на службу в этот «Северолес», где жалованье определяется золотой валютой. Мне сказали, что мой оклад 100 р. (читай на бумажки для февраля 15 миллионов, а в ЦНО я получал пока что только 3.895.000 р.). Идя с нового назначения (Мясницкая 13, бывший особняк генеральши Давыдовой-Спиридоновой), я даже кутнул: купил вместо махорки 5 папирос (скверных), заплатив за них 7.500 р.

На старой службе одна любезная барышня из личного состава провела меня якобы уволенным вследствие сокращения штатов, а потому, по закону, при расчете мне выдали за 2 недели вперед. И таким образом 10 февраля мне причиталось 3.470.000 р., из коих миллион-то выдали тремя бумажками, на которых написано не миллион, а только 100 р., причем сделана оговорка, что один руб. этого выпуска (1922 г.) равен 10.000 р. Бумажка красива, но не настолько, чтобы называться миллионом. Для старой четвертной формат и краски были бы еще подходящи.

† Прочитал в газетах траурное объявление, что «тело скончавшегося сего 28 января 22-го года в Кронштадте артиста и режиссера государственных театров Петра Сергеевича Оленина прибыло в Москву. Заупокойная литургия по усопшему имеет быть в храме Святого Георгия, что на Б. Дмитровке (против театра бывшего Зимина), в субботу, сего 11 февраля ровно в 10 ч. утра. Погребение пепла на Ваганьковском кладбище в тот же день.» Прочитал и восскорбел. Зачем умер еще нестарый, милый и талантливый человек, и почему умер? Я знал его как артиста оперы и оперетты. Голос его (баритон)не больно был приятен, но зато играл он как драматический актер. Вообще обладал недюжинными талантами и как артист и как режиссер. У Зимина это был деятельнейший и просвещеннейший хозяин сцены. Так как он доводился двоюродным братом Олениным-Алексеевичам, моим приятелям задушевным, — то покойный Петр Сергеевич проявлял и ко мне видимую ласку. Бывал и я у него (когда он жил в Москве), а в 1918 году и сам он удостоил меня своим посещением. Время было буквально «ленинское». Вскоре после покушения на Ленина, я обратил внимание Петра Сергеевича, что он, «когда с бородкой, то ужасно походит на Ленина». Как бы, мол, не вышло чего-нибудь!? И Петр Сергеевич с присущей ему милой улыбкой подтвердил, что он это слышит от многих. И странно, говорит, «когда я еще и не слыхал об Ленине, а у меня уже был псевдоним «Ленин», очень для меня удобный, благодаря отнятия одной только первой буквы». Воспоминание о посещении меня П. С. Олениным не изгладиться из моей благодарной памяти еще и потому, что он, как доктор по образованию, был в то время на военной медицинской службе, что и дало ему

возможность тут же за веселым разговором вынуть книжечку и прописать мне полбутылки коньяку. Царство ему Небесное! Больно хороший человек был, и больно жалко его.

Я был у Георгия. Полна церковь артистической братией (и сестрами). Видел, между прочим, Станиславского, Москвина, С. И. Зимина и Трубина. Почему-то не артисты пели, а хор Данилина под его управлением. Пел замечательно. Еще бы, ведь и «во гробе спящий», и его товарищи такие знатоки пения, каких Данилин и в Охотном ряду у Пятницы не увидит. А жаль, что он не занялся обедней Александра Алексеевича. Как было бы кстати спеть ее за этой обедней!

6/19 февраля. После тепловатых дней сегодня грянул с ночи 15-градусный мороз, но в нем было тепло, — сияло солнце.

По официальным сведениям, Франция ассигновала на голодающих 960.000р. золотом, Италия 540.000 золотом, Норвегия 440.000 р. золотом, Дания 370.000 р. золотом, Америка 39.400.000 р. золотом, РА — 29.550.000и другие державы более мелкими суммами, в общем же, 72.287.400 р. золотом.

С 15 на 16 февраля стрелка часовая передвинута на 1 час вперед.

«Французский капитал срывает дело мира», — так озаглавлены газетные сообщения о том, что французское правительство потребовало отсрочить на 3 месяца конференцию в Генуе, созванную на 8-е марта.

14/27 февраля. Дзержинский сообщает в Москву о страшных буранах в Сибири. Пути на линии Кольчугино-Новостройка совершенно занесены снегом, причем на выемках заносы достигали 8-10 сажен. После сильного снегопада буран продолжался двое суток при 25-градусном морозе. Многие участки сибирских дорог закрыты для движения. Занесены снегом целые поезда, застревают в снегу и посылаемые снегоочистители. 9, 10, 11, 12 февраля буран перешел в ураган. Сообщение сводится к тому, что сибирские дороги очутились в крайне тяжелом положении, и от сего: «план погрузки и вывозки продовольствия временно сорван буранами».

Вот и Дзержинский бессилен — видно, со стихией не так легко бороться, как с контрреволюцией.

19 февр./6 марта. Целую последнюю неделю стояла сильная оттепель. Снеготаяние идет быстрым темпом. По улицам неописуемый хаос: сваленный с крыш снег не убирается — из него образуются целые катакомбы; прыгая по ним, бултыхнешься

в лужу, из лужи попадешь просто в грязь. А тротуары просто непроходимы — или нарвешься на снежный «обвал» с крыши, или тебя окатит как из ведер сточная вода, пробившая себе дорогу с крыши, минуя худые или оборванные водосточные трубы. И среди таких «удобств» — около «казенных» магазинов — длиннейшие хвосты «живых» очередей. Около «Проводника» (на Мясницкой) — небывалая очередь за калошами. Даже не одна, а целых три, — одна сплошь состоит из калек, другая из женщин с грудными младенцами (тем и другим «внеочередность», но их так много, что все-таки «промеж себя» и они не могут обойтись без хвостов). И третья — для всех иных. Последняя состоит — говорю без преувеличения — из доброй тысячи людей. Нет еще десяти часов, а около магазина три такие толпы! Идет неумолкаемый говор, ропот, слышится ругань и многоголосый детский плач. Около самых дверей магазина очереди путаются, вступают в ругань, а иногда и в свалку. Около самой гущи топчется 2–3 конных милиционера; все жмутся на узенький тротуар, а чуть сбились на ободок мостовой — ну тогда держись — безалаберно мчащиеся трамваи, автомобили и мотоциклеты обдают несчастных калошных покупателей грязью, ибо как раз в этом месте и «катакомб», и луж больше, чем где-либо.

Говорят, что в такой очереди нужно пробыть трое суток, чтобы наконец попасть в магазин и получить там за 1.300.000 р. пару калош. Значит, граждане в своей семье образуют караульную службу и по такому великому стоянию. Отстоит один человек часа три, а потом покушать захочет, или чего другого, чего при людях не станешь делать, ну вот тогда-то и приходит кто-нибудь ему на смену. Одним словом, мученье, безобразие и наглядное доказательство, что русская жизнь непоправимо испорчена на долгие годы. «Новая политика» столь же чревата неудобствами существования, сколько и старая. (Разумею «старую» в пределах последних пяти лет.)

В эти дни я продал свои сапоги, полученные в прошлом году из полевого штаба и оказавшиеся мне не по ноге, за 3 млн. р. и хотел уже потратить их на «перелицовку» своего рабочего костюма, но дело не вышло: такая штука стоит теперь не менее 10 млн. А сколько стоит новый костюм, я и спросить не отважился — что-нибудь страшное сказали бы мне. Осязая все-таки в некотором роде излишек «миллионов», взял сегодня в кооперативе фунт копчушек за 50.000 р. Это — 29 мелких рыбешек, которыми мы втроем закусили перед обедом, утешая себя тем, что на рынке эта «закуска» стоит втрое дороже. Купил еще за 100.000 р. выигрышный билет выпуска московского губ. комитета помощи голодающим, обещающий или проигрыш, или

выигрыш от 1 млн. до 1 млрд. р. Вот как притягивают нашего брата к помощи голодающим!

Все это в сущности указывает лишь на то, что финансовый кризис бушует у нас вовсю. «Экономическая жизнь» откровенно сознается, что требования к печатному станку все возрастают, его практическая работа со дня на день принимает все большие размеры, и все-таки недостаток денежных знаков налицо. «Взгляд, что при расширяющейся роли рынка в народно-хозяйственном обороте внутри национализированной промышленности все же возможно и должно удержать натуральные формы обмена, *разбит жизнью и практикой полностью*» (говорит «Эк. жизнь»).

25-го февраля в газете «Кооперативное дело» напечатано, что в Петрограде скончался В. М. Дорошевич. Я на этот раз не проливаю о нем слез, не отмечаю этого сообщения печальным крестом, ибо однажды писал уже о его кончине, а главное потому, что он, может быть, и сейчас здравствует, как здравствовал, стало быть, от севастопольской до петроградской кончины. И дай Бог ему здравствовать!

Курс довоенного золотого рубля в советских денежных знаках на март месяц объявлен Наркомфином в 200.000 р. Значит, за март мне выдадут (за положенными вычетами) 16 млн. Но увы! — нужно бы «перелицевать» весь свой гардероб, а на это нужно не 16 млн., а дважды 16 млн. Помнится, я об дрожжах писал что-то ужасное, и то только потому, что они вскочили в цену скольких-то десятков тысяч рублей за фунт. Стоило волноваться из-за пустяков.

Сегодня (второй раз с 1920 года) проехался на трамвае от Страстного монастыря до Красных ворот. Вместо прежнего гривенника взяли *только* 30.000 р. бумажками.

В. Маяковский хоть и футурист, а ловко пробрал в «Известиях» «наш быт» («Прозаседавшимся»):

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

И вот, дальше он в таких же стихах описывает поиски нужных ему людей, но все на заседаниях. Это его «взъярило», и он «лавиной» врывается сам на заседание, и видит:

сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?

Оказывается, что:

Оне на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там.

Поэт от волнения не спал всю ночь, мечтая:

О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!

Присоединяюсь к его пожеланию.

27 февр./12 марта. Стало суше, — утром морозы (сегодня даже 7 градусов), но солнечная работа на безоблачном небе не останавливает снеготаяния, «Весна идет».

В баню хоть не ходи: первый класс 125.000 р., второй 80.000 р. Попробовал там же побриться — слупили 100.000. Стоя в очереди перед кассой, наслушался обывательского ропота: «А я, дурак, первым ходил по Тверской с красным флагом, орал «долой царя!»… Да как не орать, ведь бани наши, мойся даром, и все наше, все задаром, а теперь — на кося!» — «Подожди, к Пасхе до мильона дойдет!» — «А что же мильон, и сейчас в баню сходить около того стоит. Ведь пару белья выстирать — надо отдать 300.000. То, другое, так оно и выйдет мильон!» — «Пусть дерут,

злее будем!» — мрачно изрекает третий собеседник.

«Злее будем»! Два простых слова, а стоят целой газетной статьи.

В бане большинство обходится без мыла. Впрочем, некоторые и без своего мыла — мылятся: или выпросят его у соседа, или стащат его в тот момент, когда обладатель мыла промывает свои глаза или идет за водой.

Неожиданно получил на новой службе «прибавку», т. е. стал получать с 10-го февраля «золотом» 107 р. 50 к. Для марта это составляет 21.500.000 р. в месяц.

Не так давно смотрел в Художественном театре «Ревизор» в новой постановке 1921 года. Режиссер К. С. Станиславский. Декоратор и эскизы костюмов К. Ф. Юон. Эти свое дело сделали мастерски, но ничего особенного в угоду революционному времени в новую постановку не внесли, за исключением, впрочем, подлинных портрета Императора Николая I и иконы Божьей Матери (в гостиной городничего). Первое — очень хорошо, а второе — очень гнусно со стороны Станиславского. Такому седовласому старцу, сыну именитых московских купцов, можно бы и не лебезить перед критикой соратников Стеклова и Д. Бедного. Городничего играл И. М. Москвин, «почти» как играли городничего и Уралов, и Греков, и Макшеев. Для пущего реализма и «либерализма» он прибавил еще к традиционным трюкам ковыряние в носу. Но тогда следовало бы Осипу (Грибунину) вшей поискать, а Абдуллину (Михайлову) почесать свои «филейные части» (может, они тогда вышли бы «красочнее», а то бледноваты). Городничиха и дочка ее (Лилина и Коренева) очень суетились и визжали по-бабьи, теряя всякое достоинство «начальственных» дам, а Лилина кроме того подчеркнула распущенность стареющей женщины, делаясь местами откровенной и плотоядной самкой, и это в глазах мужа и дочери. Житейски неправильно и для режиссера и для актрисы. Чиновников играли Шахалов, Леонидов, Лужский и др. Ничего типичного не дали. Трафареты, и только. Добчинский и Бобчинский — В. Г. Серов и Л. Н. Булгаков. Тоже пересолили до невозможности (как Лилина), особенно в первом акте. Какие это помещики? Просто это были двое душевно больных неизвестного «звания и чина», сбежавших из сумасшедшего дома. Хлестакова играл М. А. Чехов, и был интереснее всех. Ради него (и благодаря ему) я только и попал на этот спектакль. Он оставил нам с сыном два билета в третьем ряду амфитеатра по казенной цене, что-то около 300.000 р. за место, — а иначе пришлось бы доставать через барышника и платить чуть ли не миллион за место. Ведь он родной племянник Антону Павловичу Чехову, и зять Зиллера,

мужа моей племянницы, вроде как бы «свой человек». Покойный его дядюшка в письмах к его отцу все советовал «детей пороть», а однажды и сам выпорол «заочно» («детей заочно секу»). Вышло очень хорошо. Дети выросли умными, а Михайло вон каким талантливым и знаменитым! В его репертуаре много других ролей, и во всех он, как единодушно отзывается критика, сверкает недюжинным талантом. Его Хлестаков очень оригинален, но страшно труден для исполнения. Если бы кому вздумалось имитировать его, то, пожалуй, ничего бы не вышло. Тут каждый шаг, каждое движение, мимика, музыка голоса и различные штучки отделаны до того тонко, что все в общем составляет такую затейливую, а вместе с тем и стройную резьбу, что повторить ее — то же, что вновь создать. Но верно ли играл он Хлестакова? Не слишком ли был молод, легкомыслен, а в третьем действии и пьян. Я слышал от его родственников, что он главным образом хотел быть точным гоголевским ревизором. Ссылаются на слова самого Гоголя, что это «молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький, несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет.» Что и говорить, портрет получился правильный, но «чистосердечия и простоты» было столько, сколько дали этого талант и актерская изобретательность Чехова. По этим признакам более всего подходил к авторскому замыслу Михаил Провыч Садовский, но я бы тому тогда сказал, что он *не был* слишком молодым, легкомысленным и пьяным. И вот мое резюме: Чехов может быть идеальным Хлестаковым, если однажды сыграет золотую серединку «Чехова-Садовского». Так я ему и скажу лично, если придется потолковать с ним.

Антон Павлович писал еще Александру Павловичу (30 апреля 1893 г.): «Мишке мать сшила только одну сорочку, во-первых, не успела, а во-вторых, потому, что не знает его роста». Позднее, я полагаю, бабушка успела сшить ему и другую рубашку, и рост его узнала. Желаю милому «Мишке» успеть сшить изображение Хлестакова как раз по его росту!

Ужасные дела творятся в Москве! Хроника происшествий полна сообщениями о грабежах и убийствах. Из конторы Иваново-Вознесенского текстильного треста украдено мануфактуры на 180.000.000 р., в некоторых местах грабители сняли с проходящих одежду, часы, кольца, отняли деньги, —

сопротивляющихся поубивали или ранили. Со склада «Обиход» в Лубянском пассаже увезли кипы полотна. Ограблено несколько квартир на десятки и сотни миллионов. В темных переходах, в задних дворах, на черных лестницах находят трупы людей, конечно, тоже ограбленных. В столовой на Самотеке ворвались вооруженные бандиты и, приказав поднять руки, похитили 160.000.000 р. А то и так: ворвутся в квартиру, убьют кого-нибудь, а ничего не утащат — что-то помешает. В детском доме № 33 похищено продуктов на 214.000.000 р. В Грохольском переулке — мануфактуры на 250.000.000, в Драматическом театре — бутафории на 2 млрд., в квартире Лилова на Сивцевом вражке разного имущества на 1,5 млрд. Жутко перечислять! И каждый день такие сообщения. Положение настолько серьезно, что Президиум Московского совдепа постановил образовать немедленно чрезвычайную сессию революционного трибунала, которая должна дела о бандитских нападениях рассматривать не позднее 48 часов по задержании обвиняемых, а приговоры, вплоть до расстрела, приводить в исполнение немедленно по вынесении.

Долгое время за Ленина декреты подписывал Цюрупа, а о Ленине болтали, что он «пьет горькую», или «с ума спятил», и находится в санатории или в психиатрической больнице. Наконец, в газетах за 8-е марта появилась его речь, произнесенная им 6-го марта во фракции съезда металлистов. Там он действительно говорит о какой-то своей болезни, связывая сообщение о ней с намерением лично поговорить в Генуе с Ллойд Джорджем. И вот что говорит: «Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах, и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе.» А сказать Ллойд Джорджу он хочет, как Столыпин: «Не запугаете», мол. И даже намекает, что в случае чего повоевать можем с Европой и Америкой. И что, дескать, такую войну «еще раз вынесем, попробуйте только это попробовать». А затем Ленин заявляет, что «отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить, и приостанавливаем. Достаточно.» (Отступление — это «новая экономическая политика».) Дальше он отметил (замеченное и мной, каково!?) стихотворение Маяковского и говорит, что оно «совершенно правильно рисует работу русского человека, который по-прежнему Обломов». Обломов, — говорит Ленин, — остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. И Обломова он видит в своих коммунистических рядах. И это, по его заключению, «самый

худший у нас внутренний враг», т. е. тот коммунист, который сидит на ответственном посту. «Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает.»

Неправильно, вероятно, переданная в газетах речь Ленина мало говорит уму и сердцу, и можно догадываться только, что Ленину надо было «показаться» народу после разговоров о его запое или душевной болезни, сообщить, что он сам поедет в Геную, что уступок он делать не намерен, что новая экономическая политика не дойдет до капиталистической и что надо как следует «почистить» тех коммунистов, которые ведут теперь экономическую политику. Среди всего этого досталось буржуазным правителям и вообще империализму. Он видит, что там дело швах; дело пропащее, и конец не за горами.

В этих же газетах, где красуется речь Ленина, сообщают, как богатеют американские буржуи. Там есть сорок семейств, обладающих каждая 100.000.000 долларов, более сотни имеют каждая 50.000.000, более 300 — каждая 20.000.000, а есть и такие: Джон Рокфеллер обладает состоянием 2,5 млрд. долларов, Асторы, Дюпоны, Гугенгеймы, Вандербильды — по 500.000.000, и т. д.

Пишут еще очень «богато» и о новом Папе, и вообще о завоеваниях католической церкви. Мировое значение и влияние Папы «особенно усилились в последнее время». Усилились, оказывается, потому, что «мировая буржуазия стала искать точку опоры для борьбы с рабочим классом. Учитывая по-своему события, буржуазия принимала повсеместные революционные вспышки как следствие того, что массы вышли из повиновения своим вековым господам. Лучшее средство опять набросить ярмо на массы — это религия. И вот буржуазия, в свое время боровшаяся с духовенством и вышедшая из этой борьбы победительницей, увидела в нем своего союзника в борьбе с пролетариатом.»

(Вот так же и наши умники-кадеты: Распутин, монастырские доходы, заработки митрополитов и т. п., по их словам, несчастья русского народа, а дальше-то оказалось, что русский человек и был «народом» только тогда, когда попов не угнетали, а потом сделался «шайкой».)

Новый Папа насчет «нот», должно быть, ловчее нашего Чичерина. Много ли царствовал, а уж сам Мильеран, проведший во Франции отделение церкви от государства и национализировавший ряд церквей, обращенных в банки, — добивается того, чтобы Папа принял к себе французское представительство, т. е. примирился бы с бунтовавшей раньше лучшей дочерью церкви — прекрасной Францией. И сама Италия

лебезит перед Папой, изъявив Ватикану официальное правительственное соболезнование по поводу смерти Папы (предместника нового). По словам А. Стефена (пишущего в «Правде»), католическое духовенство завладело теми позициями, которые были наиболее слабы сами по себе: молодежью и женщинами. И их союзы являются самыми деятельными и сильными союзами духовенства в Италии. У нового Папы, — говорит Стефен, — особые приемы: таинственные и величественные. Например, в день своего помазания вышел на балкон и благословил народ, собравшийся на площади Св. Петра, а эта площадь представляет собой уже не его территорию, а территорию светской власти. И вот это событие толкуется как знак того, что Папа употребит свое могущество для умиротворения всего мира. Стефен так заканчивает свои римские наблюдения: «для нас, рабочих и крестьян Советской России, все это имеет значение постольку, поскольку мы предупреждены о могущественном враге, выступающем против освобождения трудящихся от ига капитализма.»

Американские миллиарды и могущество Папы пока что еще выглядят такой силой, которую не напугают ни приказы Троцкого, ни речи Ленина.

10/23 марта. Правильно говорил В. Гюго: «Весна, когда она поспешит, то непременно даст осечку, и явятся заморозки.» А пожалуй, и не совсем правильно: после отмеченной уже преждевременной весны явились не заморозки, а целые морозы. Сегодня, например (это после прилета жаворонков, на другой день сорока мучеников, весной-то) с утра 15 градусов, да и днем морозно (разве только на солнышке тепловато). Курьез-то еще в том, что опять нападало много снега и создалась очень недурная санная дорога, которой и пользуются вовсю легковые извозчики.

И в «Северолесе» успел уже переехать из комнаты в комнату. Интересно отметить, какой паек выдают там. Например, я получил за февраль месяц 60 ф. белой первосортной муки, 15 ф. песку сахарного, 13 ф. саго, 6 ф. вермишели, 3 ф. свиного топленого сала, 7,5 ф. мясных заграничных консервов, 3 ф. фасоли, 3/8 ф. чаю китайского, 1 ф. махорки, 3 ф. мыла простого и 5 кор. спичек. Не знаю, сколько за все «удержат», но по рыночным ценам того дня это удовольствие можно оценить в 19 млн. Но… до войны такой реестрик потребовал бы затраты не более 15 р. Тогда это значило 0,001 моего месячного заработка. А теперь — больше, чем месячный заработок. Черт знает что за белиберда такая! Вообще нелепости, нелепости без конца. Вот сегодня я получил в число своего жалования 10.105.000 р., из

коих один ден. знак пятимиллионный. И думал, что его и менять никто не станет, а между тем с него нисколько не затруднился дать «сдачи» первый же уличный мальчик, продавший мне коробку папирос за 50.000 р. Получивши такие деньги, «досрочно» решил кое-что купить к Пасхе, с хитростной целью запастись «дешевым товаром». Между прочим, задумал купить своему маленькому крестнику комплект деревянных яиц, вкладывающихся одно в другое. И для этого пошел специально к «Мюр-Мерилизу», недавно открытому Мосторгом. Нельзя сказать, что Мюр-Мерилиз возродился в старом объеме и виде, но что-то напоминает его. Самое помещение сохранилось в сравнительном порядке, обстановка тоже, конечно нет такой гибели товаров, разнообразия отделений, но барышень-продавщиц и барышень-покупательниц видимо-невидимо. Духами пахнет так же здорово, как и встарь, но цены — на сотни тысяч и на сотни млн. Когда я пошел в кассу платить свои 180.000 р. за купленную игрушку (стоившую раньше у того же Мюр-Мерилиза полтинник), барышня-кассирша спросила меня, сколько я плачу: 180 млн. или 180 тыс. Мое недоумение она разъяснила мне указанием неясности в чеке, где барышня-продавщица прибавила неразборчиво букву не то «м», не то «т». На это я ответил, что я ведь в розничном магазине, а не в оптовом, дескать, какая же покупка может быть на 180 млн.! Но кассирша горделиво заметила мне, что у них очень много таких вещей, которые в отдельности стоят по нескольку сотен миллионов. Попутно заглянул на панораму Кузнецкого моста. Солнечная сторона наполнена, как встарь, «гуляющей» публикой. Ай да НЭП! Прошел мимо «Ампира» и прочитал на входных дверях обеденную карточку: обед из двух блюд 250.000, из четырех — 750.000… И еще раз: ай да НЭП!

Черный хлеб дошел до ста тысяч, масло сливочное 750.000, ветчина до 1 млн., и т. д. (должно быть, до бесконечности).

Газеты (вроде «Правды») с 15-го марта — 12.000 р., по подписке за месяц (с 1-го апреля) 300.000 без доставки в Москве, с доставкой 375.000 р. А дворнику нашего дома за март «положено» 11.307.000 р. (по всем правилам профессионального союза).

Конференция в Генуе отсрочена до 23 апреля.

17/30 марта. Потеплело. Хотя морозов нет, но зябко; пасмурно, сыро, грязно.

Калоши опять подорожали: в казенных лавках цена объявлена уже 3 млн. за пару, полуоткрытых. Я заметил, что «Главрезина» повышения свои делает одновременно с «Главчаем»: вчера чай

«высшего» сорта продавался там 1.500.000 р. ф., а сегодня — 2 млн. р. (просто «чай китайский» вместо 1 млн. сегодня 1.600.000 р.).

Вообще «торговали кирпичом и остались ни при чем», как озаглавливает свою очередную поэзию ядовитый Д. Бедный.

Какое-то, — говорит Д. Бедный, —
Сов. учреждение перепродало Бумнавождению, —
Бумнавождение — Главперекупке, —
Главперекупка — Переуступке,
Переуступка — Ухнадбавке,
Ухнадбавка — Пустолавке,
Пустолавка — Оттипузу,
Оттипуз — какому-то союзу,
Союз — Местоимению
(на торгах по объявлению),
Местоимение — Глаголу
(с передачей Помголу),
но спички попали, однако, к Предлогу,
а там сам черт сломит ногу.
Под конец у каких-то Кавычек
Наркомвнешторг купил… этот самый вагон,
Потом сбыл его снова какому-то тресту,
и т. д., и т. д.
А обыватели от страха визжали:
«Спички-то как вздорожали!»

Это точно про меня, — я как раз купил вчера одну коробку спичек за 10.000 р.

Вчера же ходил куда-то к черту на кулички, к портновских дел мастерочку, с письмом к нему от земляка (моего бывшего сослуживца по Цектрану), слезно просить его взять у меня в переделку старый костюм за недорогую цену. И вот этот портной, работающий не на Тверской, а в захолустье, в подвальном этаже, приняв во внимание все то покровительство, которое изобразил на бумаге его земляк, объявил мне, что перелицевать костюм менее как за 25 млн. р. он не может. Что же это: не так давно брались в магазине такую штучку сделать за 10 млн. (впрочем поиски более дешевых портных давали мне потом и более высокие цены — 15 млн., 20 млн.), а теперь 25 млн.! Как-никак, а цена несуразная. Поговорить с ними — начнут докладывать, что хлеб-то уж 110 тыс. р. фунт, но скачки на 5 млн. в цене за труд, вероятно одного человека, 2- или 3-дневный, заставляют с подозрительностью относиться к такому жонглированию

миллионами. Просто теперь покупатель или потребитель — человек «испуганный». Если бы у меня эти 25 млн. были в кармане и если бы на другое необходимое у меня тоже чего-нибудь было оставлено, то я, хорошо зная этого господина НЭПа, в первый же момент предоставил все 25 млн. этому французу из Сапожковского уезда, смекая, что если торговаться да думать об этом, то цена-то возрастет еще больше. Сегодня 25, а через неделю хоть от кума его принеси протекционную записку, — он уж заломит 30 или 35 млн. Народ простой, а психологию испуганного советского берендея изучил превосходно. Коли есть такая сумма — торговаться не будет, а коли нет — найдет после и заплатит вдвое. Может быть. Но пока денег нет и мало-помалу мои почтенные одеяния превращаются в рубища, а добродетели в себе все-таки не чувствую, напротив, все больше и больше «озлобляюсь». Вспомнишь банный разговор. Действительно делаемся все «злее». Бани уж 300 тыс., 200 тыс. и 100 тыс.!

В «Правде» помещен такой рисунок: с облаков выглядывает на Москву Тургенев, а там вывески: «Цустоп», «Москимоснова», «Москустпром», «Гехолуц», «Главснабпродарм», «Моссельпром», «Всеколес», «Кта», «Петрораспредхладбаза», «Гум», «Сельпромторг» и т. п. Внизу слова Тургенева: «О великий, могучий и свободный русский язык…» Рисунок Дени.

25 марта открылся 11-й Съезд коммунистической партии. Ленин опять повторил, что «отступление приостановится», опять подразнил партийных работников, что они плохи в промышленности и торговле. А об Генуе высказался полупрезрительно. Там, говорит, трудностей для нас нет. «Мы едем туда не как коммунисты, а как купцы.»

Напечатано правительственное сообщение «0 событиях в г. Шуе, в связи с изъятием церковных ценностей». Будто бы «на верхах духовенства началась явно преступная работа, выражавшаяся в издании противоправительственных воззваний с призывом не сдавать золота, серебра и брильянтов… Заправилы церкви распространяют чудовищные и бессмысленные слухи, будто ценности пойдут не голодающим крестьянам, а на уплату Польше или на расходы Красной Армии и проч.» И вот на этой почве в нескольких местах комиссиям по изъятию ценностей верующие дали отпор. А в Шуе такие события «приняли наиболее бурный характер». 15-го марта на соборную площадь стекается значительная толпа народа, раздаются погромные призывы, толпа постепенно растет. Конную милицию встречают угрозами, камнями, поленьями. С колокольни бьют в набат. Вызывается полурота красноармейцев, а также два автомобиля с пулеметами. И пошла писать Шуя! Четверых убили, десятерых ранили (по

«правительственному сообщению»), потом пошли аресты (вероятно, и расстрелы). Сообщение заканчивается такой угрозой «князьям церкви»: «Царская бюрократия, генералитет, дворянство и буржуазия пытались сопротивляться советской власти. Они были сокрушены. Если верхи духовенства становятся на тот же путь, на них, в свою очередь, опустится железная рука советской власти.»

Давно уже в газетах печатаются резолюции об изъятии из церквей ценностей. Их тысячи, этих резолюций, и при всей важности этого предмета что-то щедринское или чеховское в них. Вот, например: «Работники Сущевской пожарной команды, 18-го отделения милиции и арестного дома предлагают советской власти более энергично проводить постановление о изъятии ценностей из храма.»

Вот бы самих этих энергичных пожарных припустить к этой работе. Грабежи по пожарным случаям их, видимо, не удовлетворяют.

Как-никак, а дело «изъятия» идет полным ходом. И голод, и холод, и всякий беспорядок жизни русской — плетутся своей чередой.

В Москве на днях арестованы: Архиепископ Никандр, Епископ Илларион, священники Кедров, Громогласов (Илья Михайлович, недавно посвященный, из профессоров) и др. «князья церкви». Арестовали, как слышно, и патриаршего келейника. Вероятно, для расспросов о «поведении» самого Святейшего. Бедная Православная Церковь!

20 марта/2 апреля, † В Берлине стреляли в Милюкова, а попали… в Набокова. И Набоков погиб. В советских газетах пишут, что выстрел произведен монархистским офицером царской службы, мстившим Милюкову за падение и конец Николая Второго. Может, он и прав, что кадеты свалили в пропасть российское самодержавие.

На днях для домашних надобностей купил полфунта гвоздиков размером с пишущее перо. Заплатил 125.000 р. Пересчитал количество. Оказалось, 75 штук, и вывел, что каждый гвоздик стоит 1.666 р. И вот припомнился анекдот о спекулянте. Купил он вагон гвоздей (может быть, весь вагон за 1.666 р. — была когда-то такая цена). По прошествии некоторого времени он продал этот вагон по двойной цене. С этими деньгами он отправляется на завод или в склад и просит отпустить ему два вагона, а там говорят, что на эту сумму можно купить теперь только полвагона. Купил и полвагона, в расчете заработать и на нем 1.666 р. Конечно, заработал, но следующую покупку мог

сделать только в четверть вагона. Дальше дело пошло на сотню пудов, потом на десятки, просто на пуды, затем на фунты, и кончилось тем, что его деньги дали ему возможность купить только один гвоздь. А дальше его спекулянтская деятельность прекратилась, ибо ему осталось на этом гвозде только повеситься.

Бывало, такие анекдоты украшали страницы «Сатирикона». Они приводили нас в веселое настроение, ибо были небылицами, а теперь от такого «анекдота» жутко — он сама жизнь. Да и некогда заниматься анекдотами, у них теперь карандаши работают исключительно для прославления царствующей партии и для борьбы с «князьями церкви». Вот последнее произведение Дени, густо расклеенное по всей Москве. Плакат в красках, разделен на две половины: на левой изображена часть церковного иконостаса и коллекция священных сосудов, обязательно украшенных драгоценными камнями, и среди этого церковного богатства стоит во всем велелепии Патриарх. Митра, облачение, посох и все атрибуты его сана тоже унизаны всевозможными драгоценностями. Все приблизительно даже похоже на действительность, причем лицо Патриарха не окарикатурено и вышло очень похожим, и таким симпатичным и умным (как оно и есть), но почему-то на всех пальцах обеих рук подрисованы драгоценные перстни. Что это — малограмотность художника или провокаторство печати? В руках Патриарха — свиток, на котором напечатана та часть его воззвания, где Патриарх говорит, что по канонам церкви сдавать священные сосуды, хотя бы и добровольным пожертвованием, на другое назначение — дело святотатственное и караемое отлучением мирян и лишением сана духовных. На правой половине плаката изображена семья голодных, простирающих костлявые руки к этим драгоценностям.

Кроме того, московские стены испещрены различными воззваниями на эту же тему, которую в коротких словах можно изложить так: «Рабочие, идите и тащите из церквей серебро, золото и камни, а тех, кто мешает этому, забирайте в каталажку». Воззвание самой партии большевиков составлено в таких оскорбительных для веры и отцов духовных выражениях, что я брезгую воспроизводить его содержание. Такой подход к кампании «изъятия церковных ценностей в пользу голодающих» нравственно понижает цену этой — как ни говори — великой народной русской исторической жертвы, и чреват последствиями, и чреват последствиями для… евреев. Про них нехорошо стали поговаривать. Вот я сегодня слышал, что на днях «изъятчики» заявились «обдирать» храм Василия Кессарийского на Тверской. Большинство из них будто бы евреи. И говорят еще, что они устроили себе тут же в храме самоварчик и покуривали там. Если

это правда, то не жалко, что и бить их будут; если неправда, то все-таки бить их кому-то хочется, и такими сплетнями рать собирается.

Ох, эта политика проклятая! Кто знает: может, тот же Бурцев когда-нибудь поведает нам, что эти воззвания, эти плакаты и эти самовары — сочиняли, рисовали и ставили не жидофилы, а жидофобы!

С 1-го апреля повысились тарифы транспорта. Теперь проехать в Петроград (в международном вагоне) из Москвы стоит 4.910.000, трамвайную станцию — 75.000 р., ломовику надо заплатить за перевозку каждого пуда от 40.000 до 50.000 р., легковому извозчику за конец в прежний полтинник — не менее 1 млн. р.

3/16 апреля. Христос Воскресе!

14/27 апреля. Страстная неделя по погоде была холодная и грязная. Так шло до самого Светлого Воскресенья, но с полдня заблистало солнышко и сразу стала «весна-красна», но это продолжалось 2–3 дня, а потом опять захолодало, и вот, до сегодняшнего дня — переменно. То снег, то град, то дождь. По утрам один градус мороза, днем тепла каких-нибудь 5–6 градусов. Однако, судя по сегодняшнему дню (с теплым дождем), можно сказать, что весна капризничать больше не будет.

На Страстной неделе все оказались крупными миллиардерами, ибо накупали себе на целые миллионы яиц, игрушек, закусок, вин, фруктов и всякой иной роскоши. Разумеется, все вздорожало до безобразия. Яйца 150.000 р. за шт., ветчина 2 млн. ф., масло сливочное 1.200.000, лимон (1 лимон) 600.000 р., апельсин (1 апельсин) — лимон, то бишь 1 млн. р. Сам золотой рубль (на так называемой «черной» бирже) — 2.300.000р., или 23 млн. за десятирублевик! Бутылка «самогону» около 5,5 млн. р. В частных парикмахерских явный разбой — за бритье и стрижку лупят 1,5 млн. Я с апреля месяца получаю жалования 43 млн., но чувствую себя нищим более, чем когда-либо. Надо бы, например, купить керосинку или примус, но она стоит не менее 20 млн. р. Значит, отдавай половину жалованья только за такую «пустяшную» штуку, а ведь мало ли еще каких нужд! Так вот и питаемся нередко «всухомятку». Кажется, подходит время, и самоварчика будем не в состоянии развести. Уголь в маленьком кулечке (полмеры) 1.300.000 р.

Однако на Пасхе был кое у кого в гостях и угощался белорыбьим балыком, свежими огурчиками и даже «Бенедиктином». Про последний и спрашивать не стал, сколько

платили. Стыдно стало и за хозяев, и за себя. Ведь вон какой голод на Руси! Даже в церквях сдираем все золото и серебро. Евангелия оставили без окладов, лампады сняли, дарохранительницы перетаскиваем в советские сараи.

Налоги, акцизы и разные таксы все растут и растут. Рабочие и служащие до 9-го разряда платят «общегражданского» налога 30.000 р., свыше 9-го разряда и крестьяне (ведущие лично земледельческое хозяйство) — 1.000.000 р.; все остальные граждане 3.000.000 р. Акциз за виноградные вина 6.400.000 р. с ведра, за 1 ф. табаку (не махорки) – 400.000р., за 1.000 шт. папирос 800.000, за 1 ф. махорки 20.000 р., за ведро пива 2 млн. р., за спирт 750.000 с одного градуса, за соль 4 млн. с пуда, за керосин 600.000 р. с пуда, за патент на розничную продажу (распивочную) 100.000.000 за полугодие. И не перепишешь всех сборов и налогов. Берут и со скота, и со всяких других домашних животных, и с велосипедов, и со всякой движущейся силы, берут за справки, за подачи и прием разных бумаг. Все стали драть друг с друга невероятнейшим образом. Например, почтово-телеграфное ведомство предъявило на днях речному управлению НКПС счет за телеграммы, посланные в течение последнего месяца одной только Волжской областью на сумму 1.370.000.000.000 р. Скандальное дело! Транспорт теперь тоже на «хозяйственном расчете». Заплати вот такую сумму, ан и денег нет, и как накладывать такую массу миллиардов на ничтожное количество грузов и пассажиров, которые успели перевезти за первый навигационный месяц. Высчитывали «собственность», а про телеграф-то и забыли! Я думаю, что лучше и не писать об этих налогах, ставках и ценах рынка, а зафиксировать пока, что сейчас ходовая монета — миллион, т. е. что-то вроде гривенника, а потом (вероятно, скоро) отметить, что теперь ходовая монета 10 млн.

Газеты последних дней заняты, главным образом, двумя сюжетами: о Генуэзской конференции и об изъятии церковных ценностей. 2-го апреля российская делегация под председательством Чичерина была в Берлине и была принята германским правительством. Очень торжественно. Таким образом, советское правительство считается признанным Германией. Здание нашего бывшего императорского посольства передано русской советской миссии.

4-го апреля в пленуме Моссовета (Московского совдепа) очень ругали Патриарха и все духовенство якобы за агитацию против добровольной выдачи церковных ценностей и постановили провести декрет ВЦИК об изъятии «неуклонно, твердо и энергично». Впоследствии так и сделано, да никто им и

не мешал. Напрасно только изволили лаяться. В некоторых церквях изъято серебра по нескольку пудов, а в некоторых — десятки пудов. Подожду конца изъятий и запишу собранное (вернее сказать, «содранное») церковное богатство в итоговой сводке.

Пред Пасхой масса «пасхальных» объявлений, и даже вот такое хитроумное: «Ты говоришь, к Пасхе нельзя купить коньяк? Так купи вино В. Г. Сараджева. Магазин: Тверская, 22.»

Значит, и коньяк там есть, или он коньяком не называется, а просто вином.

Генуэзская конференция открылась 10-го апреля. Председателем конференции избран итальянский премьер Факта. Первое предложение внес Чичерин, и оно провалилось. Он предлагал обсудить на конференции вопрос об ограничении вооружений. После речей Барту (Франция) и Ллойд Джорджа (Англия) Чичерин снял свое предложение. Среди генуэзских заседаний с эффектом разорвавшейся бомбы прогремело известие о подписании русско-германского соглашения о признании «де-юре». Оно подписано 16-го апреля в самой Генуе. На основании этого соглашения обе стороны отказываются от возмещения расходов по содержанию военнопленных. Причем Германия отказывается ст всяких притязаний, вытекающих из национализации и конфискации имущества германских подданных, произведенных по декретам РСФСР. Между РСФСР и Германской республикой немедленно восстанавливаются нормальные дипломатические сношения.

В последнее время в газетах стали появляться «благодарственные» письма некоторых священников, что комиссия по изъятию церковных ценностей вела, мол, себя корректно, «в храме все время были без шапок и никто в нем не курил». Это подтверждает только, что в иных храмах не только курили, но и водку пили, и на матерном диалекте говорили.

Франция и Англия протестуют против сепаратного договора Германии с РСФСР. Он считается нарушением тех принципов, на которых зиждется конференция, а потому Германия устранена от дальнейшего участия в обсуждении условий соглашения между различными представленными в комиссии государствами. Чичерину был предъявлен «меморандум», так называемый «лондонский», коим Антанта, по словам Чичерина, «стремится закабалить русских рабочих, и не дает никаких указаний для восстановления России». Вследствие этого Чичерин выступил с контрмеморандумом, коим требует «немедленного признания России, немедленного предоставления России солидных займов, аннулирования военных долгов, а также процентов на них. Если

эти условия будут приняты, то Россия согласится признать довоенные долги. Однако Россия требует отсрочки платежа в виде моратория, примерно на 20 лет, включая списание процентов с довоенных долгов. Что касается претензий бывших собственников, то Россия согласится на предоставление концессий бывшим владельцам, где это окажется возможным. А где невозможно — советское правительство согласится удовлетворить справедливые требования по взаимному соглашению с бывшими владельцами.»

Россия представляется в комиссии экспертов Красиным, Литвиновым, Раковским и Рудзутаком.

Французские представители демонстративно покинули эту комиссию. Вообще Барту встал в непримиримую позицию против советской делегации, а Ллойд Джордж все острит, мирит и паче всего мудрит.

«Не наше дело, Иван Парамонович, пойдемте лучше чайку попьем.»

18 апреля/1 мая. Было несколько благодатных дождей, после чего показалась молодая травка и зазеленела почка. Первое мая («пролетарское») по погоде очень приятное, но накануне, т. е. вчера, целый день моросил дождь, и сотни тысяч московских школьных ребятишек шлепали по грязи, гонимые волею любвеобильного к ним начальства в разные сады, парки, площадки и театры. Вчера они потрудились во славу советского правительства, сегодня трудятся взрослые — назначены уличные шествия и все подобающее первомайскому празднеству. Я не ходил (может быть, рискуя «пострадать по службе»). Чувствую себя только стариком. Знаю, что на улицах будет сегодня многолюдно и весело, но не припишу этого потребности вынести на улицу разные свободолюбивые и братские (?!) чувства; просто весна, солнце, молодая травка, музыка, толпы народа, аэропланы, а главное — молодость, молодость и молодость! Так что если бы сегодня и царя какого-нибудь встречали — набралось б народу на улицах тоже видимо-невидимо, а мы, «старики», пожалуй и тогда предпочли бы сидеть дома.

Вот не хотел уж больше удивляться денежным «прыжкам», а приходится: «Главчай» внезапно объявил, что в розничных магазинах один фунт чая высшего качества стоит теперь не 2,5, а 4,5 млн. рублей.

Русская делегация представила в комиссию экспертов генуэзской конференции письменный ответ на лондонский меморандум. Этот ответ ошеломил Антанту. Он особенно характерен в устных пояснениях наших дипломатов. Например,

бельгийский эксперт спрашивает: «Если в бельгийском банке оказалось бы 10 млн. русского золота, то вы его требуете обратно?» Ответ: «Требуем». Вопрос: «Но если тот же банк имел в России в разных предприятиях 100 млн., то Россия ему ничего не возвращает?» Ответ: «Ничего.» Вопрос: «Почему же такая разница?» Ответ: «В России это сделано на основании изданных государственных законов; в Бельгии же произвольно задержаны наши ценности.» Вопрос: «Зачем это говорится — претензии бывших собственников, если они признаются справедливыми, то удовлетворяются по соглашению? Прошу разъяснить, кто установит справедливость претензий?» Ответ: «Советское правительство.» Вопрос: «Что получит собственник в случае отсутствия соглашения между ним и советским правительством?» Ответ: «Ничего.»

После этого из Санта-Маргериты по радиотелефону сообщают, что в комиссиях среди журналистов и дипломатов почувствовалось тревожное ожидание предполагаемого разрыва.

Сухаревка-то, которую так торжественно и безвозвратно похоронили с участием самого Ленина, понемножку оживает: открылась «на праздничное время» (якобы в пользу голодающих), а с самих праздников с той же целью заторговала вовсю, только «на полгода», как конфузливо оправдываются закрыватели ее из породы тех, которые вбивали осиновые колы куда нужно и куда не нужно.

В полдень на солнце реомюр показывает 30 градусов.

25 апр./11 мая. Погода без особых сюрпризов. Умеренно тепло и умеренно свежо (когда как). Было несколько дождей, а один даже с очень внушительной грозой. Для «произрастания злаков» все очень пока хорошо.

Новое «первое мая» отмечалось великолепной погодой. По обыкновению, после этого праздника советские газеты поместили описание всех уличных потех, бывших в этот день. Конечно, все под соусом «несметной ликующей толпы», «энтузиазма», «мощных звуков интернационала», «восторженных «ура» красной армии, ее вождю (Троцкому)» и т. д. На Красной площади был устроен военный парад, причем красноармейцев приводили к какой-то «красной присяге». Слова новые, но сущность старая: «Бей буржуев!» Были и такие феноменальные нежности (а может быть, и не были?): «Да здравствует наш славный красный вождь!» — раскрасневшись, кричит карапуз лет семи (?!), с автомобиля, поравнявшегося с т. Троцким.

Накануне первого мая прилетело два аэроплана из Берлина. Эти аэропланы в числе других составляют эскадрилью для

регулярного обслуживания воздушного сообщения Москва-Берлин. Ленин на празднике не был. Не так давно он подвергнулся операции. Те две пульки, которые застряли в его плече, должно быть, не ужились с ним и давали себя чувствовать. Из опасения отравления организма свинцом решили извлечь их, и вот, одну из них уже вынули, — как сообщает наркомздрав Семашко, — благополучно. Рана после операции уже зажила, и, по словам Семашко, Ленин скоро будет совершенно здоров. А пока что его не видно и не слышно. Декреты давно уже подписывает Цюрупа (который, между прочим, на днях назначен еще народным комиссаром рабочей инспекции «с оставлением во всех занимаемых им должностях», как сказано в «рескрипте», подписанном Калининым).

В Генуе наши все еще обмениваются «меморандумами». Кроме того, и там Чичерин продолжает писать разные ноты и письма, а самих заседаний или нет, или они происходят без участия советской делегации. Из всего все-таки видно, что прочного и общего соглашения державы с Россией не заключили. Не сторговались!

С 31 марта по 27 апр. включительно по Москве изъято в церквях: 3.059 пуд. 28 ф. 43 зол. 72 доли 400 р. серебра, 2 пуд. 21 ф. 86 зол. 76 долей 500 р. золота; брильянтов, алмазов и розочек 3.658 шт., жемчуга 16 ф. 67 зол. 40 долей, рубинов 1.178 шт., изумрудов 1.887 шт., драгоценных камней 1 пуд. 72 золотника (каких еще?!), и много других ценных вещей, описанных поштучно.

На май месяц минимум заработной платы для средней квалификации установлен в Москве 18.300.000 р., мое жалование в этом месяце 75.250.000 р. А что толку-то, когда прокуриваешь полмиллиона в день. Черный хлеб 200.000 р. ф., сажень дров («возками») около 70.000.000, мера угля чуть не 3 млн., и т. д. и т. д.

«Злоба дня», как бывало говорили в «добрые старые дни», — судебный процесс о сопротивлении (якобы) изъятию церковных ценностей. Газетные застрельщики натянули свои клеветнические луки до угрожающего предела. По их гарканьям (или карканьям), процесс «вскрыл возмутительную картину заговора против советской власти под видом защиты религии», и что «Патриарх и его штаб — организаторы и руководители обширного контрреволюционного заговора» (распни Его, распни!). К концу процесса вызвали в трибунал свидетельствовать самого Патриарха. Вот и началась пальба из всех орудий. «Стреляли», собственно, не только в безоружных, но и в «лежачих». Особенно усердствовали Стеклов, Петр Ошевский, Марк Криницкий,

Л. Николаев, Д. Фибих и, конечно, «лауреат» по этой части М. Горев (Галкин). (К слову сказать, Ошевский и Криницкий когда-то писали и то, что угодно было Ивану Дмитриевичу Сытину. И без сомнения, стали бы писать верноподданническое и Патриарху, если бы тот был сейчас в силе.) Ошевский и Криницкий тряхнули стариной, написали по поводу допроса на суде Патриарха несколько хлестких фельетонов «под Дорошевича». Старые читатели «Русского слова» «прочтут с удовольствием», да и я, пожалуй, прочел не без удовольствия, ибо, как они ни оплевывали «гражданина Василия Ивановича Белавина» (так официально именовали на суде Святейшего Патриарха Тихона), все-таки он вышел из-под их перьев самим собой, а не навязываемым ему бесчестными усилиями проголодавшихся бывших сотрудников «Новостей дня» и «Московского листка» типом черносотенного, властолюбивого и трусливого попа. Вот так же, как Островский вылезал из фердинандовских лохмотьев в своем прекрасном наряде, так и Патриарх вышел из оскорблявшего его трибунала… Патриархом, а не каким-то Белавиным.

«Медленно входит высокий стройный старик. Белая борода. Черная шелковая ряса. На груди скромная серебряная иконка. Никаких «знаков отличия». Держит себя с большим достоинством… Мыслит отчетливо и говорит хорошо… Но вот появляется и сам «гордый Рим». С ясной мыслью, с отчетливой сознательностью и при полном своем достоинстве он твердо заявляет: «Да, это сделал я. — Да, я знал, что делал. — Да, я готов ответить за себя…» Набившаяся в зал публика с напряжением ждет появления «государя церкви»… Лицо у него розовое, благодушное. Поступь мягкая… Сначала он делает поклон в сторону публики и благословляет ее по-архиерейски сложенными пальцами правой руки, потом ищет глазами трибунал. Три четверти публики, той самой, к которой относилось архиерейское благословение, безмолвно поднимаются с мест… Голос у гр. Белавина в меру пристойный, и в меру исполненный чувства собственного достоинства. За этим голосом чувствуется длительная, многовековая работа ряда духовных поколений и убеждение, что эта работа пойдет сейчас его обладателю на пользу. Он говорит не тихо и не громко… В. И. Белавин ведет себя достаточно открыто… Гражданин Белавин, простившись с аудиторией, в меру смиренно и в меру с достоинством покидает зал суда.»

Это все из Ошевского и Криницкого, но для «Известий» и «Правды», а не для суворинского «Нового времени». Эко ведь как Патриарх-то выпирает из Белавина, никак его не удержишь.

Все-таки Горев и компания добились своего: и церкви ободрали, и на Сухаревке новый товар ввели — «серебряный лом», и по постановлению Московского трибунала привлекают Патриарха и Архиепископа Никандра (бывших пока только «свидетелями») к судебной ответственности, направив соответствующие материалы для производства расследования в Наркомюсте, а также всех участвовавших на собраниях под председательством Архиепископа Никандра. Трибунал так мотивирует это «привлечение»: «С достаточной ясностью и полнотой установлено, что они, стоя во главе организации, называемой «Православной иерархией», разработали план кампании действий против изъятия церковных ценностей, составили воззвание, направленное против изъятия ценностей, и, распространив его через низшие ячейки церковной организации среди широких масс, вызвали многочисленные эксцессы.»

К слову заметить: кто их вызвал, они сами вызвались! Так было и так будет!

Что же касается закончившегося суда (над публикой «помельче»), то тут вынесено такое постановление: о.о. А. Н. Заозерского, А. Ф. Добролюбова, Х. А. Надеждина, В. П. Вишнякова, А. П. Орлова, С. И. Фрязинова, В. И. Соколова, М. Н. Телегина, В. И. Брусилову, С. Ф. Тихомирова и М. Н. Раханова — *подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.* Дальше идет шесть лиц, им — тюрьма, по пять лет, тринадцать лиц — по три года, 10 лиц по одному году, и 10 лиц оправданы.

Между прочим, на скамью подсудимых попало два субъекта (Иванов и Соломин), которые, как выяснилось на суде, попали в число сопротивлявшихся «изъятию» лишь «по пьяной лавочке». Они даже не знали, что происходило изъятие, были волнения, разговоры; просто лежали около церквей мертвецки пьяными, ну их и подобрали кстати, — свалили в автомобиль и отправили вместе «с преступниками». Там, мол, разберутся! (Или «вали валом, после разберем».)

Слышно, смертный приговор, слава Богу, ВЦИКом не утвержден. Значит, или пугнули только, или сами «испужались» такого апофеоза процесса.

Сегодня «Рабочая Москва» опровергает слухи, что Патриарх Тихон «недосягаем для советского правосудия», и он-де сам уже находится под домашним арестом, а все окружающие его арестованы. Бедная русская церковь! Сегодня смотрю, на стене одного храма издали еще видно крупными буквами объявление, начинающееся словами: *«Не рыдай»* Что-то подходящее к моменту; подхожу ближе и читаю: это программа какого-то нового кабаре,

называющегося «Не рыдай». Рядом еще десяток плакатов, все по театральной да по ресторанной части. Как не стыдно так хулиганничать! Разве, в самом деле, это похоже на то, что верующим не запрещается верить?

Из Генуи кроме радиотелеграмм пошли и письма «собственных корреспондентов». Из них видно, что Чичерин и Иоффе щеголяют «в безукоризненных фраках», что к Чичерину заезжает «запросто» Ллойд Джордж и что в Генуе был итальянский Король, который «милостиво» побеседовал и с Чичериным.

Зарыдаешь от таких известий, или пойдешь в этот «Не рыдай» и нарежешься там, как Иванов или Соломин.

30 апр./13 мая. По утрам свежевато, т. е. тепла 5–6 градусов, но дни солнечные, достаточно греющие грешную Москву.

Иоффе, Нариманов и Рудзутак, члены советской делегации в Генуе, уже вернулись в Москву, якобы для доклада 3-ей сессии ВЦИКа (последнего созыва), открывшейся вчера в Андреевском зале Кремлевского дворца.

Из доклада М. И. Калинина видно, что голодающих в России больше 17 млн. человек, и что главное средство, на которое рассчитывает ЦК Помгола, составляется из общегражданского налога в пользу голодающих и из реализации церковных ценностей, но налога, ожидавшегося в сумме свыше 7 триллионов рублей, собрано всего лишь 180 млрд., а ценностей (разочарованно замечает Калинин) «изъято гораздо меньше, чем на это можно было рассчитывать», т. е., по подсчету на 1-е мая, 6.800 п. серебра, 12 п. золота и др. ценностей, «трудно поддающихся учету».

Ох, эти Горевы, Криницкие и тысячи сочинителей резолюций пожарных, и всяких других хозяев земли русской, — сколько вносят они своим разнузданным словоблудием в горестную русскую жизнь лишних раздоров, злобы, лжи и наветов!

Эстонское правительство отказало в выдаче советскому правительству тела расстрелянного эстонского коммуниста Кингиссепа. Хотели привезти его в Москву, чтобы похоронить на Красной площади.

«Какое людоедское дело — не отдать из церкви Святую Чашу!» — кричат стекловы и горевы. «Ведь на стоимость ее можно спасти умирающего с голода.» А как же вот насчет «тоже» никому особенно не нужной перевозки мертвого человека из-за границы в Москву? Такая церемония большущих денег потребовала бы, а главное, перевозка его внесла бы известного рода внеочередность, и тем самым — мало-мало на один вагон — голодным местам

подвезли бы заграничного хлеба меньше. Вот тоже наш Кузнецкий мост. Вчера я после долгого антракта побывал там: сколько развелось шикарных магазинов, какие роскошные выставки в их окнах, и чего только нет! Ну прямо не 22-й год, а «довоенный», и что всего удивительнее — сколько угодно золотых, серебряных и драгоценных вещей. Ну где же справедливость?! Хоть бы припрятали на то время, когда идет кампания против противников церковных «изъятий»!

В Генуе продолжается «неделя меморандумов». Есть таковой и от Папы, причем третий пункт этого меморандума требует возвращения церковного имущества в России. В корреспонденции об этом сказано, что «к величайшему удивлению присутствующих Ллойд Джордж запротестовал против Ватиканского меморандума». Вообще Ллойд Джордж протестует до такой степени, что того и гляди поссорит свою страну с Францией и Бельгией. Те отказались от всяких уступок советским предложениям. Польские газеты считают его выступления на конференции «похожими на маневры, не имеющие завтрашнего дня».

Пошел сегодня за всенощную на Патриаршье подворье. Прекрасная, «правильная» служба, как в небольшом монастыре незабвенного старого обихода. Служил простой иеромонах с одним иеродиаконом, но на правом клиросе звучное и умелое пенье любителей церковного пенья обоего пола, по-видимому, из духовного звания (поют, и вместе с тем молятся), на левом — знаменитейший чтец, молодой человек с редким по красоте голосом и изумительной дикцией. Когда ему приходится петь, ему вторит подворский патриарший архидиакон Автоном, не ахти какой басище, но певец складный и умеющий. В общем, очень хорошо, но и очень грустно. В алтаре всю всенощную стоял сам Патриарх, как простой богомолец. Его можно было видеть, став за левым клиросом, в те моменты, когда открывались Царские Врата. Он стоял направо, в сторонке от престола, в простой рясе и без параманда. Так вот он и на суде предстал «высокий и стройный». Грустно было смотреть на такое, может быть, и любезное его сердцу, но теперь, безусловно, *вынужденное* смирение главы Российской Церкви. А паства? «Боголюбивая» Москва, где же она? Отчего она не потянулась в эти дни именно сюда, в этот уютный и скромный храм, в этот русский Ватикан? Ведь все знают, все читают, *что* на Патриарха спущена вся свора спецов по богохульству. Все смутно ждут крайнего утеснения Святейшего отца. Ясно, что ему подготавливают всякие поношения и лишения, вплоть до «высшей меры наказания». Так чего же не шли взглянуть на Патриарха в такие черные и тяжелые для него дни? Разве мало в Москве стариков и вообще почтенных людей, обязательно посещающих воскресные службы. Ну и шли бы, или на трамвае ехали со своих плющих, хамовников, серпуховок, таганок, бутырок или грузин на Троицкое подворье. Шли хоть бы поочередно от каждого прихода по одному приличному пожилому человеку. Тем самым поспорили бы с неверующими, которые теперь очень кричат, да и не без основания, — что кончено дело Церкви — распадается она,

редеет, вырождается!

И какое бы утешение старику видеть, что не одни бабы иоаннистического типа пришли помолиться с ним (как это было сегодня за малым исключением), а сошлось еще человек 300 старых богобоязненных москвичей. Он видел бы в этом сочувствие к себе со стороны верующих и явился бы на ожидаемый «суд неправедный» еще более *«высоким и стройным»*, и безусловно праведным.

На днях у меня в гостях был очень любопытный человек: регент кружка любителей духовного пения имени Св. Филиппа — Никита Николаевич Драчев (все пропагандирую обедню А: А. Оленина). И чего-то он не порассказал, о чем только не поспорил! Вот ведь, собственно, не знаменитость московская, а какой оригинал и какой энциклопедист! От Бетховена к Андрею Белому, от Троцкого к Щусеву, от Врубеля к церковной кликуше. И все темы, все тезисы, все дискуссии — попросту все свои речи, фразы, слова — так излагал логично, красиво, оригинально и убедительно, а подчас и довольно остроумно или смешно. Я вспомнил его сегодня у Патриарха. Послушаешь, что говорят теперь про изъятия, про суд над церковниками: «Не дадим, не посмеют, не боимся», и т. п., одним словом, вечное русское глупое: «мы-ста, да мы-ста», а вот все эти храбрецы и такого маленького подвига в пользу своей церкви не могут сделать, т. е. не могут пойти в домовую церковь Патриарха. Как бы, мол, и меня не арестовали! И не пойдут! Но когда на них гаркнет милицейский или красноармеец, он, если власть прикажет, на собственных руках понесет Патриарха на Лубянку, в Бутырки, в любое заточение. Драчев картиннее и крупнее рисует подлость русского человека: «Все мы сволочи! Выйдет декрет записываться всем в коммунисты, и все пойдем. Мало этого: вынесут из Успенского собора икону Спасителя с перстом вниз, поставят на Красной площади и велят всем поочередно плевать на эту святыню, — и будем плевать!»

Гр. А. К. Толстой, как он говорит в предисловии к своему «Князю Серебряному», «бросал перо в негодовании не столько от мысли, что мог существовать Иоанн Четвертый, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Такое общество существует доднесь, ваше сиятельство, в Совдепии.

24 мая/6 июня. Каждый день дожди, и вообще облачно и прохладно. А еще май — «пора любви младая!» — невесело и грязно.

Становится ясным, что наше попечительное правительство забрало в свои руки и управление Церковью. Патриарх, конечно, не сам «переехал в Донской монастырь», а его увезли туда и посадили в маленький, темничного типа домик, около ворот, выходящих на Донскую улицу. Я был там накануне Троицы и думал, что он будет служить всенощную. Но его не было в соборе и в качестве молящегося. «Не позволено», — печально сообщают монахи удивленным богомольцам. «А можно ли пойти к нему за благословением?» — спрашивают некоторые «смельчаки». «Нет. *Стража* не допустит!» — еще печальнее говорит спрашиваемый.

Вот передо мной ворох газет за прошлое время. И каждый день во всех них какая-нибудь новая клевета на Патриарха или угроза, а вместе с тем — и интервью с самозванными или назначенными чрезвычайкой членами «Высшего церковного совета» — Епископом Антонином, священниками Владимиром Красницким, Александром Введенским, Евгением Белковым, Сергеем Калиновским, Иваном Борисовым, Владимиром Быковым, Русановым, Ледовским и псаломщиком Стефаном Стадником. Эти ликуют и пишут послания «верующим сынам Православной Церкви России», в духе, стиле и орфографии коммунистических писателей. По их словам, рабоче-крестьянское правительство существует «по воле Божьей, без коей ничто не совершается в мире», и «оно взяло на себя задачу устранить в России жуткие последствия мировой войны, борьбу с голодом, эпидемиями и прочими нестроениями государственной жизни» (тут невольно хочется сказать «святым отцам», что взять-то взяло на себя советское правительство эти задачи, да еще далеко «не устранило» нестроений разных, но зато легко и свободно «устранило» немало попов и монахов, и даже на этих днях расстреляло пять священников, из серии «11», приговоренной к расстрелу на недавнем процессе. Может быть, так и сказали новому «всешутейшему собору» — отберите из 11 пяточек для расстрела, и преосвященный Антонин с другом своим Калиновским делали этот выбор. Ну да Бог с ними! Не мне, грешному и малому, судить этих «угодников советских».

Патриарх Тихон будто бы передал этой компании следующий документ: «Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, происшедшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить временно впредь до собрания Собора во главе церковного управления одного из церковных Митрополитов.»

На 15-е мая в 48 губерниях изъято из церквей 17 п. 63 зол. золота, 9.436 п. 28 ф. 35 зол. серебра, 7.997 шт. бриллиантов, 7.467 карат, жемчуга и много других ценностей. Наибольшие

поступления дали Московская, Костромская и Ярославская губернии, а также Украина и Сибирь.

«Временное высшее церковное управление» залезло на Патриаршее подворье, и оттуда шлет свои «указы», которые, кажется, большинством московских церквей не выполняются. (В «управлении» кроме упомянутых членов значатся еще дьякон Скобелев и гражданин Хлебников. Тоже надо записать, может быть, когда-нибудь можно будет разобраться, «как они дошли до жизни такой».)

Генуэзская конференция закрылась 19-го мая. Наши уехали «с носом». Жутких последствий войны, и прочего такого, нашим дипломатам стряхнуть не удалось. Теперь одна надежда на Антонина.

К предстоящему процессу эсеров в Москву приехали иностранные защитники-социалисты: Вандервельде, Теодор Либкнехт и др. Пока они ехали в Москву, газеты наши были переполнены руганью против них, как «защитников убийц», а как приехали — была организована неприличнейшая встреча с подношением крапивы, калош и разной дряни. Бросали соленые огурцы, свистали, гоготали, и это якобы «рабочие московские, правильно понявшие предательскую линию эсеров». А на самом деле эти рабочие были искусно инсценированы отрядами чекистов или «гепуистов» (главное политическое управление) и студентами-коммунистами. Такое безобразие было достойно оценено письмом их подзащитных, сидящих в тюрьме. Они не убоялись сказать коммунистической партии всю ту правду, которая карается ими обыкновенно «высшей мерой наказания», и все это напечатано и в «Известиях», и в «Правде». Похоже на Ивана Грозного, который любил послушать правду о своих жестокостях и, слушая смельчаков, придумывал им особые смерти, казни.

Замечательное падение цен на муку: ржаная упала до 6 млн., пшеничного размола до 7 млн., крупчатка до 16 млн., и т. д. Курс на так называемой «черной бирже» в связи с этим падает. 10 р. — золотой можно купить за 20 млн., несмотря на то что государственный банк объявил цену его на май-июнь 12.500.000 р. (По этому курсу нам в Северолесе только что выдали жалованье за первую половину июня. Я получил за полмесяца 67.187.500 р.)

С 1-го июня железнодорожный и водный тарифы увеличены против дореволюционных цен в 2 млн. раз, т. е. против мая 1922 г. в два раза. До Питера теперь доехать стоит что-то около 20 млн. р.

4-го июня опубликован «бюллетень о состоянии здоровья тов.

Ленина». Дело в том, что он 24-го захворал острым гастроэнтеритом. Температура повысилась до 38,5 градусов, было «ухудшение нервного состояния больного» и т. д., но сейчас, дескать, «Владимир Ильич находится на пути к полному выздоровлению». Бюллетень подписан профессорами Ц. Фёрстером, В. Крамером, докторами Л. Левиным, А. Кожевниковым, Ф. Гетье и Наркомздравом Н. А. Семашко.[2]

Что-то Ильич часто стал подхварывать. А ведь за него теперь «Временное церковное правительство» должно бы молиться, мне кажется?! По-христиански-то оно так и следует, а политически это было бы смешно.

26 мая/8 июня. Пуанкаре в своем парламенте сказал, что «всякая попытка восстановить Европу без помощи Соед. Штатов (а Америка, как известно, в Генуэзской конференции не участвовала, — мое примечание) была бы безнадежна» и что «для осуществления восстановления Европы необходимо сохранение в силе принципа частной собственности. Франция готова спасти русский народ, но она не может поддерживать принципы его нынешнего правительства».

На Дальнем Востоке новый переворот. Власть Меркулова свергнута. Народное собрание объявило себя верховной властью. Председатель — Старковский, члены правительства во Владивостоке: Болдырев, Кропоткин, Кустов, Иванов. Разрешена свобода печати и слова. Японцы новую власть признали.

Ленин получил нижеследующее послание, подписанное Архиепископом Кентерберийским и «несколькими представителями английского духовенства»: «От имени христианских общин, которые мы представляем, мы выражаем самый серьезный протест против нападения на Русскую Церковь в лице ее Патриарха Тихона. Общественное мнение христианского общества и всего цивилизованного мира не может молча переносить такую великую несправедливость.» В ответ на это *Совнарком* отправил свои объяснения, в которых, между прочим, Патриарх называется «бывшим» (разжаловали, значит, собственной советской бессовестной властью!): «Никакого, — говорят, — нападения на Церковь нет, а есть предъявление обвинения отдельным представителям Церкви в организации сопротивления мероприятиям советской власти, которые производились в целях спасения жизни десятков миллионов людей…» И, дескать, «подавляющее большинство духовенства в конфликте бывшего Патриарха Тихона с советской властью — на стороне советской власти».

Останавливаясь на «подавляющем большинстве духовенства»,

во-первых, не верю этому, а во-вторых, припоминаю слова Драчева: «Заставят плевать на Спасителя, и будем плевать.»

Погода улучшилась, стало теплее и суше, но все же настоящего лета еще нет.

5/18 июня. А вот и настоящее лето. Жарко, душно. Проливные, короткие дожди с градом (иногда), с громом, молнией. В общем, погода для «злаков» благодатная.

Дешевеет хлеб. Фунт черного в лавках 140.000 р., но все прочее (по инерции, должно быть) дорожает. Тратить «мильены» входит в обыденку. Даже я без прежних охов, вздохов, брюзжаний то и дело «сыплю» миллионы.

Представителями РСФСР на Гаагской конференции (продолжение Генуэзской) назначены Н. Литвинов (он же председатель), Раковский, Красин, Крестинский и Сокольников.

Шестой день процесса правых эсеров ознаменовался уходом иностранных защитников. Они, т. е. Вандервельде, Розенфельд и Либкнехт, жаловались на несоблюдение верховным трибуналом Берлинского соглашения трех интернационалов и на разные теснения и неправильности со стороны трибунала, сочли бесполезным продолжать защиту своих подзащитных, коим, конечно, заранее определена коммунистической партией та или иная кара, и «покинули зал заседаний».

В «Известиях» некто «Ив. Трегубов» чуть не ежедневно рапортует читателям о деяниях самозванного или «совназначенного» «высшего церковного управления». Нередко приводят речи Антонина и соратников его в такой же репортерски почтительной форме, какая обыкновенно применяется по поводу заседаний всяких иных «светских-советских пленумов». Да иначе и быть не должно. Антонин и все эти новоцерковники в своем воззвании «К верующим.» заявили «о своем признании советской власти», и «за такую политическую ориентацию (сознается Антонин) я до сих пор выдерживаю натиск устных и письменных ругательств». «С удовольствием, однако, констатирую, — продолжает он к удовольствию Трегубова, — что, судя по полученным нами письмам и телеграммам, в провинции наша политическая ориентация более приемлема, чем здесь, в Москве.» При этом Антонин сообщил, что Архиепископ Никандр «уволен им на покой от управления Московской епархией, а протоиерей Альбинский посвящен в епископа Подольского при несколько необычных традициях — без пострижения в монашество».

Между прочим, Антонин поведал «миру», что «Патриарх Тихон пришел в ужас, когда узнал, что я совершал литургию среди храма и народа, *а не в шкафу*»… Это, стало быть, алтарь-то

шкаф!?!

По сводке к 10-му июня по 50 губерниям и областям изъято: золота 21 п. 9 ф. 38 зол., серебра 17.961 п. 11 ф. 11 зол., брильянтов и алмазов 33.706 шт., жемчуга 3 п. 15 ф. 11 зол. и 100 карат прочих драгоценных камней. 13.711 шт. золотой монеты, серебряной на 12.422 р. и вещей с бриллиантами, жемчугами и другими камнями 28 п. 7 ф. 63 зол. и 773 шт.

Совнарком отказал в ратификации итало-русского договора, заключенного с итальянским правительством 29-го мая Чичериным в Генуе. Вот оно какая штука-то! А кстати: где же Чичерин? Генуя давно кончилась, а он в Москву еще не возвратился, да и в Гаагу не назначен. Благодаря «хорошо сшитому фраку», в Монако, должно быть, заехал и поигрывает там, шельмец, на советские (золотые, конечно) денежки.

Обнародованы некоторые «частные имущественные права», но все еще в тех или других «пределах». Например, право наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими потомками «в пределах общей стоимости наследства 10.000 золотых р.»

Декретов и постановлений за последнее время такое множество, что и не перечтешь (да и не хочется читать-то. Все это переделки декретов старой экономической революционной политики, все это не раз опять переделается). Между прочим, заводятся институты прокуратуры и адвокатуры.

Сильно рекламируется «хлебный займ» (на 1 млрд. р. ден. знаками 1922 г.). Внеси этими знаками 380 р., т. е. 3.800.000 р., и в декабре месяце получай 1 п. хлеба. Если будет урожай, тогда в декабре месяце хлеб будет дешевле 380 р. за п., а если случится опять неурожай, то «денежки плакали», и облигации займа пойдут на завертку селедок.

15 июня вышел новый бюллетень о состоянии здоровья Ленина. «Все внутренние органы в полном порядке, температура и пульс нормальные, больной покинул постель; чувствует себя хорошо, но тяготится предписанным ему врачами бездействием.» Значит, «рвется в бой!»

Ю. Стеклов что-то обеспокоен немецкими делами. «В Германии, — говорит он, — запахло монархическим переворотом.»

14/27 июня. Погода со всячинкой: ненастье чередуется с ясной, летней погодой; ночи скорее прохладные, но тихие и светлые. 20-го числа, благодаря процессу эсеров, попраздновали. Служащие и рабочие приглашены были в этот день «все на улицу» демонстративными шествиями на Красную площадь почтить

память убитого в этот день Володарского и заявить свое презрение к его «убийцам», т. е. эсерам. Рекомендованы были лозунги на злобу дня: «Смерть предателям», «Беспощадный приговор Гоцу и К°», и т. д. И до, и после Стеклов и прочие писатели земли советской старались кого-то уверить, что трехсоттысячная громада манифестантов, вышедшая 20-го числа «на улицу», шла сознательно, по своей инициативе, будучи обуреваема презрением к обвиняемым эсерам и их защитникам. Я не был в числе таких демонстрантов и не берусь за подсчет их. Во всяком случае, большинство их своею прогулкой на Красную площадь на некоторое время забронировало себя от «сокращения». А это теперь такой бич, который с каждым днем увеличивает число голодающих и преступников.

На заседание трибунала 20-го числа ввалились «с улицы» делегаты, якобы от московских и питерских рабочих, что, по заявлению защитника первой группы обвиняемых Муравьева, «разрушило правильный ход процесса и опрокинуло все процессуальные законы советской республики». Делегаты и отвечавшие им Пятаков и Крыленко, видимо, в выражениях не стеснялись. Подсудимые и защита оскорбились. Они потребовали даже персональной смены членов трибунала, а за отказом в этом защита первой группы в полном составе просила освободить ее от участия в процессе, и эту просьбу поддержали сами подсудимые. После долгих пререканий и новых оскорблений со стороны суда и обвинителя защите дана от процесса «отставка», но поведение ее Крыленкой признано преступным, и теперь Муравьеву и К° предстоит самим сесть на скамью подсудимых.

Пишут, что Шаляпин заболел сахарной болезнью.

Боже мой! Как дорожает жизнь (а хлеб как будто дешевеет: черный — 150, белый 440 т. за ф.) — за май месяц с нас троих домоуправление насчитало за две занимаемые нами комнаты 4.200.000, за воду 4.800.000 и за починку крыши 15 млн. А тут, как на грех, наш «Северолес» вздумал понизить коэффициент курса и выплатил за вторую половину июня не по 1.250.000 за рубль, а только по 700.000, как в мае. Приходится должать, и уже задолжали.

† Кражи, разбои и убийства не унимаются. Пошли такие страшные дела: в Боровском уезде на одном хуторе топорами изрублена целая семья, состоящая из семи человек, и кроме того — 9 человек, случайно бывших на хуторе или по пути к нему. Целых 16 человек загублено, чтобы утащить с хутора домашнюю утварь, одежду и, может быть, сотню-другую жалких, презренных «лимонов». Вот она жизнь «без опиума» — «красивейшая из красивейших», как ее назвала однажды госпожа Крупская!

† 24-го июня в Берлине убит политическими врагами германский министр иностранных дел Ратенау. Убийца (хорошо одетый молодой человек) скрылся. Красин сказал сотруднику «Известий», что убийцу Ратенау следует искать среди монархических групп.

Появились ягоды. Не покупаю, но «справляюсь». Начали с 2 млн. за фунт (клубника или вишня). Сегодня слышал цену 1.200.000.

16/29 июня. Какой-то Андрей Иркутов пишет сегодня в «Известиях», что красноармейцы на докладах о процессах церковников и эсеров задают записками такие вопросы: «Почему до сих пор не расстреляли Патриарха Тихона?», «Почему РКП до сих пор терпела таких негодяев?» и т. п. А рабочие жел.-дор. мастерских на таковых же докладах засыпают такими вопросами: «Почему нам не дают пайка?» и «Почему мало жалования?» и т. д.

Хоть и «Андрей», а дурее всякого Андрея-красноармейца (ясно, что требование расстрела Патриарха кажется ему признаком высокого культурного развития красноармейцев, а вопросы штатских «мыслителей» — отсталыми, мещанскими). И такому идиоту, поди, гонорар заплатили?!

17/30 июня. «Питерская хроника»: «Уехал на пароходе за границу Шаляпин»… Теперь понятно, к чему у него завелась сахарная болезнь. Так-то, видно, начальство не отпускало этого пролетария к буржуям. Не успели еще согласно с клубно-красноармейским желанием расстрелять Патриарха, как Антонин возвел себя в сан «Архиепископа Московского», а Епископа Леонида пожаловал в «Архиепископы Крутицкие». Сегодня об этом чинно, без кавычек, сообщается в их органе «Известиях Вс. Центр. Исп. Комит.» под заголовком «У новоцерковников», где сказано еще, что «идеи новой церкви постепенно завоевывают симпатии и признание на местах», что «вся Сибирь пошла за новой церковью и считает ее вождем и выразителем ее мнений Епископа Антонина», и что «последний получил признание также всех представителей восточного Патриарха и зарубежных православных групп верующих и духовенства» и что, дескать, в связи с этим «высшее церковное управление по ходатайству Московского Епархиального управления» постановило возвести Антонина и Леонида в Архиепископы.

«Ласковое дитя двух маток сосет», — часто говаривала моя покойная матушка.

История повторяется. В Православной Церкви новый раскол. Я чувствую себя «старообрядцем», а потому меня уже не злят, а

смешат «деяния» нового Архиепископа Московского. Так и видно страстное желание попасть в Патриархи. Но как бы Илиодор не подставил ножку.

20 июня/4 июля. На заседании Гаагской конференции 30-го июня Литвинов заявил, что советской России требуется кредитов на сумму 3 млрд. 224 млн. золотых рублей, из коей суммы 1 млрд. 50 млн. — на восстановление транспорта, 750.000.000 — на восстановление различных отраслей промышленности, 904.000.000 — на нужды земледелия и 320 млн. — на восстановление банковой системы и стабилизацию рубля. И эти суммы выражают, по словам Литвинова, «лишь минимум необходимого», причем подчеркнул, что кредиты должны быть оказаны непосредственно государству.

В Баварии провозглашен королем принц Рупрехт. Нужно отметить, что это сообщение напечатано в «Известиях» нарочито незаметно бледным некрупным шрифтом и имеет этакий насмешливый заголовок: «В Испании отыскался король», а в «Правде» об этом событии ни словечка.

5/18 июля. Последние две недели погода прекрасная. Жара и дожди умеренные; все как следует: злаку на потребу и человеку в удовольствие. Ночи тихие, красивые. Тянет на воздух, но «на воздухе» убийства, грабежи и ад музыкально-вокальных звуков. Поют и играют в домах, на бульварах, во дворах, и больше всего — в бесчисленных кабаре, кафе, «уголках», ресторанах, чайных, столовых; в наших местах у Сухаревой по Сретенке в каждом доме какое-нибудь «заведение», а по переулкам «самогон». Самогон распивочно, самогон на вынос (4–5 млн. бутылка). Были бы деньги, а жить любящему и могущему «жить» можно не хуже, чем в копеечные времена. На Кузнецком мосту и в Рядах, или на Тверской, да на Петровке завелось много магазинов, по роскоши обстановки и товаров мало чем уступающих довоенным. Давно ли я отмечал бедность и бледность нарядов, физиономий и фигур. Теперь другое — на каждом шагу можно встретить и шикарную женщину, и франта по-европейски. Откуда-то явились и жирные фигуры, и красные носы. В газетах тысячи реклам о пьяных напитках, о гастрономии и об увеселениях самого легкого жанра. По содержанию этих реклам видно, что существует теперь и Яр, и Стрельна, и всякие шантаны, только разве не под прежними названиями. Новые-то, пожалуй, оригинальнее. Что-нибудь вроде «Не рыдай» или «Стоп-сигнал!». Недавно разбирался процесс о содержательницах домов терпимости. Значит, все «восстановилось». И стоило огород городить?

Но в это же время видим, слышим и чувствуем, что в России страшный голод. Картины его демонстрируются не только там, куда ездит «всероссийский староста» Калинин (т. е. «в голодных краях»), пишущий в своих путевых записках с откровенностью «какого-нибудь Короленко», что «одни умирают, другие хоронят, третьи, более счастливые, стремятся использовать остатки от умерших, вплоть до мягких частей их тела», айв самой Москве, по всем ее улицам, не исключая и центральных. Особенно красочны такие картины на Каланчевской площади и прилегающих к ней улицах и переулках. Голодному человеку, должно быть, очень спится, или он до того обессилен, что только как будто спит. Таких по тротуарам тысячи: лежат в одиночку, лежат и целой семьей, прямо на камнях, подчас на грязных, на мокрых. Одеяние — лохмотья, подобие какого-то дорожного «багажа», тоже лохмотья. Обуви никакой, но обязательно рваная шапка или фуражка, лежащая около хозяина. Хочешь — клади в нее советские тысячи или сотни, хочешь — бери из нее то, что туда брошено сердобольными спекулянтами. Для владельца ее это, должно быть, безразлично. Ему хлеба нужно. Даже, вероятно, не только одного хлеба и воды, а щец каких-нибудь, кваску или молочка. И подло сознавая, что никто этого ему не доставит, сам спешишь перейти на другую сторону, где нет такой тротуарной ночлежки, или «приемного покоя» (вследствие «солнечности» этой стороны или «тени», смотря по температуре дня), и тоже ничем ему не поможешь ни сегодня, ни завтра, за исключением вычетов из жалования в Помгол, что в сущности какая-то фикция, ибо не все ли для нас равно, сколько нам платят жалования в месяц: сто ли миллионов или 96.

Просмотрел сейчас кучу газет за последние две недели. Скучно и нерадостно. Больше всего «нэповских» объявлений да отчетов о процессе эсеров. О Гаагской конференции тоже пописывали, но не так рьяно, как о Генуэзской. Да она ни к чему и не привела. Признано «бесполезным продолжать дальнейшие переговоры». В среду на этой неделе — последнее заседание. Французская печать говорит о невозможности какого-либо компромисса с советской Россией и устанавливает, что «после опыта, произведенного по требованию Ллойд Джорджа британским народом, теперь остается понять, что восстановление Европы должно бы начать не с востока, а с запада». А затем — о делах литературных и… церковных. (Последним теперь уделяются целые фельетонные рамки.)

По литературе — о Горьком. Его последние писания сильно забеспокоили господ коммунистов. Не иначе критикуют их, как под заглавием «На дне» или «Почти на дне». Смотри-ка, мол, как

опустился Максим Горький. Сегодня в «Правде» С. Зорин пишет, что Максим Горький своими заграничными политическими выступлениями вредит русской революции, «и вредит сильно». Между прочим, за границей напечатано письмо Горького к Рыкову, по которому выходит, что Горький «тысячу раз за время революции указывал советскому правительству на бессмысленность и преступность изничтожения интеллигенции в безграмотной и невежественной стране».

Наплевал М. Горький в лицо «прекрасной Франции», и не пустили его в Ниццу. Но все-таки он сейчас где-то во Франции и плюет оттуда в лицо «красивейшей из красивейших» русской революции. После этого все-таки его в Москву пустят, но только едва ли безопасно это будет для него. Зорин намекает уже, что М. Горький — больной зуб и что его надо запломбировать, а то и просто *вырвать*.

Да наплевать нам, невежественным и безграмотным, на Максима, у нас теперь Антонин есть, глава «обновленческого движения Православной Церкви», творец «живой церкви», и самопоставленный Архиепископ Крутицкий. По информации Ив. Трегубова, извлекаемой мною из «Известий» от 11 числа, видно, что на собрании «живой церкви» агенты Антонина на страже революции. Протоиерей Красницкий, только что вернувшийся «из командировки», докладывает собранию, что «Петроград является центром контрреволюции в лице кадетов, профессоров, адвокатов и др. реакционеров». «Мы, — говорит Красницкий, — послали туда сначала протоиерея Введенского, но ему там камнем проломили голову», но вот поехал туда Красницкий и «безболезненно» преобразовал там «епархиальное управление», т. е. как-то отделался от епископской власти, и произвел протоиерея Гремячевского в «уполномоченные ВЦУ по Петроградской Епархии», а затем устроил избрание протоиерея Николая Соболева на пост управляющего епархией, но, добавляет информатор, «так как управлять Епархией может только Епископ, то протоиерей Соболев прибыл в Москву и 9-го июля в Троицком подворье рукоположен в Епископы, и даже возведен в сан Архиепископа Петроградского».

Столь радостное событие смягчило чекистов из «живой церкви» и они в тот же день подали высшей советской власти прошение о помиловании 11 человек, приговоренных в Петрограде к расстрелу по делу изъятия церковных ценностей (в том числе и митрополита Вениамина). Дальше Трегубов сообщает, что в Ростове, Азове, Таганроге и Новочеркасске образовалась группа прогрессивных священников, но Ростовский Епископ Арсений, «отказавшийся благословить дело этих

священников, арестован, и тогда они обратились к соседнему Донскому Митрополиту Митрофану, который благословил их» (и, значит, не арестован, — догадываюсь я).

«Заштатный священник Соловьев из Самары сообщил, что большинство самарского духовенства пока еще молчит.» Ну молчал бы и ты, ваше заштатное преподобие!

Одним из последних «деяний» ВЦУ (вцу? — тьфу!) постановление «раскассировать» причт храма Христа Спасителя за неприятие мер к прекращению мер против ВЦУ со стороны «мирянских организаций». Три его протоиерея и один дьякон уволены за штат. Один протоиерей, протодьякон, два дьякона и три псаломщика переведены в другие епархии. На их место назначены сторонники нового церковного движения.

Есть ли какая «церковность» в таком «циркуляре», разосланном по «всем, всем, всем» епархиям: «Организуйте немедленно местные группы «живая церковь» на основе признания справедливости социальной революции и международного объединения трудящихся. Лозунги: белый епископат, пресвитерское управление и единая церковная касса», и т. д. Что поделаешь! Штаты везде сокращаются, и даже в чекушках. Вот какой-нибудь спец по лозунгам и перекочевал из ГПУ в ВЦУ. Свои люди!

10/23 июля. Немало тоже пишут о предстоящем возобновлении Нижегородской ярмарки. Подумаешь, какое «завоевание революции»! В свое время (т. е. по случаю «поднятия флагов») будут речи, тосты, телеграммы Ленину, Троцкому и разные радио прямо в нос прегордой Антанте, а пока что Петр Ашевский вот что пишет с ярмарки под заголовком «Украденный город»: «Скоро съедутся на ярмарку люди с разных концов России, и получится неминуемый всероссийский конфуз… Ни одной живой души, ни человека, ни собаки; ни одного целого дома, нет крыш, полов, окон, дверей. Торчат голые стены, и это — в лучшем случае. Часто попадаются целые кварталы, где не осталось и голых стен, просто валяются груды искрошенного камня и груды мусора… В чем дело? Бои здесь были? Не было боев. Землетрясение было? — Не было землетрясения. Пожар? — И пожара не было… А внутри-то добра сколько было. Прилавки, шкафы, разная мебель, конторки, несгораемые кассы. Остатки товаров были, — куда все девалось?»

Вот и писал бы Ашевский только о таких «изъятиях», и благо бы ему было не только на этом, но и на будущем свете!

Брюханов поведал «Известиям», что, по имеющимся в Наркомпроде сведениям, урожай хорош, и очень хорош в

большинстве районов. О плохом урожае яровых так и совсем нет ниоткуда известий. Несмотря на сокращение площади посевов даже против прошлого года (процентов на 30), валовой сбор хлебов на 85 % выше прошлогоднего, т. е. с лишним 2.700.000 пудов (в 13-м году было сбора с лишним 4 млрд. пудов).

18/31 июля. Об урожае вести утешительные, а почему-то хлеб опять стал дорожать: белая мука 23 млн. пуд.

Прискучили дожди: не проходит ни одного дня без них. Лето кончается, а самой, что называется, «разлетней погоды» так и не бывало нынешним летом.

Между прочим, узнал сегодня, что проезд из Москвы в Петроград в международном вагоне обходится теперь в 41.850.000 р.

Все ходили слухи, что Ленин неизлечимо болен, что у него «кровоизлияние в мозг», «паралич», и даже сумасшествие. Дабы рассеять эти слухи, сам Троцкий сообщает сегодня в «Известиях», что он был у Ленина и беседовал с ним около часа. Ленин (будто бы) «на положении выздоравливающего, но фактически принимает активнейшее участие в работе: за всем следит и в полной мере в курсе дела по всем существенным вопросам».

Архиепископ Кентерберийский в защиту нашего Патриарха просил Красина о разрешении приезда в Россию «небольшой группе представителей различных церквей в Англии для обследования положения на месте» (т. е. советских гонений на Православную Церковь), а Красин категорически отказывает в этом, сопоставляя неприемлемость Англией такого, например, советского предложения «отправить в Англию небольшую комиссию для обследования того, в какой мере английская иерархия эксплуатирует морально и духовно трудящиеся массы для поддержания господства эксплуататоров».

Вздорожание хлеба — не следствие ли остроумия тов. Красина?

В преддверии Нижегородской ярмарки, открывающейся завтра, все газеты пестрят громаднейшими объявлениями. «Мосполиграф», «Госанонс», «Кустпромторг», «Сельмаштрест», «Петрогоскожтрест», «Вукоптранс», «Фондкомбалт», «Погарз», «Горзав», «Стеклофарфортрест», «Моссельпром», «Севзапгосторг», «Центропробизоль», «Всекопромсоюз», «Фосфататотук», «Укртрестсельмаш», «Петрораспредхладбаза» и еще добрая сотня подобных тарабарских «фирм» делают разные заманчивые обещания продать на ярмарке чего только пожелает русская душенька. И все как у господ (эксплуататоров), со всеми «нашими удовольствиями», т. е. и с кредитом, и с гарантией, и с доставкой

на дом, и с отменной свежестью, либо с поразительной прочностью. Удобства для покупателей сулятся небывалые и «оборудованные общежития и столовые». При этом сотни посреднических заведений: и артели, и транспортные, и биржевые, и банковские, и комиссионные. Цены у всех и на все «вне конкуренции». А как почитаешь еще, что в «казино», бывшей гостин. «Германия», и концертная программа, и игры: лото, карты; первоклассный ресторан, оркестр, да о том, что в Нижний теперь не только можно ехать, идти или плыть, но и лететь (Москва — Нижний, полет 2,5 часа, плата 120 млн. р.), то и скажешь… а что скажешь? Да не больше Репетиловского: «Шумим, братец, шумим!», т. е. ни рта не разинешь, ни ура не закричишь. Шуму много, а толку мало!

18 июля/1 августа. Юбилейный день. Исполнилось восемь лет, как наша «страждущая держава» (так кое-где по церквам возглашается на ектеньях) вступила в полосу войны, революции и сопряженных с ними ужасов. За эти годы столько всеми пережито, досталось и мне, маломощному, порядком. Ах эти сербы, этот Вильгельм! Что они наделали. Сколько крови, сколько слез, сколько недожитых жизней! И точку еще нельзя поставить: что начато в этот недобрый день, т. е. 19 июля 1914 года, то все еще продолжается, и неизвестно, когда кончится.

19 июля/2 августа. Я «сглазил» плоховатую погоду; как пожаловался на нее, так сейчас же и тучи разбежались, и ветер смолк.

Бывший (во времена Керенского) Обер-Прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов оказался обер-провокатором — заделался теперь членом ВЦУ, т. е. антониновского предприятия, как Брусилов во время польской войны проголодался и попал на какое-то спецсодержание РСФСР. Напрасно из-за таких пустяков душу свою губят: шел бы лучше хоть к нам в Северолес на какую-нибудь агентную должность, вроде моей, и делать нечего и никого этой службой не обидишь, а опричь всего — в месяц 40 ф. белой муки, 9 ф. сахару, 1 1/4 ф. чаю, 500 шт. сигарет, 15,5 ф. мыла, 20 ф. рису, 2 ф. сала, 2 ф. соли, 10 коробок спичек, да деньгами миллионов 80.

Суд над эсерами, тянущийся уже 44 дня, близится к концу. Обвинители (Луначарский, Покровский, Крыленко и Клара Цеткин) уже сказали свои длинные-предлинные речи. Все в один голос: смерть эсеровской партии, и в первую голову Гоцу, Тимофееву и К°. Один из подсудимых, Гендельман, даже не просил ни оправдания, ни снисхождения, а только «вынесения

одинакового приговора для всех членов первой группы эсеров, так как никто из них не желает пережить друг друга». «Мы думаем, — воскликнул он в заключение, — что для разоблачения вашей диктатуры (большевицкой) мы сделали этим процессом больше, чем если бы находились на воле, а мертвые сделаем больше, чем живые.»

Тимофеев и Гоц во время процесса и в своих последних речах твердо заявили, что их партия вела и ведет правильную линию. И ничто ее и их не запугивает, «и дальше мы будем работать так же, как работали до сих пор». Т. е. всеми средствами добиваться свержения большевицкой власти, и взять власть в свои руки, в эсеровские.

8/21 августа. С погодой конец лета в ладу. Всего в меру: и дождя, и тепла.

Трамвайная станция теперь обходится в 200.000, так что поехать куда подальше от центра (например, в Симоново) и обратно нужно целый миллиончик, а запоздаешь — и того дороже. С 10-ти вечера тариф удвоенный. Извозчики же совсем для меня недоступны. Впрочем, случается по службе нанимать и их. На днях заплатил от Варварских ворот к Красным 4 млн., и то поторговавшись.

Из газетных корреспонденций: «Неказистый город Ангора, но там есть здание великого национального собрания Турции». (Вернее сказать, только Ангорской республики.) Должно быть, великое-то турецкое все еще в Константинополе, а в Ангоре только «неказистое». Но в Константинополе еще сидит Султан, а потому о той Турции мы и не слышим ничего, зато об Ангоре больно много разговоров, как видится, «нестоящих».

† Ужасно расправляются с Отцами, осмелившимися «свое суждение иметь». ВЦИК утвердил смертный приговор Петроградского трибунала для Митрополита Вениамина, архимандрита Сергия Шейна, профессора Новицкого и присяжного поверенного Ковшарова. Не знаю, какие люди были второй, третий и четвертый, но Митрополит пользовался давнишней репутацией кроткого, благостного и популярного архипастыря. Может, вот этим-то свойствам он и обязан за свой преждевременный отход к праотцам. Вечная им память!

Верховный трибунал закончил процесс эсеров смертным приговором А. Р. Гоцу, Д. Д. Донскому, Герштейну, М. Я. Гендельман-Грабовскому, М. А. Лихачу, Н. Н. Иванову, Е. М. Ратнер-Элькинд, Е. М. Тимофееву, С. В. Морозову, В. В. Агапову, А. И. Альтовскому, Е. А. Ивановой-Ирановой, и ВЦИК тотчас же утвердил этот приговор, но исполнение

приостановил, оставив их, видимо, заложниками за дальнейшее поведение партии социалистов-революционеров, грозя расстрелять их при проявлении партией «фактически и на деле подпольно-заговорщицкой, террористической, военно-шпионской, повстанческой работы против власти рабочих и крестьян». При этом приговоренные к расстрелу и к долгосрочному заключению по постановлению ВЦИКа остаются в «строгом заключении». Что же касается Семенова, Коноплевой и других, в сущности одинаково преступивших против советской власти с Гоцем и К°, но предавших последних, то им дано полное освобождение от наказания.

Демьян Бедный «летал» на ярмарку и бренькает теперь на своей балалайке о своих впечатлениях о Нижегородской ярмарке «образца 1922 года»:

> Любоваться, собственно, было нечем.
> То, что было когда-то торговым вечем,
> Как грустный памятник погибшему строю,
> Представляет собой «разрушенную Трою»,
> Какую-то археологическую иллюстрацию,
> Несмотря на частичную реставрацию.
> От большинства храмов торговли
> Не осталось ни стен, ни кровли.
> А только мелкий щебень, поросший травкою.

Пока шли речи на торжественном открытии ярмарки, «красные купцы», должно быть, времени не теряли, ибо после реплик из речи Д. Бедный так бряцает на своей лире:

> Речь представителя банка была прослушана с редким аппетитом:
> Запахло государственным кредитом!
> От Московского совета говорил Желтов.
> Но зал уж был… готов,
> Представляя рекламное живое объявление,
> Что у нас существует Винторговправление.

Дальше:

> При звуках интернационала вставали гордо,
> Хоть и держались на ногах нетвердо.

И вот, среди этих нетвердых гордецов, может быть, были такие особы, голоса которых имеют решающее значение при утверждении ужасных приговоров ужасных трибуналов. О революция! О Крупская! Она не была ли на этом красивейшем из красивейших открытии ярмарки?

5/18 сентября. «Бабье лето». Погода без сюрпризов. В меру (по утрам) прохладно, и в меру (дневной порой) тепло. Иногда проходят скучные, без гроз, дожди, но чаще ведрено.

Писать, ей-Богу, не хочется. Все идет не по-нашему, или «не по-моему». Наружно посмотреть — совсем стало как до октябрьской революции; даже большие дома начали строить, игорные и «любовные» дома открываются, палаток везде понатыкали, где и без них тесно; в особняках стали селиться богатые нэпманы и заводить собственные автомобили и выезды. Тотализатор открыто действует; ходящие рекламы возобновились; швейцары, лакеи и всякая другая прислуга завелась; даже нарядилась в прежние ливреи, когда-то так оскорблявшие «рабоче-крестьянское» достоинство. На улицы, в присутствия, по театрам и во всякие заведения проникли совсем буржуазные замашки: целование дамских ручек, перчатки не от холода и не для «носки картошки и пилки дров», а ради франтовства, а также роскошь или изящество наряда, и все это уж не потаенно и без опасливой оглядки. Рабочий выглядит прежним рабочим. Такой же, как был. Если маляр или трубочист, то и видно, что это не министры, не директора, да они и сами «помалкивают» об этом. Видно, похвалиться нечем: с портфелями не справились и возвратились к своим разлюбезным старым занятиям. И вот в такое-то время, на рубеже, так сказать, переустройства жизни почти на старый лад, наши попы и монахи, страха ради иудейска, или по своему же неверию (а стало быть, и бессовестности) вздумали переустроить церковь на новый лад, и сейчас происходят такие там события, которые дают повод сказать о попах, что это они «христопродавцы-то»! Но, впрочем, я лучше сделаю несколько выписок из газет, чтобы показать если не гнусность, то странность их поведения. Есть такой журнал, «православнохристианский, посвященный обновлению церкви на евангельских началах», и, может быть, даже субсидированный советской властью, называющийся «Живая Церковь». В номерах 6 и 7 так и пишет там какой-то пресвитер Владимир Градусов: «Мы — церковники — должны как можно скорее отрешиться от своей подозрительной замкнутости, изолированности в отношении советской власти, и открыто заявить, что во Власти (большая буква, это не от меня, а от самого пресвитера) теперешней

советской мы действительно видим подлинную нашу власть государственную, все распоряжения коей мы признаем, и им подчиняемся.»

Значит, превращение многих церквей в театры и клубы, а кладбищенских и монастырских садов — в увеселительные, и их оград в тюремные застенки, — тоже признается и приветствуется «церковниками»?

Там же архиепископ Евдоким восклицает: «Да будут же благословенны дни октября, разбившие рабские узы и даровавшие народу истинную свободу.»

Какую свободу? — спрошу я преосвященного. Не ту ли, которая дала возможность некоторым хулиганам порыться в раках с останками чтимых русским народом угодников Божьих, и массу священных предметов перенести из церквей в музеи, или продать их за границу, где наши святыни тоже, видно, не в большом почете. Здесь, кстати, приведу выписку из ноты народного комиссариата по иностранным делам польскому правительству. Эта нота отвечает на протест Польши против изъятия ценностей из католических церквей, находящихся в России, и вскрытия мощей католического святого Андрея Боболи. В этой ноте советские дипломаты поддевают польских вот чем: «достаточно упомянуть о сносе православного собора в Варшаве, якобы нарушающего своей византийской архитектурой общую панораму Варшавы как католического города; о взрыве динамитом на первый день Пасхи церкви свв. Кирилла и Мефодия, в Холме, для постановки памятника Вольности, и о срытии православной церкви в Уяздовской аллее в Варшаве для постановки памятника Шопену», и т. д.

Есть в «Живой Церкви» рецензия о суде над «князьями Церкви», имеющая такой заголовок: *«Справедливый приговор»*. В чем же заключается этот «справедливый приговор»? Смотри, что было сказано у меня раньше по Петербургскому процессу (т. е. трибунал приговорил к расстрелу 10 человек, в том числе и Митрополита Вениамина), но этого мало. Живая Церковь, обновленная *на евангельских началах*, извещает, что высшее церковное управление, «заслушав приговор Петроградского рев. трибунала», вот этот-то «справедливый», постановила: Вениамина лишить священного сана и монашества, а других «преступников» кого — «отлучить от Православной Церкви», кого — «уволить от должностей», кого — «отлучить от Св. Причастия», и т. д.

Это уж я не знаю, по-каковски, но во всяком случае — не по-евангельски. Просто по-крыловски, ослиное лягание. А ведь в этом же журнале по другому какому-то поводу ВЦУ само напоминает о словах Божиих: «Да не отомстите дважды за едино.»

Но Господь не без милости. Кажется, началось «вавилонское столпотворение». 2-го сентября в «Известиях» господин Ив. Трегубов (говорят — толстовец) сообщает, что между архиепископом Антонином и протоиереем Красницким «произошло настолько сильное трение, что повело к почти полному разрыву», и следствием этого группа, предводимая Антонином, отмежевалась от группы «Живая Церковь» и образовала новую, под названием «Церковное возрождение». И она отошла от ВЦУ, заседающего на Троицком подворье, и организовала новое «временное высшее церковное управление с еп. Антонином во главе, из прот. Владимира Страхова, прот. Георгия Чиннова, еп. Вассиана, гр-на Алексея Викторовича Соловьева и гр-на Ивана Васильевича Пеутина, с привлечением со временем авторитетных иерархов, духовенства и мирян по выборам, избирая лиц, не опороченных перед советской властью».

В это же время группа «Живая Церковь» постановила уволить Антонина «со всех занимаемых должностей и выслать его из Москвы». Но самое любопытное дальше. «Когда обо всем этом было сообщено представителям советской власти, то последние, придерживаясь принципа отделения Церкви от государства и невмешательства в церковные дела, заявили, что они ничего не имеют против образования других церковных обновленческих групп, и даже второго Высшего церковного управления.»

Неужто святые отцы (не Красницкий, не Антонин, а те, которые идут за тем или другим) не поймут глумления советской власти над всякими церквями, и живыми, и мертвыми, и неужели им не стыдно пред Патриархом, заточенным в темницу и, как говорят, тяжко больным. Хотя бы продолжали молиться за него, как «за болящего», за «заключенного», а то теперь на ектеньях за Патриарха совсем не молятся. Если это запрещено советской властью, то тут ничего не поделаешь, но если этими «высшими церковными управлениями», то это до такой степени отвратительно, что лучше бы ходить в храм Божий, когда там никакого попа нет: ни старого, ни живого, ни возрожденного.

Пока идет война в русской церкви, турки громят греков. Одержаны блестящие победы. Чуть ли не вся греческая армия в плену у турецкой. Но какая Турция воюет — султанская или советская, — не поймешь и не разберешь. Попробовал спросить об этом приятелей, читающих газеты от доски до доски, и знают с мое же. Оно, может, и больше знают, да только и им не хочется ни о чем говорить. Все всем осточертело, потому что нет в жизни никакой планомерности. Нет связи сегодняшнего дня со вчерашним и завтрашним. Если эта летопись — как книга с затерянными или вырванными листами, — так и сама жизнь

теперешняя — валяющаяся где попало книга, испачканная, без начала, без конца, непонятная, бестолковая.

16/29 октября. Последняя неделя завершила собой длинную, невеселую, грязную осень, и со вчерашнего дня как будто подлинная, молоденькая зима со снегом, маленькой вьюгой и пятиградусным морозом. В «Известиях» иногда появляются стихотворные творения некой Марии Притыкиной. Вот, я вам доложу, поэтесса-то! Что называется, «за словом в карман не полезет»:

Эй, ты, товарищ весовщик,
Твое благородие,
Коего ты хера:
Тут целая мера,
А ты записал пуд…

и т. д. («Изв.», 23.09.22 г., № 214). Ближе бы к такой словесности называться ей не Притыкиной, а «Перетыкиной».

Кемаль-паша разбил греков окончательно. Там переворот. Король Константин вынужден был отречься от престола, и новым королем объявлен его сын Георг.

По трамвайной части оказались «достижения». Линия до Петровского парка фактически удлинена до Покровского-Глебово-Стрешнево.

10 октября в газетах ликующее описание торжества по поводу выпуска из московского автомобильного советского завода первого автомобиля. Завод начат постройкой еще в 16-м году, и вот только «первая ласточка». По признанию одного из рабочих завода (почерпнутого мною из статьи В. Федоровича, «Изв.» № 228), этот автомобиль «гудит, сопит, как самовар, и тяжел, черт, — 75 пудов». Но, тем не менее, на торжестве — Калинин, главком, речи, интернационал, ура и все прочее.

С. И. Зимин с компанией возобновил свое оперное дело. Фирма называется так: «Свободная опера С. И. Зимина».

В Турции отрекся от престола Магомет. Как будто она теперь едина. А впрочем, что там делается, известно только Аллаху, да, может быть, Чичерину, а я ничего не могу понять.

«Известия» рассказывают, что в Москве организовалась и открыла действия новая церковная группа «Союз древнеапостольской Церкви». Ах, как противны эти новые группы! Не к возвеличению Церкви, а к сокрушению ее хлопочут умствующие попы. Это какие-то Мейерхольды, Фердинандовы, а не святые отцы.

Вот я теперь повадился на Валаамское подворье — на Второй Тверской-Ямской, — а почему? Потому что там служат по-старому, поют настоящим, старомонастырским напевом, речей не говорят, электрического освещения нет, монахи, может быть, и пьющие, и блудящие — но умеющие и читать, и петь, и крестное знамение класть. Нет у них стриженных бород, бритых шей и щек. Все как 20, 40, 100 лет тому назад. И как там легко строится длинная, трехчасовая служба, как примирительно себя чувствуешь там, и видишь кругом — церковь полна, и все понимают, что они не на концерт пришли, не на эксперимент каких-нибудь Антонинов и Красницких, а в Храм Божий!

Самое сенсационное за последние дни — падение Ллойд Джорджа. Новый премьер в Англии — Бонар Лоу. Французская печать говорит, что уход Ллойд Джорджа является победой Франции. Наша печать разразилась признаниями, что Ллойд Джордж был «блестящим парламентским деятелем», «несравненным знатоком внутренних пружин парламентской жизни», «бесподобным ловкачом, мастером, умеющим играть людьми», «превосходящим всех своих современников чутьем настроений английских обывательских масс». И т. д., и т. д.

«Могубкустромсоюз», «Укрэспедпечать», а есть и покороче в новом нашем языке. Вот, например, «Блаунаш», и это означает, что инженеры Блауберг и Нашатырь совместно завели техническую контору, и она зовется «Блаунаш». Жалко все-таки, что такая сногсшибательная фамилия, как Нашатырь, растворилась без присущего ей аромата в каком-то «Блаунаше».

После долгих переговоров с Японией и борьбы с последним белогвардейским генералом Дитерихсом красные войска Дальневосточной республики вступили во Владивосток. Конечно, по поводу этого — приказы Троцкого, речи Калинина, поздравления Ленина и разная другая помпа.

Ленин после многомесячного пребывания в больных опять появился у кормила власти. Есть декреты уже за его подписью, но публично пока еще нигде не появляется. Должно быть, приберегает эту помпу ко дню пятилетней годовщины его самодержавия.

Жизнь по-прежнему тесна, грязна, страшна, черства и тосклива, — но есть и простор, и лоск, и сытость, и разгулье, только все в каких-то нездоровых, неестественных формах. Вот хоть бы я: стал покуривать папиросы по 50.000 р. за шт., угощать на своих именинах десяток родных и друзей на сумму, может быть, миллионов 200, сооружать в своей квартире кирпичную печку за 300 млн. (положим, на «общий» заработок, т. е. мой и сына), ходить в электрический театр за 3 млн., в Малый театр за 5

или 6 млн., баловаться яблочками по 100–150 тыс. за шт., давать нищим по 100 тыс., покупать белый хлеб по 1.100.000 р. за ф., шоколад по 15 млн. р. ф., платить за бритье по 1,5 млн., проезжать на трамвае по путешествию в субботние и воскресные дни по миллиону рублей (теперь одна станция 300.000), и т. д. Но, как и прежде, зябнем, ютимся с сыном в одной небольшой комнате, ходим без калош (они, кажется, теперь 25 млн. пара), в рваных засаленных пальто или шубах, и мяса или рыбы «не вкушаем» иногда по месяцу. Попробую запечатлеть современную обывательскую жизнь позаимствованием наблюдательности от фельетонистов советских газет. Это будет во всяком случае грамотнее, да и живописней. Я лишь буду отбирать только правдивое, не увлекаясь писательскими увлечениями бытописателей — поддужных Стеклова.

«Москва залита электричеством, снуют трамваи, автомобили, витрины магазинов полны самыми разнообразными товарами, — заграничные и наши ткани, шелка, хрусталь, старина, Драгоценные безделушки, гастрономия, в бывшем магазине Елисеева на Тверской и дичь, и рыба, и фрукты, и галантные приказчики, к каждому слову прибавляющие «с», — все на старых местах. Как прежде, лакеи в перелицованных фраках делают «стойку», а хорошие господа покрикивают «Че-оэк!». В бесчисленных кафе, ресторанах, миниатюрах, на бульварах гремят оркестры, у дверей кондитерских поет нищета в образе пожилой охрипшей певицы или семьи слепых артистов. Звонко выкрикивают названия новорожденных «сатириконов», утренних и вечерних газет мальчишки-газетчики, соперничая с продавцами «Иры» и ириса. У театров барышники. На Трубной, на старом месте, лихачи; у цирков, у «гранд-электро» на Арбатской площади — длиннейшие хвосты. Летние сады и оперетка делают полные сборы; бега, тотализатор, рулетка, ночные чайные и подпольные кабачки… Вот шумная Тверская, небоскреб со светящимся по вечерам на крыше «маяком», крыша-ресторан и эстрада «эксплуатируются» в пользу дома (НЭП); круглый купол с красным флажком — бывшее здание судебных установлений, ныне верховное управление республики ВЦИК; кремлевские башни с двуглавыми орлами, оловянные сердца которых, вероятно, расплылись от негодования и злобы, наблюдая новую жизнь и новых хозяев в устланных красным сукном и коврами палатах дворцов, с позолоченной парчевой мебелью и портретами мировых вождей пролетарской революции на местах икон и портретов бывших царей… В общественных местах — на лекциях, в театрах, в ресторанах — «бывшие люди» не бывают из опасения очутиться рядом с «плебеем», «хамом» или «парвеню». Но их

можно встретить в притонах, кабачках, за рулеткой. Ежедневно они собираются в домашних столовых на Арбате и в его переулках. Вход в эти столовые «только по рекомендации», хозяйка столовой — бывшая генеральша или баронесса, или кисловская львица… «Бывшие люди» не то забавляются, как старые дети, не то, разыгрывая какой-то старомодный водевиль, титулуют друг друга: «Ваше сиятельство», «Ваше превосходительство», «Граф», «Княжна». Все по молчаливому уговору стараются не заметить, что граф продает последнюю трость с золотым набалдашником, а княжна является прямо из Смоленского рынка в стоптанных веревочных туфлях на босую ногу и в кольцах, надетых бриллиантами внутрь, к ладони, чтоб не привлечь внимания кого не следует, что баронесса «готова на все» за флакон заграничных духов… Нэпман старой формации — бывший делец, прошедший достаточный стаж в Бутырках. Он спец, он делец, и полезный РСФСР человек. Его ценят главки, которые дорожат им, конечно «пока». Он, в свою очередь, уважает коммунистов за прямолинейность, силу, умение добиться своего, что, впрочем, не мешает ему втайне мечтать о перевороте… Нэпманы новой формации — мелкие хищники. Работают компаниями по 3–5 человек. Торгуют всем: мануфактурой, сырьем, химическими товарами, гвоздями и т. п., — что подвернется. Пользуются кредитом Госбанка. Капитала не имеют, но делают миллиардные обороты… Нэпман — завсегдатай бегов и тотализатора (и я разок был там. Вход — 4 млн., ставки — 1 млн., 5 млн., 10 млн., проиграл 8 млн. из любопытства), за столом рулетки проигрывают и выигрывают в один вечер миллиарды. Дамы его сердца — в мехах и бриллиантах… Некоторые из них, правда, очень немногие, нажили капиталы 3–5 млн. золотых р. Стали меценатами, вошли в дирекции театров, покровительствуют художественному обществу… Но чаще берутся за торговлю сейчас люди самых разнообразных профессий, и, почти как правило, бывший суконщик торгует кожей, а галантерейщик электрической арматурой, и наоборот — кто чем попало… На Ильинке пред белым зданием биржи стояла тоже толпа: раньше в этой толпе преобладали картузы, суконные камзолы, английские короткие пальто, крахмальные пластроны и цилиндры, — купцы и маклера более или менее известные «всей Москве», а теперь кого-кого нет в этой ажиотированной жаждой наживы и привычкой хорошо пить и есть, подвижной как ртуть, толпе: тут вся «темная» и половина «сокращенной» и безработной Москвы: авантюристы, адвокаты, акушеры, инженеры… Сегодня их разогнали перед биржей, а назавтра они собираются в сквере у Ильинской площади… Только и слышишь: «Что продаете?»,

«Покупаю золото», «Беру за 90», «Продаю за 100».»

Из газеты 25 октября на сегодня по котировке Госбанка 1 золотой рубль значится уже 8.400.000 р.

13/26 ноября. Вот и еще месяц прошел. Все «движется» вперед. Золото уже 110 млн. за десятку, — а погода топчется на одном месте: ни морозов, ни снегу; чаще всего слякоть, грязь, изморось.

В Италии на смену министерства Факта воссел Муссолини, получивший премьерство вследствие успехов фашистов. Фашисты — патриоты-демократы (по номенклатуре Стеклова — «черносотенцы»).

В пятилетнюю годовщину Советской революции (7 ноября) все было, что полагается, но Ленин нигде не показался и, по-видимому, молчал, но пред этим — 31 октября — он выступил на последнем заседании Четвертой сессии ВЦИК. Сказал небольшую речь, ничем не знаменитую. Оригинальную только, что он отметил в ней странные результаты «сокращений»: по переписи советских служащих в августе 1918 г. их насчитали 231 тыс. чел., а в октябре сего года (1922), после неоднократных сокращений «нашего раздутого аппарата», в нем оказалось 243 тыс. человек. «Вот вам итоги всех сокращений!» — воскликнул «Ильич».

К слову сказать, и меня «сократили» в Северолесе. С 15 октября; но потом предложили остаться в «проводниках», т. е. в должности 7-го разряда, и пришлось остаться. А не так давно мне предлагали должность генерального агента морского пароходства республики. И я, дурак (или очень умный), от этой «генеральной» карьеры сам отказался. Вот каково мое душевное состояние. Стал всему предпочитать тишину, диван и сон. Пользы от меня никакой — ни себе, ни людям. Как говорится, «напрасно копчу небо».

В Москву приехал германский посол, граф Брокдорф-Рантцау. Смотрите, какой почет большевикам! Граф, бывший министр иностранных дел, и — к Калинину с дипломатическим нижайшим поклоном!

Ангорское правительство в лице Великого национального собрания Турции объявило о прекращении существования константинопольского правительства и об уничтожении власти Султана, но Султан от престола не отрекается, хотя и уехал на английском пароходе в Мальту.

При всем этом, т. е. при симпатии советско-русской власти к ангорскому правительству, к его вождю Кемаль-паше и к так называемому Великому турецкому национальному собранию, понимавшемуся нами как собрание самых левых, красных турок, в

русских газетах стали раздаваться жалобы на «преследование коммунистов в ангорской Турции». Видно, разные правительственные депеши Кемаля к Чичерину и обратно, обмен посольствами и прочие дипломатические или агитационные штуки не мирят правоверных турок с коммунистами. И ихние, якобы тоже «коммунисты», может, ближе к фашистам, чем к нашим большевикам.

Ленин выступил еще 14-го ноября на Четвертом конгрессе Коминтерна. На этот раз — речь длинная, но очень скучная. Конечно, не без помощи солдат Троцкого, Дальний Восток совсем покраснел, и Дальневосточная республика в Народном собрании (Чита, 14 ноября) прекратила свое существование и воссоединилась с РСФСР. После такого «самороспуска» Троцкий и Ленин уже говорят, что их власть простирается до Великого океана.

В «Известиях» на днях была статья И. Назаренко о царских дворцах. Цель статьи, конечно, — показать, как омерзительно и расточительно жили цари, а впечатление от нее — сколько было вкуса у них, красоты, и как они берегли свои сокровища для веков, для бывшей Великой России, и как варварски, нагло и похабно хозяйничали этим добром красавцы русской революции.

«Исчезли некоторые предметы искусства и ценности. Портреты Андреевских кавалеров и мягкая мебель были проткнуты штыками. Караул нередко пытался проникнуть в комнаты, где находились драгоценности. В апартаментах Александра Второго сломаны шкафы, ящики, столы и пр.

На полах валялись разорванные исторические письма, заметки, записные книжки, рисунки В. А. Жуковского, миниатюры, портрет Императрицы Елизаветы Алексеевны работы Виже-Лебрен, сломанный оклад и вырванное из него Евангелие, и многочисленные пустые футляры от ювелирных вещей. В так называемых «собственных покоях» Николая Второго и Александры Федоровны погром носил характер крайнего ожесточения, проявившегося с особенной наглядностью в беспощадном истреблении всех изображений Царской Семьи: изорвана картина, на которой изображена коронация Александра Второго, разорван в клочья портрет Николая Второго работы Серова. Незабываемую картину погрома, разрушения и грабежа представляли комнаты Александра Третьего. Все стихийно опрокинуто, кабинет усеян изорванными бумагами важнейшей государственной ценности, тут же во множестве валялись книги, обломки мебели, осколки стекол. В кладовых обнаружено было расхищение некоторого количества обиходного утилитарного серебра и фарфора, не имеющего большого значения. Несравненно ощутительнее —

утрата целого ряда реликвий. Незаменимые мелочи придворной жизни 19-го века, отмеченные своеобразным бытовым отпечатком, яркими следами наклонностей и вкусов целого поколения исторических личностей, безвозвратно, по-видимому, для истории утрачены.»

Но «красавцы революции» (а может быть и комиссия по восстановлению исторических ценностей Зимнего дворца) по своему вкусу приставили кое-что к обстановке дворца. Так, например, по словам Назаренко, в уборных царей, а также «в специальном отделении, куда и царь пешком ходит», «крайне безобразные картинки порнографического содержания, разжигающие, по-видимому, сладострастные чувства самодержца».

Я видал в том отделении запасного дворца, «куда и Дзержинский (Нарком пути) пешком ходит», — крайне бесстыжие рисунки и надписи, но не думаю, чтобы они находились с ведома нынешнего самодержца русских путей сообщения. Впрочем, то ли делается в известных целях у нас в совдепии: в эпоху «изъятий» сообщали откуда-то, что под ризой Богоматери оказался портрет какой-то шансонетной певицы.

19 нояб./2 декабря. Сегодняшний день можно отметить как первый настоящий зимний день. С утра 13° мороза, днем на солнце 5°, накануне подсыпало снежку, образовав недурной санный путь. Ясно, сухо, тихо.

Чичерин поехал в Лозанну на конференцию о Дарданеллах. Поехать-то поехал, а Антанта все-таки отказывается допустить Россию к «полному» участию в работе конференции.

1-го декабря трамвай — 1 млн. станция, газета — 400.000 за номер. (Не могу молчать о театре и о… самогонке: у Корша 13-й ряд партера 11.500.000 р., 35-градусная — 60.000.000 р. четверть, а настоящий спирт, говорят, 80.000.000 бут.) Молоко — 1 млн. кружка.

По части театра. Читаю сегодня в «Известиях» критику на «самого» Мейерхольда, друга Луначарского. Так начинается: ««Свобода, сколько преступлений совершено во имя твое!» — так воскликнул один из деятелей французской революции. Левый фронт, сколько безобразий совершено и совершается и будет совершаться во имя твое! — так хочется воскликнуть при виде того балаганного шутовства, которое вчера преподнес нам В. Мейерхольд своей постановкой «Смерть Тарелкина». Что Мейерхольд ничего другого дать не может, в этом мы никогда не сомневались. Но вчера он воочию доказал это даже тем неврастеникам, которые считали себя последователями

«революционного новаторства» в области сцены… И когда подумаешь, что на это тратятся государственные деньги, хочется громко протестовать против этого шутовства.» И т. д.

И чего это «революционные новаторы» для своих экспериментов тревожат Островского, Сухово-Кобылина, когда хоть пруд пруди «революционными новаторами» и в сфере самой Драматургии?!

31 дек. 1922 г./13 января 1923 г. Зима «сиротская», и при этом — до самых Рождественских праздников с частыми и длинными оттепелями. К Рождеству дорога совершенно испортилась, и еще в Сочельник было мокро, как весной, но потом пошло на мороз. Однако больше 12 градусов мороза пока не было.

Созванная в Москве конференция Эстонии, Финляндии, Латвии и Польши по сокращению вооружения не столковалась с советской Россией, и конференция разъехалась, сваливая друг на друга ответственность за «срыв».

† В Польше выбрали президентом республики Нарутовича (еврейского происхождения), а через несколько дней его президентствия он был убит художником Невядомским, считавшим выбор президента неполяка — позором для Польши.

Впоследствии состоялись выборы нового президента, каковым избран уже поляк Войцеховский. Управлявший до этих дней Польшей Пилсудский взял на себя пост Начальника главного штаба польских войск.

Между прочим, наши газеты отмечают растущий успех фашизма и в Польше.

Мих. Горев (Галкин) сообщает, что по всей республике серебра собрано немного более 23.997 пудов, и восклицает при этом: «Цифра до смешного пустяковая.» Дальше он предлагает устроить «неделю поверки церковного имущества». Вот человек, специально посвятивший себя «выворачиванию» православных душ. Недобрый это человек!

23-го декабря (н. ст.) в Большом театре открылся 10-й съезд советов. Главный доклад делал Л. Б. Каменев, а Ленину врачи, дескать, «установили режим и пока не разрешили выходить». И Ленин не только не был на съезде, но и письменно себя никак не проявил. Ни ответа на приветствие съезда, и никаких других церемоний. Видно, тут не «невыхождение», а лежание в постели.

Съезд закрылся 27-го декабря, оставив после себя массу торжественных резолюций и другой испорченной бумаги в виде хвастливых докладов и речей делегатов. «Изюминки» не было. Да! Надо признать, что Ленин, как великий актер, выносил иногда на

своих плечах очень скверные пьесы. Троцкий, Калинин, Каменев, Бухарин и Луначарский — как ни пыжатся, а до «Ильича» им далеконько.

А в Германии фашизм принимает реальные формы. Долго ли до греха и в нашей стране?!

Секретарем ВЦИКа вместо Енукидзе избран Сапронов. Калинин, комиссары и все прочие «правители» переизбраны вновь.

После съезда в газетах появилась небольшая статейка Ленина от 2-го января под заглавием «Странички из дневника». Она трактует о положении учителей и вообще о школьном деле. И тут интересное признание: «В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, дела у нас обстоят очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (97-м годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях пролетарской культуры.»

В Париже состоялась конференция Антанты о «репарационном вопросе». Бонар Лоу не согласился на французский проект, и английская делегация уехала из Парижа. Пуанкаре сказал, что разрешение вопроса по английскому проекту даст Германии восстановить свою экономическую жизнь за счет стран, ею же разоренных. Практическое предложение Пуанкаре заключалось в сокращении периода мораториума вместо 4 до 2 лет.

Если верить корреспондентам наших газет, вся наша советская бессовестная Русь, с благословения антонинов, евдокимов и прочих пустосвятов, в отношении церкви совершенно разнуздалась. И не поймешь, кто кощунственнее: поп, верующий или коммунист. В с. Чистоводке Изюмского уезда собрание верующих устроило «чистку святых», т. е. исключило Сергия Радонежского из святых за благословение царей на кровопролитные войны, Иосифа Белгородского за то, что он был «помещик, сын полковника», и вообще постановило: «Исключить из числа святых всех так называемых праведников буржуазного происхождения». Корреспондент деловито прибавляет, что «выполнение резолюции поручено особой комиссии».

Ну, а за сим началась активная борьба советской власти с церковными празднованиями. Впервые попробовано противопоставить церковным торжествам уличные антирелигиозные демонстрации. Поручено такое безбожное дело подрастающей России, так называемым комсомольцам (от

«российского коммунистического союза молодежи»). После Рождественских праздников газеты и журналы вышли битком набитые описаниями «комсомольского Рождества». На улицах этого нового явления не изучал, а что касается самих храмов, то могу свидетельствовать, что они были необычайно переполнены молящимися. А когда вы почитаете линов, криницких, ашевских, леповых и разных горе-галкиных, — то подумаете, что бесстыдные представления мальчишек и девчонок переманивали к себе молящихся, — те выходили во время службы из храмов и присоединялись к карнавалам, хулящим Божество.

У комсомольцев были свои попы, «зычно воспевающие акафист Марксу». «Все вышло по-писанному. И боги, и черти, и ангелы, и представители всех религий и богов на земле. И… даже полицейский был. Комсомольцы не только вывели на улицу двадцать тысяч молодежи, но и вытянули на улицу несколько сот тысяч обывателей.» «Важно шествует какая-нибудь религиозная процессия, — встречной доброй старушке как раз впору перекреститься, — а вокруг залихватски несется: «Ах вы сени, мои сени»… Пляски, смех, настоящий народный карнавал… Здесь и желтый Будда с покорюченными ногами и благословляющий руками, и изможденно-плутоватый и раскосый вавилонский Мардух, и православная Богородица, китайские бонзы, католические попы, в желтой тиаре Римский Папа, благословляющий новых своих адептов с пестрого автомобиля, протестантский пастор на длинном шесте, русский поп в типичной епитрахили предлагает за небольшую мзду повенчать кого угодно. А вот монах, верхом на черном гробе с мощами. Он тоже восхваляет свой товар для невзыскательного покупателя. Еврейский раввин-кантор, воздевая руки, печально истошным голосом рассказывает о том, как «у попа была собака, он ее любил».»

Тут и «поэзия»: «Стройной колонной проходят молодые девушки, мелькая разрумяненными на морозе лицами. Мерзлый пар вырывается вместе со звуками песни:

Не надо нам раввинов, не надо попов,
Бей буржуазию, дави кулаков.

Несут гигантский плакат: «1922 раза Мария рождала Иисуса, на 1923 родила комсомольца», и тут же рядом на руках Марии младенец в красноармейском шлеме. Иосиф в ужасе шарахается… Хор монашенок поет:

Монашки святые,

Жиром налитые,
Ликеры пьют густые,
Усладительно.»

И не в одной Москве были эти безобразия. Несколько дней печатались телеграммы из провинции, сообщавшие и не такие еще программы комсомольского усердия. В Ростове-на-Дону комсомольцы, наряженные в костюмы «богов и жрецов», демонстрировали перед церквями, синагогами, мечетями, костелами с антирелигиозными песнями и частушками. Из Рыбинска телеграфируют: «Улицы были полны народа. В церквях было пусто.» В Бердянске «во время богослужения против храмов состоялись тысячные демонстрации и митинги с фейерверками, факелами, ряжеными. После митингов было произведено сожжение богов. Молящиеся покинули храмы и присоединились к демонстрантам.» В Борисоглебске «комсомольцы выждали момент начала служб и подошли к церквям с оркестрами музыки.» В «пандант» к этим подвигам коммунистической молодежи нужно бы выписать из рубрики «происшествий» целую серию налетов, убийств, вооруженных грабежей и прочих деяний молодежи. Вот, например, 12-го января (н. ст.) «Известия» сообщают, что «МУРом арестованы бандиты П. Мякишев, 17 лет, А. Левкович, 16 лет, В. Зайцев, 16 лет, и С. Демин, 20 лет». Почему-то думается, что эти граждане немало потрудились и для успеха комсомольского Рождества. Может, пап и раввинов изображали, от Луначарского благодарность получали за свою просветительную деятельность?!

К Пасхе эта комсомольская банда еще более подрастет и расширится. Горевы и апашевские постараются развить это «движение». Впрочем, чем хуже, тем лучше!

Итак, прошел еще год, а за ним наступит еще год, в конце которого (если доживешь) придется записать о какой-нибудь новой пошлости. Никаких показаний просвета в русской жизни. С одной (властвующей) стороны — болтовня, хвастовство, с другой (подданной) — шепот и плевание. Нет ни богов, ни России, ни свободы. Остались одни частушки, мейерхольды, нэпы, маяковские, «красные» слова, названия, города, села, и красные дела, не от красоты природы, людей, поступков, а от красноты беспощадного, безразборного кровопролития в бывшем и будущем (см. выше, что поют краснощекие комсомолки: «бей буржуазию, дави кулаков»).

Дрожжи в конце года — 16 млн. р. ф., самогонка — 75 млн. р. 1/4 ведра.

Двадцать третий год

Свобода сама собою не валится в рот.
Пять —
пять лет вырываем с бою за пядью каждую пядь.
Еще не кончен труд.
Еще не рай неб.
Капитализм спрут,
щупальцы спрута — НЭП.

(В. Маяковский, «Известия «ВЦИК, 16.01.23. № 10)

9/22 января. Был и крещенский мороз; но такой «некрещенский» — всего только 11 градусов. Все-таки святки как святки: снежно и морозно. Москва не унывает. Послушаешь кругом: вечеринки, театры, картеж, рулетки, пьянство, разгул, и уже не лимоны, а «лимонарды». Дома угостить пяток-другой друзей или родственников плохо-плохо — лимонардик нужно.

Французы реально проводят репарационный план. Началась оккупация Рурского бассейна. Стеклов и К° видят в этом чреватость, могущую породить новую европейскую войну.

Жел.-дор. тарифы, повышаясь раз в месяц, не оправдали себя, и вот вышел декрет насчет повышения тарифов (на 25 %) с 20 января. Таким манером проезд, скажем, до Тулы из Москвы обходится теперь 53,5 млн. р., а в ден. знаках 1923 г. — 53 р. 50 к. Официально бумажный рубль равняется 1 млн. р. в знаках до 1922 г., или 100 р. в знаках 1922; но при всем том 10-рублевый золотой по котировке 20 января значится 190 р. (миллионов тоже). Цена того же золотого на вольном рынке — 224 млн.

Теперь больше всего читают четвертые страницы газет и объявления. Там биржа, там показания, как живет москвич (вернее, как может жить, если он на свободе и если он сумел «устроиться» службой или торговлей). Вот, например, «пониженные цены» русских и иностранных виноградных вин Винторгправления ВСНХ с 18 января 1923 г. Русские вина белые и красные — самые дешевые, за бутылку — 13.800.000 р., дорогие — 22 млн. Русские крепкие вроде портвейна и мадеры — от 27 млн. до 44 млн. Русское шампанское 93 млн. Иностранные белые от 23 до 132 млн., красные от 28 до 50 млн. Портвейн

иностранный от 50 до 83 млн., а шампанское 217 млн.

В большом, как видится, спросе игральные карты. И все, наверно, для железки; не пишут, как раньше, «игра» (две колоды), а «108 р. за дюжину» (конечно, знаками 23-го года).

После объявлений бесчисленных театров, студий, кабаре, кино, цирков — заманчивейшие объявления ресторанов, баров, кафе, столовых, трактиров и чайных. В «Ампире» (профработника) во время обедов Les artistes parrainent le public: тустеп, фокстрот, вальс-бостон, танго. Танцуют все. Лучшие танцоры Москвы и Петрограда. Главный инструктор — Арман.

В «Эрмитаже» (старый Эрмитаж на Трубе) с 12 ч. ночи — кабаре. Там и Горич, и Борисов, и хор Вани Лагутина, и романсы Изабеллы Юрьевой с гитарой Делязари. Песенки Чернова, Викторова, Мадлен Буш, Соколовой, танцы Елениной, Ванд, Брамс, Рен, Руа, и чего-чего там нет, а главное — «уютные и роскошно отделанные кабинеты».

Опричь всего каждый день «бега». Начало в 12 ч. дня. Тотализатор — 20 р. (т. е. 20 млн.). И все это благословлено свыше, тем Кремлем, над которым развивается красное знамя и в котором наиболее чтимая икона — Карл Маркс.

9/22 февраля. Около месяца стоит прекрасная зимняя ровная погода. Морозы от 8 до 16°, снежные метели, но не особенно страшные, и часто — ясные дни и ночи, полные присущей им прелести.

На днях был свидетелем одного торга: за уступку квартиры в три комнаты в одном из переулков Тверской просили 45 млрд. Дело сладилось. Вообще миллиарды штука теперь не большая, а даже нашему брату доступная. Я, например, в январе месяце получил жалование уже 768.370.000 р. и еще разницу между «проводниковским» (7 разр.) и «агентским» (17 разр.) жалованием — 1.184.290.000 р. А большие люди теперь получают больше 3 млрд. р. в месяц.

Трамвай давно уже 1,5 млн. за станцию; газета 1 млн. номер. Икра зернистая 120 млн. ф., колода карт 12,5 и 25 млн., чай 112 млн. ф., одна кор. килек 15 млн., сотня гнуснейших папирос 7 или 10 млн. Золотой рубль по старой котировке 23.100.000 р. (Я буду и впредь считать по-старому, т. е. игнорируя бумажные фокусы 22-го и 23-го гг.)

† Трагически погиб популярный старый певец, баритон Иоаким Викторович Тартаков. Дело было в Питере. Ехал на автомобиле, наехали на канаву — автомобиль перевернуло, всех изуродовало, а Тартакова — насмерть. Вечный ему покой! Я слыхал его еще в начале его артистической карьеры в оперетке

Лентовского, а потом лет 9-10 тому назад в Питере, в Мариинской опере. Значит, промежуток был лет в 30, однако и в последний раз послушал его не без приятности. Между прочим, он очень был похож на Антона Рубинштейна. Болтали даже, что он в действительности-то не Викторович, а Антонович.

Свирепствует какая-то «свободная трудовая церковь». В «Известиях» напечатано ее «постановление» передать все церковные ценности, *включая колокола* и священнические ризы, — научным учреждениям. Но почему бы не снять кресты с храмов? Грабить — так грабить.

Вон пишут, что в МУРе вороха дел о растратах в казино миллиардов казенных денег. А тут на каждом шагу если не настоящее, то сусальное золото.

† Скончался знаменитый ученый Вильгельм Рентген, открывший Х-лучи. Скончался в Мюнхене 78 лет. Новых церквей не открывал, но был, вероятно, богоугоднее колоколоснимателей и страждущему человечеству полезнее.

Стеклов старался. Боже мой, как старался! «Война — скоро, сейчас, готовьтесь». Но его не послушали. Французы делают свое дело в Рурском бассейне, может быть, не очень досаждая немцам, а мы тут вопием благим матом; жертвуем даже свои жалкие гроши в пользу «разоренных» рурских рабочих. Сдается, что мысль о возможности войны раздувается советской печатью в своих специфических целях, как иронически передает таковое впечатление читателя газет сам Стеклов.

Чичерин вернулся из Лозанны в Москву «не солоно хлебавши».

Образец современных публикаций, свидетельствующий о грандиозных коммерческих советских предприятиях и о талантливости царствующей ныне в России нации: «Всем, всем, всем… Правление кооператива работников центральных управлений НКПС «Коопуть» настоящим объявляет, что граждане Шапран, Ланиэ, Левин, Алибеков и Эпштейн в марте месяце 1922 г. получили задаток в 10 млрд. р. на закупку ста тысяч пудов белой муки для «Коопуть», до настоящего времени муки не доставили», и т. д.

Не эти ли граждане колокола будут снимать?

Чуть не каждый день печатаются декреты о переменах в административном делении Совдепии. Создана масса новых губерний. Но вот вчера, что называется, как раз наоборот: Президиум ВЦИКа постановил с 1-го марта с. г. «произвести слияние Рыбинской и Ярославской губерний с центром в г. Ярославле», причем Краснохолмский и Весьегонский уезды присоединить к Тверской губернии. Проще сказать, скроить эти

территории по-старому, как было при царе. И к чему было огород городить?!

Опять ввелись концерты «в пользу инвалидов». В Большом театре сбор был 4 млрд. 272 млн. р. Ну что же особенного, если прикинуть, сколько теперь может получить в месяц ловкий советский чиновник.

Мемель передан Литве. Там царили в последнее время то союзники, то какие-то повстанцы.

Результаты пятилетнего советского хозяйствования водным транспортом: Волга потеряла 525 паровых судов, мощностью в 276.755 инд. сил, и 5.189 непаровых, грузоподъемностью в 304.070.000 п. В период 1911–1914 гг. Волга строила до 60 паровых и 500 непаровых судов ежегодно, а за 5 лет революции построено не более 160 судов обоего типа.

Теперь «средний возраст» котлов 26 лет, а в 13-м году он достигал лишь 13–15 лет, а для непарового флота эти цифры будут по 13-му году 1–5, а по 22 — 12–14. К будущей навигации остается без ремонта 444 паровых и 1.058 непаровых судов.

26 марта/8 апреля. *Христос Воскресе!* В Страстную Неделю и сегодня, т. е. в Светлое Христово Воскресение, погода крайне неприятная. Небо серое, утренний морозец сменяется на дневную слякоть. Благодаря ветру зябнется больше, чем зимой.

Несмотря на старания комсомольцев и прочих антирелигиозных деятелей, с их специальным органом «Безбожник» (не знаешь, чего там больше: кощунства или порнографии), — на Страстной и в Пасху в московских храмах было необыкновенно многолюдно.

3/16 апреля. До сегодняшнего дня держались по ночам морозы, а дни были серые и очень прохладные, с медленным таянием и с подбавкою новых снегов, то и дело налетавших и прибавлявших только грязи. Но сегодня повеяло теплом чисто весенним. Будем надеяться, что весна новой «осечки» уже дальше не сделает.

В «Известиях» описываются сокровища петроградского музея революции. Автор статьи останавливается на двух документах, которыми, так и видно, хочет сказать: посмотрите, какой ужас был в 1906 году. Один документ — это донесение петроградскому градоначальнику, что такому-то арестанту причитается получить 100 рублей за приведение в исполнение смертного приговора над преступником, а второй — это «счет расходам денег на приобретение материалов по приведению в исполнение смертного приговора над двумя лицами. Извозчик — 2 р., веревка

— 55 к., одно кольцо — 30 к., мешок — 1 р., всего 3 р. 85 к.» Впечатление от такого «интересного» сообщения, что называется, наводящее на некоторые сопоставления. Вот где совсем уместно сказать болтливому хроникеру: «пошибче молчал бы, товарищ!»

Президиум ВЦСПС постановил пожертвовать и отправить 500.000 пудов хлеба в помощь рабочим Рура (якобы для борьбы с французским империализмом). В транспортном деле это называется «встречной перевозкой» и строжайше воспрещается. Не лучше ли бы, в самом деле, сговориться с кем-нибудь из жертвователей в пользу русских голодающих: не шлите и сдайте их немецким голодающим…

А в Курске был такой случай: один купец завещал своим детям не платить его торговых долгов и на неуплаченную сумму соорудить гимназию его имени… (Это было еще при царе Горохе и припоминается мной только «к слову».)

14-го марта напечатано правительственное сообщение, что В. И. Ленин-Ульянов в последние дни расхворался не на шутку, т. е. появились признаки нарушения кровообращения, что повлекло за собой некоторые ослабления двигательных функций правой руки и правой ноги, а затем и некоторое расстройство речи.

Ленина лечат русские врачи профессоры Крамер, прив. - доцент Кожевников, доктор Елистратов и иностранные профессора Минковский, Фёрстер, Геншен, Бумке, Штрюмпель и Нонне.

До Пасхи состоялся в Москве процесс Католического духовенства, обвинявшегося, конечно, в «контрреволюции», по тем же признакам, по которым, в связи с изъятием церковных ценностей, судилось, судится и будет судиться наше (православное) духовенство. Двое из главных подсудимых — архиепископ Цепляк и священник Буткевич — приговорены верховным судом к расстрелу, но приговор временно был исполнением приостановлен, по постановлению ВЦИКа.

В Польше, Англии, Америке и вообще в Европе по этому поводу вспыхнуло негодование. Посыпались ноты и все прочее такое. В результате Цепляку смертный приговор заменили 10-летней тюрьмой, а † Буткевича все-таки расстреляли. До сих дней такая страшная расправа продолжает волновать заграницу и здешних верующих людей. В газетах чем-то «угрожают», но наши дипломаты, очевидно, с этим считаться не хотят.

Состоялись 25-летние юбилеи Л. В. Собинова и В. Э. Мейерхольда. Обоих «пожаловали» званиями «народных артистов». Мейерхольд так же понятен народу, как телескоп годовалому ребенку.

В «Известиях» как-то описывалось «самогонное царство». Тут уличены в пьянстве многие «властители» (но не выше представителей волостных исполкомов), а также и сами «тройки для борьбы с самогонкой». Вот истинно русская жизнь, которую не поколебали и «не изженут» ни Маркс, ни Толстой, ни Семашко.

В общем, ни в старом, ни в новом особо сенсационного нет; поэтому и не пишется что-то. Про дороговизну? Но то, что поразит сего дня — через месяц будет не в пример поразительнее. Если я скажу, что сегодня я заплатил за одну трамвайную станцию 2 млн., за коробку спичек полмиллиона, за номер газеты полтора млн., за сотню папирос второго сорта 9 млн., за фунт черного хлеба (заварного) один млн., то тем самым намекну, что в театр пойти — надо плохо-плохо 30–40 млн., пальто купить — 1 млрд. (не меховое, конечно), и т. д. и т. д.

Золотой рубль (Гос. банка) 37 млн. р., а на черной бирже чуть ли не вдвое.

21 мая/3 июня. После почти двухмесячного перерыва трудно дать точный отчет о погоде, но в общем дело обстояло так: начало «старого» мая было приятное — ясное, теплое, почти сухое. Были небольшие грозы («люблю грозу в начале мая!»), а потом опять похолодало, и вот недели две тянутся холодные дни; как только спрячется солнце, надевай пальто. Ночью тепла не более 7°. Но сейчас зелень и цвет в полной силе и красе. Появились летние «фрукты». Осведомился о цене: огурец 7,5 млн. шт., фунт красной вишни 30 млн. И купил три соленых огурца за 4,5 млн.

Во второй половине апреля состоялся 12-й съезд российской коммунистической партии. Каждый из ораторов оговаривался, что он думает, говорит и делает по заповедям великого Ильича. Таким образом, нового никто ничего не сказал, а сам Ленин, видимо, свою политическую и государственную карьеру покончил и готовится перейти в историю. Время от времени появляются осторожные бюллетени, намекающие на медленное и неуклонное приближение конца: то катар легких, то катар мочевого пузыря. Его сподвижники утешают товарищей, что Ильичу «лучше», — но вот сколько месяцев не слышно от болящего ни одного словечка, ни в письменной, ни в какой другой форме.

Бывший Синодский обер-прокурор В. Н. Львов (а теперь сподвижник Антонина и К°) довел до сведения Стеклова и его читателей, что «с осуждением Тихона кончается всякая возможность идейного воссоздания реакции даже в эмиграции». Значит — распни его!

Демьян Бедный за свою поэзию награжден орденом «Красного

знамени». Троцкий в своем приказе называет его «доблестным кавалеристом слова, метким стрелком по врагам трудящихся».

Много шуму, статей, расходов, наград и самохвальства по поводу «Разгадки курской магнитной аномалии». Установлено, что в Щиграх, Курской губ., добыты первые образцы магнитного железняка с содержанием до 70 % химически чистого железа. Никакой и загадки-то не было; давно всем известны причины таких «аномалий», но вот попробуй достань это железо своими, русскими руками. Пожалуй, теперь достанут, но чего это будет стоить?!

С 30-го апреля по новому ст. начался тираж золотого выигрышного займа. Как известно, главный выигрыш 100.000 золотом. У меня тоже были «шансы» в виде двух купюр облигаций по 5 р., т. е. на 10 р. (вся облигация 25 р. золотом). Получил их на службе. И большинство этих бумаг роздано россиянам таким же путем. На этот раз ни я, никто из знакомых — ни 20 р. золотом (самый меньший выигрыш), ни больше не выиграли. Будем ждать сентября, тогда второй тираж.

16/29 апр. в храме Христа Спасителя открылся «Второй (якобы) поместный собор русской Православной Церкви». От имени ВЦУ Антонин приветствовал правительство и провозгласил ему «многая лета».

Первое мая отпраздновано уличными действиями, сопровождавшимися карнавальными затеями в виде поношения культа и его служителей. По подсчету газет, в манифестациях участвовал миллион народа. После этого празднества рылся в газетах, а как, мол, этот день прошел заграницей? И почти ничего не нашел, видно, там работали и в праздник труда. Впрочем, предполагают, что в Берлине демонстрировало 500.000 человек (из 4-миллионного населения), и сообщают, что в Париже работа была приостановлена на 10 минут.

На «соборе» председателем был какой-то «митрополит всея Сибири Петр Блинов», а почетным «митрополит Московский Антонин».

Собор послал приветствие ВЦИКу, с пожеланием скорейшего выздоровления В. И. Ленину, «чтобы он снова встал впереди борцов за великую социальную правду».

Небольшое отступление в сторону обывательской жизни: к зубному врачу Лившицу явился неизвестный и попросил спешно оказать ему помощь. Врач все, что нужно, сделал, и после этого пациент навел на него револьвер и сказал: «Ну, а теперь давайте мне за визит 2 млрд.» За неимением такой суммы сошлись на 200 млн. Забрав деньги, пациент благополучно скрылся.

Собор разжаловал Патриарха в мирянина Василия Белавина,

считая его «отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви», и на основании церковных законов объявляют его лишенным сана, монашества, и возвращают его в первобытное положение мирянина.

Вообще, этот собор вынес такие решения и резолюции, что лучше о нем и не говорить больше. Как название пьесы «Женщина, о которой не стоит говорить», можно записать в историю русской церкви, что «в 1923 г. был в Москве собор, о котором не стоит говорить».

Впрочем, еще несколько слов по поводу его «деяний». Главные деятели церковного раскола (и посрамления русской Церкви) протоиереи Введенский и Красницкий «взысканы» милостию собора: первый (женатый) возведен в архиепископы Крутицкие, а второй — «в протопресвитеры всея Руси». (Чуть не большевики, а как им нравится такое архимонархическое выражение «всея Руси»!)

«Находятся смельчаки, которые у издыхающего льва вырывают волосы из гривы», — говорит турецкая пословица. Вот эти вышесказанные новые «князья церкви», да Петр Блинов (тоже властитель «всея Сибири»), да дьякон от Трех Святителей Добров, да какой-то один «мирянин» — отправились к Патриарху в его заточение и, обратившись к нему, «называя его Василием Ивановичем», указали на состоявшееся постановление собора о лишении его сана. «Гр. Белавин подписал текст сообщения собора» (так заканчивает это происшествие корреспондент «Известий»). Собор закончился многолетием Антонину в таких формах: «Стране Российской и правительству ее, устрояющему судьбы народа по правилам труда и общего благополучия, — многая лета.»

И еще «номер». Обратились с нотой к архиепископу Кентерберийскому, примасу Англии. Ты, мол, не замай наше благочестивейшее правительство, у нас, дескать, «религиозная жизнь в настоящее время пользуется такой свободой, которой она никогда не имела ни при одном из прежних правительств отечества нашего…» Нет, дальше не могу. Бог с ними! Не мне судить таких величайших жрецов. (Бывало, попов почему-то звали «жеребцами», но я не люблю «неделикатных» выражений.)

Керзон прислал советскому правительству ультиматум, что если оно в десятидневный срок не выполнит таких-то требований (по освобождению тральщиков, по вознаграждению семей расстрелянных в России английских шпионов, по прекращению пропаганды в восточных английских владениях, по увольнению наших представителей в Персии и по смягчению участи гонимого в России духовенства), то и торговый договор с Англией и всякие

другие добрые отношения с ней будут прерваны и изменены.

† Вслед за этим получено сногсшибательное известие, что прибывший в Лозанну и не принятый к участию в тамошней конференции наш представитель тов. В. В. Воровский убит там из револьвера русским эмигрантом Конради. Промелькнуло сообщение, что это была личная месть за расстрел родственников Конради в России, но оно утонуло в громовых и гневных статьях, речах и резолюциях, что тут виноваты империалисты, Антанта, Лозанна, буржуазия и т. д. И зашагали по Москве и другим городам советской России с флагами, знаменами, музыкой, интернационалом. На знаменах всевозможные обещания мести и гибели капиталистам, Керзону, угнетателям трудящихся, и т. д., и т. д. Московская демонстрация состоялась в одну из суббот, т. е. дала возможность многим погулять в день не праздничный. Что говорить! Внешне не менее 600.000 человек. В этот день полетел на аэроплане Наркомвнешторг Л. Б. Красин, вместе с директором Северолеса Либерманом. Конечно, торговаться насчет керзоновских требований. На демонстрации по поводу убийства Воровского было много плакатных предписаний не уступать англичанам, показать им кукиш, крикнуть «Руки прочь!», и т. д. Но позднее мы читали, что по всем швам мы уступили, и дело, кажется, закончится не так, как манифестанты требовали, а как англичанам удобно. Тело Воровского привезли в Москву и похоронили на Красной площади. При церемонии перевоза его с Виндавского вокзала опять участвовали рабочие, красноармейцы и советские служащие. Опять грозные плакаты, пение революционных песен, сотни тысяч людей, присутствие которых признано своими комячейками «обязательным». Одним словом — «опять праздник».

Как вычиталось из газет, тов. Воровский был образованнейший человек и преданный коммунистическому делу. Гибели его, конечно же, никто не желал, даже из действительных контрреволюционеров.

В Польше перемена кабинета. Вместо Сикорского премьером Витое. Этот кабинет знаменует новое «поправение» в Польше.

† В последнее время я совсем ничего не слыхал о своем приятеле Константине Васильевиче Розове. После ареста Патриарха он не служил по московским церквям, и слышно было, что ездит по провинциям, и чуть ли не в качестве концертанта со светским репертуаром, и это можно было ожидать, зная его преданность старой церкви. Лучше, — говорил он еще в 1921 г., — уйти на подмостки, чем смотреть и участвовать в представлениях Антонина. Но вот на днях мне кто-то спокойно сообщил: «Розов умер.» Целый день я этому не верил, вспоминая,

что его как-то уже хоронили, т. е. распространили «преждевременный слух о его кончине», но — увы! — наш великий архидьякон, несравненный певец и милый душа-человек Константин Васильевич Розов действительно в Бозе почил сего 17/30 мая. Как теперь мне рассказывали, он в этом году хворал воспалением легких, а потом — закупорка вен, болезнь сердца, и могучий богатырь, богатырь телом и духом, на 50-м году своей жизни, сегодня, в день своего Ангела, после отпевания в храме Вознесения («большого») на Никитской улице, привезен к месту вечного упокоения на Ваганьковское кладбище. За панихидами (в Крестовоздвиженской, а потом в Вознесенской церкви) перебывали десятки тысяч москвичей, за отпеванием же и в качестве провожателей до кладбища по моему счету было до 20.000 человек. И тут не было никакой политики: просто и неподневольно пришли поклониться в последний раз человеку, таланту, которого искренне любили или почитали. После его юбилея я послал ему приятельское поздравительное письмо, в котором уподобил его отроку «злочестиваго веления небрегшему, огненнаго крещения не убоявшемуся, но посреде пламене стоящему пояху». Он именно был такой. Один знакомый ученый монах дьякон сказал мне про него сегодня: «Это был адамант; надо было удивляться силе духа в этой, казалось бы, пивной бочке.» Да! И протопресвитер Н. А. Любимов в своей речи (он первенствовал на отпевании, и слава Богу, ни митрополитов, ни протопресвитеров всея Руси не было) отметил именно силу духа покойного. Я тонко знал покойного, и понимал его широкую русскую наивную душу, и видел в ней не «позор нации» или известного класса, а красоту создания Божия. Протопресвитер Любимов, коснувшись его служительства церкви и исключительных для этого дарований, сказал, что такого архидиакона никогда не было и не будет и что он действительно Великий Архидьякон, не по сану только, а и по таланту. Совершенно с ним согласен. И скорблю о его безвременной кончине вдвойне: с его уходом в вечность ушел и тип московского протодьякона, который с такой любовью описывали и рисовали Лесковы и репины. Последний из могикан!

Царство ему Небесное и вечный покой!

После него осталась дочка лет 15-ти, круглая сиротка, и никаких средств. Вот еще доказательство, что это был прекрасный, мирный, доброжелательный и простой человек!

Последние рыночные цены такие: масло 36 млн. ф., копченая колбаса 48 млн. ф., сто папирос среднего качества 30–40 млн., одна кор. спичек 1 млн. По выпивальной лавочке (у кого есть на карманные расходы миллиарды) спирт 250 млн. бутылка, пиво

30 млн. бут. Чай 240–300 млн. ф., кофе 180 млн. ф., хлеб черный (заварной) 2 млн. ф. Однажды у меня в кармане было 46 млн., а дома ни куска хлеба. Купил газету — 3 млн., сотню папирос — 25 млн., пачку в 10 кор. спичек — 10 млн., коробку зубного порошку — 8 млн., а войдя в булочную, не нашел уже в кармане ни одного миллиончика, — так и пришлось до другого дня остаться без хлеба (хоть зубным порошком питайся!).

Жалованья получил за май (если не считать вычетов) 2.100.000.000. По нынешнему времени — очень маленькое жалованье. С такими же небольшими способностями, как у меня, в других местах мои же товарищи получают 5–6 млрд. На июнь максимум жалования для Москвы объявлен 7.200.000.000 р. (или по-нынешнему 7.200 р.).

19 июня/2 июля. Ох, эта погода! Никак не войдет в полосу благочиния: то хороша, то безобразна. Последние две недели почти каждый день дожди. Было два таких ливня, что заливало подвальные этажи, и там тонули люди. Жаров еще совсем не было. Это в Москве, а в Петербурге и на Волге еще хуже; там, как рассказывают, — трава только хороша, а все другое гибнет и от дождей, и от холодов.

Судили и осудили к расстрелу некоего московского извозчика Комарова и его жену. Первый оказался убийцей тридцати двух человек (с целью грабежа), а вторая — его сообщницей. Во время процесса у здания суда стояла несметная толпа московских баб, девиц и хулиганов, по целым суткам ожидавших под солнечным пеклом и под дождем удовольствия «взглянуть хоть глазком» на этого страшного «героя дня».

12 июня (н. ст.) в газетах появилось «письмо в редакцию председателя высшего церковного совета митрополита Антонина». Пишет, что с 12-го июня они перешли тоже на новый стиль, как он говорит, «с этого числа разность счетов сливается. 13 суточных воспоминаний по церковному календарю опускаются, и делается переступка для параллелизации гражданских пунктов и религиозных воспоминаний. 12-го июня нового стиля праздновать память св. Онуфрия Великого (приходящуюся на 12 июня старого стиля), и так до конца года. Словом, с 12-го июня разность счетов следует забыть, а жить так, как будто у нас один счет: брать числа нового стиля и в них вкладывать церковные воспоминания этих же самых чисел из церковных календарей.»

Но, несмотря на этот «декрет» Антонина, я вижу, что до сего времени в большинстве московских церквей все еще молятся по старому стилю. А где — так и по обоим. Например, в церкви Трех

Святителей, у Красных ворот, где теперь находится чудотворная икона Боголюбской Б. М., перенесенная от Варварских ворот, праздновали «Боголюбскую» 18-го июня и нового, и старого стиля. А там — так теперь называемые «красные попы», и вот они вроде городничего, ради лишних приношений праздновавшего, как известно, свои именины и на Антона, и на Онуфрия!

В Болгарии быстро и бескровно совершился переворот. Министерство Стамболийского насильственно устранено министерством Цанкова, и Национальное собрание распущено. Короче говоря, там реакция.

† Произошло новое извержение Этны. Погибло несколько городков и селений. Много человеческих жертв.

На днях состоялся диспут о московских театрах. Выступавший там «народный артист» Мейерхольд убеждал аудиторию, что теперь зрителю нужна «здоровая похабщина».

27-го июня в газетах появилось и всех взбудоражило «постановление Верховного суда об освобождении Василия Белавина (быв. Патриарха Тихона)», в силу которого «ходатайство гражданина Белавина удовлетворить, и, руководствуясь 161 и 242 ст. ст. уголовно-процессуального кодекса, ранее принятую в отношении его меру пресечения уклонения от суда и следствия — содержание под стражей — отменить».

Прежде, чем что-то сказать по поводу этого неожиданного события, следовало бы отметить, что после нескольких новых нот Керзона и Чичерина «переписка» с Англией закончилась, — конечно, чего они хотели, того и добились (как видится, за малыми только исключениями). Добились, видно, и освобождения Патриарха. Однако «по документам» выходит так: вчера в «Известиях» воспроизведено даже факсимиле заявления Патриарха в верховный суд РСФСР, и оно, к недоумению одних, к ужасу других и к радости третьих, буквально говорит нам вот что:

В Верховный Суд РСФСР от содержащегося под стражей Патриарха Тихона (Василия Иванова Белавина).

Заявление.

Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный Суд РСФСР, я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее:

Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям. Как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафемствование в том же году Власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в

1922 г. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т. е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархической белогвардейской контрреволюции.

16 июня 1923 г. Патриарх Тихон (Василий Белавин).

Все это изображено собственной рукой Патриарха. С другого дня началась в газетах как бы «неделя о Патриархе». Сам Стеклов соизволил написать передовицу, озаглавленную «Разоблачение лицемеров». Он удовлетворен «раскаянием» Тихона и смеется над «заграничными белогвардейцами», видевшими в Тихоне орудие нового «священного крестового похода» против рабоче-крестьянской России.

Антонин требует от Тихона, чтобы он признал также и правильность приговора поместного собора над собой, а иначе, — говорит Антонин, — «для всех будет ясно, что его исповедь фальшива, неискренна».

Красницкий считает «декларацию Тихона» «оправданием обновленческого движения нашей церкви».

В. Н. Львов убежден, что Тихон написал свое письмо искренно.

«Красные» благочинные московских церквей приняли на своем собрании резолюцию, чтобы Тихон «публично и определенно покаялся перед Российской Православной церковью».

Член верховного суда А. В. Галкин сообщает, что освобождение Тихона ничего не меняет в самом ходе дела Тихона, следствие по которому будет продолжаться своим чередом.

Ив. Трегубов, «старый коммунист толстовско-духоборческого направления», видит в этом «новую победу коммунизма».

29 есть в «Известиях» интервью Патриарха. Он уже 27-го в 12 ч. дня переехал к месту избранного им жительства в Донской монастырь, где занял те же две комнатушки, в которых содержался под стражей. (В последние 38 дней он находился в ГПУ.) О своем содержании под стражей он отзывается хорошо и

говорит, что за границей писали насчет плохого содержания и «пыток на электрическом стуле», и все это «нелепости». Дальше он (будто бы) сказал: «Я целиком стал на советскую платформу. В то же время я думаю, что церковь должна быть аполитичной, и во всей своей деятельности я буду твердо стоять на этом.» Хочет проверить сведения о контрреволюционной деятельности Антония Храповицкого и других заграничных иерархов и предложить им прекратить эту работу. А не послушаются, то «предаст их церковному суду». Затем он сказал, что будет служить в Донском монастыре и в других местах, куда его пригласят верующие. И если у него найдется достаточное количество приверженцев, то такое церковное объединение «примет какие-нибудь организационные формы».

Между прочим, третьего дня (17/30) я был за всенощной на Валаамском подворье, и там на ектеньях уже молились за «нашего Великого Господина Святейшего Патриарха Тихона». И сегодня слышал, что он на днях приезжал на Лазаревское кладбище, где при многотысячном стечении народа предали земле популярного «батюшку отца Алексея» (протоиерей Алексей Алексеевич Мечев, священствовавший на Маросейке в церкви Николы в Кленниках и обладавший, по рассказам московских богомольных женщин, даром прозорливости). Когда процессия подходила к кладбищу, Патриарх шел за гробом, народ пел «Христос Воскресе!»

Патриарх решения «поместного собора», конечно, не признает, но из всех его постановлений он все-таки согласен «с переходом на новый стиль».

Ко всему этому, стало известно, что Антонин «ВЦУ» уволен на покой. Зачинщик раскола, предатель своей братии — заменяется Евдокимом. Видно, для воинствующей церкви понадобился «Главком» помоложе, посильнее, повороватее…

В зарубежной русской печати не совсем верят в правильность или искренность заявления Тихона, а «Руль» говорит, что «это известие о признании Тихона явится тяжелым моральным ударом для всех верующих. Твердость Тихона была до сих пор источником душевной бодрости для верующих и освещала путь для его несчастных последователей, а теперь этот свет погашен.»

По мнению «Дней», центр тяжести лежит не в признании Тихона, а в искусном отступлении большевиков на религиозном фронте.

19 июня/3 июля. Сегодня в «Известиях» описывают, как в воскресенье 1-го июля «б.» Патриарх Тихон служил в Донском монастыре первую службу после своего освобождения из-под

стражи. Служил он с двумя епископами. «Храм, коридоры и паперть его, и весь монастырский двор были усеяны народом… Так как в церковь попала только незначительная часть верующих, то по окончании обедни Тихон отслужил молебствие на монастырском дворе, после чего в течение нескольких часов благословлял верующих… В церкви Тихон говорил собравшимся о необходимости для церкви совершенно отмежеваться от политики, а коснувшись церковного собора, говорил о незаконности его постановлений, и в заключение он выразил радость, что верующие собрались на первое его богослужение в таком большом количестве… В алтаре храма находились представители некоторых иностранных миссий, иностранные корреспонденты, которые производили фотографические снимки, говоря, что снимки предназначаются для заграничных иллюстрированных журналов, ибо — ведь теперь о Тихоне говорит весь мир… Тихон получил ряд приглашений на служение как в Москве, так и в подмосковные села (Косино, Алексеевское и др.).»

2/15 августа. Редкий день обходится без дождя. А когда выглянет солнце, тоже мало радости, — не по-летнему: не жарко, самое близкое к этому — духота, разрешающаяся ливнем или Градом. Гибнут покосы, задерживается жнитво. Одним словом, лета в Москве и около Москвы не было, и не будет. Посмотрим, какова будет осень.

Красницкий, Антонин, Введенский, Евдоким, В. Н. Львов и вся братия их, наделавшая столько церковных безобразий со времени ареста Патриарха, удивлены, что он «безапелляционно, самодержавно, единовластно и бесцеремонно стал патриаршествовать, как ни в чем не бывало», и что он как бы «плюнул на собор 1923 года». Его служения эти развратители церковные считают преступными, он-де, «будучи лишен (?) сана и монашества, приступил к совершению Божественной литургии и тем разорвал ризу Христову, разорвал единство церковное, положил начало церковному расколу». И много еще написано и будет писаться в газетах от имени всяких «живых», «обновленческих», «древнеапостольских» и «свободных» церквей — злостных статей, писем и воззваний по адресу Тихона и его сторонников. Но все это, грубо сравнивая, — лай моськи на слона. Что делается по всей России, это мне, по крайней мере пока, неизвестно, но Москва почти вся за Тихона. Он каждый день (за редким исключением) утром служит где-нибудь обедню, а вечером всенощную, и везде, надо прямо сказать, «битковые сборы». Я был за его службами во многих монастырях и

приходских церквях и всякий раз наблюдал необычайное скопление народа. Его приезды к храмам и отъезды после службы зафиксированы кинематографией, и в свою очередь эти картины целую неделю давали электротеатрам полные сборы. Что же касается служений «митрополитов» Евдокима (Московского) и Антонина (тоже Московского), — а у нас, т. е., как теперь говорят, «у тихоновцев», свой управляющий Московской митрополией, епископ Илларион, к слову сказать, деятельно полемизирующий с газетными нападками на Тихона в своих церковных проповедях, в которых он просто называет Антонина и К° самозванцами, разбойниками, пролазяй не в дверь, а инако, — я говорю, служения самоиспеченных митрополитов, происходящие хотя бы и в храме Христа Спасителя, идут не с тысячами богомольцев, а в самом лучшем случае с сотней-другой. Да и не богомольцы это, а любители скандальных зрелищ и хлестких лекций. Сегодня на лекцию «архиепископа» Александра Введенского, трактующего о притворности «раскаяния Тихона», а завтра — на лекцию профессора Запихалова, поучающего половой гигиене, — слушатели те же самые для обоих лекций.

Патриарх постарел, пожелтел, похудел. Когда он приехал в Сретенский монастырь (в первые дни его освобождения), мне его лицо показалось настолько исстрадавшимся, что я, грешный человек, подумал, а не посидел ли он все-таки на «электрическом-то стульчике»?

А коммунистам наш церковный раскол на руку (да он ими и подстроен). В «Известиях» на 13 июля есть фельетончик Нерадова «Тихоновский перезвон». Там один красноармеец замечает: «Ай да молодцы. А ну-ка еще. Отгрызите друг у друга хвосты, стукайтесь лбами!»; и дальше рабочий: «Вот уж мы животики надорвали, читая, как попы дубасят друг друга. Пускай и дальше упражняются. Нам нечего им мешать.»

Чуть ли не в этом же номере описывают деятельность «отдела записи актов гражданского состояния». Хвалятся, что стали давать новорожденным и не христианские имена, например: Волга, Днепр, Москва, Конституция, Федерация, Коммуна, Марсельеза, Свобода, Облигация, Рыбка, Солнышко, Радость, Березка, Цветок. «Всем, — говорят, — предоставлена полная свобода выбора.»

Экая, подумаешь, радость, когда младенца хоть Проституцией назови!..

25-го июля Москвой прошел сильнейший град, который погубил цветники на бульварах и скверах и очень повредил огородам и садам, а во многих домах выбил окна. Град сопровождался ливнем и бурей, много подвальных этажей залито

водой, несколько человек утонуло, испорчена масса товаров и продуктов.

Убийца Воровского Конради сказал следователю (см. «Известия» от 3 авг.): «Это не была дуэль, я не рассматривал Воровского как человека, я его считал — как и всех лидеров большевиков — собакой. Они не спрашивали у моего отца и моего дяди позволения их убить.» † Второго августа внезапно скончался Президент Соединенных Штатов Гардинг и его место заступил Вице-Президент Кулидж.

Советским представителем в Лондоне был Красин, а потом его заменили Раковским (бывшим председателем украинского Совнаркома), но пока что английское правительство не дает ему пропуска на въезд в Лондон, за его антибританскую речь, произнесенную в Харькове перед отъездом. Пишут ноты, и т. д.

Все-таки «триумфальное шествие Патриарха Тихона» по Москве власти предержащей или правящей партии не совсем нравится. Все эти газетные писания о нем и о «тихоновщине» чреваты последствиями: «сократят» его или опять лишат свободы. Взял перо в руки и сам застрельщик по церковным делам, «мощекопатель» М. Горев (Галкин). «Почувствовавшая будто бы праздник на своей контрреволюционной улице, тихоновщина обнаглела, распоясалась и где только можно, показывает свои волчьи клыки. Недавно ею был избит толстовец, безобидный (для церкви-то!?) И. М. Трегубов… Труба, Сухаревка, Охотнорядье, Толкучий и Хитров. Здесь же ушибленный революцией интеллигент, бывший «союзник», бывший пристав, крепостник, Манилов, Ноздрев и Собакевич. Вся старая, гнилая, злопыхающая, улюлюкающая, помещичье-дворянская Россия выползла сейчас из своих нор… Патриаршие служения — это подогревание темных страстей темной толпы… Опьяненная, затуманенная свечами, колоколами, протодьяконами и ладаном патриарших служений, толпа воскрешает век аввакумов и пустосвятов.»

И Антонин, и Тихон похвалили недавно советскую власть, что она не мешает верить и молиться православным, а вот что пишут из Иваново-Вознесенска в «Известиях» за 14-е августа: «По городу делал прогулку специальный карнавал комсомольцев; разъезжали всевозможные ряженые на автомобилях, клоуны верхом на лошадях, автомобили с горнистами, и как раз там был крестный ход по случаю избавления от холеры. Комсомольцы встретились лицом к лицу с крестным ходом и пели песни, а клоуны, наряженные попами, пародировали обедню и распевали частушки. Оркестр играл интернационал.»

В Германии кабинет Куно пал. Вместо него образовался кабинет Штреземана.

Англия пригласила своим меморандумом Францию и Бельгию сократить свои требования к Германии. В этом наши газеты видят крах Антанты.

Сегодня курс червонца 1.400 р., золотого рубля 140.000 р., пятирублевая облигация выигрышного займа — 650 р., белый хлеб 20 р. ф., папиросы второго сорта 20 р. 25 шт., один кусок мыла (для лица), не простого, но и не благовонного, — 40 р., ягоды от 20 до 30 р. ф., виноград от 30 до 50 р., яблоки от 25 р. ф., за первую половину августа жалованья получил (без вычетов) из расчета 40 р. 40 к. в месяц товарных, а умножить на 195 р. 15 к. получится 7.884.060.000 р. в месяц. Сажень дров с доставкой на квартиру 2,5 млрд., и с каждым днем дорожают.

9/22 августа. Дожди не унимаются; днем Реомюр показывает не более 13 градусов.

19-го августа открыта «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка», размещающаяся в Нескучном саду и по пустырям правого берега Москвы-реки около Крымского моста.

20-го августа начался второй тираж выигрышного государственного «золотого» займа.

Каждый день в газетах найдешь что-нибудь про Патриарха. Особенно охотно печатаются письма и воззвания его «супротивников». Владимирцы, например, называют его «первейшим слугой антихриста», «гробом, полным злосмрадных мерзостей», «не сирых питателем, а голодных душителем», «зловредным зельем, отравляющим жизнь трудовых масс», «убийцей, палачом в красной рубахе и с окровавленными руками», «современным великим инквизитором», и т. п. Все это за ту «преступную деятельность против государственной власти», в которой Патриарх, собственно, «раскаялся». Но что же могли теперь написать, или что говорят и «шепчут» противники советской власти, когда читают новое воззвание «Епископов русской православной церкви», подписанное Патриархом, архиепископом Серафимом Тверским, Тихоном Уральским и Илларионом, где прямо говорится, что «Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет власти не от Бога. Церковь возносит молитвы о стране Российской и о Советской власти», и что «отныне Церковь отмежевалась от контрреволюции и стоит на стороне советской власти»?..

Что ни говорите, святые отцы того или другого толка, но молитва за страну Российскую и за правителей ее как-то не повторяется за возглашающим ее. Душа православная не переваривает *почетной* церковной молитвы за безбожников, гонителей церкви и за иудеев, коими у нас возглавляется

внешняя власть. Мы знаем, что Христос велел любить врагов и молиться за них, и Церковь молилась и молится, но это в других молитвенных пунктах. И выходит, что это нововведение «ни Богу молитва, ни черту кочерга». И едва ли «правители»-то требовали или просили церковных за них молений. Им нужно, чтобы в церквях пелся интернационал, а не «Многая лета».

Фунт белого хлеба — 25 млн., черного — 11 млн., кружка молока — 10 млн., газета — 7 млн.

19 сент./3 октября. При расставании с Москвой нынешнее хмурое и плаксивое лето подарило нас несколькими пригожими днями, а затем пошли теплые и ясные осенние дни, но не надолго. Последние полторы недели погода скверная — с дождями, ветром и заметным приближением к морозам; сегодня утром градусник показывал только 3° тепла, а днем было не более 8.

† 3-го сентября н. ст. в Японии произошла небывалая катастрофа: землетрясением разрушены города Токио, Йокогама, Хамамацу и много других. По первоначальным телеграфным сообщениям, напечатанным в наших газетах 4 сентября, количество жертв около 3 млн. человек. Жутко было читать первую телеграмму: «Землетрясение необычайной силы; Йокогама уничтожена до основания, в Токио уничтожены Государственный театр, гостиницы. Г. Муджи и другие местности по линии жел. дор. разрушены. В районе Токио насчитываются сотни тысяч жертв. Пожарные команды не могут справиться с огнем. Центр Токио представляет море огня. Пожар в Токио происходит уже 47 часов. Море вышло из берегов и залило много городов.»

На другой день передовица «Известий» отмечает, что понадобилось времени только шесть минут, чтобы разрушить целое государство и унести в вечность миллионы жертв. Точно зависть какая: а мы вот шесть лет работаем над разрушением государства, а все еще никак не разрушим!

6 сентября почему-то заявляется, что «Япония больше не великая держава». (Позднее мы увидим, что, несмотря на величайшее бедствие, она есть и будет «великой».) Тут же сообщается, что в Токио погибло 500.000 человек. Землетрясение охватило всю центральную и северную Японию, в Йокогаме целы только 2 дома.

И уже какое-то телеграфное агентство подсчитало денежные убытки от землетрясения — 50 миллиардов йен. По наблюдениям, записанным с 1605 года, сколько ни было там землетрясений, но в общем они унесли только 103.189 чел. и

разрушили 520.000 зданий, так что землетрясение этого года ни с каким не сравнимо.

Также пишут, что «золотой запас уничтожен», «все океанские пароходы утонули» (и тут же сообщают, что «советские суда уцелели»). «Таймс» осведомляет, что материальные потери Японии от этой катастрофы превышают в 5 раз общую сумму ее расходов по войне с Россией (т. е. 2 млрд. йен умножить на 5 получится 10 млрд.).

В одном Токио пострадало так или иначе 64 % всего населения, т. е. 1.575.351 чел.

Президиум союзного ЦИКа ассигновал на дело помощи японскому народу 200.000 р. зол. Были посланы из Владивостока в Японию советские пароходы с продовольственной помощью, но позднее стало известно, что японцы не допустили их разгрузки: сами, дескать, справимся со своим горем, а у вас кроме хлеба и камень в виде большевистской агитации.

19 сентября напечатано сообщение о новом бедствии: после двухдневного тайфуна и ливня произошло грандиозное наводнение: смыты жел.-дор. мосты, затоплен самый большой тоннель в Японии, залиты города. По последним известиям выясняется, что размеры японских бедствий «несколько преувеличены американцами». Тем лучше. Да поможет Господь Бог людям этой страны справиться с неслыханными несчастьями.

А вот «наши» действуют чисто по-русски: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», — у нас нет еще такого землетрясения, да и не бывало, а потому каждый день лекции по программе «Безбожника». Например, 27 сентября в Политехническом музее (даже под председательством бывшего попа Сергея Калиновского) состоялась дискуссия-диспут на тему «Религия, наука и революция». Профессор М. А. Рейснер старался доказать, что в основе всех религий, когда-либо существовавших и существующих, *лежит половое чувство.* Жития святых, акафисты — «сплошные любовные стихи» и т. п. Заключительные слова профессора (развращения и хулиганства) Рейснера: «Религия — это особая организация, которая нас развращает.»

Кто-то бывает на таких лекциях, ибо репортер отмечает, что эти слова аудитория наградила «громом рукоплесканий».

† В Карелии убиты члены нашей пограничной комиссии т. Лавров и Лежнев. В этом «Известия» видят «опасную игру» со стороны Финляндии.

В Мюнхене (Бавария) состоялся торжественный смотр войскам и полиции, на котором присутствовал б. Кронпринц Рупрехт, и толпа устроила ему шумную овацию, а город был украшен монархическими эмблемами.

Германия официально объявила, что она прекращает пассивное сопротивление в Руре. Нашим это очень не нравится. В Германии идет оживленная запись фашистов в боевые отряды. Во главе их — Гитлер.

25 окт./7 ноября. После длительных, осенних, непогожих дней и летом и осенью — только 16/29 октября был первый утренник, т. е. Реомюр показывал 1° мороза; пять дней назад за ночь выпал маленький снежок, но теперь от него ничего не осталось и погода опять осенняя, серая, с холодными и скучными дождями.

Христианские праздники после 1-го октября «с благословения Патриарха» празднуем уже по новому стилю, и, кажется, довольно дружно, — без протестантов. Так, например, за всенощной 22 октября н. ст. уже пелись тропари и величания Казанской Ик. Божией Матери, и народу в церквях было много, т. е. столько же, сколько бы было и при праздновании этого праздника 22 окт. ст. ст. И я нарочно пошел в церковь на 21 окт. ст. ст., чтобы последить, не устроят ли попы («наши») повторного праздника Казанской Б. М., но ничего такого уже не было. Все же я буду помечать свои записки обоими стилями, чтобы не сбиться с разными «годовщинами» и на тринадцать дней быть моложе нового времени.

В октябре я три воскресенья подряд ездил на «Всероссийскую сельскохозяйственную выставку», закрывшуюся 21 окт. н. ст. Выставка раскинулась у Крымского моста, на пустырях и болотах 1-й и 2-й городских больниц, голицинской больницы, Мещанских (бывших) училищ, и граничила с берегом Москвы-реки и с Нескучным садом. Территория громадная и, чтобы бегло обойти ее, с безостановочным прохождением по всем павильонам, — мне понадобилось целых три дня, или до 20 часов времени. За вход платил 250 р. (или миллионов), потом 300. Первое впечатление: шепчешь про кого-то: «Черт их возьми, и когда они успели нагородить все это?» Действительно, тут, конечно, много воровали, но работали на совесть. Немало грандиозных и красивых или оригинальных построек. Молодежь в восторге: она, насмотревшись на пятилетний разлом Москвы и других весей России, и не помня или не существуя во времена бывших выставок, думает, что раньше этого никто и не видывал. И разевая рот от быстроты машинного приготовления тут же на выставке папиросы или от размеров яблока, равного голове годовалого ребенка, будет думать, что, должно быть, правду говорят товарищи, что только советское хозяйство может производить такие чудеса. Но нас, стариков, этим не проведешь:

мы еще со времен Крылова слыхали об огурце, «в котором двум усесться можно». И еще в 70-х годах знали, что на Парижской выставке показывали серебряного лебедя, который плавал как живой и хватал под водой серебряную же рыбку, а затем поднимал голову и проглатывал ее (см. Марка Твена).

Были, например, на выставке поражающих размеров дубовые или сосновые кряжи, но как их ставить в заслугу советской деятельности, когда жития этим деревам было свыше 200 лет и когда мы знаем, что в Америке или где-нибудь в Австралии есть древесные пни, на которых устанавливается экипаж, запряженный двумя или тремя лошадьми. Нас гораздо более интересовали экспонаты, сделанные в революционные годы. И тут мы чаще всего находили «передергивания». Вот, например, чугунные статуэтки уральских горных заводов. Громадный успех, плакаты гласят: «Сделано в 1922 году». Смотрю: все эти тройки, собаки, венеры, борцы, олени знакомы мне не менее сорока лет, однако тогда на их пьедесталах не было никаких надписей, а теперь под фигурами двух схватившихся гладиаторов мы видим рельефные, литые слова: «За коммунизм». Какие же могут быть сомнения у «доброго русского народа», что эти фигуры на Урале в царские времена не могли производиться. Есть великолепные модели фабрик, мельниц, элеваторов, пароходов — названия их: «Имени Ленина», «Имени Карла Маркса» или «Чичерин», но посмотришь повнимательнее и увидишь: где-нибудь сбоку помечено самим автором — «исполнил инженер Замурлыцкий в 1909 г.».

И много-много чудесного, интересного и поучительного на выставке, но все это мы видели или на бывших «всероссийских» выставках или… в музеях, а то так и — на старой Нижегородской-Макарьевской ярмарке. Что же касается мехов, кож, кружев, парчей или других богатых вещей, то мы еще не забыли оконные выставки Кузнецкого моста времен прошлого десятилетия. Но каждая выставка должна иметь какой-нибудь «гвоздь». И тут он тоже есть: это — громадный портрет Ленина, сделанный из разноцветных садовых растений. Произведение, действительно, художественное и делающее честь какому-то итальянцу, чье имя значится в низу портрета (если не ошибаюсь, Бенжамини).

Лично я полюбовался плакатами Никулина, графическими воспроизведениями некоторых рисунков Кустодиева, громадными деревянными статуями Коненкова и искусством иконописцев из Палеха (так называемых владимирских богомазов), которые, когда их товар не в спросе, стали на деревянных изделиях кустарного набора (на шкатулках, блюдах, столиках и т. п.) изображать иллюстрации к сказкам или песням, и, таким образом, бывшая мученица великолепно сходит за красную

девицу, пленившую целителя Пантелеймона, а ныне — лихача Кудрявича.

Был на выставке и иностранный отдел, ничем особенным нас не удививший (послали к нам — «на тебе, Боже, что нам негоже»). Зайдя там в уборную, я долго размышлял, кто к кому обращается с такой отчетливой просьбой: «С ногами не лазить». Иностранцы к нашему брату русскому невеже; иль мы к ним, просвещенным мореплавателям? В таких же учреждениях на территории русских экспонатов воспитательные плакаты смиренно просят посетителей соблюдать там «чистоту и вежливость».

Из вежливости к выставке, в общем, довольно симпатичной, я больше ничего про нее не скажу. Только разве еще две-три строчки. На экспонатах туркестанского плодоводства очень интересные названия: на одном яблоке «Император Александр», а на тыкве «Тайный советник». Подивишься, как могли сохранить такие наименования. Если тоже из вежливости, то к кому же, собственно?

С Японией ничего не вышло, в смысле помощи ей по случаю землетрясения. Пожертвования из советской России направляются туда для раздачи «только рабочим», а японское правительство заметило по поводу этого, что оно может принять пожертвования только в том случае, если «не будет никаких особых ограничений в способе распределения этих пожертвований».

Как будто в последних словах слышится опять «с ногами не лазить!». Не правда ли?

† 12-го октября н. ст. в Москве на Неглинном проезде произошла страшная катастрофа. Взорвался пороховой склад охотничьего магазина и произошел пожар. Разрушено несколько квартир в четырехэтажном доме. Погибших и раненых до ста человек.

4-го ноября у Никитских ворот открыт памятник К. А. Тимирязеву. Памятник из гранита. Может быть, постоит подольше, чем те памятники, которыми были испещрены все бульвары и площади (в 1918–1920 гг.) и от которых ничего теперь уже не осталось.

В Турции избран президентом республики Гази Мустафа Кемаль.

За всю осень в газетах только и читаешь, что о забастовках, выступлениях, развалах, дороговизне, голодных бунтах, конфликтах и «борьбах», происходящих в западных странах. Коммунисты там призывают рабочих быть «готовыми к решительному выступлению», а пока что фашисты тут, фашисты там. Сам Берлин ожидает их нашествия со стороны Баварии.

Министров-коммунистов в Саксонии подержали не долго. Явился имперский представитель и разогнал то правительство, в котором участвовали и коммунисты. То же самое ожидается и в Тюрингии. Бавария объявила свою самостоятельность. Пускай русские газеты и преувеличивают немецкие события, но там действительно беспокойно. Одно королевство тянет к монархизму, другое — к коммунизму; сам Бисмарк растерялся бы с таким политическим неравновесием. Настоящий глава германского правительства Штреземан хочет еще повоевать с фашистами и объявляет, что его правительство «имеет рейхсвер, полицию и пользуется поддержкой всего стремящегося к сохранению порядка населения». Во главе фашистских войск встал, между тем, известный генерал Фон-Дер-Гольц.

Червонец 7.650 р., газета 50 р., папиросы второго сорта 25 штук — 125 р., фунт голландского сыра 260 р., белого хлеба 80-100 р. Ах, да что тут переписывать, когда все идет хуже и хуже. За последние полмесяца я уже получил жалования 23 млрд. (вместе с сыном мы получим за этот месяц более 100 млрд.), а никак не могу собраться со средствами купить… железное ведро для воды.

31 дек. 1923 г./13 января 1924 г. Ведро все еще не куплено, и ищу покупателя на два вставных зуба с золотой коронкой. Надо бы, собственно, вставить еще шесть зубов, коих лишился в революционное время, но за благо рассудил пользоваться в остаток жизни своей остатками остальных 24-х зубов, т. е. не допускать в своих челюстях «искусственности». Может, и ведро купится благодаря такому героизму.

Двадцать четвертый год

Грядущий день расскажет то,
Чего не слушал бы никто…
Но в этом нет опасно рокового,
Со временем изменится оно:
Как гроздный сок ни бродит бестолково, —
Все выйдет под конец вино…
Что было дном — теперь вершина…

Гете, «Фауст», ч. 2

5/18 марта. Вот как долго не писал! Но это для того, чтобы окончательно отвыкнуть от записывания всего замечательного, что творится на земле с 19-го июля 1914 г. Слишком грандиозны эти события, чтобы мое перо увековечило их; я, как говорил Анатоль Франс, только лишь «обращаю минувшие беды в развлечение» для тех дней, когда мои внуки (если они будут) достигнут моего настоящего возраста.

Зима подходит к концу. Ее будут помнить как особенно студеную и многоснежную. Морозы доходили до 28° (в самой Москве), и в последние мартовские дни были еще по утрам 10-15-градусные морозы.

В Японии землетрясения без конца: 18-го января газеты сообщили, что опять было 50 подземных толчков, и оттого разрушено в Йокогаме 2.716 зданий, а в предместьях Токио — 10.000 зданий; погиб крейсер «Газа» водоизмещением 11.000 тонн, и, в общем, пострадали 22 города.

«Госпромцветмет» — это значит «государственная промышленность цветных металлов», и означает, что русский язык все более и более расцветает.

Сей високосный год принес советской России — сразу, в начале его — и ликования, и огорчения. Первые — по поводу признания Союза советских социалистических республик со стороны Англии, Греции, Италии, Швеции и множества других мелких стран. В Москву наехали послы, посланники разных «их величеств» — Калинин делает им в Кремле приемы, говорит приветственные речи, как какой-нибудь президент Французской республики, а наши «товарищи» заграничные послы перебираются в европейские посольские русские дворцы и, в свою очередь, представляются королям и правителям, уверяя их в советской

дружбе и сморкаясь уже в платки, а не между пальцами, как в то время, когда у нас процветал «военный коммунизм».

† А огорчение вот какое: и даже не огорчение, а гигантское ошеломление, которое встряхнуло, как видится, «весь мир»: 8/21 января 1923 года умер Ленин. По поводу его жизни, деяний, смерти, исторического значения и вечной славы сказаны все великие слова, которые только существуют. В результате приказано знать, что это — самый гениальнейший человек во все бытие человечества. Сам Христос, Магомет, Карл Маркс, Лев Толстой, Наполеон, Кромвель, Бисмарк, Гладстон, Петр Великий — мелочь в сравнении с ним.

Ленин (Владимир Ильич Ульянов) родился 10/23 апреля 1870 г. в Симбирске. Скончался 21-го января сего года в Горках (в 50 верстах от Москвы по Павелецкой дороге, в бывшем имении З. Г. Рейнбот) скоропостижно, при явлениях паралича дыхательных центров. Вскрытие тела, как засвидетельствовали профессоры Ферстер, Осипов, Абрикосов, Дешин, Бунак и доктора Гетье, Елистратов, Розанов, Обух, Вейсброд и Семашко, — обнаружило резкие изменения кровеносных сосудов кровяного мозга и свежее кровоизлияние из сосудов мягкой мозговой оболочки в области четверохолмия, что послужило ближайшей причиной смерти.

По постановлению 11-го всероссийского съезда советов день 21 января объявлен днем траура.

23-го января тело Ленина привезли в Москву и поместили в Колонной зале бывшего Благородного собрания. С этого дня до самого дня похорон, т. е. до 27-го января, происходило «поклонение» его праху. В течение этого времени прошло мимо его гроба до миллиона людей, большей частью направленных туда партийной, профсоюзной или служебной дисциплиной; но много было и его искренних почитателей, а также и любопытствующих. Шли днем и ночью. Морозы в те дни стояли 25-27-градусные, и это не остановило такого движения. В зале гроб стоял в пышной обстановке, среди живых цветов, роскошных драпировок, гигантских пальм, и под непрерывную сурдинку театральных и военных оркестров, игравших похоронные марши и траурные симфонии.

Рестораны, увеселения и все подобное всю неделю были закрыты.

Утром 27-го Ленина перенесли на Красную площадь и в 4 часа дня опустили в могилу, устроенную в центре революционного кладбища, но отступя от Кремлевской стены и свердловской (центральной) могилы немного на площадь, как раз против памятника Минину и Пожарскому.

К моменту опускания в могилу было дано распоряжение на всю Россию в 4 ч. дня прекратить всякое движение (железнодорожное, конное, пароходное), а на заводах и фабриках произвести свистки или гудки в течение пяти минут (на этот же срок прекращено и движение). После, в серии разных анекдотов, сочиненных по поводу этих небывалых похорон, был такой: когда жил Ленин, ему аплодировали, а когда умер — вся Россия свистала без перерыва 5 минут.

Кроме того, из центральных пунктов по всем передающим радио и по всем телеграфным аппаратам СССР был передан сигнал: «Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!» — и везде работа резко обрывалась. Наступала торжественная тишина, но через 4 минуты давался новый сигнал: «Ленин умер, — ленинизм живет!» — и работа опять началась.

Все эти штуки устраивала особая комиссия по устройству его похорон под председательством Дзержинского, обычного председателя всяких чрезвычайных комиссий.

В будущем памятники Ленину поставят, вероятно, не только в городах, но и в каждой деревушке. Пока же — бесчисленные переименования населенных мест, улиц, фабрик, училищ — в ленинские, в «Ильича», и т. п., а самое главное и самое нелепое — это переименование Петрограда в Ленинград, состоявшееся по постановлению ВЦИКа на другой или третий день после кончины Ильича. По этому поводу уже успели сложить легенду, что Ленин прислал с того света депешу, чтобы переименование это отменили, а то, — говорит, — Петр Великий покоя мне не дает, бегает за мной «с дубинкой» и кричит: «Ты у меня город украл».

Насчет памятника в Москве, на самой могиле теперь уже воздвигают что-то необыкновенное. Проекты один другого грандиознее. Сам Наркомвнешторга Красин выступил в «Известиях» со своим проектом, причем предваряет, что «это будет место, которое по своему значению превзойдет для человечества Мекку и Иерусалим». Могила Ленина представляет собой склеп, входом в который служит временный деревянный сарай с надписью «Ленин». Впрочем, ему придают архитектурные формы по рисунку Щусева. Самый гроб имеет стеклянное отверстие, через которое посетители склепа могут видеть забальзамированный труп великого Ильича. И таких любопытных до сих дней — по нескольку тысяч человек на каждый день. Ввиду близости канализационных труб поспешили придумать, что этот склеп на неделю превратился, вследствие неисправности трубы, в нечто непристойное. Действительно, целый месяц допуска туда не было, но это, вероятно, объяснялось необходимостью сделать удобства в этом подземелье как для сохранения трупа в показном

виде, так и для входа и выхода посетителей.

Заграничная печать, что полевее, тоже славила Ленина как величайшего человека, но и всякая другая — устами поэтов, писателей и государственных и общественных деятелей воздала должное его необыкновенной энергии, мужеству, уму и работоспособности.

На посту Председателя Совнаркома Ленина заменяет со 2-го февраля Алексей Иванович Рыков, бывший председатель ВСНХ. Составилось несколько обновленное правительство. Председатели ВЦИК СССР — М. И. Калинин, Г. И. Петровский, Н. Н. Нариманов и А. Г. Червяков, секретарь А. С. Енукидзе, председатель совета труда и обороны Л. Б. Каменев, председатель Госплана А. Д. Цюрупа, нарком иностранных дел — В. Г. Чичерин, военный — Л. Д. Троцкий, внешней торговли Л. Б. Красин, путей сообщения Я. Э. Рудзутак, почт и телеграфов И. Н. Смирнов, рабочей и крестьянской инспекции В. В. Куйбышев, труда В. В. Шмидт, продовольствия Н. П. Брюханов, финансов Г. Я. Сокольников, ВСНХ председатель Ф. Э. Дзержинский.

К 10-му марта цена одного червонца достигла 500.000 р. ден. знак. 1923 г. (т. е. 500.000.000.000), и с того числа начался выкуп ден. знаков, и мало-помалу внедряется твердая валюта. Эмиссия советских денег прекращается, и в обращении помимо червонцев остаются казначейские билеты в 5, 3 и 1 р. золотом, и выпущено серебро в 10, 15, 20 и 50 коп., а также — боны на мелкую монету в 1, 3, 5 коп. Сами же оставшиеся в обращении ден. знаки 1923 г. тоже превращены в твердую валюту, т. е. 500 р. равны одной коп., 1.000 р. — 2 коп., 5.000 — гривеннику, 25.000 — полтиннику, 50.000 — рублю, и т. д. Проводится в жизнь и «снижение цен», ибо впереди не будут присчитывать на разницу курса.

Посмотрим, что будет дальше, а пока стало похоже на «довоенное», если забыть о том, что все-таки и при золотом исчислении заработок служащего вдвое меньше довоенного, а цены на продукты вдвое дороже. Переходы со знаков 22-го г. на знаки 23-го г., потом на товарный рубль, затем на червонный, и сокращения, — все это, говорят, отняло у служащих как-то автоматически 30 % их заработка, и я почувствовал это на себе, получая в последнее время 58 р. червонных. Пришлось поискать службы более сложной, зато позволяющей проживать без нищенской нужды. Оно тем более нужно было, что сынок мой «разделил свои права на два, а заботы помножил на столько же», т. е. женился на барышне, из города Звенигорода Евгении Сергеевне Лебедевой-Лесиной (регистрирую в свои семейные списки). Дай Бог им совет да любовь!

Завтра иду на новую службу в «Заволжское госпароходство» в

качестве заместителя управляющего Московской транспортной конторой. Посулили 20 червонцев (т. е. 200 р. в месяц, недавно можно было сказать, что я получаю теперь 10 триллионов р.).

Пока пошла тенденция на снижение цен, но кто там знает, что «будет впереди»! Запишем «нынешние» цены, чтобы потом не поспорить с кем-нибудь: масло русское 90 к. ф., сало 60 к. ф., хлеб белый 13–20 к. ф., ржаной 5–6 к., картофель 5 к., мясо от 40 до 50 к., мука крупчатая 14 к., ржаная 5 к., подсолнечное масло 20–25 к., десяток яиц 50 к., икра паюсная 2 р. 50 к., 1 б. спирта 10 р., песок сахарный 27 к., сахар-рафинад 35 к., номер газеты 5 к., 25 шт. папирос второго сорта 16 к., коробка спичек 2 к., трамвайная станция 8 к.

Самое скверное в настоящей жизни — это поругание церквей и их служителей, а наисквернейшее — свара между ними самими, благодаря таким выскочкам, как Евдоким и Антонин, хотевшим, быть может, своими обновленческими стараниями и контактом с коммунистической властью поправить расстроенные церковные дела, а в самом деле — еще более расстроившие их и отвадившие многое множество верующих от своих приходов. Большинство еще идет за Патриархом, но сам-то он не может идти за большинством. Так урезали и опошлили его духовную власть и сан, что сами попы не знают, кого им слушать, и, кажется, никого уже не слушают, а их авторитет все падает и падает. На этом фронте большевики тоже побеждают, ибо такого малодушия в вере, как мы настоящие (по времени, а не по духу) «православные», в истории христианства еще не бывало.

Скверно еще жительственное обстояние. Наши уплотнители так расплодились, что нам самим плодиться негде. Вот мои «потомки»: сын — хоть врозь живи с молодой женой — негде спать вдвоем.

9-го ноября напечатаны телеграммы о занятии Тюрингии имперскими войсками и о разгроме рабочего правительства Тюрингии. В то же время много писано о беспорядках в Берлине, Мюнхене и Кракове. Это называлось «борьбой в Германии», «волнениями в Польше», но так как позднее все это угомонилось, то я и не останавливаюсь на таких известиях, не отмечая даже смены правительств, происходящих в этих странах. Несомненно, что там коммунисты тоже действуют, но пока без особого успеха, и по-прежнему царствует капитал, а не рабочий.

Убийцы Воровского Конради и Полунин признаны судом в Лозанне виновными лишь пятью голосами присяжных против четырех, а так как по швейцарскому кодексу для осуждения за совершение убийства большинства в один голос недостаточно, то Конради и Полунин освобождены от наказания. Проще сказать,

они как бы оправданы, и это дало повод обвинить швейцарское правительство, их юстицию и прессу в «неслыханном злодействе». Была после этого нота Чичерина, предающая всю Швейцарию бойкоту и презрению со стороны России.

Бывший германский Кронпринц приезжал в одно из своих немецких имений, его встречали там очень почетно.

В Греции будто бы провозглашена республика. Но король не подписал отречения, а только уехал в Бухарест.

Махно после бегства из Украины повоевал еще в Галиции и в конце концов оказался «белогвардейцем Польши», за что и был судим в Варшаве вместе со своими приближенными. Однако ему удалось доказать, что он шел не против поляков, а против русской советской власти, и вот, чтобы сохранить его дарования на случай войны с Россией, польский суд его оправдал, и 27-го декабря его освободили из концентрационного лагеря и позволили поселиться в Познани. Наши газеты и тут пошумели, как после процесса Конради.

Страшные японские стихийные бедствия как бы перевернули спокойное состояние земного шара. То и дело телеграммы о небывалых явлениях природы. 24–26 декабря в Черном море свирепствовал страшнейший шторм. Тонули и разбивались пароходы, портовые строения, баржи, у берегов моря опрокидывались в него целые поезда (в Анапе). Утонуло много народа, погибла масса имущества, грузов. В черноморских курортах ураганом вырваны с корнем экземпляры чудных и столетних редких деревьев; обезображены пляжи, парки, бульвары и т. д.

Во Франции несколько дней назад свирепствовала у берегов Атлантического океана исключительной силы буря. Погибло много судов и людей. В Париже разбушевалась Сена. Подъем воды необыкновенный; бедствие очень чувствительное и для такого богатейшего города.

И у нас в России (собственно, в центре, с Москвой включительно) тоже какая-то ненормальность. После длинной, скверной, плаксивой осени в ночь да 1-е декабря н. ст. выпал хороший снег, сразу давший санный легкий путь, продержавшийся с неделю; потом простояли две недели мокроватые, но перед Рождеством нового стиля подули ветры с холодной стороны и нанесли сугробы снега и открыли длинную серию морозов, не кончающихся до сего дня (канун Нового года по ст. ст.). Следовательно, и новые и старые святки прошли и проходят при одинаковой рождественской погоде. Снежные метели даже, как будто, преждевременны. Если не будет оттепели, и в январе и в феврале обычные снегопады «не

отменяются», то по обилию снега это будет зима, которой не запомнят самые глубокие старцы. Вчера морозу было (в Москве) 18° по Реомюру, сегодня немного помягче, и без метели.

По официальному сообщению ГПУ, подписанному самим Дзержинским, в декабре месяце арестовано около тысячи человек «нэпманов», т. е. биржевых дельцов, игроков в карты; рулетку, лото, тотализатор, рестораторов, аферистов, содержателей притонов и «тому подобных». Все они подвергнуты административной ссылке в отдаленные края «с отобранием имущества». Их квартиры со всей обстановкой отданы в пользование «рабочих». И этим дело не ограничилось. Аресты продолжаются. Одних жуликов убирают, а на их место готовятся другие. «Все это было, было!» В связи с этим поговаривают, что в правящей партии восторжествовала левая с Дзержинским и Бухариным во главе. И что оппозиция, т. е. коммунисты поправее, лишается своих прерогатив. Даже сам Троцкий не удержался. Был выпущен бюллетень о состоянии его здоровья, подписанный всеми «лейб-медиками». По бюллетеню выходит, что у него непроходимая лихорадка, «побледнение», «похудение» и «понижение работоспособности», так что мы, мол, воспрещаем ему в течение двух месяцев заниматься какими-либо делами и предписываем немедленное климатическое лечение. Разве это не ссылка? Посмотрим на «деяния» 11-й Московской губернской конференции РКП(б), законченной вчера. Принята резолюция по докладу тов. Каменева, в которой, между прочим, выражается «сожаление, что тов. Троцкий допустил явно политическую ошибку, выступив со статьей, которая обозначала срыв единогласного решения ЦК и ЦКК. Это выступление, помимо неправильных положений (о партаппарате и молодежи), содержало в себе попытку опорочить работу руководящих учреждений партии.» Поэтому конференция выражает уверенность, «что признание тов. Троцким сделанной им ошибки было бы лучшим способом наиболее безболезненно ликвидировать неслыханно обостренную этим выступлением тов. Троцкого борьбу в партии». Эта резолюция принята большинством 325 голосов, против 61-го голоса, стоявших за резолюцию Преображенского, одного из сторонников Троцкого. Как-никак, а чувствуется в ядре большевиков трещина довольно заметная.

В декабре месяце поговорили мы и с Америкой. 16-го Чичерин послал телеграмму самому Кулиджу, Президенту Соединенных Штатов. Мы, дескать, вполне готовы обсудить с вашим правительством установление прочной дружбы с Америкой, мы готовы вступить в переговоры об улаживании

вопроса о денежных претензиях Америки к России. Сам Кулидж ничего не ответил Чичерину, но американский министр иностранных дел передал по телеграфу американскому консулу в Ревеле для передачи Чичерину текст его заявления, сделанного с одобрения Кулиджа в сенате. А в этом заявлении говорилось: сейчас не может быть речи о переговорах, так как американское правительство, как и Президент в своем послании конгрессу заявили, что они не намерены менять своих принципов. Если советское правительство изъявляет готовность вернуть американским гражданам конфискованное имущество или дать соответствующую компенсацию за него, то пусть оно это совершит. Если советское правительство готово отменить декреты о непризнании русских долгов и признать их, то пусть оно это сделает. Для этого не нужны ни конференции, ни переговоры. Все эти намерения могут и должны быть выполнены в Москве как доказательство искренности желаний советского правительства. Чрезвычайно серьезен также факт все продолжающейся пропаганды за ниспровержение существующего у нас строя. Американское правительство не может входить ни в какие переговоры до тех пор, пока Москва не перестанет быть центром этой пропаганды.

Я тут везде пишу «новое Рождество, старое Рождество», как будто Христос дважды родился. Но пришлось праздновать два раза. Занятий не было по новому стилю, зато церковные службы Рождеству состоялись тогда только в «обновленческих» церквях, куда пошла какая-нибудь тысяча отколовшихся или любопытных москвичей. В старое же исконное Рождество, т. е. 7-го января н. ст., все церкви были переполнены и во Всенощную, и в заутреню, и за ранней обедней, и за поздней. На занятия шли безропотно, но помолившись и истинно «разговевшись». Говорят, большинство заводов и фабрик работало, но частные магазины, рынки, заводы и мастерские положительно не действовали. В деревнях безусловно праздновалось старое Рождество. После стали разбираться в этом явлении, и, как пишут, 5.500 торговцев подверглись штрафу от 50 до 300 червонных рублей за неоткрытие «седьмого января своих лавок». В связи с этим пошли придирки к Патриарху. Наркомюст за подписью Крыленко разослал всем губернским и областным прокурорам циркуляр, в котором разъясняется, что «публичное чествование лиц, осужденных и находящихся под судом, в частности, в отношении гр. Белавина (Тихона), чествование, выражающееся в упоминании имени лица в молитвах, прошениях и т. п., с присоединением к этому звания, по состоянию в коем это лицо совершило вменяемое ему преступное деяние, является деянием уголовно

наказуемым». Дальше смутно как-то, но определенно рекомендуется не заключать договора с группой верующих, «взявших в пользование храм», нелояльно относящихся к постановлениям судебной власти республики. Последний абзац я понимаю так, что если мы сторонники Тихона, не признающие самозванного синода, возглавляемого Евдокимом, то «в наше пользование» не дадут ни одного храма.

Евдокиму, конечно, нестерпимо обидно, что «на него» не идут, а на Тихона валом валят, и вот он доносит власти о нашем якобы контрреволюционном праздновании по старому стилю. Однако сам Тихон — за новый стиль, еще 10-го декабря он подтверждает своему духовенству и мирянам, что его воззвание от 1-го октября 1923 г. остается в силе для всех верующих. И лишь в зависимости от местных условий благословляет в некоторых приходах или епархиях празднование Рождества справлять и по старому стилю. А «местные условия» — это как вот сказалась в этот раз у нас в Москве чисто народная, родовая приверженность к старому календарю. Никаких заговоров между «верующими» ни перед старым, ни перед новым Рождеством не было, но все «точно сговорившись» 25-го декабря в церковь не ходили, а 7-го января валом повалили.

Про старое Рождество в газетах намекнули только циркуляром Крыленко да оштрафованием праздновавшей Сухаревки, а про новое писали так: «Комсомольское рождество прошло в этом году в Москве весьма оживленно, при массовом участии рабочих, работниц и красноармейцев. В аудитории имени Д. Бедного (бывш. Пименовской церкви) собралось около 2.000 человек молодежи и беспартийных рабочих. С большим вниманием был заслушан антирелигиозный доклад тов. Захарова», и т. д. Далее подробное же описание других клубских «всенощных». И в общем, говорят «Известия», по Москве было проведено около ста собраний. Инсценировки, игры, пляски и пение происходили до 7–8 ч. утра. По приблизительному подсчету, в рождественских торжествах молодежи участвовало не менее 70.000 человек, причем тысячи народа лишены были возможности участвовать из-за тесноты помещений.

Кстати о храме в Пименовском переулке, превращенном в «комсомольскую аудиторию имени Демьяна Бедного». Вот какая теперь там обстановка (выписываю из тех же «Известий»): Расписанные живописью своды и стены, с крестами, «агницами», распростертыми крыльями «святых», ниже, в рамах и окладах, на месте икон, — портреты вождей революции, — плакаты с изречениями: «Религия — опиум для народа», и т. п. В зимнем храме направо и налево от входа — ряды щитов со стенными

газетами фабрик, заводов и организаций. Они любопытны и разнообразны. На правом и левом алтарях, — внутренность их пуста, — плакаты паука-крестовика, портрет лейтенанта Шмидта, изречения. В летнем, более просторном храме, в открытых царских вратах — бюст Карла Маркса; в позолоте иконостаса — портреты Ленина, Троцкого, Либкнехта. Северные врата закрыты красным знаменем. В алтаре пусто. На иконе против царских врат надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Вообще гонения на церковь, обряды и христианские традиции обостряются с каждым днем. На 1924-й год нет ни одного календаря с воспроизведением хотя бы в скобках церковных памяток. Вот, например, передо мной отрывной календарь государственного издательства: «13 января, воскресенье. Петр, Иаков, Иринарх, Камилл, Фронда, Вероника, Сейя, Беата, Аркадия», — и все. Что это? Святые, христиане, магометане? Ничего не пояснено. Заглянуть в другие числа, — там и Ундина, и Грация, и Атланта, и Амур, и т. д, и т. д. Все вперемешку — и православное, и вымышленное, до «Октябрины» и «Маркса» включительно. Видимо, хотят развести младенцев с интернационалом от материна молока. Да так оно и повелось. Вот вам одно из последних «придворных известий»: «Октябрины в Кремле: вчера вечером состоялись в Свердловском зале (кажется, это бывший тронный зал, Андреевский, в Большом кремлевском дворце) при весьма торжественной обстановке первые в Кремле «октябрины», устроенные ком. ячейкой Кремля, при участии клуба имени Свердлова. Акт октябрин был совершен над младенцем, привезенным в Москву его родителями Грачевыми, беспартийными крестьянами из села Троицы Калининской волости Тверской губ. Грачевы — земляки «всероссийского старосты», М. И. Калинина. Приемным отцом был сам Михаил Иванович, приемной матерью тов. Горчакова.»

Затем идет верноподданническое описание всей этой комедии, заменившей Св. Крещение. Младенцу дали имя Владимир, но, конечно, не в честь святого Владимира, а в честь «Ильича». Говорилось много речей, в которых не преминули поглумиться над «старинными церковными обрядами, сковывавшими человека с момента его рождения до самой смерти». Были и «подношения»: какая-то юная «пионерка» передала младенцу «значок и форму», комиссар военной школы ВЦИК — «красную звезду», а родителям этого принца «представитель рабочих и служащих ВЦИКа» поднес *на пеленки* (это, должно быть, нечто «цивильное»).

Наряду с этим «со всей России» летят донесения по радио и телеграфу об «октябринах», проделанных то там, то тут над

новорожденными ребятами.

Все еще тешимся. Все еще не сделаемся взрослыми!

Заодно уж прославлю митрополита «господствующей» церкви, Евдокима, именующего себя председателем святейшего синода. На днях, как сообщают «Известия», Евдоким обратился к главнейшим американским газетам с телеграммой, в которой, между прочим, говорится, что «у нас нет ни «советской» церкви, ни «красной» церкви, ни «живой» церкви. У нас есть только «Единая» совершенно свободная от прежнего гражданского засилия при царях «Святая Соборная Апостольская Церковь». Управляется наша Церковь святейшим синодом, состоящим из двенадцати старейших и ученейших иерархов, двадцати лучших пресвитеров и мирян. В своих рядах мы насчитываем свыше 250 епископов. Все 100 русских епархий с нами. Последователи бывшего Патриарха Тихона, обманутые несбыточными политическими надеждами, возвращаются к нам ежедневно массами», и т. д.

Достаточно прочитать 2–3 предыдущих страницы, чтобы понять, свободна ли церковь теперь «от гражданского засилья» и какие «массы» с Евдокимом (вероятно, только вышеперечисленные «старейшие и ученейшие иерархи» да «лучшие 20 пресвитеров и мирян»).

Говорят, что в храме Христа Спасителя в самое Рождество, отпразднованное там, конечно, по новому стилю, было не более 300 человек, а вот я был на престольном празднике в храме Василия Кессарийского на Тверской, где служил всенощную Патриарх (1 ян. ст. ст. память св. Василия), так там было не менее 5.000 человек, да столько же не вошло в храм за переполнением его. И что примечательно: трещал морозище, градусов 16, а ведь не все же 10.000 живут поблизости от храма. Многие, значит, пришли или приехали издалека. Теперь попусту не разъездишься. Сегодня одна трамвайная станция стоит 350 млн., полторы — 500, а две — 650. Не испугал «обманутых несбывшимися политическими надеждами мирян» и циркуляр Крыленко, согласно с которым такое почитание находящегося под судом «гражданина Белавина» является «деянием, уголовно наказуемым». И благодаря Бога, сего «гражданина» священнослужители и поющие величали «Великим господином нашим, Святейшим Патриархом Московским и всея России».

Кому пошлет еще свою ноту ученейший иерарх Евдоким, прослышавши, что те «массы», которых он улавливает себе с помощью советских прокуроров, по-прежнему льнут к разжалованному им и Антонином Патриарху!?

Кстати об Антонине. Этот и себя разжаловал, то именовался

«Митрополитом Московским», а теперь подписывается и называется только «епископом». Но при этом он считает себя главой выдуманной им самим «церкви возрождения», а тот храм, в котором он «представляет», зовет «кафедральным собором» (это нижний храм бывшего Заиконоспасского монастыря, что на Никольской улице). Там, говорят, собирается в торжественных случаях человек по 200, и это, конечно, вся его паства. Так что зачем ему свой синод, свои викарные, а между тем, в его организации все это тоже имеется.

На фронтоне университетского храма, превращенного, конечно, в клуб, была всем давно известная и симпатичнейшая надпись «Свет Христов просвещает всех». Как это подходило именно к университетской церкви! А теперь там написаны только два слова: «Наука — трудящимся». Хоть и на ученом здании, а довольно глупо. Божественная-то наука была для всех, и особенно она нужна для «нетрудящихся», ибо она сама по себе — призыв к труду, к труду неустанному, не только для себя, но и для други своя!

К концу года я совсем было забросил свои «мемуары». Для чего, думаю, портить бумагу и терять время. Прославить себя этим писанием мне «не дано». Нет таланта и умения. Комплект газет за эти годы куда интереснее моих кустарных записок. Сотни, а может и тысячи людей теперь только тем и занимаются, что заносят в свои дневники творящуюся метаморфозу нашей жизни. Пишут изгнанники, пишут «белогвардейцы», пишут и озлобленные, пишут и осчастливленные новой жизнью. Мое же потомство в «юбилейные» годы будет читать все, что я записал тут, — в действительно талантливом и ловком изложении. А может, и того читать не будет, потому что оно уже взрослое и само уже участвует в этом злосчастном десятилетии. Наконец, у меня нет еще своих внуков, которые могли бы лет через 50 позабавиться, почитать, что там полуграмотно нацарапал их дедушка про «великое» время. Есть у меня внучата двоюродные и троюродные, да для них я не родной близкий человек, а «дальний родственник». Однако решил дотянуть еще до 19-го июля 1924 года (если сам «дотяну» до этого дня в добром здоровьи). Тогда как раз исполняется десятилетие агонии старой (великой) России, или десятилетие трудных, бесконечных родов новой (загадочной) России.

Последние годы я, живя в самой Москве, как видите, безвыездно, — все-таки плохой наблюдатель новой жизни. Она, как почитаешь и послушаешь, уже достаточно отражена в литературе, на сцене, в живописи и скульптуре (и даже в музыке); но я нигде не бываю: на уличных торжествах — по несочувствию,

в театре — по недостатку средств (случается — сходишь в электрический, и когда там требуют за самое дешевое место 2–3 млрд., знаешь, что в «настоящий» театр надо нести 10, а то и больше миллиардов. Впрочем, это только 50 к., или 2–3 р., так как золотой рубль по вчерашней котировке стоит 4.600.000.000 р., или 4.600 р. ден. знаками 1923 г.).

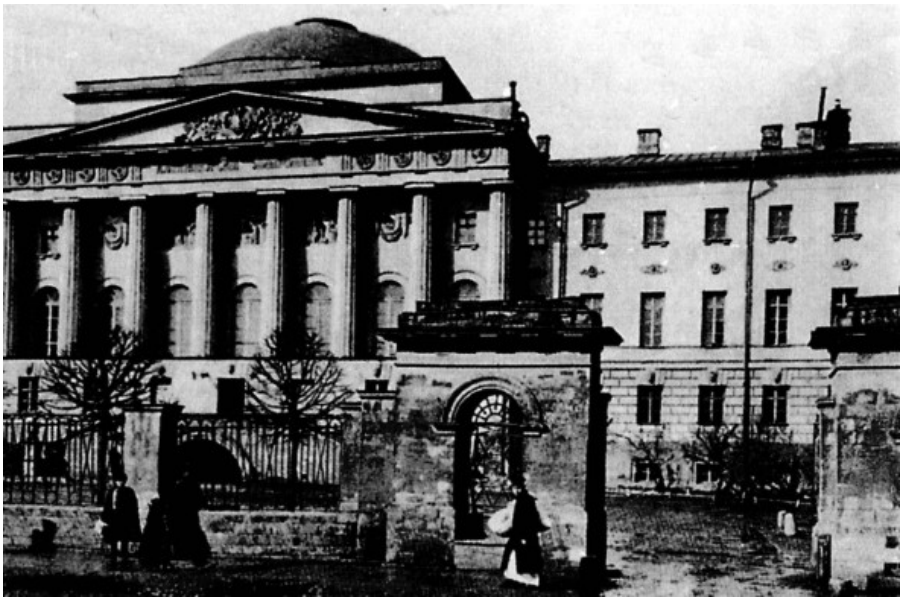
Все стонут, жалуются, а живут. И правда, должно быть, как кто-то сказал, что надо всем жить, чтобы несчастному примириться, а счастливому поучиться. Дай Бог и нам прожить хотя бы только для «примирения»!

(Конец рукописи, страница 1372-я.)

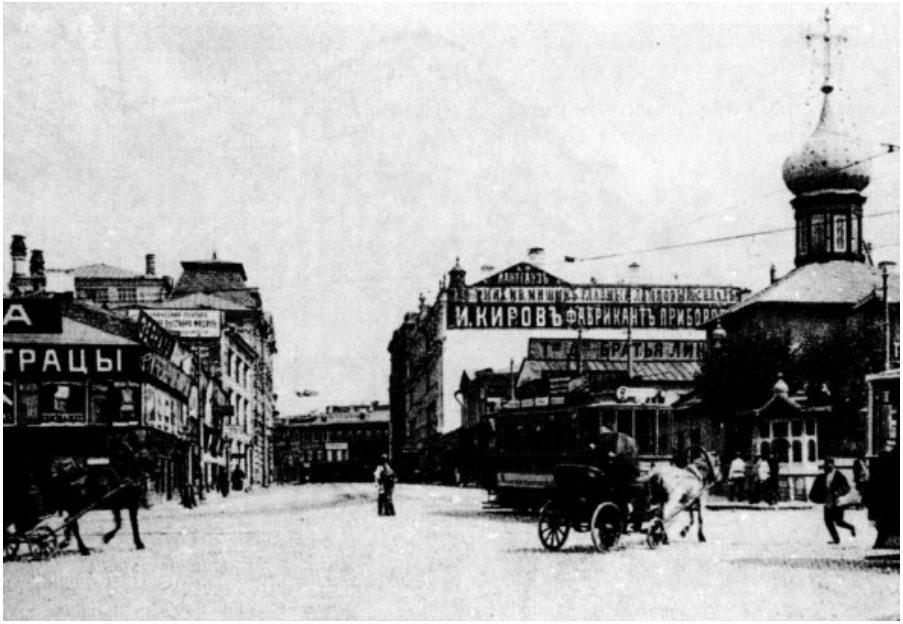
Иллюстрации

Памятник-крест (по эскизу художника В. Васнецова) в Кремле на месте гибели в 1906 году московского градоначальника великого князя Сергея Александровича, убитого эсером-террористом Каляевым. Крест снесен в 20-х годах

Церковь Спаса на Бору в Кремле. Впервые построена деревянной в 1272 году. Несколько раз перестраивалась, последний раз в 1737 году при Анне Иоанновне. Снесена в 20-х годах



Вид с Моховой улицы на старое здание университета (построено по проекту архитектора М. Казакова в 1782—1793 гг., сгорело в 1812 г., а в 1817—1819 гг. восстановлено в стиле ампир архитектором Д. Жилярди)



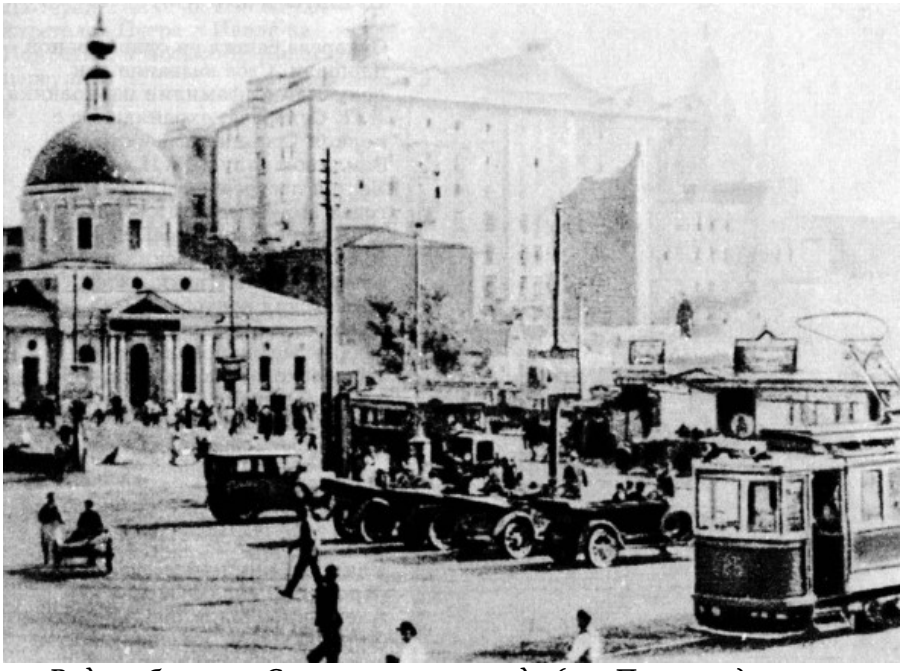
Мясницкая улица. Справа — церковь Гребневской Божьей Матери (основана в 1472 г., каменная церковь построена в XVI в., перестраивалась в 1711 и 1850 гг.). Церковь разобрана в 1926 – 1935 годах

Улица Покровка. Слева — церковь Успения Божьей Матери в Котельниках, одна из красивейших в старой Москве, построена в конце XVII века, снесена в 1936 году

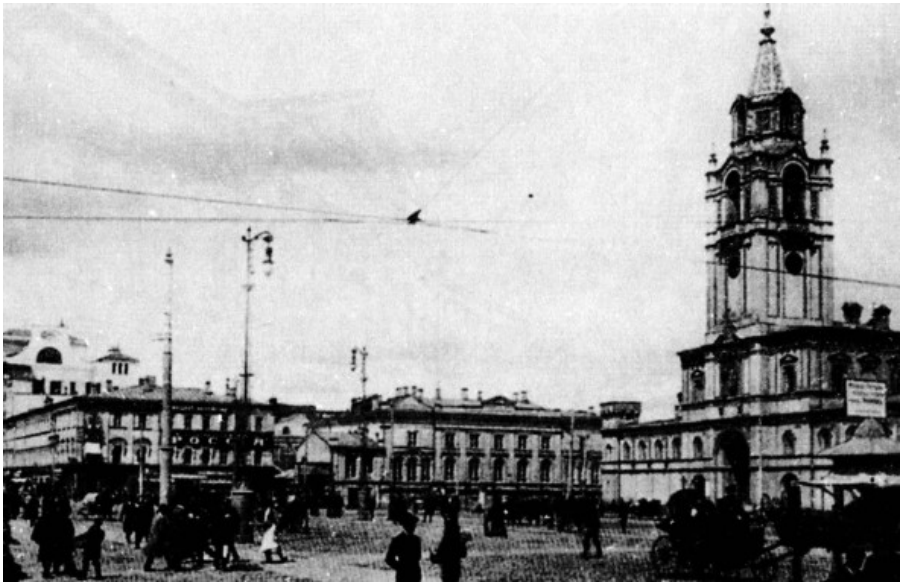
Торговля на Каретной-Садовой улице. 1921

Улица Моховая. Слева — флигель университета, справа — двухэтажные дома, в нижних этажах которых размещались книжные магазины, а в верхних снимали меблированные комнаты студенты. Эти дома были снесены в 30-х годах

Первый московский автобус



Вид на бывшую Страстную площадь (пл. Пушкина)

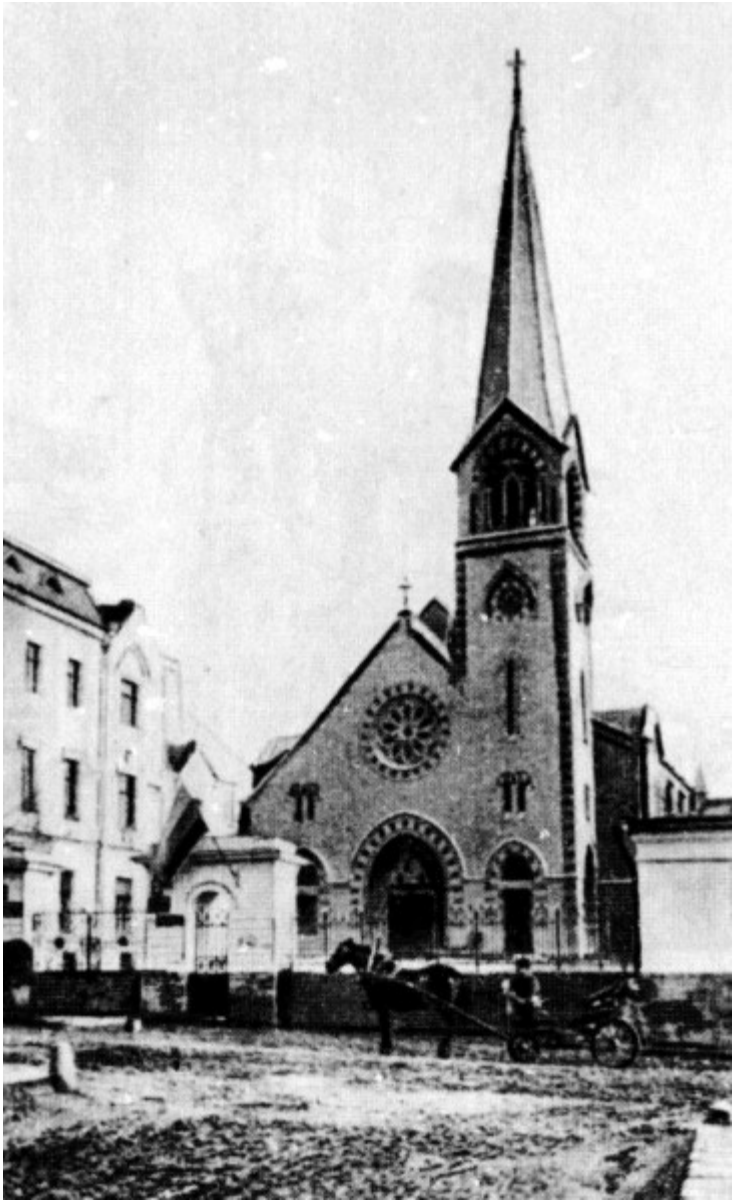


Вид на Страстной монастырь (основан в 1654 г.), снесенный в 1937 году. Слева от колокольни виден знаменитый «дом Фамусова» (не сохранился, как и все другие сооружения на Страстной площади)

Сухарева башня на одноименной площади. Свое название они получили от фамилии полковника Л. П. Сухарева, охранявшего с полком Сретенские ворота на Земляном валу в XVII веке.

Башня построена в 1692–1695 годах архитектором М. Чоглоковым. В ней находилась Школа математических и навигационных наук, затем московская контора Адмиралтейской коллегии, с 1830 года — водонапорная башня московского водопровода, в советское время — Московский коммунальный музей. В 1934 году башня была разобрана

Улица Пречистенка (Кропоткинская). Справа — Александро-Маринский институт (архитектор М. Казаков) для дочерей офицеров и врачей Московского военного округа. Институт находился под патронажем императрицы Марии Федоровны



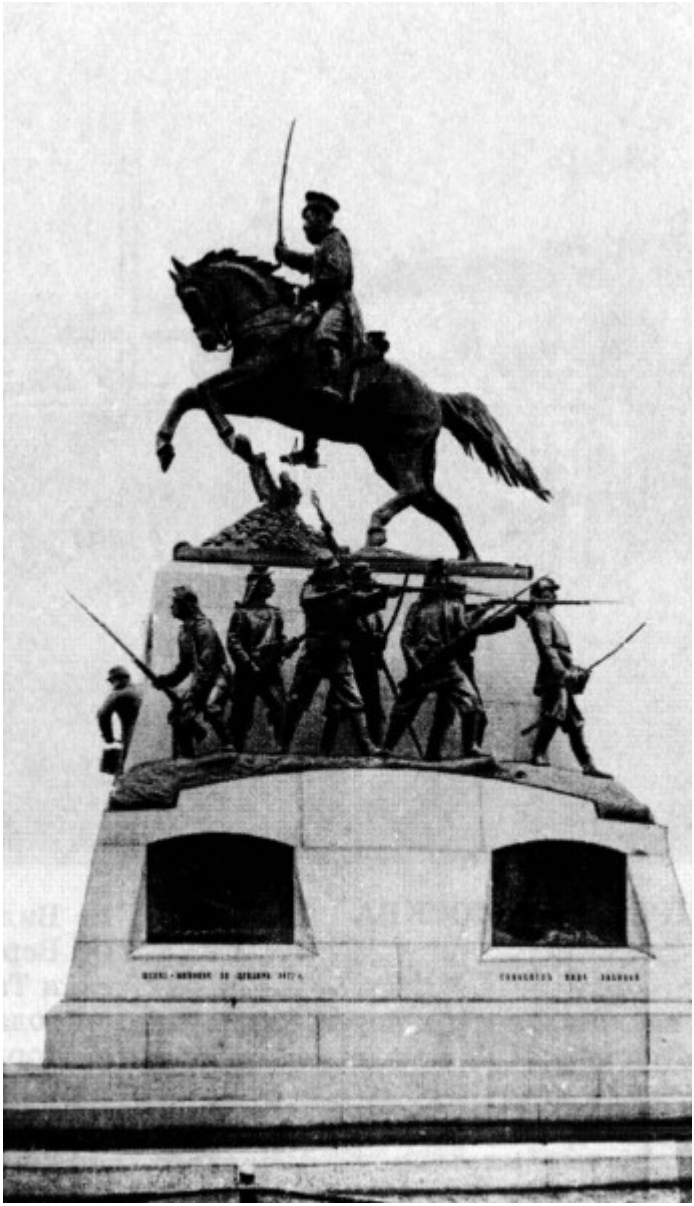
Лютеранская церковь святых апостолов Петра и Павла на Покровке, в Косьмо-Дамианском переулке

Воспитательный дом на Москворецкой набережной для незаконнорожденных младенцев и подкидышей. Построен в 1764–1790 годах. После революции здесь размещался Дворец труда, а с 1938 года — Военная академия им. Ф. Э. Дзержинского

Красные ворота. Построены (деревянные) в 1742 году в связи с коронацией Елизаветы Петровны, сгорели в 1748 году. Возобновлены архитектором Д. Ухтомским в камне (1757 г.), в точности повторившим композицию деревянных. В 1928 году ворота были снесены, как и находящаяся слева церковь Трех Святителей, построенная в 1699 году

Арбат. Вид от Смоленской площади. Справа — церковь Святой Троицы, построенная стрельцами в 1650 году и перестроенная в 1739–1741 годах. Разобрана в 1931 году

Тверская улица. Вид от Георгиевского переулка и Тверской (Скобелевской, Советской) площади. Запечатленная на снимке застройка снесена в 30-х годах, а здание Саввинского подворья (справа, с башенками) передвинуто в глубь квартала



Памятник генералу М. Д. Скобелеву. Снесен в 1920 году. Сначала на его месте был установлен монумент «освобожденному труду», а в 1947 году памятник основателю Москвы князю Юрию Долгорукому

Вид от Пустой (Марксистской) улицы на Верхнюю Таганскую площадь и Таганский проезд. После пожара 1812 года на площади построены каменные торговые ряды по проекту архитектора О. Бове, разделившие Таганскую площадь на Верхнюю и Нижнюю. Ряды просуществовали до 1963 года

Кузнецкий мост

Триумфальные ворота в ознаменование победы над французами в 1812 году возле Александровского (Белорусского) вокзала. Разобраны в 1936 году, в 1966 году их копия установлена в конце Кутузовского проспекта

Румянцевский музей в доме Пашкова (построен архитектором В. Баженовым в 1784–1788 гг.). В 20-х годах музей был закрыт, а его библиотека вошла в фонд созданной Библиотеки им. В. И. Ленина (ныне Государственная библиотека РФ)

Продавец рыбы

Щетки на все вкусы

Обитатель Хитрова рынка

Уличный продавец

Каланчевская (Комсомольская) площадь. Вид на Николаевский (Ленинградский) и Ярославский вокзалы. Первый построен по проекту архитектора К. Тона в 1844–1851 годах, второй — в начале XX века по проекту архитектора Ф. Шехтеля

Смоленский рынок в 1921 году

Памятник Александру III

Храм Христа Спасителя с юго-востока (со стороны Пречистенской набережной). Воздвигнут в память Отечественной войны 1812 года в 1837–1883 годах по проекту архитектора К. Тона. Справа от храма пьедестал, на котором находился памятник Александру III

Вид на храм от Берсеневской набережной на левый берег реки Москвы. Слева — доходный дом, построенный архитектором

Н. Жуковым по эскизам художника С. Малютина в 1906–1910 годах. Храм Христа Спасителя снесен в 1931–1932 годах. Ныне возводится заново

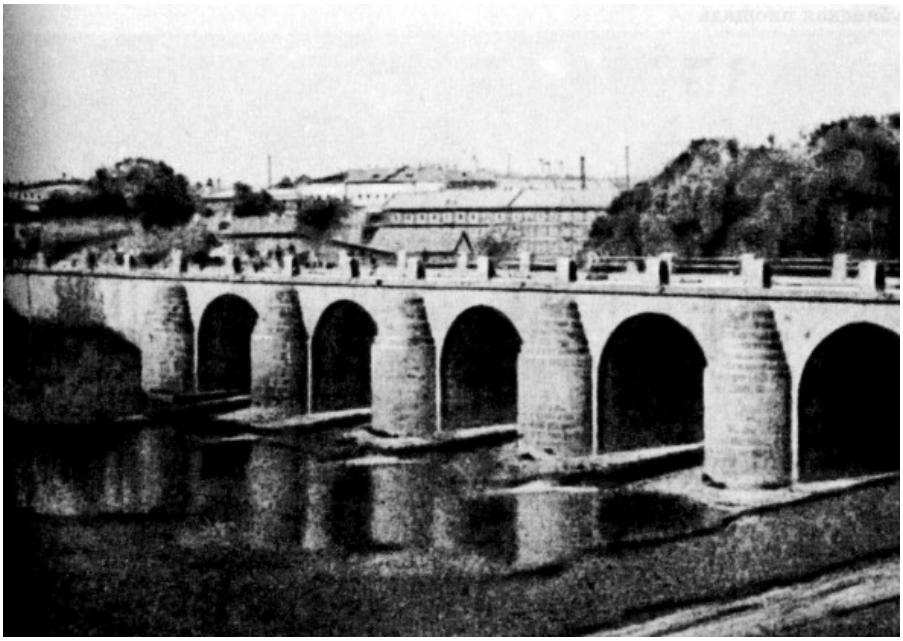
Храм во время разборки

Храм после взрыва

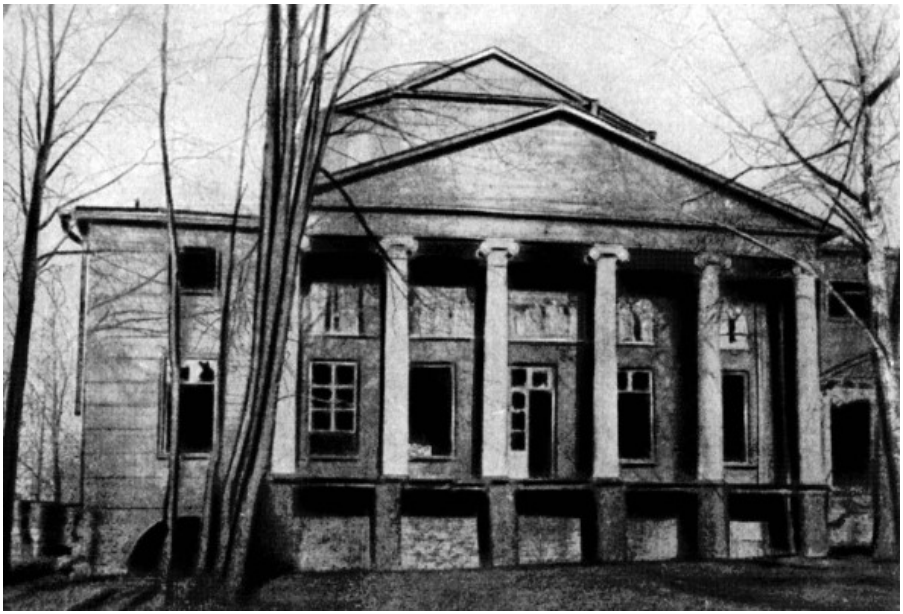
У Покрова в Голиках, где жил А. Н. Островский

Погост церкви Панкратия близ Сухаревки (не сохранился)

Дом-голубятня конца XVIII века за Донским монастырем



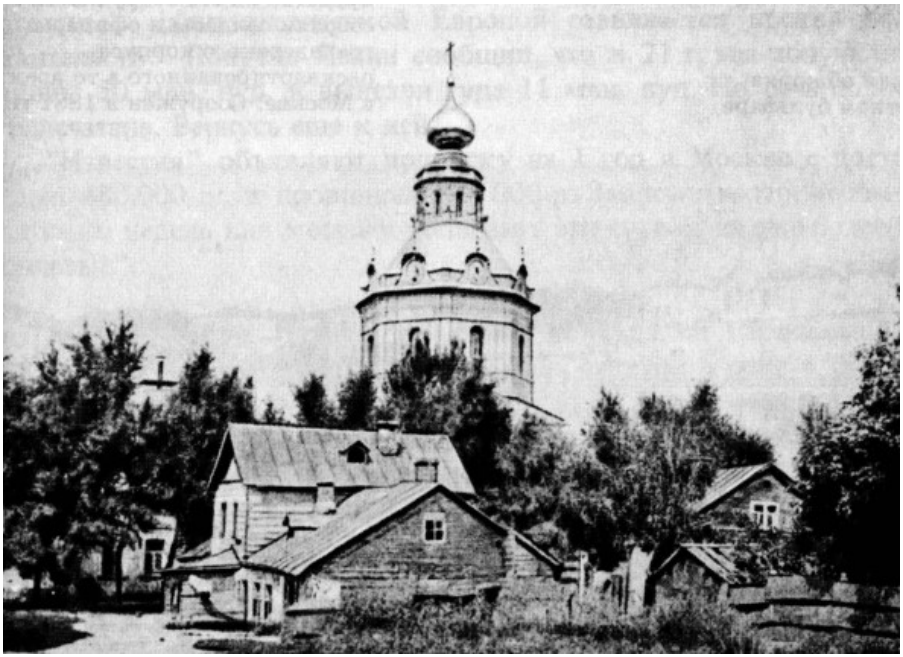
Дворцовый мост на Яузе, построенный в 1774 году (не сохранился)



Дом в Преображенском, где бывал А. С. Пушкин (не сохранился)

Лубянская площадь

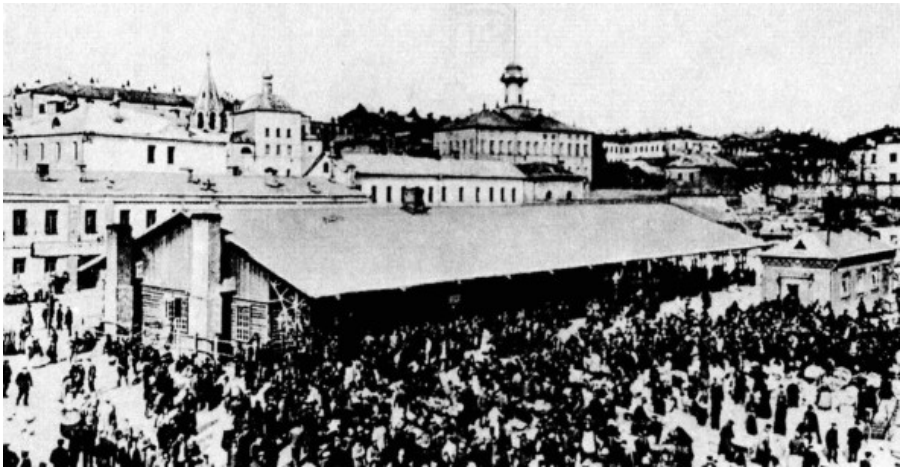
У Николы на Драчах



У Пятницы на Пятницкой

Плевненский памятник за Ильинскими воротами. Средства на

его сооружение собрали солдаты и офицеры гренадерского корпуса, расквартированного в то время в Москве. Сооружен в 1887 году



Народная обжорка на Цветном бульваре

notes

1

На службе у себя видел бумагу за подписью «Зампредценкомпутьдезертир» — еще «орлистее», еще закоулистее.

2

На самом деле этот бюллетень скрывает первый удар Ленина, при котором отнялась речь и вся правая сторона.